

ПЭМ
ДЖЕНОФФ

ИСТОРИЯ СИРОТЫ

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

ПЭМ
ДЖЕНОФФ

A vintage-style photograph of a woman hugging a child on a train platform next to a wooden train car. The scene is set in a rural, wooded area with a wooden lattice structure on the left. The overall tone is nostalgic and somber.

ИСТОРИЯ СИРОТЫ

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

Дженофф Пэм
История сироты
Роман

Посвящается моей семье

Pam Jenoff
The Orphan's Tale

* * *

Печатается с разрешения издательства Harlequin Books S.A. и литературного агентства Prava I Prevodi International Literary Agency.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Pam Jenoff, 2017

© Пахомова В., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

Париж

Они, должно быть, уже хватились меня.

Я останавливаюсь на гранитной ступени музея, потянувшись к перилам, чтобы удержать равновесие. Мое левое бедро пронзает боль – она острее, чем когда-либо, – прошлогодний перелом прошел не до конца. В сумерках над Авеню Уинстона Черчилля за силуэтом стеклянного купола Большого дворца розовеет мартовское небо.

Я осматриваю арку входа в Малый дворец. На массивных каменных колоннах на высоте второго этажа висит красная перетяжка: «Deux Cents ans de Magie du Cirque»^[1]. Она украшена гирляндой из слонов, тигра и клоуна, хотя в моих воспоминаниях цвета на этой гирлянде были гораздо ярче.

Надо было сказать, что я буду здесь. Хотя тогда они просто попытались бы остановить меня. Мой побег – я планировала его на протяжении нескольких месяцев с тех пор, как прочла про выставку в «Таймс», – был тщательно продуман: я дала взятку сиделке в доме престарелых, чтобы она переслала мою фотографию в паспортный стол, оплатила билет на самолет наличными. Меня едва не поймали, когда такси, которое я вызвала, остановилось перед зданием в предрассветной темноте и громко посигналило. К счастью, охранник на входе так и не проснулся.

Собравшись с силами, я продолжила карабкаться наверх, один болезненный шаг за другим. Внутри, в холле, церемония открытия уже в самом разгаре: мужчины в смокингах и женщины в вечерних платьях собрались под затейливо разрисованным куполом. Французская речь струится вокруг как давно забытый аромат духов, который я жадно вдыхаю. Всплывают знакомые слова, сначала понемногу, потом поток становится все шире, хотя я не слышала их уже полвека.

Я не останавливаюсь на ресепшене: здесь никто не ожидал моего приезда. Вместо этого, уворачиваясь от официантов с закусками и шампанским, я иду мимо украшенных фресками стен по мозаичному

полу прямо к выставке про цирк, вход на которую также отмечен перетяжкой, похожей на ту снаружи, только меньшей по размеру. Здесь есть фотографии, они увеличены и висят на леске столь тонкой, что ее практически не видно: плотатель шпага, гарцующие лошади и еще больше клоунов. Список имен на табличках под изображениями звучит точно песня: Лорх, Д'Оньи, Нойхофф – великие европейские династии цирковых артистов, уничтоженные войной и временем. На последних фамилиях у меня защипало в глазах.

Высоко над фотографиями висит длинная потрепанная афиша: женщина, изображенная на ней, висит в воздухе на шелковых канатах под руками и загибает ногу назад в арабеске^[2]. Ее юное лицо и тело мне кажутся смутно знакомыми. В голове начинает играть мелодия карусели, звук тихий, дребезжащий, как из музыкальной шкатулки. Я чувствую жар прожекторов, которые ищут меня, столь горячий, что, кажется, вот-вот спалит мне кожу. Посреди выставки висит трапеция, закрепленная как будто в полете. Даже сейчас ноги – хотя им уже почти девяносто лет – тянут меня к ней.

Но для воспоминаний нет времени. На то, чтобы добраться сюда, ушло больше времени, чем я предполагала – как и со всеми занятиями в моем возрасте, – и теперь нельзя терять ни минуты. Проглотив ком в горле, я иду вперед, проходя мимо костюмов и головных уборов – артефактов исчезнувшей цивилизации. Наконец я добралась до вагончика. Часть боковых панелей убрали, чтобы открыть вид на маленькие койки внутри, близко расположенные друг к другу. Я обескуражена размером вагончика, он меньше половины моей комнаты в доме престарелых. Раньше он казался мне гораздо больше. Неужели мы действительно жили здесь по несколько месяцев кряду? Я протягиваю руку, чтобы дотронуться до подгнившего дерева. Я узнала его сразу же, как только увидела в газете, но где-то в глубине души очень боялась в это поверить, до сегодняшнего дня.

Голоса позади меня становятся громче. Я быстро оглядываюсь. Гостей в зоне ресепшена становится слишком много, и они постепенно приближаются к выставке. Еще пара минут – и будет слишком поздно.

Я еще раз оглядываюсь, затем нагибаюсь, пролезая под ограждение. «Прячься», – говорит мне внутренний голос, инстинкты, спящие глубоко во мне, снова просыпаются. Я провожу рукой по

днищу вагончика. На дне есть небольшое отделение, там, где я и ожидала его найти. Дверцу заклинило, как бывало и раньше, но если я немного надавлю... Она распахивается, и я представляю, какой прилив воодушевления чувствовала юная девушка, надеясь обнаружить там наскоро написанное письмо, приглашение на тайное свидание.

Просовываю руку внутрь, однако пальцы натываются на холодную темную пустоту. Ящик пуст, и моя надежда на то, что в нем могли быть ответы на мои вопросы, рассеивается, как утренний туман.

Глава 1

Ноа

Германия, 1944 год

Низкий звук напоминает мне гудение пчел, которые однажды преследовали папу по всей ферме, после чего он провел в бинтах целую неделю.

Я откладываю щетку, которой терла пол. Некогда изысканный мрамор теперь потрескался под каблуками ботинок и покрылся тонкими полосами грязи и золы, которые не ототрутсЯ никогда. Прислушиваясь к звуку, я прохожу станцию под вывеской, на которой черным жирным шрифтом написано: «Вокзал Бенсхайм». Громко сказано, учитывая, что это всего лишь зал ожидания с двумя туалетами, билетной кассой и палаткой с колбасками, которая открывается, когда привозят мясо и погода не слишком плохая. Я наклоняюсь, чтобы поднять монетку около ножки одной из лавок, и кладу ее к себе в карман. Удивительно, какие только вещи люди не теряют или забывают на железнодорожной станции.

Снаружи на февральском ночном воздухе мое дыхание превращается в облачко пара. Небо покрыто пятнами цвета слоновой кости, предвещающими снегопад. Станция расположена в низкой части долины, с трех сторон окружена холмами с густо растущими елями, их заостренные зеленые верхушки торчат над ветками, полностью покрытыми снегом. В воздухе немного пахнет гарью. До войны Бенсхайм был просто очередной маленькой точкой на карте, которую путешественники проезжали, не замечая. Но немцы, кажется, из всего могут извлечь выгоду, и это место оказалось удобной точкой для того, чтобы оставлять здесь поезда, выключая двигатели на ночь.

Я здесь почти четыре месяца. Осенью было не так уж плохо, я была счастлива, что мне удалось найти убежище, после того как меня отправили в восояси, дав еды на два дня (или на три, если растянуть). Женский приют, где я жила после того, как мои родители узнали, что я жду ребенка и выставили меня из дома, был равноудален от всех

мест: они могли бы довезти меня до Майна или хотя бы до ближайшего города. Однако мне просто открыли дверь: иди, мол, на все четыре стороны. Я пошла к железнодорожной станции, еще не успев осознать, что мне некуда идти. В течение многих месяцев вне дома я не раз задумывалась о том, чтобы вернуться, молить о прощении. Я не была слишком гордой, нет. Я бы встала на колени, если бы думала, что это хоть чем-то поможет. Но вспоминая ярость в глазах моего отца в день, когда он выгнал меня, я знала, что его сердце для меня закрыто. Я не переживу второго отказа.

Впрочем, в один момент мне повезло: оказалось, что станции требуется уборщица. Я оглядываюсь на угол здания, на вход в комнатуху, где я сплю на матрасе на полу. На мне все то же платье для беременных, в котором я покинула дом, разве что перед у него теперь вяло обвис. Конечно, так будет не всегда. Я найду настоящую работу – ту, на которой платят чем-то посерьезнее плесневелого хлеба, – и нормальный дом.

Я легко могу представить себя в окошке билетной кассы. Моя внешность подойдет туда идеально: волосы цвета помоев, которые выцветают летом, бледно-голубые глаза. Когда-то моя бесцветность меня огорчала, но сейчас это преимущество. Два других сотрудника станции, кассирша и мужчина, работающий в палатке, приходят и уходят домой каждый вечер, почти не разговаривая со мной. Проезжающие проходят станцию со свежим выпуском «Der Stürmer»^[3], зажатым под мышкой, втапывая в пол окурки, ничуть не интересуясь тем, кто я и откуда. Одинок, но именно это мне и нужно. Я не готова отвечать на вопросы о прошлом.

Нет, они не замечают меня. Я же вижу их хорошо: солдат в увольнении, матерей и жен, которые приходят каждый день, оглядывая перрон в надежде увидеть сына или мужа, после чего уходят в одиночестве. А еще всегда легко определить тех, кто хочет сбежать. Они пытаются выгладеть как обычно, как будто они отправляются на отдых. Но их одежда сидит на них слишком плотно из-за многих слоев, поддетых под нее, а их сумки так набиты, что, кажется, взорвутся в любую секунду. Они не смотрят никому в глаза, но подгоняют детей, чтобы шли быстрее, а лица у них бледные и вытянутые.

Гул становится громче и выше. Он исходит от поезда, я слышала скрип его тормозов некоторое время назад, теперь же он стоит на дальних путях. Я иду к нему, мимо почти опустевших угольных складов: большую часть угля забрали для войск на востоке. Возможно, кто-то оставил включенным двигатель или какое-то другое оборудование. Я не хочу, чтобы в этом обвинили меня, не хочу потерять работу. Несмотря на свое незавидное положение, я понимаю, что может быть хуже и что мне очень повезло попасть сюда.

Повезло. Впервые я услышала это слово от пожилой немки, которая поделилась со мной кусочком сельди, когда я ехала на автобусе до Гааги после того, как ушла от родителей. «Ты – настоящая арийка», – сказала мне она, причмокивая рыбными губами, пока автобус петлял по дороге, полной поворотов и ям.

Я подумала, что она шутит: у меня волосы скучного светлого цвета, нос кнопкой. Тело мое, жилистое и спортивное, только недавно стало смягчаться и округляться. Если не считать того краткого момента, когда тот немец шептал мне на ухо нежные слова по ночам, я всегда считала себя ничем не примечательной. А тут мне вдруг говорили, что я – самое то. Сама не знаю как, но я рассказала женщине о своей беременности и о том, как меня выставили из дома. Она посоветовала мне поехать в Висбаден и написала для меня записку, в которой было сказано, что я вынашиваю дитя Рейха. Я взяла записку и отправилась туда. Мне тогда и в голову не пришло, что ехать в Германию сейчас опасно, что мне лучше отказаться от этой идеи. Хоть кому-то мой ребенок был нужен. Мои родители скорее бы умерли, чем приняли помощь от немцев. Но женщина сказала, что они дадут мне кров: значит, не так уж они и плохи? Мне было некуда идти.

«Тебе повезло», – сказали мне снова, когда я приехала в женский приют. Я родом из Голландии, но меня считали арийкой, и мой ребенок – который в любом другом случае считался бы незаконнорожденным, зачатым вне брака – мог быть принят в программу «Лебенсборн»^[4] и воспитан в хорошей немецкой семье. Я провела здесь почти шесть месяцев, читая книги, помогая с работой по дому, пока мой живот не стал слишком громоздким. Место, где мы жили, было пусть и не слишком большим, но современным и чистым, созданным специально для того, чтобы поставлять Рейху здоровых

детей. Я познакомилась с Евой, крепкой девушкой, чей срок был на пару месяцев больше моего, но однажды ночью она проснулась в крови, ее отвезли в больницу, и я больше никогда ее не видела. После этого я старалась держаться одна. Никто из нас не пробудет здесь долго.

Мое время пришло в одно холодное октябрьское утро, я встала из-за стола, где завтракала в женском общежитии, и у меня отошли воды. Следующие восемнадцать часов были смутным туманом жуткой боли, перемежающимся звуками указаний, без какой-либо поддержки или доброго слова. Наконец, появился ребенок, он закричал, и все мое тело содрогнулось от пустоты, машина отработала свое. По лицу медсестры скользнула странная тень.

– Что такое? – спросила я. Мне не полагалось видеть ребенка. Но я поборола боль и села. – Что-то не так?

– Все хорошо, – заверил меня доктор. – Ребенок здоров. – Однако голос у него был взволнованный, а мрачное лицо с толстыми линзами очков склонилось над складками кремовых пеленок. Я потянулась вперед и столкнулась взглядом с парой пронзительно черных глаз.

Глаз, которые были совершенно не арийскими.

Я поняла, почему доктор обеспокоен. Ребенок максимально далек от идеальной расы. Какой-то скрытый ген, с моей стороны или со стороны того немца, наделил его темными глазами и оливковой кожей. Его не примут в лебенсборнскую программу.

Мой ребенок издал крик, пронзительный, высокий, как будто понимая, какая судьба его ждет, и протестуя против этого. Я потянулась к нему, преодолевая боль.

– Я хочу взять его на руки.

Доктор и медсестра, которые записывали информацию о ребенке на какой-то бланк, встревоженно переглянулись.

– Мы не можем. Дело в том, что по лебенсборнской программе это не положено.

Я с трудом села.

– Тогда я возьму его и уйду. – Это был блеф: мне некуда было идти. Я подписала документы, когда приехала сюда, отказавшись от своих прав в обмен на возможность остаться, здесь даже есть охрана... Я едва ли смогу даже идти самостоятельно.

– Пожалуйста, дайте мне его подержать хоть минутку.

– *Найн*^[5]. – Медсестра сочувственно покачала головой, покидая комнату, в то время как я продолжала умолять.

Когда она скрылась из виду, что-то в моем голосе заставило доктора сжалиться.

– Только на минутку, – сказал он, с неохотой передавая мне ребенка. Я вглядывалась в это красное личико, вдыхала приятный аромат его головы, чуть заостренной от мучительных попыток родиться, длившихся много часов, и остановила взгляд на его глазах. Эти чудесные глаза. Как нечто столь прекрасное может считаться «далеким от идеала»?

И все-таки он был мой. Я почувствовала прилив нежности, меня переполняла любовь к нему. Я не хотела этого ребенка, но на данный момент все сожаления исчезли, уступив место печали. Меня охватили паника и облегчение. Теперь он им не нужен. Я должна буду забрать его с собой, потому что других вариантов нет. Я оставлю его, найду способ...

Затем вернулась медсестра и вырвала его из моих рук.

– Нет, подождите, – запротестовала я. Пока я пыталась дотянуться до своего ребенка, что-то острое вонзилось в мою руку. Закружилась голова. Руки уложили меня обратно на кровать. Я потеряла сознание, продолжая видеть перед собой эти угольно-черные глаза.

Я проснулась в холодной стерильной родильной палате одна, без ребенка, или мужа, или матери, или хотя бы медсестры. Пустой сосуд, который больше никому не нужен. Позже они сказали, что ребенок отправился в хороший дом. У меня не было возможности узнать, правда ли это.

Я плотаю слюну, чтобы смочить пересохшее горло, и отгоняю от себя воспоминания. Затем выхожу со станции на жгучий морозный воздух, радуясь тому, что нигде не видно штуполицаев Рейха, вечно ухмыляющихся государственных полицейских, патрулирующих станцию. Наверное, борются, с морозом в своем автомобиле, прикладываясь к фляжке. Внимательно оглядываю поезд, пытаюсь определить источник звука. Он исходит от крайнего товарного вагона, прикрепленного к последнему служебному вагону – не со стороны двигателя. Нет, звук исходит изнутри. От чего-то живого.

Останавливаюсь. Я взяла за правило никогда не приближаться к поездам и отворачиваться, когда они проезжают мимо, потому что в

них везут евреев.

Когда впервые увидела облаву, я еще жила в нашей деревне, дома: мужчин, женщин и детей сгоняли на рыночную площадь. Я побежала к отцу, рыдая. Он был патриотом и всегда заступался за людей – так почему не сейчас?

– Это ужасно, – заключил он сквозь седеющую бороду в желтых пятнах от курительной трубки. Он стер слезы с моих щек и поделился со мной пространством объяснением о том, что существуют разные взгляды на ситуацию. Но никакие взгляды не могли изменить того, что мою одноклассницу Стеффи Кляйн отвели на вокзал под конвоем вместе с ее младшим братом и родителями, в том же самом платье, которое она надевала на мой день рождения за месяц до этого.

Звук становится все громче, теперь он похож на причитания, на вой раненого животного, лежащего в кустах. Я осматриваю пустую платформу и заглядываю за край станции. Слышат ли полицейские этот звук? Я останавливаюсь на краю платформы, в нерешительности поглядывая на пустынные пути, которые отделяют меня от торгового вагона. Надо просто уйти. «Смотри в пол, а не по сторонам» – это урок, которому научила нас война.

Заметишь чужие дела – жди беды. Если меня поймают на той части станции, где мне не положено быть, я останусь без работы, без жилья, а возможно, даже попаду под арест. Но у меня никогда не получалось ничего не замечать. «Слишком любопытная», – как говорила моя мама про меня в детстве. Я всегда хотела знать наверняка. Я иду вперед, не в силах игнорировать звук, который по мере того, как я приближаюсь, становится все более похожим на плач.

Из открытой двери вагона видна маленькая ножка.

Я оттягиваю дверь в сторону. «Ох!» – мой вздох отозвался эхом в темноте, угрожая выдать меня. Это дети, бесчисленное множество маленьких тел лежит на застеленном соломой полу вагона вплотную друг к другу, иногда и друг на друге. Большинство не двигается, и я не могу понять, умерли они или спят. В этой тишине жалобные крики смешиваются со вздохами и стонами, похожими на бляение ягнят.

Я хватаюсь за край вагона, пытаюсь дышать через завесу запахов мочи, кала и рвоты, которые ударяют мне в нос. С тех пор, как я приехала сюда, я обманывала себя, думая, что все это плохой сон или кино, что это не может быть реальностью. Но сейчас все иначе. Так

много младенцев, совсем одних, вырванных из рук своих матерей. У меня начинает колоть в животе.

Я стою перед вагоном, растерянная, замерев на месте от шока. Откуда эти дети? Их, должно быть, только привезли, они не продержались бы долго при таких температурах.

Я видела, как поезда идут на восток на протяжении нескольких месяцев. Людей держали там, где можно перевозить только разве что животных или мешки с зерном. Несмотря на ужасную транспортировку, я уверяла себя, что они едут на какую-то стоянку или в деревню: это просто, чтобы все они находились в одном месте. Картинка в моей голове была расплывчатой, но я представляла какие-то вагончики или палатки, вроде стоянки на берегу моря к югу от нашей деревни в Голландии, для тех, кто не мог себе позволить настоящее путешествие или хотел побыть ближе к природе. Переселение. Глядя на этих мертвых и умирающих младенцев, я понимаю, что это была откровенная ложь.

Я оглядываюсь. Поезда с людьми всегда охранялись. Но здесь никого нет, потому что младенцы не смогут убежать.

Ближе всего ко мне лежит ребенок с серой кожей, его губы посинели. Я пытаюсь убрать тонкий слой инея с его ресниц, но ребенок уже окоченел и отошел в мир иной. Я одергиваю руку и осматриваю остальных. Большинство младенцев лежат голые или завернуты в одеялко или отрез ткани, на них нет больше ничего, что защитило бы их от жуткого холода. Но в центре вагона вверх торчат аккуратные бледно-розовые пинетки, надетые на окоченевшие ножки абсолютно голого ребенка. Кто-то заботливо связал их для него. Из моих губ вырывается всхлип.

Одна голова торчит среди других. Лицо в форме сердечка все в фекалиях и соломе. Не похоже, чтобы ребенку было больно или чтобы он мучился. На его лице растерянное выражение, оно как будто говорит: «И что же я здесь делаю?» Я замечаю в нем кое-что знакомое: угольные глаза, пронзительный взгляд, точно такой же, каким встретил меня мой ребенок. Сердце у меня сжимается.

Вдруг лицо сморщилось, ребенок закричал. Я стремительно протягиваю к нему руки, чтобы достать его до того, как кто-то услышит крики. Я не дотягиваюсь совсем чуть-чуть, а он кричит все громче. Пытаюсь забраться в вагон, но дети лежат так плотно, что я не

могу, боюсь наступить на них. Отчаявшись, я тянусь к нему снова, и мне удастся его подхватить. Беру плачущего ребенка на руки, мне нужно, чтобы он замолчал. Когда я вытаскиваю его из вагона, оказывается, что кожа у него совсем ледяная, на нем нет никакой одежды, если не считать промокшей пеленки.

И вот он у меня на руках, я держала его всего секунду, а он уже успокоился, лежа на моем плече. А может это мой ребенок, которого вернула мне судьба или невероятное совпадение? Глаза младенца закрываются, а головка падает вперед. Он спит или умирает, я не понимаю. Крепко прижимая его к себе, я отхожу от поезда. Затем оборачиваюсь: если кто-то из этих детей жив, я – их единственный шанс. Нужно взять больше.

Но ребенок, которого я держу, снова кричит, пронзительный звук разрезает тишину ночи. Я закрываю ему рот и бегу обратно на станцию.

Иду к своей комнатухе. Останавливаюсь на пороге, лихорадочно озираясь. У меня ничего нет. Захожу в женский туалет, после вагона затхлый запах уборной здесь почти не заметен. У раковины я стираю эту мерзкую грязь с детского личика клочком ткани, который использую для мытья полов. Ребенок немного согрелся, но два пальчика у него посинели, и я переживаю, что, возможно, он их отморозил. Откуда же он?

Раскрываю отвратительную пеленку. Это мальчик, прямо как мой. Теперь, я вижу, что его крошечный пенис выпядит не так, как пенис немца или того мальчишки в школе, который показывал мне, когда мне было семь. Обрезание. Стеффи произносила при мне это слово однажды, объясняя, что обрезание сделали ее младшему брату. Этот ребенок – еврей. Не мой ребенок.

Я инстинктивно делаю шаг назад, когда осознаю реальное положение дел, которое я и раньше знала: я не могу оставить еврейского ребенка, и ребенка вообще: я совсем одна и убираюсь на станции по двенадцать часов в день. О чем я думала?

Ребенок начинает скатываться с края раковины, где я его оставила. Я подскакиваю, успеваю поймать его прежде, чем он упадет на твердую плитку. Я не знаю, что делать с младенцами, и держу его на расстоянии вытянутой руки как опасное животное. Но он тянется ко мне, утыкается носом в мою шею. Я неумело делаю подгузник из

другой тряпки, затем выхожу с ребенком из туалета и прочь со станции, направляясь обратно к вагону. Я должна положить его обратно в поезд, как будто ничего не случилось.

На краю платформы я замираю. Один из охранников идет вдоль путей, путь к поезду заблокирован. Я отчаянно смотрю по сторонам, пытаюсь найти выход. Рядом со станцией стоит грузовик, доставляющий молоко, его багажное отделение заполнено огромными контейнерами. Поддавшись импульсу, я иду к нему. Даю ребенку соскользнуть в одну из пустых канистр, стараясь не думать о том, насколько обжигающе холодным будет металл, который сейчас коснется его голой кожи. Ребенок не издает ни звука, а просто беспомощно смотрит на меня.

Я прячусь за скамью, дверь грузовика захлопывается. Всего секунда – и он уедет, забрав ребенка с собой.

И никто никогда не узнает, что я сделала.

Глава 2

Астрид

Германия,

1942 – четырнадцатью месяцами ранее

Я стою на краю изможденных земель, которые раньше были нашими зимними квартирами. Здесь не было военных столкновений, но долина выглядит как после боя: повсюду валяются сломанные вагоны и куски металлолома. Холодный ветер продувает опустевшие дома через открытые оконные рамы, от чего занавески в клеточку то вздымаются, то бессильно опадают. Большинство окон разбиты, и я стараюсь не думать о том, в чем причина: виной тому время или же кто-то разбил их в драке или в порыве ярости. Скрипучие двери открыты, дома в запустении, чего никогда бы не случилось, если бы мама была здесь. В воздухе слегка пахнет дымом, как будто кто-то недавно жег ветки. Где-то вдалеке недовольно кричит ворон.

Запахнув пальто покрепче, я ухожу от руин к отдельно стоящему большому дому, который когда-то был моим. Двор у него точно такой же, каким он был в моем детстве: небольшая горка перед входной дверью – вода с нее частенько затекала в прихожую, когда начинались весенние дожди. Но сад, где мама с такой любовью растила гортензии каждую весну, теперь опустошен и весь превратился в грязное месиво. Я как будто вижу во дворе своих братьев, они тягнутся силами перед домом, после чего их отводят на тренировку, ругая за то, что тратят свои силы на всякую ерунду и могут нанести друг другу травмы, что поставит под угрозу все представление. В детстве мы любили спать под открытым небом в летнем саду, держась за руки, наши пальцы переплетались, а небо висело над нами, точно полог усыпанный звездами.

Остановливаюсь. Над дверью висит большой красный флаг с черной свастикой. В дом, который когда-то был нашим, кто-то уже въехал – высокопоставленный офицер СС, не иначе. Я сжимаю

кулаки, мне тошно от мысли, что они используют наши скатерти и посуду, пачкают мамины чудесные ковры и диван своими ботинками. Затем я отвожу взгляд в сторону. Вещи – это не то, по чему я скорблю.

Я осматриваю окна, тщетно надеясь увидеть знакомое лицо. Я знала, что моя семья не живет здесь больше с тех пор, как мое письмо вернулось обратно. И все же я приехала: какая-то часть меня надеялась, что жизнь осталась неизменной, что я найду хоть какую-то подсказку, куда они могли направиться. Но ветер овеивает эти опустошенные земли. Здесь больше ничего нет.

Я тоже не должна быть здесь, понимаю я вдруг. Тревога быстро оттесняет мою печаль. Я не могу просто бродить здесь, меня могут заметить те, кто живет в этих домах сейчас, начать задавать вопросы, кто я и почему я здесь. Мой взгляд скользит по холму к близлежащему зданию, где располагались зимние квартиры цирка Нойхоффа. Их громоздкий синевато-серый особняк стоит прямо напротив нашего дома: они как два стража, охраняющие долину Рейнхессен, которая лежит между ними.

Ранее, в поезде, прибывавшем в Дармштадт, я видела плакат с рекламой цирка Нойхоффа. Сначала я почувствовала привычную неприязнь. Клемты и Нойхоффы соперничали друг с другом на протяжении многих лет, каждый из них изо всех сил пытался стать лучше другого. Однако цирк, каким бы неблагополучным он ни был – это семья. Наши труппы росли вместе, как братья в разных комнатах. Мы были соперниками в туре, но вне сезона мы, будучи детьми, ходили вместе в школу, играли друг с другом, катались на санках с холма и иногда ужинали вместе. Однажды, когда герр Нойхофф слег с больной спиной и не мог вести представление, моего брата Жюля отправили ему на помощь.

Впрочем, я не видела герра Нойхоффа уже много лет. И он ведь не еврей, поэтому теперь все изменилось. Его цирк процветает, а наш – исчез. Нет, на помощь герра Нойхоффа я надеяться не могу, но, вероятно, он знает, что стало с моей семьей.

Я подхожу к владениям Нойхоффа, дверь мне открывает незнакомая служанка.

– Здравствуйте, – говорю я. – Герр Нойхофф сейчас здесь?

Вдруг мне становится так неловко и стыдно за то, что я приехала без предупреждения и стою у них на пороге, как какая-то

попрошайка. «Я Ингрид Клемт», – представляюсь своим девичьим именем. По лицу женщины сразу видно, что она знает, кто я. Откуда ей это известно, из цирка или из других источников, – не знаю. Мой отъезд был событием, слухи о нем расползлись на мили вокруг.

Не каждая уйдет из цирка, чтобы выйти замуж за немецкого офицера, как сделала я – учитывая еще и тот факт, что я еврейка.

Впервые Эрих пришел в цирк весной 1934 года. Я заметила его, стоя за кулисами (то, что мы не видим публику из-за яркого света – это миф), не только из-за его формы, но и потому что он сидел один, без жены или детей. Тогда я уже не была юной девушкой, которой легко вскружить голову, мне было почти двадцать девять. Я всегда была в дороге, занималась цирком и пришла к выводу, что время для замужества уже прошло. Но Эрих был невероятно привлекательным: сильная челюсть, лишь немного омраченная раздвоенным подбородком, угловатые черты лица, казавшиеся чуть мягче благодаря ярким голубым глазам. Он пришел и на следующий вечер, и тогда перед моей гримеркой появились розовые розы. Той весной у нас был роман, каждые выходные он совершал долгие переезды из Берлина в города, где мы выступали, чтобы провести время между выступлениями и воскресенье со мной.

Еще тогда нам нужно было понять, что наш роман обречен. Гитлер пришел к власти только за год до этого, однако Рейх совершенно четко обозначил свою ненависть к евреям. Но в глазах Эриха была страсть и напор, из-за них все как будто переставало существовать. Когда он сделал мне предложение, я недолго думала. Мы не замечали проблем, которые маячили на горизонте, тех, которые делали наше будущее вместе невозможным, – мы просто смотрели в другую сторону.

Мой отец не пытался остановить меня, когда я собралась уехать с Эрихом. Я думала, что он будет ругать меня за то, что я выхожу замуж не за еврея, но он только лишь грустно улыбнулся, когда я рассказала ему.

– Я всегда надеялся, что ты примешь на себя руководство семейным делом, – сказал он. Его печальные глаза цвета шоколада, спрятанные за стеклышками очков, отражали мои, точно такие же. Я была удивлена. У меня было три старших брата, четыре, если считать Изадора, убитого при Вердене^[6]; у меня не было повода думать, что папа рассматривает меня в качестве преемницы. – Тем более, что

Жюль уезжает со своей командой выступать в Ниццу. А близнецы... – Папа сокрушенно покачал головой. Матиас и Маркус сильны и грациозны, от того, какие чудеса они творят на манеже, у зрителей захватывает дух. Однако их таланты больше касаются физических навыков. – Это у тебя, дорогая, есть деловая жилка и талант развлекать зрителя. Но я не собираюсь держать тебя в клетке.

Я и не догадывалась, что он так думал обо мне. Узнала только, когда собралась покинуть его. Я могла передумать и остаться. Но меня манил Эрих и жизнь, о которой, как мне казалось, я всегда мечтала. Потому, с папиным благословением, я уехала в Берлин.

Возможно, если бы я этого не сделала, моя семья все еще была бы здесь.

Служанка ведет меня в гостиную. Она огромная, но заметно, что время ее не пощадило. Ковры немного протерты, в серванте для серебра пустуют некоторые места, как будто какие-то крупные предметы были вынесены или проданы. Затхлый запах сигар смешался с лимонным ароматом полировки. Я выглядываю в окно, пытаюсь разглядеть дом моей семьи через туман, который накрыл долину. Задаюсь вопросом, кто живет в ней теперь и что они думают, глядя на этот пустырь, место, где мы раньше проводили зиму.

После нашей свадьбы, скромной церемонии проведенной мировым судьей, я переехала в просторную квартиру Эриха с видом на Тиргартен. Я проводила свои дни, прогуливаясь по магазинам на Бергманштрассе, покупая яркие картины, ковры и атласные подушки с вышивкой: все те небольшие вещи, благодаря которым это пространство, некогда минималистичное, станет нам домом. Самым сложным вопросом, с каким нам приходилось сталкиваться, – это решить в какой ресторан ходить на воскресный обед.

К моменту, когда началась война, я жила в Берлине пять лет. Эрих получил повышение, что-то связанное с боеприпасами, что именно – я не понимала до конца, и стал проводить больше времени на работе. Он приходил мрачный и недовольный или же опьяненный идеями, которыми ему не положено было делиться со мной. «Все так изменится, когда Рейх победит, поверь мне». Но я не хотела, чтобы все менялось. Мне нравилась наша жизнь такой, какой она была. Что плохого в старых порядках?

И все же ничего не вернулось к прежнему укладу. Все становилось только хуже, стремительно. По радио и в газетах говорили ужасные вещи о евреях. Окна лавок, принадлежащих евреям, разбивали, двери разрисовывали.

– Моя семья... – взволнованно обратилась я к Эриху однажды, когда мы обедали в своей берлинской квартире, после того, как увидела, что разбили и окна лавки одного еврейского мясника на Ораниенбургерштрассе^[7]. Я была женой немецкого офицера. Я была в безопасности. Но что будет с моей семьей, когда они вернуться домой?

– Им ничего не грозит, Инна, – успокоил он меня, разминая мне плечи.

– Но если такое происходит здесь, – надавила я, – то в Дармштадте будет и того хуже.

Он обнял меня, стоя сзади.

– Ну-ну, тихо. Всего лишь пара актов вандализма, это все для вида. Посмотри вокруг. Все же хорошо.

В квартире стоит аромат крепкого кофе. На столе – кувшин свежесжатого апельсинового сока. Да, определенно, там не должно быть сильно хуже. Я кладу голову на широкое плечо Эриха, вдыхая знакомый запах его шеи.

– Цирк семьи Клемент знают по всему миру, – заверил меня он. Он был прав. Цирк сформировался благодаря работе многих поколений нашей семьи, начавшись с тех старинных представлений с лошадьми в Пруссии – говорят, мой прапрапрадед ушел из лучшей венской школы верховой езды «Липпицианские^[8] лошади», чтобы открыть наш цирк. Следующее поколение последовало его примеру, и следующее. Такое вот, весьма странное семейное дело.

Эрих продолжил:

– Именно поэтому я решил заехать посмотреть ваше выступление, когда возвращался из Мюнхена. И я увидел тебя... – Он притянул меня ближе, усадив к себе на колени.

Я подняла руку, прерывая его. Обычно мне нравилось, когда он вспоминал те наши первые встречи, но сейчас я была слишком взволнованна.

– Я должна поехать проверить, как они.

– Как ты найдешь их во время тура? – спросил он, и в его слова прокралась нотка раздражения. Но это был разумный довод: середина

лета, они могут быть где угодно в Германии или Франции. – И что ты сделаешь, чтобы помочь им? Нет, они бы предпочли, чтобы ты осталась здесь. В безопасности. Со мной. – Он игриво потерся об меня носом.

«Конечно же, он прав», – говорила я себе, убаюканная его губами на моей шее. Но беспокойство меня не покидало. А потом я получила письмо. «Любимая Ингрид, мы распустили труппу...» – Папин тон звучал буднично, ни единой просьбы о помощи, хотя я даже представить себе не могу ту боль, которую он испытывал, оставляя семейный бизнес, который процветал больше века. В письме не было сказано о том, что они будут дальше делать, уедут ли, и мне оставалось только догадываться, что, видимо, это было сделано нарочно.

Я написала ответ сразу же, умоляя его сообщить об их планах, о том, нужны ли им деньги. Я бы перевезла всю семью в Берлин, расположила бы их в нашей квартире. Но так они оказались бы только ближе к опасности. Так или иначе, этого вопроса не стояло: письмо вернулось запечатанным. Шесть месяцев назад я отправила письмо – и с тех пор ни слова. Куда они уехали?

– Ингрид! – пророкотал герр Нойхофф, заходя в гостиную. Если он и удивлен, то не подал виду. Герр Нойхофф не так стар, как мой отец, и в моих детских воспоминаниях он был импозантным и привлекательным, даже статным, с темными волосами и усами. Однако он ниже ростом, чем мне казалось раньше, у него большой живот, а на голове остался лишь клочок седых волос. Я встаю и иду к нему. Затем, увидев небольшой значок со свастикой на лацкане его пиджака, я останавливаюсь. Было ошибкой приходить сюда. – Это только для вида, – спешно добавляет он.

– Да, конечно. – Однако я не уверена, что ему можно доверять. Нужно просто уйти. И все же он, кажется, искренне рад меня видеть. Я решаю воспользоваться шансом.

Он проводит рукой в сторону кресла, накрытого кружевной тканью, и я сажусь, ерзая от тревоги.

– Коньяк? – предлагает он.

Я нерешительно произношу:

– Это было бы очень мило с вашей стороны.

Он звонит в колокольчик, и поднос вносит та же женщина, которая открывала мне дверь – единственная служанка в доме, где раньше их было немало. Война не обошла стороной и цирк Нойхоффов. Я делаю вид, что отпиваю немного из стакана, который она подала мне. Я не хочу показаться грубой, но мне нужно держать свою голову ясной, чтобы понять, куда мне двинуться дальше. В Дармштадте больше нет для меня места.

– Вы только что приехали из Берлина? – Его тон звучит вежливо, но это практически то же самое, что спросить, что я здесь делаю.

– Да. Папа написал, что он распустил цирк. – Бровь герра Нойхоффа поднимается в немом вопросе: цирк прекратил свое существование несколько месяцев назад. Почему же я приехала только сейчас?

– Не так давно я потеряла контакт с родственниками, и мои письма возвращаются обратно без ответа, – добавляю я. – Вы ничего не слышали о них?

– Боюсь, что нет, – отвечает он. – Их оставалось совсем немного, все их работники уехали. – Потому что евреям запрещалось работать. Мой отец относился к своим артистам и даже к простым рабочим как к своей семье, заботился о них, когда они болели, приглашал на семейные торжества, например, на бар-мицва^[9] моих братьев. Он также многое делал и для города: проводил благотворительные выступления в больнице, давал деньги чиновникам, чтобы выслужиться перед ними. Так старался сделать нас одними из них. Мы почти забыли, что это не так.

Герр Нойхофф продолжает:

– Я стал искать их после... Ну, понимаете, всего. Но дом был пуст. Они ушли, хотя я не могу сказать точно, сами они ушли или что-то случилось. – Он подходит к столу из красного дерева, который стоит в углу, и открывает ящик. – Однако у меня есть вот это. – Он достает бокал для Кидуш^[10], и я встаю, борясь с желанием разрыдаться, увидев знакомые слова на иврите. – Это ведь ваше, верно?

Я киваю, забирая бокал. Как он оказался у него? Там была и менора^[11], и другие вещи. Немцы, видимо, все забрали. Я провожу пальцем по краю бокала. Когда мы были в пути, семья собиралась в нашем вагончике, просто чтобы зажечь свечи и разделить то вино и хлеб, которые удавалось найти, и несколько минут мы проводили

вместе, без посторонних. Помню, как мы сидели, плечами прижавшись друг к другу, чтобы уместиться за маленьким столиком, помню лица братьев, освещенные огнем свечей. Мы были не слишком религиозны – по субботам нужно было выступать, а в дороге у нас не выходило питаться только кошерной пищей. Но мы крепко держались за такие мелочи, за наш еженедельный скромный праздник. Как бы я ни была счастлива с Эрихом, какая-то часть моего сердца всегда покидала нарядные берлинские кафе, переносясь к этим тихим вечерам Шаббата.

Я снова опускаюсь в глубокое кресло.

– Я не должна была уезжать.

– Немцы все равно не дали бы вашему отцу работать, – замечает он. Но если бы я была здесь, то, возможно, немцы не выгнали бы их из дома или не арестовали бы, не сделали того, из-за чего их сейчас здесь нет. Моя связь с Эрихом, которую я с таким рвением держала перед собой как щит, на деле оказалась бесполезной.

Герр Нойхофф кашляет, потом еще и еще, его лицо краснеет. Возможно, он болен.

– Простите, что ничем больше не могу помочь, – говорит он, когда справляется с приступом. – Теперь вы вернетесь в Берлин?

Я странно дергаюсь.

– Боюсь, что нет.

Прошло три дня с того момента, когда Эрих пришел с работы домой на удивление рано. Я бросилась в его объятия.

– Я так рада тебя видеть, – воскликнула я. – Ужин еще не совсем готов, но мы можем выпить что-нибудь. – Он так часто оставался на официальных ужинах или же закапывался в свои рабочие бумаги. Кажется, у нас целую вечность не было тихого вечера наедине.

Он не обнял меня в ответ, напрягся.

– Ингрид, – сказал он, используя мое полное имя, а не то ласковое, каким обычно меня называл, – нам нужно развестись.

– Развестись? – Не уверена, что даже произносила это слово раньше. Развод – это что-то из фильмов и книг о богатых людях. Никто из моих знакомых не разводился – в моем представлении супруги оставались вместе до самой смерти. – У тебя другая женщина? – Мой голос надломился, я едва смогла произнести эти

слова. Конечно же, никакой женщины нет. Страсть между нами не угасала – до сегодняшнего момента.

Удивление и боль отразились на его лице от самой мысли об этом.

– Нет! – И по одному этому слову я поняла, как глубока его любовь и что эта ужасная мысль причинила ему боль. Так почему же он предлагает мне такое? – Рейх приказал всем офицерам развестись с женами еврейской национальности, – объяснил он. Как много их может быть, таких семей? Он достал какие-то документы и передал их мне своими мягкими сильными руками. От бумаг слегка пахло его одеколоном. Здесь даже нет графы для моей подписи, мое согласие или несогласие не имеет значения – это *fait accompli*^[12]. – Это приказ фюрера, – добавил он. Его голос был бесстрастен, как если бы он говорил о чем-то обыденном, о рабочих делах в своем отделе. – Выбора нет.

– Мы убежим, – сказала я, с усилием вытесняя из голоса дрожь. – Я могу собраться за полчаса. – Я зачем-то подняла со стола жареное мясо, как будто это будет первое, что я возьму с собой. – Принеси коричневый чемодан. – Но Эрих стоял вытянувшись, ноги на ширине плеч. – Что такое?

– Моя работа, – ответил он. – Люди поймут, что я уехал. – Он не уедет со мной. Мясо выпало из моих рук, тарелка разбилась, аромат теплой еды поднимался вверх, вызывая тошноту. Отличное завершение безупречного ужина – карикатура на идеальную жизнь, которая у меня была, – как мне казалось. Коричневая жидкость забрызгала мне чулки, пятна останутся.

Я дерзко выпятила подбородок:

– Тогда квартира должна достаться мне.

Однако он покачал головой, залез в свой бумажник и переложил все его содержимое в мои руки.

– Ты должна уйти. Сейчас.

Куда мне идти? Вся моя семья пропала, у меня нет документов, чтобы поехать за границу. Тем не менее я нашла свой чемодан и машинально собрала его, как если бы собиралась в отпуск. Я не понимала, что мне брать с собой.

Через два часа, когда я все собрала и была готова уходить, Эрих встал передо мной в своей форме, так похожий на того мужчину, которого я когда-то заметила среди зрителей в тот день, когда мы

познакомились. Он замер в неловком ожидании, когда я пошла к двери, как будто провожая гостью.

Я остановилась перед ним на несколько секунд, с мольбой вглядываясь в него, надеясь, что он посмотрит мне в глаза.

– Как ты можешь так поступить? – спросила я. Он не ответил. «Этого просто не может быть», – говорил голос внутри меня. При иных обстоятельствах я бы отказалась уходить. Но меня застигли врасплох, ветер сбил меня с ног неожиданным порывом. Я просто была в слишком большом шоке, чтобы бороться. – Держи. – Я сняла свое обручальное кольцо и протянула ему. – Оно больше не принадлежит мне.

Он смотрел сверху вниз на кольцо, его лицо помрачнело, он как будто впервые осознал необратимость своих действий. Я все гадала в тот момент: не разорвет ли он сейчас эти бумаги, объявляющие о нашем разводе, не объявит ли, что мы встретим будущее вместе, несмотря на любые трудности. Он перевел взгляд в сторону.

Когда он убрал свою руку, к нему вернулась жесткость «нового Эриха», как я стала называть его последние несколько месяцев (кажется, именно тогда все начало меняться). Он оттолкнул кольцо, и оно зазвенело, падая на пол. Я спешно подняла его, мои щеки горели от того, какими грубым было его некогда нежное прикосновение.

– Оставь себе, – сказал он. – Сможешь продать, если будут нужны деньги.

Говорит это так, как будто эта маленькая вещь, соединявшая нас, ничего для меня не значит. Он резко ушел обратно в квартиру, не оборачиваясь, и в этот момент все те годы, которые мы провели вместе, кажется, стерлись, пропали без следа.

Конечно, я знаю герра Нойхоффа не настолько хорошо, чтобы рассказывать ему об этом.

– Я уехала из Берлина насовсем, – сказала я, достаточно твердо, чтобы закрыть тему. Я провожу пальцем по обручальному кольцу, которое я снова надела на руку, когда уехала из Берлина, чтобы привлечь меньше внимания в дороге.

– Куда же вы отправитесь? – спрашивает герр Нойхофф. Я не отвечаю. – Вам бы лучше уехать из Германии, – мягко добавляет он. Уехать. Об этом уже речи не шло, дверь захлопнулась. Да и сама мысль об этом казалась просто смешной – мы были немцами и наш

цирк развивался здесь уже несколько веков. Оборачиваясь назад, я понимаю, что это было единственно верным решением, но никто из нас не был достаточно мудр, чтобы последовать ему, никто и подумать не мог, что дела станут так плохи. А теперь шанс упущен.

– А еще вы можете присоединиться к нам, – добавляет герр Нойхофф.

– Присоединиться к вам? – Удивление в моем голосе прозвучало почти грубо.

Он кивает.

– К нашему цирку. У нас не хватает воздушной гимнастики с тех пор, как Ангелина сломала бедро. – Я смотрю на него, не веря своим ушам. Сезонные работники и даже артисты вполне могли работать то в одном, то в другом цирке, но член одной цирковой семьи, работающий на другую? Мне легче представить, что леопард поменяет свои пятна, чем себя в цирке Нойхоффа. Однако его предложение разумно, и то, как он озвучил его, прозвучало так, будто они во мне нуждаются, а не он проявляет ко мне милосердие.

И все же внутри у меня все сжимается.

– Боюсь, я не могу.

Останусь здесь – буду обязана герру Нойхоффу. После Эриха я не хочу снова быть обязанной другому человеку.

– Нет, правда, вы бы оказали мне большую услугу. – В его голосе слышна искренность. Я больше чем просто артистка на замену. Клемент в цирке Нойхоффа, да, это будет что-то. Во всяком случае, для тех старожилков, которые помнят нас в самом расцвете сил. Учитывая мое имя и репутацию воздушной гимнастки, я точно значимый экспонат в коллекции.

– Я еврейка, – говорю я. Нанять меня будет преступлением в нынешнее время. Почему он готов пойти на такой риск?

– Я знаю. – Его усы подскакивают в усмешке. – Вы – Zirkus Volk^[13], – добавляет он тихо. Это важнее всего остального.

Однако мои сомнения не развеялись.

– У вас ведь теперь эсэсовцы под боком, разве не так? Это будет так опасно.

Он отмахивается, как будто это не имеет никакого значения.

– Мы поменяем тебе имя. – Но ведь имя и есть то, что ему нужно от меня, то самое, что делает меня ценной. – Астрид, – произносит он.

– Астрид, – повторяю я, примеряя его на себя. Похоже на Ингрид, но другое. И звучит по-скандинавски, таинственно и экзотично – идеально для цирка. – Астрид Сорелл.

Его брови застывают в удивлении.

– Это ведь фамилия вашего мужа?

На секунду я опешила, удивившись, что он знает. Затем я киваю. Эрих забрал у меня все, но... Он никогда не узнает.

– Кроме того, я бы хотел воспользоваться вашим деловым чутьем, – добавляет он. – Нас только двое: я и Эммет. – Герр Нойхофф пережил ужасную утрату. В цирке большие семьи – это норма; у меня было четыре брата, каждый красивее и талантливее предыдущего. Но жена герра Нойхоффа умерла при родах, и он не женился повторно, так и остался один с бестолковым наследником, у которого не было ни таланта для сцены, ни деловой жилки. Вместо этого Эммет проводил все свое время, играя в азартные игры в городах, где останавливался цирк, и плясь на танцующих девушек. Я содрогаюсь от мысли, что станет с цирком, когда его отец отойдет в мир иной.

– Так что, вы останетесь? – спрашивает герр Нойхофф. Я обдумываю его предложение. Наши семьи не всегда хорошо ладили друг с другом. То, что я пришла сюда сегодня, – это большая перемена. Мы были скорее противниками, чем союзниками – до сегодняшнего дня.

Я хочу сказать нет, сесть на поезд и продолжить искать свою семью. Я уже устала зависеть от других. Но взгляд у герра Нойхоффа мягкий: он несколько не рад тому несчастью, которое обрушилось на мою семью, и просто пытается помочь. Я уже слышу звуки циркового оркестра, во мне вдруг просыпается острое желание выступить, погребенное так глубоко, что я уже и забыла о нем. Второй шанс.

– Ну, хорошо, – говорю я в результате. Я не могу ему отказать – да и идти мне некуда. – Давайте попробуем. Возможно, в дороге я узнаю что-нибудь о своей семье. – Он поджимает губы, не желая давать мне ложную надежду.

– Вы можете остановиться в доме, – предлагает он. Он предполагает, что я не захочу жить в женском общежитии, как все обычные сотрудники. – Будет здорово, если у меня появится компания.

Но я не могу рассчитывать, что девочки примут меня, если буду оставаться здесь.

– Это очень мило с вашей стороны, но я должна жить вместе со всеми.

В детстве мне всегда больше нравилось жить с артистами в их вагончиках. Я всегда рвалась спать в женском общежитии: несмотря на обилие тел, запахов и звуков, именно там я ощущала дух единства.

Он кивает, неохотно соглашаясь, в моих словах есть доля истины.

– Мы будем платить вам тридцать в неделю.

В нашем цирке никогда не обсуждали деньги. Зарплаты выплачивались честно, ставка повышалась каждый год. Он достает бумагу из ящика и начинает писать.

– Ваш контракт, – поясняет он.

Удивленная, я смотрю на него. У нас не было контрактов – люди просто договаривались между собой на словах и держали свое слово десятилетиями. Он продолжает:

– Тут просто указано, что если вы захотите покинуть нас до конца сезона, вам нужно будет заплатить неустойку.

Я чувствую себя подневольной, чего никогда раньше не было, и мне это ужасно не нравится.

– Пойдемте, я покажу вам, где расположиться. – Он ведет меня вниз по холму по направлению к маленьким домикам. Я устремляю взгляд прямо, не оглядываясь в сторону своего прежнего дома. Мы подходим к старому гимнастическому залу, и внутри у меня все сжимается. Когда-то моя семья тренировалась здесь. – Больше его не используют, – поясняет он, как бы извиняясь. Но он был наш. В этот момент я жалею о сделке, которую заключила. Работать на другой цирк – сродни предательству.

Герр Нойхофф идет дальше, но я останавливаюсь перед гимнастическим залом.

– Я должна тренироваться, – говорю я.

– Не обязательно начинать сегодня. Вы, наверное, хотели бы сперва освоиться.

– Я должна тренироваться, – повторяю я. Если я не начну сейчас – не начну никогда.

Он кивает.

– Хорошо. Оставлю вас.

Когда он уходит, я смотрю с подножия холма на долину, в сторону дома своей семьи. Как я могу оставаться здесь, так невыносимо близко

к теням прошлого? Лица моих братьев стоят у меня перед глазами. Я буду выступать, тогда как они – не могут.

Дверь гимнастического зала скрипнула, когда я отворила ее. Я ставлю свой багаж, прокручиваю обручальное кольцо на пальце. В разных краях тренировочного зала стоят другие артисты. Некоторые лица мне смутно знакомы из прошлой жизни, а некоторых я совсем не знаю. В дальнем углу тренировочного зала за фортепиано сидит высокий мужчина с длинным невеселым лицом. Наши взгляды встречаются, я не узнаю его, но мне кажется, что мы уже где-то встречались прежде. Он удерживает мой взгляд несколько секунд, после чего отворачивается.

Вдыхаю знакомый запах сена, навоза, дыма сигарет и парфюма, не так уж все и сильно изменилось. Толстый слой канифоли покрывает мой нос изнутри, как будто я никогда отсюда не уходила.

Снимаю обручальное кольцо и кладу его в карман, а затем иду переодеваться на репетицию.

Глава 3

Ноа

Конечно, я не бросила его там.

Я пошла прочь от ребенка, представляя, что эти несколько коротких минут никак не изменили мою жизнь. Грузовик с молоком уедет, и я смогу вернуться к своей работе, делая вид, что ничего не произошло. И остановилась, снова. Я не могу бросить беспомощного младенца, оставив его умирать: а это неизбежно, точно так же, как и в поезде. Я быстро добежала до канистры, пропахшей кислым молоком, и вынула из нее ребенка. Через секунду взревел двигатель, грузовик двинулся вперед. Я обняла ребенка крепче, и он примирительно успокоился в моих объятиях. Руками я чувствовала его тепло. Все было хорошо, в этот короткий момент.

Полицейский, который ходил рядом с поездом прокричал что-то, я не разобрала что. На платформе появился второй охранник с оскалившейся немецкой овчаркой на поводке. В панике я спрыгнула с нее, и ребенок едва не выпал у меня из рук. Прижимая его покрепче, я попятилась за угол, а они промчались мимо меня к поезду. Едва ли они заметили, что один из младенцев пропал, их ведь было так много. Но они наверняка заметили предательскую цепочку следов в снегу, которая протянулась от двери вагона, которую я оставила открытой в спешке.

Я отчаянно побежала к той комнатушке, в которой спала. В глубине комнаты стояла ветхая лестница, ведущая на мансарду. Я бросилась к ней, по пути запутавшись в нитках разодранного одеяла. Страхивая его с себя, я стала карабкаться на лестницу. Но держаться я могла только одной рукой, поэтому соскользнула со второй ступеньки, едва не уронив ребенка. Он завыл, выдавая нас.

Приходя в себя, я снова полезла наверх. Голоса становились громче, их прерывал звонкий лай. Я забралась на мансарду – небольшое пространство с низким потолком, пахнущее мертвыми грызунами и плесенью – и стала пробираться через горы пустых

коробок к единственному окну. Обломала ногти, пытаюсь открыть его. В лицо мне ударил порыв ледяного ветра. Я наклонилась, просовывая голову в окно, но оно было слишком маленьким. Мои плечи не пролезут в него.

Я услышала, что охрана внизу, они уже зашли в здание. Быстро протолкнула ребенка через окно, на покатую крышу над платформой, покрытую снегом. Постаралась положить его устойчиво, моля о том, чтобы он не покатился вниз и не заплакал от ледяного холода.

Я закрыла окно и поспешила вниз по лестнице, хватая по пути свой веник. И едва не врезалась в одного из охранников, когда выходила из своего закутка.

– Здравствуйте... – сказала я с запинкой, заставляя себя посмотреть ему в глаза. Он не ответил, но посмотрел на меня унижающим взглядом.

– Простите, пожалуйста, можно я пройду?

Я обошла его, чувствуя на себе взгляд и готовясь к тому, что он прикажет мне остановиться. Выскользнула наружу и притворилась, что сметаю с платформы грязно-серый снег, пока не убедилась, что он на меня не смотрит. Затем я быстро забежала за угол станции, стараясь держаться в тени здания. Посмотрела наверх, на низкую крышу, пытаюсь найти место, где можно забраться наверх. Не отыскав такого, я стала карабкаться вверх по водостоку, ледяной металл доставал до кожи через драные чулки. Когда я забралась наверх, руки жгло от боли. Я потянулась, молясь о том, чтобы ребенок был там. Но пальцы схватили пустоту.

Внутри меня все перевернулось. Немцы обнаружили ребенка? Я потянулась еще немножко, простирая руки дальше, и нащупала краешек ткани. Дернула за него, пытаюсь притянуть ребенка к себе. Но тут он выкатился из-под моих пальцев. Я стала лихорадочно перебирать руками и схватила ткань за секунду до падения ребенка.

Притянула его к себе и быстро спустилась, с трудом удерживая его одной рукой, едва не поскользнувшись. Наконец я добралась до земли и обернула ребенка своим пальто, понадежнее спрятав его за пазухой. Но немцы тут, за углом, голоса их совсем близко, и они определенно злые. Боясь задержаться даже на секунду, я побежала, оставляя следы на полотне мягкого снега.

С тех пор, как я убежала со станции, прошло несколько часов. Я не знаю, сколько именно, знаю только, что сейчас на улице глубокая ночь, снова идет снег, небо глухого серого цвета. Наверное – я даже не могу поднять голову, чтобы посмотреть. Однако метель становится все сильнее, острые льдинки режут глаза, заставляя меня все сильнее опускать подбородок. Я иду в противоположную сторону от холмов, к убежищу леса, но земля, которая казалась ровной издали, на самом деле вся в ямах и ухабах, и мои ноги быстро устали. Стараюсь держаться ближе к ровной тропинке, которая идет совсем близко к кромке леса. Я нервно оглядываюсь на узкую дорогу, параллельную деревьям. До сих пор, на мое счастье, на ней никого не было.

Пробираясь по этим бесконечным белым полям, я вспоминаю нашу крошечную ферму, расположенную так близко от побережья Дании, ее воздух, плотный от соли и прохладный от Северного моря, там жили только мы с родителями. Нам повезло избежать воздушных атак, которые превратили Роттердам в руины, однако оккупация проходила тяжело. Немцы хотели укрепить позиции в прибрежных городах, перерыли все пляжи, так что там больше нельзя было гулять, повсюду разместили своих солдат – так я и встретила того, который стал отцом моего ребенка.

Он не принуждал меня. Если бы это было так или если бы я сделала вид, что это было так, мои родители, возможно, были бы более милосердны. Он даже не пытался что-то предпринять, когда останавливался на нашей ферме, хотя по его долгим взглядам я понимала, что ему было нужно. Его высокая фигура с широкими плечами казалась слишком крупной для небольшого загородного домика, он был как мебель, не подходящая дому по размеру. Мы все выдохнули с облегчением, когда он переехал в новое жилище. Но он вернулся, принес в знак благодарности с полдюжины свежих яиц, которых мы не видали с самого начала войны, и старый шоколад. Я была истощена, военное положение началось еще с тех пор, как мне исполнилось двенадцать, отняв у меня все танцы и нормальные вещи, которыми я могла бы заниматься, будучи подростком. Первый раз с солдатом, тоже совсем юным, – мне тогда казалось, что я не такая, как все.

Поэтому, когда он пришел ко мне ночью, проникнув через черный ход в мою холодную узкую кровать, я чувствовала себя особенной и

была взбудоражена его прикосновениями: он был мужчиной, в отличие от неуклюжих мальчишек, которых я знала по школе. На его униформе не было таких же знаков отличия, как на эсэсовце, который уводил Стеффи Кляйн. Он был простым солдатом, только что призванным в армию. Он не был одним из них. Мои воспоминания о той ночи были туманными как полузабытый сон, полный страсти, а затем боли, из-за которой мне пришлось заткнуть себе рот, чтобы родители не услышали мой крик. Все закончилось быстро, оставив меня с неудовлетворенным желанием и ощущением, что должно быть что-то кроме этого, что-то большее.

А потом он ушел. Немец больше не приходил, а два дня спустя я узнала, что их часть перевели в другое место. Я знала, что совершила ошибку. И только месяц спустя я осознала, насколько серьезной была эта ошибка.

Конец всему наступил неожиданно, в необычайно теплый весенний день. Утреннее солнце согревало деревню Схевенинген, чайки перекрикивались, летая над фьордом. Я лежала в постели, и в этот чудный момент даже получалось на пару минут забыть о войне.

Затем дверь моей комнаты распахнулась настежь, в вытаращенных глазах моего отца горел огонь – он знал.

– Вон!

Я смотрела на него, не веря своим глазам. Как он мог узнать? Я никому не говорила. Я не надеялась, что все будет оставаться в секрете, но у меня совершенно точно был в запасе месяц или около того, чтобы выяснить, что делать дальше. Видимо, мама, которая ненадолго заходила ко мне, когда я переодевалась несколько дней назад, заметила мой округлившийся живот. Учитывая сроки, когда немец жил с нами, нетрудно было догадаться.

Мой папа был преданным голландцем и гордился этим, его хромота, полученная во время Мировой войны, служила доказательством его убеждений. Моя интрижка с немцем была для него величайшим предательством. Конечно, он не хотел для меня такой судьбы, не хотел прогонять меня, свою единственную шестнадцатилетнюю дочь. Но тот же человек, который когда-то завязывал мне шнурки и нес меня на своих плечах, теперь без тени жалости держал дверь открытой, чтобы я прошла через нее в последний раз.

Я ожидала, что он ударит меня или будет ругать, но он просто указал на дверь.

– Уходи.

Он не смотрел мне в глаза.

– Нет! – кричала мама, когда я уходила. Но в ее голосе не было силы. Когда она побежала за мной, мне стало легче на душе. Возможно, хоть раз она встанет на мою защиту, будет бороться за меня. Однако она просто всунула мне деньги, которые припрятала на черный день. Я думала, что она обнимет меня.

Она этого не сделала.

Вдали раздается низкий и протяжный гудок. Я пчусь, спрятавшись за деревом, поезд появляется с той стороны, откуда мы пришли, пересекая белоснежное поле точно змея. Не могу утверждать это наверняка, но издалека этот поезд выглядит совсем как тот, из которого я вытащила младенца. Он едет на восток, как и другие поезда с евреями. Детей забирали, точно так же, как забрали моего, но эти забирали из семей, где оба родителя любили своего ребенка, где он был желанным. Подавив всхлип, я отхожу от деревьев, мечтая побежать за поездом и забрать других детей, как забрала этого. Младенец в моих руках теплый и тяжелый, вот она, та единственная жизнь, которую я спасла.

Спасла – во всяком случае, на данный момент. Небо за удаляющимся поездом становится светлее с востока. Скоро начнется рассвет, а мы все еще слишком близко к вокзалу. Полиция могла появиться в любой момент. Идет сильный снегопад, от него мое тонкое пальто промокает, холод добирается до ребенка под ним. Надо продолжать идти. Я иду в глубь леса, туда, где меня не будет видно. Воздух здесь неподвижен, здесь та тишина, которая появляется только со снегом. Я чувствую слабость, в течение нескольких месяцев работы на станции я ела очень мало, во рту сухо от жажды. За деревьями ничего не видно, одна только бесконечная белизна. Пытаюсь вспомнить свой путь из женского приюта, чтобы понять, как далеко до ближайшей деревни. Но даже если мы доберемся туда, никто не станет рисковать жизнью и прятать нас.

Я перекидываю ребенка, чтобы его вес приходился на другую мою ногу, стряхнув снег с его лба. Как давно он ел? С момента, как мы покинули станцию, он не двигался и не плакал, и я начинаю

переживать, дышит ли он. Я спешу отойти к скоплению деревьев и немного разворачиваю его из тряпки, держа поближе к себе, чтобы ему было теплее. Глаза закрыты, он спит – я надеюсь, это так. Его губы потрескались и кровят от недостатка влаги, но грудь размеренно поднимается и опускается вновь. Ноги у него как ледышки.

Без особой надежды обвожу взглядом лес, вспоминая других детей в поезде, большинство которых уже умерли. Надо было взять для этого младенца их пеленки. Отгоняю от себя эту мысль. Расстегиваю пальто и блузку, морщась от льда и снега, касающихся кожи. Я прикладываю ребенка к груди, надеясь, что из этих мелких точек, появится немного водянистой серой жидкости, которую я сцеживала, чтобы снять напряжение в груди, это было уже почти четыре месяца назад. Но у меня все выходит неловко: никто не учил меня, как надо кормить грудью, а ребенок слишком слаб, чтобы сосать самостоятельно. Грудь болит и тянет, но из нее ничего не выходит. Молоко ушло, иссякло. После того, как я родила, медсестра сказала, что есть женщины, которые заплатят мне за молоко. Я покачала головой, как бы мне ни были нужны деньги, я не хотела, чтобы и это у меня забрали. После того, как я осталась без ребенка, мне отчаянно хотелось отделаться от всего этого как можно скорее.

Мой ребенок. Иногда я мечтала о том, чтобы никогда и не держать его в руках, чтобы не вспоминать то, каким были его тело и голова. Тогда, возможно, мои руки бы не отзывались болью каждую секунду. Однажды я задумалась о том, как бы я его назвала. Но когда имена появлялись в моей голове, я испытывала острую боль, поэтому я запретила себе эти мысли. Я гадала, как его теперь зовут, молясь о том, чтобы он попал к людям, которые позаботились бы о нем, дали бы ему действительно хорошее, сильное имя.

Отгоняя мысли о собственном ребенке, я осматриваю того, который лежит в моих руках. У него немного квадратное лицо, полные щеки и идеально ровный заостренный подбородок. Форма лица отчетливая, и я понимаю, что где-то там есть целая семья – о, пожалуйста, пусть они все еще есть – с лицами точно такой же формы.

Позади меня, в отдалении, за деревьями, что-то трещит. Я оборачиваюсь, шурю, чтобы увидеть что-то сквозь снегопад, но в стороне, откуда мы пришли, ничего не видно из-за плотно

переплетенных веток и низкой растительности. Мое сердцебиение учащается. Это может быть двигатель машины. Хотя сейчас мы надежно спрятаны за деревьями, недалеко от кромки леса пролегает дорога. Если за нами следует полиция, то мои следы на снегу быстро приведут их сюда. Я задерживаю дыхание, чувствуя себя животным, на которое охотятся, вытягиваюсь в струнку, пытаюсь вслушаться в тишину в поисках голосов или других звуков. Ничего – во всяком случае, пока.

Застегивая пальто, я пробираюсь дальше через деревья. Держать ребенка неудобно, приходится делать это одной рукой – второй я убираю низко висящую ветку с дороги. Снег с нее, ледяной, мокрый, падает прямо мне за воротник. Промокшие ноги в разодранных подержанных ботинках начинают болеть.

Ребенок становится тяжелее с каждым моим шагом. Я замедляюсь, тяжело дыша, затем нагибаюсь, зачерпнув ладонью снега, чтобы справиться с сухостью во рту, холод обжигает пальцы через дырки в перчатках. Выпрямляюсь, едва не уронив ребенка. Хочет ли он пить? Если я дам ему немного снега, ему станет лучше или хуже? Даже не знаю. Я держу его на расстоянии вытянутой руки и внезапно чувствую себя такой беспомощной. Я столько не знаю. Я никогда не держала ребенка, не считая той единственной секунды, когда только родила, и уж тем более я никогда не заботилась о ребенке. Я хочу оставить его здесь. С пустыми руками я смогу дотянуть до ближайшей деревни. Он бы все равно умер в том вагоне. Что там, что тут – какая разница?

Ручка ребенка, размером не больше грецкого ореха, вдруг вздымается и, схватив мой палец, крепко держится за него. Что он думает, когда смотрит вверх и видит лицо, совсем не похожее на то, которое он знал с рождения? Он практически того же возраста, какого был бы сейчас мой ребенок. Я представляю мать, чьи шрамы до сих пор болят, как и мои. Я смотрю на этого ребенка, и мое сердце смягчается. У него когда-то было имя. Как может ребенок, слишком маленький, чтобы знать собственное имя, найти своих родителей? Я хочу, чтобы он дышал, чтобы он держался до тех пор, пока мы не найдем укрытие.

Я нежно укладываю его голову, перед тем как снова завернуть его в пальто. Затем я делаю новый рывок, пробираясь вперед с удвоенной

силой. Но ветер стал сильнее, покрытые снегом ветви деревьев бьют в лицо, становится тяжело дышать. Вторая остановка была ошибкой. Кроме вокзала, здесь нет ничего в пределах многих километров. Если мы останемся, мы умрем, этот ребенок умрет точно так же, как если бы остался в поезде.

– Я смогу! – кричу я во всеуслышание, в своем отчаянии забыв о том, что меня не должны услышать.

В ответ мне ветер завывает еще громче.

Я снова пытаюсь двигаться вперед. Мои пальцы онемели, ноги свинцовые. Каждый шаг против резкого ветра дается все тяжелее. Снег превращается в изморозь, покрывая нас ледяной коркой. Картинка вокруг как-то странно посерела по краям. Глаза ребенка закрыты, он смирился с судьбой, которая изначально была ему предначертана. Я делаю еще один шаг, отступаю, снова встаю.

– Прости меня, – говорю я, не в силах больше удерживать его. Затем я падаю вперед, и все погружается во тьму.

Глава 4

Астрид

Скрип поворачивающейся дверной ручки, чьи-то руки давят на твердое дерево. Сперва кажется, что это пришло из мутного сна, который я не могу разобрать.

Звуки повторяются, на этот раз громче, дверь со скрежетом открывается. Я удерживаю себя на месте. Меня охватывает сильный ужас. Инспекции нередко приходили без предупреждения в течение тех пятнадцати месяцев со дня моего возвращения. Гестапо или местная полиция, которая выполняет их работу. Они пока не заметили меня и не требовали *ausweis*^[14], которую добыл мне герр Нойхофф – идентификационную карточку, которой, к сожалению, может быть недостаточно. Моя репутация на сцене одновременно и подарок судьбы, и проклятие здесь, в Дармштадте: она дает мне средства на существование, но делает мою фальшивую личность лишь тонкой фанерой, за которой невозможно спрятаться. Поэтому, когда приходят проверяющие, я исчезаю под одним из вагонов, покрытых брезентом, или же, если времени совсем нет, – в лесах. Но здесь, в вагоне Петра, без подвала, с единственной дверью, я в ловушке.

Глубокий мужской голос разрезает темноту.

– Это всего лишь я.

Руки Петра, прикосновения которых я так часто чувствую по ночам в последние месяцы, уводят меня из страшных снов прошлого, которые меня не покидают, нежно массируя мою спину.

– Нашли кого-то в лесу.

Я перекачиваюсь на другой бок.

– Кто нашел, ты? – спрашиваю я. Петр почти не спит, он ходит по ночам, рыщет по округе, как беспокойный волк, даже в самую глухую зиму. Я протягиваю руку, чтобы коснуться щетины на его щеке, с огорчением замечая, что мешки под его глазами стали еще больше.

– Я был рядом с ручьем, – ответил он. – Думал, это раненое животное.

Гласные у него огубленные, и «вэ» больше похожа на «уэ», его русский акцент ничуть не изменился, он как будто уехал из Ленинграда несколько недель, а не несколько лет назад.

– И естественно, ты подошел поближе, – говорю я ворчливым тоном. Я бы пошла в противоположную сторону.

– Да. – Он помогает мне встать. – Они были без сознания, поэтому я принес их сюда. – От него чувствуется запах спиртного, он пил совсем недавно, не успел протрезветь.

– Они? – повторяю я, теперь с вопросительной интонацией.

– Женщина. – Меня разбирает ревность, когда я представляю, что он держит на руках кого-то, кроме меня. – Еще там был ребенок. – Он достает самокрутку из кармана.

Женщина и ребенок, одни в лесу, ночью. Это дико, даже для цирка. От странных вещей – или незнакомцев – ничего хорошего быть не может.

Я поспешно одеваюсь и натягиваю пальто. Под отворотом я нащупываю грубый контур распоротых ниток, там, где раньше была пришита желтая звезда. Иду за Петром в ледящую темноту, опуская подбородок ниже, чтобы защититься от кусачего ветра. Его лачуга – одна из полудюжины, разбросанных по пологому склону долины. Отдельный квартал для старших, самых опытных артистов. И хотя мое официальное жилье находится в доме, длинном, отдельно стоящем здании, где спала большая часть девушек, довольно быстро я стала проводить все время у Петра. Сновала туда-сюда ночью или перед рассветом, пользуясь любым предлогом.

Когда я вернулась в Дармштадт, я предполагала, что останусь здесь только до тех пор, пока герр Нойхофф найдет воздушную гимнастку на замену, а я заодно разберусь, куда мне дальше идти. Но договор действовал, и по мере подготовки к первому туру здесь, мои надежды куда-то уехать улетучивались. А потом я познакомилась с Петром, который присоединился к цирку Нойхоффа тогда, когда меня здесь не было. Он был клоуном, но не тем образом в шутовском наряде, который возникает в голове любого человека, не связанного с цирком. Его выступления были особенными, тщательно продуманными, он сочетал комедию, сатиру и иронию с таким талантом, какого я не встречала прежде.

Я не ожидала, что снова буду с кем-то, и уж тем более, что влюблюсь. Петр на десять лет меня старше и совсем не такой, как все остальные артисты. Он был родом из русских аристократов, когда те еще существовали, некоторые даже говорили, что он двоюродный брат царя Николая. При других обстоятельствах мы бы никогда не встретились. Однако цирк – великий уравниватель. Кем бы мы ни были по классу, национальности или жизненному опыту, здесь мы одинаковы, всех нас оценивают только по таланту. Петр сражался в Мировой войне. У него не было ранений, во всяком случае, заметных, но в нем была такая меланхолия, что становилось очевидно – он так и не оправился от войны. Его грусть откликнулась во мне, нас притянуло друг к другу.

Я собираюсь идти к дому, где живут все девушки. Петр качает головой и ведет меня в другую сторону.

– Туда. – Огонек его самокрутки мерцает в темноте точно крошечный факел.

Прибывшие в доме герра Нойхоффа – это тоже весьма необычно.

– Они не могут остаться, – шепчу я. Как будто кто-то еще может меня здесь услышать.

– Конечно, – отвечает Петр. – Просто временное убежище, чтобы они не погибли в метели. – Меня накрывает его тенью. Его талант клоуна кажется невероятным не только из-за его печали. Однажды он рассказал мне: когда он впервые пытался попасть в цирк, его не взяли, сказав, что он слишком высокий для клоуна. Тогда он пошел учиться в театр в Киеве, создал своего иронического персонажа, который идеально подходил его угловатым чертам и длинным ногам, и стал переходить из цирка в цирк, становясь все известнее благодаря своей актерской игре. Экцентричные комические выступления Петра, часто демонстрирующие неуважение к власти, известны повсеместно. В годы войны его номера становились все язвительнее, и все более очевидной – его ненависть к войне и фашизму. Чем более дерзкими и непочтительными становились его шутки, тем больше приходило зрителей.

Он открывает дверь особняка, с момента моего приезда я заходила сюда только на праздник, который герр Нойхофф устраивал для всего своего цирка каждый год в декабре, ну и еще пару раз. Мы проходим не стучась. На самом верху лестницы стоит герр Нойхофф и

подзывает нас к себе. В одной из комнат для гостей спит девушка с длинными светлыми волосами, лежа под балдахином кровати из красного дерева. Ее бледная кожа кажется почти прозрачной на фоне простыней винного цвета.

На низком столике подле нее, в импровизированной колыбели, сделанной из большой плетеной корзины, лежит ребенок. Маленький Моисей, найденный в Ниле, смотрит на нас темными любопытными глазами. Ребенку едва ли больше нескольких месяцев, как мне кажется, хотя у меня и нет опыта в таких делах. У него длинные ресницы и круглые щеки, которые редко увидишь в наши тяжелые времена. Очаровательный – но разве не все они очаровательны в этом возрасте?

Герр Нойхофф кивает на ребенка.

– Перед тем, как потерять сознание, она сказала, что это ее брат.

Мальчик.

– Но откуда они пришли? – спрашиваю я. Герр Нойхофф только пожимает плечами.

Девушка крепко спит. С чистой совестью, как сказала бы моя мама. У девушки толстые светлые косы, она точно сошла со страницы сказок Ганса Христиана Андерсена. Она могла быть одной из членов Союза немецких девушек, прогуливаться по Александерплац^[15] под ручку с подругами, петь мерзкие песни о родине и убийстве евреев. Петр назвал ее женщиной, но ей вряд ли больше шестнадцати. Я чувствую себя такой старой и потрепанной по сравнению с ней.

Девушка пошевелилась. Внезапно она вытягивает руки, пытаюсь найти ребенка, это движение я знаю слишком хорошо по своим собственным снам. Не находя его, она начинает метаться.

Наблюдая ее отчаянные движения, я замечаю, как в голове проносится: «Это точно не ее брат».

Герр Нойхофф поднимает ребенка и кладет его к рукам этой молодой женщины, и она тут же успокаивается.

– Waar ben ik?

Голландский.

Жмурясь, она повторяет вопрос на немецком: – Где я? – У нее тонкий дрожащий голос.

– Дармштадт, – отвечает герр Нойхофф. На ее лице не отразилось узнавание. Она не из этих мест.

– Вы в цирке Нойхоффа.

Она хлопает глазами.

– Цирк.

Для нас это что-то обыденное – действительно, больше половины жизни я не знала ничего, кроме цирка, – а для нее это что-то из сказок. Цирк уродов. Я напрягаюсь, ментально вспоминая, как одна недружелюбная девочка лежала лицом вниз на школьном дворе. Валите ее на снег, если она считает, что мы какие-то не такие.

– Сколько тебе лет, девочка? – мягко спрашивает герр Нойхофф.

– Семнадцать в следующем месяце. Я ушла из родного дома, – говорит она, ее немецкий становится лучше. Меня зовут Ноа Вейль, это мой брат. – Она слишком торопится ответить на вопросы, которых никто не задавал.

– Как его зовут? – спрашиваю я.

Небольшая заминка.

– Тео. Мы из Голландии, с побережья, – говорит она, снова сделав паузу. – Все было очень плохо. Отец пил и избивал нас. Мать погибла при родах. Поэтому я взяла брата, и мы убежали. – Что она делает здесь, за сотню миль от дома? Кто додумается бежать из Голландии в Германию в такое время. Ее история неправдоподобна. Я полагаю, что герр Нойхофф сейчас спросит, есть ли у нее документы.

Девушка осматривает ребенка бегаящим взглядом.

– Он в порядке?

– Да, он хорошо поел перед тем, как заснуть, – уверяет ее герр Нойхофф.

Девушка хмурится.

– Поел?

– Попил, если быть точным, – поправился герр Нойхофф. – Какая-то смесь, которую наш повар сделала из сахара и меда. Девушка наверняка была бы в курсе, если бы она сама заботилась о ребенке.

Я отхожу назад, к Петру, который сидит в кресле у двери, откинувшись на спинку.

– Она лжет, – говорю я, понизив голос. Эта дурочка, видимо, забеременела. Впрочем, никто не говорит о таких вещах вслух.

Петр отстраненно пожал плечами.

– У нее были свои причины бежать. Как и у всех нас.

– Ты можешь остаться здесь, – говорит герр Нойхофф. Я смотрю на него, не веря своим ушам: о чем он только думает? Он продолжает:
– Но, конечно же, ты должна будешь работать, когда поправишься.

– Конечно. – От самого предположения, что она надеялась на милостыню, девушка садится, резко выпрямив спину. – Я могу убираться и готовить.

Я фыркаю от ее наивности, представляя ее на кухне, делающей блинчики или чистящей картошку на сотни человек.

Герр Нойхофф отмахивается.

– Что до поваров и уборщиков, у нас их достаточно. Нет, с твоей внешностью это будет пустой растратой. Я хочу, чтобы ты выступала.

Петр бросает на меня озадаченный взгляд. Новых артистов набирают по всей Европе, а то и за ее пределами, за рабочие места идет тяжелая борьба, у тебя есть шанс, только если ты тренировался всю свою жизнь. Нельзя просто найти талант на улице – или в лесу. Герр Нойхофф знает об этом. Он поворачивается ко мне.

– Тебе ведь нужна новая воздушная гимнастка, верно?

У девушки, сидящей за его спиной, расширятся глаза.

Я медлю. Раньше в нашей программе было с дюжину гимнастов, они делали синхронные трюки, кувыркались в воздухе один за другим. Но теперь нас всего трое, и с самого моего возвращения я ограничена корд лисс^[16] и испанской паутиной^[17].

– Это так, но ведь она никогда не выступала. Я не могу просто взять и научить ее выступать на трапеции. Возможно, она сможет ездить на лошади или продавать программки. Есть куча более простых работ. – Что навело герра Нойхоффа на мысль, что она может выступать? Обычно я могу учуять талант за милю. Здесь я не вижу ничего выдающегося. Он пытается сделать из утки лебедя, и этот план обречен на провал.

– У нас нет времени искать другую воздушную гимнастку, – отвечает герр Нойхофф. – У нее подходящая внешность. У нас есть почти шесть недель, а потом мы выезжаем.

Он не смотрит мне в глаза, когда говорит это. Шесть недель – это лишь мгновение ока по сравнению с тем количеством тренировок на протяжении всей жизни, которое было у всех остальных. Он просит меня совершить невозможное и знает об этом.

– Она слишком крупная для гимнастки, – говорю я, критически оценивая ее тело. Даже под одеялом видно, что оно округлое в боках и бедрах. Она слабая, у нее мягкая нетренированная талия, она так наивна, очевидно, что она никогда не знала тяжелого труда. Она не пережила бы эту ночь, если бы Петр не нашел ее. Она не продержится здесь и недели.

Я слышу шорох позади и оборачиваюсь. Из дверного проема смотрит на нас Эммет, сын герра Нойхоффа, уголок его рта, точно сделанного из теста, заворачивается в ухмылке, когда он замечает, что мы не сошлись во мнениях. Он всегда был странным ребенком, шутил подлые шутки и попадал в неприятности.

– Боишься, что кто-то затмит тебя, а? – насмешливо ухмыляется он.

Я смотрю в сторону, игнорируя его. Сравнивая ее внешность со своей, как это делают все женщины, не могу не признать: эта девушка красивее меня. Но внешность не поможет ей здесь. В цирке важнее всего талант и опыт – а их у нее нет.

– Она не может остаться, – говорит Петр со своего места, я вздрогнула от силы в его голосе. Герр Нойхофф добрый человек, но это его цирк и даже такие звезды, как Петр, не смели открыто возражать ему.

– Я хочу сказать, что ей придется уйти, как только ей станет лучше, – поясняет он.

– Куда? – спрашивает герр Нойхофф.

– Не знаю, – признает Петр. – Но как она может оставаться? Одинокая девушка с ребенком, начнутся вопросы.

Он думает обо мне, о том, какие дополнительные расследования и какую опасность может принести их появление. Моя истинная личность и прошлое известны почти всем внутри цирка, однако нам удавалось сохранять эту тайну от людей извне – до сих пор, во всяком случае.

– Мы не можем рисковать, привлекая внимание.

– Проблем не будет, если она будет частью нашей программы, – возражает герр Нойхофф. – В цирк постоянно приходят новые артисты.

«Раньше приходили», – мысленно исправляю его я. Множество новых артистов приходило в цирк раньше – когда-то у нас были

дрессировщики из Сербии, жонглер из Китая. Но за последние годы цирк увял. Теперь просто-напросто нет денег, чтобы расширить труппу.

– Чья-нибудь двоюродная сестра из другого цирка, – предлагает герр Нойхофф, раскрывая свой план. Наши сотрудники будут знать, что это не так, но временных работников такое объяснение, скорее всего, устроит. – Если она будет готова выступить, никто не заметит, – добавляет он.

Это правда, зрители не заметят: они исправно ходят на выступления, но не видят выступающих нигде, кроме сцены.

– Это очень любезно с вашей стороны, предлагать мне место, – вмешивается девушка. Она пытается подняться с кровати, не отпуская ребенка, но сама попытка, похоже, лишает ее всех сил, и она снова откидывается на подушки.

– Но мы не хотим быть обузой. Как только погода наладится и мы немного отдохнем, мы отправимся в путь. – Я вижу панику в ее глазах. Им некуда идти.

Получив подтверждение своим словам, я поворачиваюсь к герру Нойхоффу.

– Видите, она не сможет.

– Этого я не говорила. – Девушка снова выпрямляется, поднимает подбородок. – Я работоспособная и уверена, что при достаточном количестве тренировок я справлюсь. – Внезапно она как будто загорелась идеей показать, на что она способна, хотя всего минуту назад не хотела даже пытаться: я узнаю в ней дух противоречия, присущий и мне самой. Понимает ли она, во что собирается ввязаться?

– Но мы никак не успеем ее подготовить, – повторяю я, пытаюсь найти другой довод, чтобы убедить его, что это не сработает.

– Ты сможешь, Астрид. – Теперь в голосе герра Нойхоффа решительность. Вместо того, чтобы уговаривать меня, он в одном шаге от того, чтобы отдать мне приказ. – Ты нашла здесь убежище. Ты должна сделать это. – Его глаза прожигают меня насквозь. Так вот, значит, как я буду отдавать свой долг. Весь цирк рискует собой, чтобы укрыть меня, а теперь я должна сделать то же самое для незнакомки. Его выражение лица смягчается. – Два невинных человека. Если мы им не поможем, они наверняка погибнут. Я не хочу, чтобы их смерть

лежала на моей совести. – Он не сможет так просто развернуть девушку с ребенком, как мог бы меня.

Я встречаюсь взглядом с Петром, и он открывает рот, чтобы снова возразить, что мы слишком сильно рискуем. Но он молчит, зная, как и я, что дальнейшие препирательства не приведут ни к чему хорошему.

– Ладно, – говорю я наконец. И все же у просьбы герра Нойхоффа есть пределы. – Шесть недель, – говорю я. – Я постараюсь подготовить ее до начала тура. Но если не выйдет, то она должна будет уйти. – Я никогда не выступала против него, и на секунду ко мне возвращается ощущение того, что мы равные соперники. Но это все в прошлом. Я встречаюсь с его пристальным взглядом, стараясь не моргать.

– Договорились, – уступает он, удивляя меня.

– Мы начинаем завтра, на рассвете, – произношу я. Шесть недель или шесть лет – не важно, она все равно не сможет. Девушка внимательно смотрит на меня, я ожидаю, что она возразит мне. Однако она продолжает молчать, в ее больших испуганных глазах заметен проблеск благодарности.

– Но она ведь только что едва не околела, – возражает герр Нойхофф. – Она измотана. Ей нужно восстановиться.

– Завтра, – настаиваю я. У нее ничего не получится, и с ней будет покончено.

Глава 5

Ноа

Она приходит за мной перед рассветом.

Я уже не сплю, на мне чей-то халат. Незадолго до этого я подскочила в постели, просыпаясь от кошмара, меня трясло. Мне снился сон о том, что я вернулась в тот вагон на станции, во второй раз, но не для того, чтобы спасти больше детей, а потому что я каким-то образом знала, что среди них есть и мой ребенок. Но когда я открыла дверь вагона, он оказался пуст. Я залезла в крошечную тьму и кричала от того, что мои руки натыкались на одну лишь пустоту.

Я пробудилась ото сна, надеясь, что я кричала не наяву и не напугала жителей этого странного дома. Я попыталась снова закрыть глаза. Надо было вернуться и спасти своего ребенка. Но картинка уже исчезла.

Когда я немного пришла в себя, то потянулась к ребенку, мирно спавшему в корзине возле моей кровати. Я прижала его к себе, его тепло успокаивало меня. Глаза привыкли к темноте комнаты, немного разбавленной лунным светом, проникающим в комнату сквозь занавески, подвязанные витыми шнурами. В камине в углу догорал огонь. Я никогда не видела такой величественной мебели. Я вспоминаю тех странных людей, собравшихся вчера, когда я проснулась: круглого владельца цирка, женщину, которая смотрела на меня с большой неприязнью, мужчину с вытянутым лицом, который сидел на кресле и наблюдал. Они похожи на персонажей рассказов, которые мама читала мне, когда я была еще ребенком. Цирк, говорили они, – трудно поверить, что этот мир до сих пор существует, даже во время войны. Проснись я на луне – и то, наверное, удивилась бы меньше. Я была в цирке лишь однажды, когда мне было три года, и я плакала от ослепительно яркого света и громких звуков, пока отец не увел меня из палатки. И вот я здесь. Это странно, но не страннее, чем найти вагон, полный младенцев. Не страннее всего того, что случилось со мной с тех пор, как я ушла из дома.

Я смотрю на ребенка, недавно помытого и уютно устроившегося в моих руках. Тео, почему-то я назвала его так, когда они спросили. Не знаю, откуда это имя появилось в моей голове. Он спит у меня на предплечье, и я держу руку неподвижно, чтобы не побеспокоить его. У него умиротворенное выражение лица, щеки порозовели. Где же он спал до того, как его положили в поезд? Я представляю теплую детскую кроватку, руки, которые гладили его по спине, чтобы успокоить. Молюсь о том, чтобы мой собственный ребенок спал где-нибудь в безопасности, так же, как этот.

Вчера вечером они обсуждали меня так, как будто меня там и не было. «У нее внешность как раз для цирка, ты так не думаешь?» – сказал владелец цирка, когда я лежала с закрытыми глазами и они думали, что я их не слышу. Они оценивали меня, как лошадь на рынке. Я хотела подняться, сказать «спасибо, конечно, но нет», забрать ребенка и уйти в ночь. Но за окном завывал жуткий ветер, а холмы казались бесконечным белым морем. Если я с Тео снова отправлюсь в путь, до следующего дома мы уже не дойдем. Поэтому я позволила им обсуждать меня. В любом случае, это не наше место. Мы побудем здесь, чтобы скопить немного денег, а потом уйдем. Куда мы пойдем – этого я не знаю.

– Мы будем платить тебе десять марок в неделю, – сказал владелец цирка. Сумма показалась мне неоднозначной, но не настолько низкой, чтобы подумать, что он воспользовался моим положением. Должна ли я была попросить больше? Вполне возможно, что это очень щедрое предложение для того, кто никогда не выступал. Я так мало знаю о деньгах, и я не в той ситуации, чтобы торговаться.

После того, как эти цирковые работники закончили меня обсуждать, они вышли из комнаты, и я заснула. В какой-то момент я проснулась и пошла искать в темноте уборную. Несколько раз что-то громыхало вдалеке, отражаясь эхом в холмах. Видимо, бомбежка, как те, которые я так часто слышала, работая на вокзале. Но сейчас они были достаточно далеко, поэтому не вызывали тревоги.

В комнату никто не заходил, до этого момента. Услышав шаги в коридоре, я аккуратно сползаю с кровати, чтобы не разбудить Тео, хочу открыть дверь до того, как в нее постучат. В полутьме передо мной стоит женщина, они звали ее Астрид; та самая, которая вчера смотрела на меня с неприязнью, лунный свет позади нее окутывает ее

странным свечением. Ее угольно-черные волосы подстрижены коротко и завиваются на концах, обрамляя лицо. На ней нет украшений, кроме пары золотых сережек с маленькими алыми камешками. У нее очень экзотичная красота, ее достаточно крупные черты лица идеально сочетаются друг с другом. Она не улыбается.

– Ты спала достаточно, – объявляет она без приветствий или предисловий. – Пора вставать и браться за работу. Она бросает в мою сторону трико, выцветшее, с заштопанными носками. – Ты должна надеть вот это. – Понятия не имею, куда делась моя одежда, промокшая и изодранная в клочья. Я жду, когда она уйдет, чтобы я могла переодеться, но она лишь слегка отворачивается. – Мы не можем терять ни дня. Я буду учить тебя – ну, попытаюсь, во всяком случае. Не думаю, что тебе это по силам, но если справишься – сможешь ездить с нами.

– Учить чему? – спрашиваю я, жалея, что не спросила вчера, когда сказала, что смогу.

– Летать на трапеции, – отвечает она.

Я слышала, что они обсуждали это вчера вечером. Теперь я вспоминаю, что они говорили что-то про воздушную гимнастику. В тумане своего измотанного состояния я не смогла сообразить, что именно это значит. Теперь осознание, насколько это безумное предложение, обрушилось на меня со всей силой: они хотят, чтобы я забиралась под потолок и рисковала своей жизнью, раскачиваясь, как обезьянка. Меня здесь никто не держит. Я не обязана это делать.

– Вы очень добры, но я не думаю, что... – Я не хочу оскорбить ее. – Я не смогу. Я могу убираться или, возможно, готовить, – предлагаю я те же варианты, что вчера.

– Герр Нойхофф владеет этим цирком, – сообщает она. – И он хочет, чтобы ты училась. – У нее идеальная дикция, она как будто не из этих мест. – Конечно же, если ты не справишься... Тогда, возможно, у тебя есть богатый дядюшка, который готов забрать тебя к себе? – Она говорит это с насмешкой, но в ее словах есть доля истины. Я не могу вернуться на вокзал, там уже точно заметили, что мы с ребенком пропали. Одна я могла бы уйти в бега. Но лютый мороз едва не убил нас. Мы не выдержим второго раза.

Прикусываю губу.

– Я попробую. Две недели. – За две недели я стану сильнее и придумаю, куда нам с Тео отправиться. Конечно же, мы не останемся в цирке.

– Мы даем тебе шесть. – Она пожимает плечами, ей, похоже, все равно. – Пойдем. – Я переодеваюсь в трико настолько скромно, насколько это возможно сделать под ночнушкой.

– Подождите, – останавливаюсь я в нерешительности, глядя на Тео, который продолжает спать на кровати.

– Твой *брат*, – говорит она, подчеркивая второе слово. – Тео, не так ли?

– Да.

Она на минуту задерживает свой взгляд на мне. Затем поднимает ребенка с кровати. Я борюсь с желанием ее остановить, сама идея о том, что кто-то другой будет держать его на руках, для меня невыносима. Она укладывает его в колыбельку.

– Я попросила горничную, Грету, чтобы она заходила и присматривала за ним.

– У него колики, – говорю я.

– У Греты своих шесть. Она справится.

И все же я не решаюсь уйти. Дело не только в том, что я переживаю за Тео: если горничная будет менять его пеленки, она узнает, что он еврей. Я обращаю внимание на его чистые пеленки и понимаю, что уже слишком поздно. Кто-то уже знает правду о его происхождении.

Я следую за Астрид к лестнице мрачного дома, в воздухе пахнет плесенью и гарью. Затем я надеваю свои сапоги, они стоят у входной двери, все еще мокрые. Она протягивает мне мое пальто, и я замечаю, что сама она идет без верхней одежды. У нее безупречная фигура, тонкие ноги, скрывающие истинную силу, идеально плоский живот, какой был у меня до рождения ребенка. Она ниже, чем мне показалось вчера. Но ее тело похоже на статую, элегантные линии, будто высеченные из гранита.

На улице мы тихо идем через широкое поле, лед хрустит под нашими ногами. Однако воздух сухой и мягкий, если бы вчера была такая погода, я бы пошла дальше в лес, не потеряв сознание. Ярко светит луна. Ночное небо усыпано звездами, и на секунду мне кажется, что каждая из них – это младенец из поезда. Где-нибудь

далеко родители Тео – если они еще живы – думают, куда же пропал их ребенок, и их сердца разрываются от тоски, так же, как и мое. Смотрю на небо и возношу ему безмолвную молитву: прошу, чтобы эти люди могли как-то узнать, что их сын жив.

Астрид открывает дверь в большое здание. Она щелкает выключателем, и над нашими головами потрескивают загорающиеся лампы. Внутри ветхий спортивный зал, в нем пахнет потом, старые маты гниют в углу. Здесь все неопрятное и ветхое, так непохожее на шик и блеск, с которыми у меня ассоциировался цирк.

– Снимай пальто, – велит она, подходя ко мне ближе. Ее рука касается моей. Моя бледная кожа вся усыпана тысячами родинок и шрамов, а у Астрид мягкая, ровная, оливкового цвета. Как озеро в безветренный день. Она достает бежевую ленту, которой оборачивает мои запястья, медленно и методично, затем опускается на корточки и покрывает мои ноги мелом, стараясь не пропустить ни сантиметра. У нее идеально ровные ногти, но руки грубые, покрытые морщинами, в отличие от тела и лица, они не могут скрыть возраст. Ей, видимо, где-то около сорока.

Под конец она кладет мне в руки горсть густого порошка.

– Канифоль. Твои руки всегда должны быть сухими. Иначе соскользнешь. Не думай, что сетка тебя спасет. Если ударишься слишком сильно, то она упадет на пол или же отпружинит тебя в сторону. Ты должна приземляться на центр сетки, не на край.

Она холодно отдает инструкции, проверенные временем, которые помогут мне не упасть и не погибнуть. В голове все вертится: Неужели она сама верит, что мне это под силу?

Она показывает, что я должна подойти вслед за ней к лестнице, расположенной близко к одной из стен, лестница зафиксирована ровно по вертикали.

– Разумеется, номер будет упрощен, – говорит она, как бы напоминая, что мне никогда не достичь нужного мастерства. – Чтобы стать настоящим воздушным гимнастом, нужно положить на это всю жизнь. Есть способы компенсировать это, так чтобы зрители не заметили. Но, конечно же, в цирке не место бутафории. Зрители должны поверить, что все наши трюки настоящие.

Она начинает забираться на лестницу с грацией кошки, затем смотрит сверху вниз на место, где стою я, никуда не двигаясь. Я

оцениваю высоту лестницы, упирающейся в потолок. Верхняя точка не меньше двенадцати метров от пола, а внизу ничего, кроме выдавшей виды сетки, висящей над твердым полом на высоте одного метра. Я никогда не боялась высоты, но у меня никогда и не было повода бояться: наш дом в деревне был одноэтажный, на многие километры вокруг не было ни одной горы. Я не могла даже представить что-то подобное тому, что вижу перед собой сейчас.

– Неужели нет номеров попроще, – говорю я, и в мой голос прокрадывается умоляющая интонация.

– Герр Нойхофф хочет, чтобы ты научилась именно этому, – твердо отвечает она. – Трапедия на самом деле проще многих других номеров.

Не могу представить ничего более сложного. Она продолжает:

– Я могу научить тебя, привести тебя туда, куда нужно. Или нет. – Она спокойно смотрит на меня. – Возможно, нам стоит отправиться к герру Нойхоффу сейчас и сообщить ему, что ничего не получится.

«И увидеть, как он выставит тебя обратно на мороз» – вывод, который она, похоже, решила не озвучивать. Не думаю, что тот человек с добрым лицом так поступит, но я не хочу проверять. А что важнее, я не хочу доставить Астрид удовольствие, подтвердив ее мнение.

Скрепя сердце я начинаю карабкаться, поднимаясь, перекладина за перекладиной, стараясь не дрожать. Я крепче держусь за них, задумавшись, когда в последний раз проверяли шурупы на этой лестнице и достаточно ли она крепкая для нас двоих. Мы добираемся до небольшой платформы, где едва помещаются два человека. Я жду, что Астрид поможет мне перебраться на нее. Она не делает этого, и я, сжимаясь, встаю позади нее, совсем близко. Она отвязывает перекладину трапедии от крепления.

Астрид прыгает с платформы, от ее движения платформа начинает трястись так сильно, что я хватаюсь за первое, что мне попадает под руку, чтобы не упасть. Я поражена тем, как легко она раскачивается в воздухе, крутится вокруг перекладины, используя для этого всего лишь одну руку. Затем она раскрывает тело, как чайка, ныряющая вниз, она повисает вниз головой под перекладиной. Выпрямляется, возвращается обратно и – прицелившись на платформу – приземляется ровно на то же крошечное пространство рядом со мной.

– Вот так, – говорит она, как будто в этом нет ничего сложного.

Я слишком потрясена, чтобы говорить. Она передает перекладину мне. Перекладина толстая и непривычно ощущается в руках.

– Держи.

Она нетерпеливо исправляет положение моих рук.

Я смотрю то на нее, то на свои руки, то снова на нее.

– Я не смогу. Я не готова.

– Просто держись и качайся, – настаивает она. Я стою, оцепенев. Были моменты в моей жизни, когда я смотрела смерти в лицо: когда родила ребенка и эта жизнь покинула мое тело, когда увидела младенцев в поезде и когда продиралась через лес и метель с Тео всего пару дней назад. Но сейчас смерть снова передо мной, реальнее, чем когда-либо – в бездне разделяющей платформу и пол.

Внезапно в голове возникает лицо матери. С тех пор, как я покинула свой дом, я изо всех сил старалась отогнать мысли о нем: лоскутное одеяло на моей кровати, спрятанной в углублении комнаты, укромный уголок у печки, где мы часто сидели и читали. Я не позволяла себе думать об этом, зная, что если я позволю себе хоть малую толику воспоминаний, то быстро начну тонуть в потоке, который остановить уже не сумею. Но сейчас тоска по дому захлестнула меня с головой. Я не хочу быть здесь, на этой крошечной платформе, готовясь прыгнуть навстречу смерти. Я хочу к маме. Я хочу домой.

– А где остальные воздушные гимнасты? – спрашиваю я, оттягивая время.

Астрид задумывается.

– Есть еще двое, и одна из них будет помогать нам, когда мы продвинемся дальше. Но они будут в основном работать на колыбели, или на испанской паутине, это другой мой номер. Они не будут работать с нами.

Я удивлена. Я думала, что трапеция – главный номер представления и мечта любого гимнаста. Возможно, они тоже не хотят работать со мной.

– Давай же, – говорит она, не давая мне продолжать расспросы. – Ты можешь просто сидеть на ней, как на качелях, если еще не готова. Представь, что ты на детской площадке, – снисходительно произносит она. Берет перекладину и подталкивает ее ближе ко мне. – Она

должна быть прямо под ягодицами, – сообщает она. Я сажусь на нее, пытаюсь принять удобную позу. – Вот так. Хорошо. – Она отпускает перекладину. Я срываюсь с платформы, хватая оба троса так крепко, что они врезаются мне в руки. Ощущение какого-то естественного потока, как будто пытаешься найти равновесие, находясь в лодке.

– Теперь отклонись назад.

Она, должно быть, шутит. Однако она говорит это серьезным тоном и не улыбается. Я отклоняюсь слишком резко и теряю баланс, едва не соскользнув с сиденья. Когда я раскачиваюсь так, чтобы находиться ближе к платформе, она протягивает руку и хватается за тросы над перекладиной, притягивая меня и помогая мне слезть с нее.

Она садится на перекладину, качается вперед и отпускает руки. Я открываю рот от ужаса, когда она начинает падать. Но она ловит себя, уцепившись за перекладину коленями, и качается уже вверх ногами. Ее черные волосы развеваются, лицо перевернуто. Она выпрямляется, забираясь обратно на платформу.

– Вис на подколенках.

– Как ты попала в цирк? – спрашиваю я.

– Я родилась в цирковой семье, которая жила неподалеку отсюда, – отвечает она. – Не из этого цирка, это был другой цирк. – Она передает мне перекладину.

– Твоя очередь, теперь по-настоящему. – Она кладет перекладину мне в руки, поправляя мне хват.

– Прыгай и качайся, держась руками за гриф.

Я стою неподвижно, ноги деревянные.

– Разумеется, если у тебя не получится, я могу просто сказать герру Нойхоффу, что ты от нас уходишь, – язвит она снова.

– Нет, нет, – быстро отвечаю я. – Дай мне секунду.

– На этот раз ты будешь качаться, держась на руках, держи гриф вот тут. – Она показывает на уровень ниже бедер. Затем подними его над головой, когда будешь прыгать, чтоб набрать высоты.

Сейчас или никогда. Я делаю глубокий вдох и прыгаю. Машу ногами, беспомощно болтаясь в воздухе, как рыба на крючке. Это так не похоже на грациозные движения, которые делала Астрид. Но я справляюсь.

– Используй ноги, чтобы подняться выше, – говорит Астрид, заставляя меня переходить к следующему шагу. – Это называется

выталкивание себя. Как на качелях, в детстве.

«Работает!» – думаю я.

– Нет, нет! – Голос Астрид становится еще громче, ее недовольство эхом прокатывается по всему залу. – Держи тело ровно, когда возвращаешься. В нейтральной позиции. Голову прямо. – Она осыпает меня короткими инструкциями, и я с трудом пытаюсь удержать их в своей голове. – Теперь сделай удар ногами назад. Это называется взмах.

Я набираю скорость, качаясь вперед и назад, пока воздух не начинает свистеть в ушах, а голос Астрид становится тише. Под ногами мелькает земля. Не так уж плохо. Я несколько лет занималась гимнастикой, и теперь мои мускулы оживают. Мне далеко до сальто и поворотов Астрид. Но я справляюсь.

А потом начинают болеть руки. Я не смогу держаться долго.

– Помоги! – кричу я. Я не подумала о том, как буду возвращаться обратно.

– Ты должна сделать это сама, – кричит она в ответ. – Используй ноги, чтобы раскачаться повыше. – Это практически невозможно. Руки горят огнем. Я делаю удар ногами, чтобы увеличить скорость. Теперь я совсем близко к площадке, но немного не достаю. Я упаду, получу травмы, возможно, даже умру – и ради чего все это? Сделав последний отчаянный рывок, я поднимаюсь еще выше.

Астрид ловит веревки, когда я оказываюсь рядом с платформой, тянет меня к себе, помогая мне встать на ноги.

– Это было на грани. – Я задыхаюсь, ноги дрожат.

– Еще раз, – холодно говорит она, и я смотрю на нее, не веря своим глазам. Не могу представить даже то, как я смогу подняться сюда снова, после того, как едва не упала, а уж тем более повторить это прямо сейчас. Но у меня нет другого выхода – я должна отработать свое место и место Тео. Я снова берусь за гриф.

– Подожди, – зовет она. Я оборачиваюсь с надеждой. Она передумала?

– Вот это. – Она указывает на мою грудь. Я оглядываю себя. Она стала больше с тех пор, как я родила, несмотря на то что молоко иссякло. – Они слишком большие, чтобы летать. – Она слезает по лестнице вниз и возвращается с рулоном плотного бинта. – Снимай верх, – велит она. Я бросаю взгляд на тренировочный зал, чтобы

удостовериться, что здесь больше никого нет. Затем я приспускаю трико, стараясь не краснеть, пока она заматывает меня так туго, что мне становится тяжело дышать. Она, похоже, не замечает моего смущения.

– У тебя мягко здесь, – говорит она, похлопывая меня по животу, этот жест, слишком интимный, заставляет меня отпрянуть назад. – Это изменится с тренировками.

К залу постепенно начинают стекаться другие артисты, они делают растяжку и жонглируют в разных его концах.

– Что случилось с предыдущей девушкой, с той, с которой вы выступали до меня?

– Не спрашивай, – отвечает она, сделав шаг назад и оглядев свою работу. – На выступление мы найдем тебе корсет. – То есть после всего этого она думает, что я могу справиться. Я тихо выдыхаю. – Еще раз. – Я беру перекладину и прыгаю еще раз, теперь с меньшей долей сомнения. – Танцуй, используй свои мышцы, управляй ситуацией, управляй полетом, – напирает она, все-то ей не нравится. Все утро мы работаем над одними и теми же движениями: выталкивание, нейтральная позиция, взмахи. Я изо всех сил пытаюсь тянуть носки, чтобы мое тело принимало точно такое же положение, как у нее. Пытаюсь копировать ее манеру, но мои движения неуклюжие и непривычные, я просто глупая шутка по сравнению с ней. Я стану лучше, думаю я. Но она меня не хвалит. Я продолжаю пробовать, больше, чем когда-либо, желая угодить ей.

– Все не так уж ужасно, – признает Астрид под конец. Она, кажется, почти разочарована тем, что я не потерпела полный провал. – Ты училась танцевать?

– Гимнастика. – Даже больше, чем просто училась. Я занималась по шесть дней в неделю, иногда больше, если была такая возможность. У меня был талант от природы, и я, возможно, попала бы в национальную сборную, если бы папа не заявил, что эти амбиции бессмысленны. Хотя с моей последней тренировки прошло уже больше года, а живот ослаб после родов, мышцы рук и ног все еще сильные и быстрые.

– Это почти та же гимнастика, – говорит Астрид. – С той лишь разницей, что твои ноги никогда не касаются земли. – Впервые на ее лице появляется слабая улыбка. И тут же исчезает. – Еще раз.

Проходит еще час, а мы все еще работаем.

– Воды. – Я задыхаюсь.

Астрид смотрит на меня с удивлением, как на животное, которое она забыла покормить.

– Мы можем прерваться на короткий перекус. А затем мы начнем снова.

Мы спускаемся вниз. Я проглатываю чашку чуть теплой воды, которую Астрид наливает мне из термоса. Плюхнувшись на один из матов, она достает хлеб и сыр из маленького контейнера.

– Не ешь слишком много, – предупреждает она. – У нас есть время только на короткий перерыв, и будет плохо, если у тебя начнутся колики.

Я откусываю хлеб, который она дала мне, оглядывая тренировочный зал, который теперь полон людей. Глаза останавливаются на грузном парне лет двадцати, стоящем в проеме. Я вспоминаю, что видела его прошлой ночью. Что тогда, что сейчас, он бесцельно стоит и, сгорбившись, смотрит на окружающих.

– Держись от него подальше, – произносит Астрид, понизив голос. – Это сын герра Нойхоффа, Эммет. – Я жду, что она продолжит, но она замолкает. Эммет унаследовал округлую фигуру своего отца, но она ему не идет. Он сутулый, штаны не сидят вплотную, болтаются в районе подтяжек. У него неприятная ухмылка.

Чувствуя беспокойство, я поворачиваюсь обратно к Астрид.

– Это всегда так тяжело? Тренировка, я хочу сказать.

Она смеется.

– Тяжело? Здесь, на зимовке, – это отдых. Тяжело – это когда у тебя два или три выступления подряд в дороге.

– В дороге? – Я представляю дорогу, длинную и пустынную, как та, которой я шла ночью, когда убежала с вокзала с Тео.

– В первый вторник апреля мы уедем отсюда, – объясняет она. – Как у тебя с французским?

– Сносно. – Я учила его пару лет в школе и обнаружила, что мне неплохо даются языки, но так и не избавилась от акцента.

– Хорошо. Сначала мы поедem в Овернь, в город Тьер.

Отсюда до него несколько сотен километров, думаю я, вспоминая карту на стене в школе. Эти земли находятся за пределами немецкой оккупации. До последнего года я не бывала нигде, кроме Голландии.

Она продолжает называть список городов во Франции, где будет выступать цирк. Голова у меня идет кругом.

– Не так уж и много на этот раз, – заканчивает она. – Мы ездили и дальше: Копенгаген, озеро Комо. Но во время войны это невозможно.

Я не разочарована, ничуть – я и не мечтала, что смогу побывать где-то, кроме Германии.

– Будем ли мы выступать в Париже?

– Мы? – повторяет она. Я осознаю свою ошибку слишком поздно: это Астрид решать, включать ли меня в программу, а делать это самой – это явно перебор. – Ты должна доказать, что достойна этого, прежде чем сможешь присоединиться к нам.

– Я хотела спросить, поедет ли цирк в Париж? – Я быстро исправляюсь.

Она качает головой.

– Слишком сильная конкуренция с французскими цирками. И слишком дорого. Но когда я жила в Берлине...

– Я думала, ты выросла в Дармштадте, – встречаю я.

– Я родилась в цирковой семье, которая жила здесь. Но уезжала на некоторое время, когда была замужем. – Она крутит золотую сережку в левом ухе. – До Петра. – Ее голос становится мягче.

– Петр... Это тот мужчина, который был с тобой вчера? – Тот мрачный мужчина, который сидел в углу комнаты, курил и мало разговаривал. Его темные глаза будто горели тогда.

– Да, – отвечает она. Ее взгляд вдруг становится настороженным, дверь захлопывается. – Ты не должна задавать так много вопросов, – добавляет она, снова став резкой.

«Я спросила лишь о паре вещей», – хотела сказать я в свою защиту. Но иногда один вопрос может равняться и тысяче – как прошлой ночью, когда герр Нойхофф спросил меня о моем прошлом. И все же я столько всего хотела бы узнать об Астрид: куда делась ее семья, почему она выступает теперь с цирком герра Нойхоффа.

– Петр – клоун, – говорит Астрид. Я оглядываю тренировочный зал и тех артистов, которые недавно зашли, жонглера и человека с обезьяной, но не вижу его. Я вспоминаю его крупные казачьи черты лица, усы, уходящие вниз, дряблые щеки. Он, судя по всему, грустный клоун, это так подходит нынешнему безрадостному времени.

И тут же, как по команде, в тренировочный зал входит Петр. На нем нет никакого грима, который я ожидала бы увидеть на клоуне, но он одет в мешковатые штаны и в шляпу с мягкими полями. Он встречается глазами с Астрид. Здесь много других людей, но внезапно я чувствую себя третьей лишней в пространстве, которое появляется между ними. Он не подходит ближе, но я вижу, как он к ней относится, по тому, как он исследует ее лицо. Он подходит к фортепьяно в дальнем углу зала и говорит с человеком, сидящим за ним, человек начинает играть.

Когда Астрид поворачивается ко мне, у нее снова жесткое и деловитое выражение лица.

– Твой брат, – говорит она, – совершенно на тебя не похож.

Она застигла меня врасплох этой резкой сменой темы.

– У моей матери, – фантазирую я, – была очень темная кожа. – Я прикусываю язык, пытаюсь унять свою привычку предоставлять окружающим слишком много информации. Я готовлюсь к волне новых вопросов, но Астрид, похоже, предпочла оставить меня в покое и продолжает есть в тишине.

В конце нашего театрального зала Петр репетирует свой номер, марширует вразвалочку, шагая на вытянутых ногах, изображая – с намеренным преувеличением – шаг немецкого солдата. Глядя на него, я начинаю нервничать. Я поворачиваюсь к Астрид.

– Он ведь не будет делать этого во время представления?

Она не отвечает, но пристально смотрит на него, ее глаза сужаются от страха.

В зал заходит герр Нойхофф и пересекает его с такой скоростью, какой я от него не ожидала, учитывая его возраст и вес. Он несется к Петру с грозным выражением лица. Он видел его репетицию через окно, а может, кто-то рассказал ему об этом. Музыка прекращается с громким хлопком. Герр Нойхофф разговаривает с Петром. Говорит он тихо, но руками жестикулирует очень яростно. Петр категорично качает головой. Астрид обеспокоенно хмурит брови, наблюдая за двумя мужчинами.

Минуту спустя герр Нойхофф идет к нам, уже немного успокоившись, его лицо покраснело.

– Ты должна поговорить с ним, – грохочет он, обращаясь к Астрид. – Этот новый номер, где он передразнивает немцев...

Астрид с печалью поднимает ладони вверх.

– Я не могу остановить его. Таков уж он как артист.

Герр Нойхофф на этом не успокаивается.

– Мы вжимаем головы в плечи, стараемся держаться подальше от всего – так мне и удавалось держать этот цирк на плаву, мы стараемся защитить всех.

«От чего?» – хочу спросить я. Но не решаюсь.

– Скажи ему, Астрид, – настаивает герр Нойхофф чуть тише. – Он прислушается к тебе. Скажи ему – или мне придется отстранить его от выступлений.

Тревога проносится по лицу Астрид.

– Я постараюсь, – обещает она.

– Он действительно так сделает? – Не в силах сдержаться, я все-таки задаю этот вопрос, когда герр Нойхофф покидает здание.

Она машет головой.

– Петр – одна из главных причин, почему люди приходят в цирк, и его номера помогают цирку не развалиться. Не будет его – не будет выступлений, – добавляет она. Но она все еще огорчена. Ее рука дрожит, когда она откладывает бутерброд, к которому едва притронулась. – Нужно продолжить и отработать следующий кусок.

Я откусываю от своего, быстро проглатываю.

– Будет еще?

– Думаешь, люди заплатят, просто чтобы посмотреть, как ты висишь тут, как обезьянка? – Астрид грубо смеется. – Ты в самом начале. Просто качаться туда-сюда – этого недостаточно. С этим любой справится. Мы должны танцевать в небе, делать то, что кажется невозможным. Не переживай, в твоем номере я сделаю так, что когда ты отпустишь гриф и полетишь, я буду на нужном месте и поймаю тебя.

Хлеб, который я только что съела, застревает у меня в горле, когда я вспоминаю, как она летела вниз по воздуху.

– Лететь? – выдавливаю я.

– Да. Потому мы и называем этот номер летающей трапецией. Ты – вольтижер, ты будешь лететь ко мне. Я буду ловиторм. – Она встает и идет обратно.

Но я остаюсь на месте, точно вкопанная.

– Почему я должна быть вольтижером? – осмеливаюсь спросить я.

– Потому что ни за что не доверю тебе ловить меня, – холодно говорит она. – Пойдем.

Она направляется к лестнице в противоположной стороне зала, параллельной той, на которую мы забирались ранее, но с более крепкими качелями. Я иду за ней, но она качает головой.

– Иди на ту сторону с Гердой. – Она указывает на другую воздушную гимнастку. Я не видела, как она зашла: она уже забирается на лестницу, по которой мы залазили наверх с Астрид. Я лезу вслед за ней. На самом верху мы с Астрид стоим друг напротив друга на платформах, между нами целый океан. – Качайся так же, как и раньше. Когда я скажу, ты отпустишь гриф. Я сделаю все остальное.

– А Герда? – спрашиваю я, остановившись.

– Она отправит гриф обратно, чтобы ты могла ухватиться за него на обратном пути, – отвечает Астрид.

Я смотрю на нее, не веря своим ушам.

– То есть я должна отпустить его дважды?

– Да, если у тебя нет крыльев, конечно. Тебе нужно как-то вернуться обратно.

Астрид хватается перекладину напротив и прыгает, затем разворачивается так, чтобы повиснуть на ногах. – Теперь ты, – подсказывает она.

Я спрыгиваю, пытаюсь махать ногами все выше.

– Выше, выше, – настаивает она, ее руки протянуты ко мне. – Ты должна быть выше меня, когда я скажу отпустить гриф. – Я с силой выталкиваю тело вверх, управляя стопами.

– Уже лучше. По моей команде. Три, два, один – сейчас! – Но мои руки остаются приклеенными к трапеции.

– Дура! – кричит она. – Все в цирке зависит от времени, от синхронности. Ты должна слушать меня. Иначе из-за тебя погибнем мы обе.

Я возвращаюсь обратно на площадку, потом слезаю с лестницы и снова встречаюсь с Астрид на земле.

– Ты ведь наверняка делала это на гимнастике, – говорит она. Она явно раздражена.

– Это было по-другому, – отвечаю я. «На высоте десяти метров все по-другому», – добавляю я про себя.

Она складывает руки.

– Ни один номер не обходится без этого.

– Я никак не смогу сделать этого, – настаиваю я. Несколько секунд мы стоим и пристально смотрим друг на друга и молчим.

– Если ты хочешь уйти, иди. Никто от тебя ничего и не ожидал.

Ее слова звучат для меня как пощечина.

– Особенно ты, – резко отвечаю я. Она хочет, чтобы я провалилась. Она не хочет, чтобы я была здесь.

Астрид пораженно хлопает глазами, у нее на лице что-то между гневом и удивлением.

– Да как ты смеешь? – спрашивает она, и я пугаюсь, что зашла слишком далеко.

– Прости, – говорю я быстро. Ее лицо чуть-чуть смягчается. – Но это ведь так, правда? Ты не веришь, что у меня получится.

– Да, я не верила, что из тебя что-то получится, когда герр Нойхофф предложил это. – Она говорит это нейтрально, прагматично. – И до сих пор не верю.

Она берет меня за руку, и я задерживаю дыхание, ожидая, что она скажет мне что-то ободряющее. Но вместо этого она срывает ленту с моего запястья, так что я невольно вскрикиваю, кожу дерет от ожога. Мы смотрим друг на друга тяжелым взглядом, никто из нас не моргает. Я ожидаю, что она скажет, что я должна уйти. Конечно, они отправят нас восвояси.

– Приходи завтра, – уступает она, – и мы попробуем еще раз, в последний раз.

– Спасибо, – говорю я. – Но Астрид... – Мой голос звучит умоляюще. – Должно же быть что-то еще, что я могла бы делать.

– Завтра, – повторяет она, прежде чем уйти. Глядя на то, как она удаляется, я чувствую тяжесть в желудке. Я была благодарна второму шансу, но я знаю, что ситуация безнадежная. Что завтра, что через год – я никогда не смогу отправиться в свободный полет.

Глава 6

Ноа

Тео лежит у меня на груди, прижимаясь ко мне теплой щекой – он любит так спать.

– Тебе следовало бы уложить его. – Грета, горничная, которая присматривает за Тео, когда я хожу на репетиции, не раз ругала меня за эти две недели, что я здесь. – Если он не научится успокаиваться сам, он всегда будет плохо засыпать.

Мне все равно. Днем, в любое время, когда я не тренируюсь, я держу Тео, пока руки не заболят. Сплю с ним в обнимку каждую ночь, чтобы слышать биение его сердца. Как будто одна из кукол, которые были у меня в детстве, вдруг ожила. Иногда мне кажется, что без него я не смогу дышать.

Сейчас, когда я лежу в тишине женского общежития, я смотрю на то, как он поднимается и опускается, лежа на мне в этой узкой кровати. Он шевелится, поднимает головку – как раз недавно этому научился. Тео всегда следит за мной взглядом, когда я захожу в комнату. Он, кажется, всегда слушает внимательно, не пропуская ни слова, как старый мудрец. Мы встречаемся взглядами, и он улыбается широкой беззубой улыбкой, полной удовольствия. На несколько секунд в мире как будто не остается никого, кроме нас. Я обнимаю его крепче. Каждый вечер, когда Астрид отпускает меня с тренировки, прямо перед тем, как зайти в общежитие, меня переполняет радость и предчувствие того, что я увижу Тео. Какая-то часть меня боится, что он всего лишь плод моего сознания или что он исчез, потому что меня не было так долго. Потом я беру его на руки, он растекается в них, и я чувствую себя как дома. Прошло всего несколько недель, однако у меня ощущение, что Тео был моим с самого начала.

Их ведь может быть двое, напоминаю я себе – если я найду своего ребенка. Возможно ли это? Я представляю ребят вместе, в три или четыре года. Они были бы как братья, одного возраста, почти близнецы. Такие мысли опасны, раньше я себе их не позволяла.

Чуть сильнее заворачиваюсь в одеяло. Вчера ночью мне снилась моя семья: отец появился у зимней стоянки, и я побежала к нему, чтобы обнять и умолять о том, чтобы он забрал меня домой. Но потом я проснулась в холодном свете дня, просочившемся через окна. Возвращение домой было для меня мечтой, за которую я держалась на протяжении долгих месяцев изгнания. Когда мы попали в цирк, я думала, что останусь тут на пару недель, чтобы набраться сил, а затем найду нормальную работу, заработаю денег и вернусь обратно в Голландию. Однако мои родители не были готовы принять меня с моим собственным ребенком, а с Тео уж тем более не примут. Нет, я не могу поехать домой. И все же я должна как-то вытащить Тео из Германии. Мы не можем оставаться здесь.

Скрежет металла выдергивает меня из мыслей. Цирк наполнен звуками с самого раннего утра: смеются и спорят по дороге на тренировку артисты, рабочие чинят вагончики и всякую технику, животные протестующе скулят. Когда-то – если бы я, конечно, могла задуматься о таком в прежние времена – я подумала бы, что работа в цирке – это весело. Но веселым кажется только представление, за тщательно выверенной хореографией стоит тяжелая работа. Даже здесь, на зимовке, куда работники цирка приезжают вроде бы отдохнуть, все встают перед рассветом, чтобы помочь с уборкой и подготовкой, а потом тренируются, минимум по шесть часов в день.

Я неохотно встаю и кладу Тео в колыбель. Его глаза следят за мной, пока я умываюсь в раковине. Застилаю постель, проводя руками по постельному белью, которое хоть и гораздо грубее тех прекрасных простыней в особняке, но все же в сто раз лучше всего, на чем мне приходилось спать с тех пор, как я покинула отчий дом. Я переехала сюда через день после своего появления в цирке. Это длинная комната, кровати в ней расставлены, как и положено в общежитии, в два ряда. Здесь почти никого нет, большинство уже ушли на тренировку или помогают с домашними делами. Я быстро одеваюсь и иду к двери вместе с Тео. Я не хочу показаться ленивой. Я должна усердно работать, чтобы заслужить свое место здесь.

Я отношу Тео к передней части помещения, где несколько малышей играют, сидя на земле. Скрепя сердце я передаю его Грете, она прижимает его к себе, щекочет его под подбородком, отчего он начинает смеяться. Во мне просыпается ревность, и я еле

сдерживаюсь, чтобы не схватить его обратно. Мне до сих пор не нравится делить его с кем-то.

Я заставляю себя уйти и направляюсь к тренировочному залу. Зима потихоньку начинает отступать. Воздух уже не такой кусачий, и снег начал таять, от чего земля становится грязной и пахнет болотным мхом. Весело щебечут птицы, занятые поиском семян. Когда погода позволяет, по вечерам, пока не стало слишком темно, я прогуливаюсь с Тео вокруг владений цирка, мимо тренировочного зала к зверинцу, где содержат тигра, львов и других животных, они кажутся такими неуместными на фоне снежного пейзажа с соснами, как персонажи, которых перенесло сюда из другой книжки. В цирке есть бесконечное количество мест, которые можно исследовать: от рабочих зданий, где машины стирают белье, до цирковой улочки, где репетируют некоторые из клоунов.

Я приближаюсь к тренировочному залу и останавливаюсь, стараясь унять свой ужас. Я тренируюсь с Астрид каждый день, но до сих пор так ни разу и не отпустила гриф и не полетела. Каждый день я готовлюсь к тому, что она сдастся и велит мне уйти. Но она просто повторяет: «Приходи завтра».

Она до сих пор не выставила меня за дверь. Но вместе с тем она относится ко мне как к досадному неудобству, дает понять, что предпочла бы, чтобы меня здесь не было, и просто терпит меня. Я снова и снова ломаю голову, чем я могла вызвать такую неприязнь. Это потому что я новенькая и мне не хватает таланта? И все же, она не всегда такая высокомерная. Несколько дней назад, когда я пришла, она дала мне маленькую коробочку. Внутри были аккуратно сложенная одежда для меня и Тео. Все внесли свой вклад. Доставая выцветшие чепчики и носочки и не единожды штопанные блузки для меня, я была тронута не только щедростью работников цирка, которые и сами были сильно ограничены в средствах, но также щедростью самой Астрид, которая позаботилась о том, чтобы собрать все это. Возможно, она все-таки не хотела, чтобы мы уходили.

Однако вчера, когда я подходила к тренировочному залу, я услышала, как они с герром Нойхоффом тихо переговариваются.

– Я делаю все, что могу, – сказала Астрид.

– Ты должна делать больше, – возразил герр Нойхофф.

– Я не могу ничего сделать, пока она не научилась отпускать гриф, – с нажимом сказала Астрид. – Нам нужно найти кого-то еще, прежде чем надо будет выезжать в тур.

Я ушла, мне не хотелось знать, что меня ждет, если договор не удастся выполнить. Изначально я сказала, что постараюсь стать лучше за две недели. Но время прошло, и я вдруг осознала, что хочу оставаться здесь и продолжать попытки. И не только потому, что мне некуда пойти.

Захожу в зал и удивляюсь, увидев Астрид на месте, где обычно стою я. Я опоздала? Морально готовлюсь к тому, что она сейчас будет ругать меня. Однако она хватается за гриф и прыгает.

– Оп! – Герда начинает качаться с другой стороны, чтобы поймать ее. В моем горле образуется странный комок, когда я смотрю на то, как Астрид работает с кем-то другим. Но теперь я вижу, как ей этого не хватало, как ей необходим воздух. Она, должно быть, ненавидит меня за то, что я заняла ее место.

Герда отправляет Астрид обратно, затем раскачивается, чтобы попасть на свою платформу.

Астрид взлетает высоко, она, как наездник, укрощающий дикого зверя, изгибает трапецию, как ей угодно. Она крутится: то используя лодыжки, то на одном колене, едва касаясь трапеции, в которую я всегда вцепляюсь изо всех сил. Герда смотрит на Астрид безразлично, почти неприязненно. Ни она, ни другие женщины не любят Астрид. Уже в первые дни пребывания здесь я слышала шепотки: их возмущало то, что Астрид вернулась и забрала место Герды в самом важном номере воздушных гимнастов, в то время как они работали над этим много лет подряд. Еще они возмущались ее романом с Петром, одним из немногих достойных мужчин, которые остались в цирке после начала войны. Девушки там, в общежитии, точно такие же: язвят и шепчутся друг о друге. Почему мы так жестоки друг с другом? Не понимаю. Разве нам мало тех трудностей, которые дает нам жизнь? Но даже если Астрид и замечает их холодность, кажется, она не придает этому значения. А, возможно, они ей просто не нужны. Я вот ей определенно не нужна.

– Она великолепна, не правда ли? – спрашивает низкий голос. Я не слышала, как подошел Петр. Мы тихо стоим, наблюдая за тем, как Астрид раскачивается все выше. Когда он смотрит на нее, его глаза

как будто светятся. Его дыхание слегка замирает, когда она подбрасывает себя в воздух или крутится – и не один или два, а все три раза. Она кружится, побеждая силу притяжения.

Но потом она внезапно падает вниз на огромной скорости. Петр делает шаг вперед, затем останавливается, не в силах помочь ей. Он быстро дышит, а Герда, которая в этот момент качнулась к ней, хватая ее за лодыжку, успевая поймать ее до того, как она начала падать на землю.

– Тройное сальто, – говорит он, оправляясь от страха. – Лишь несколько людей в мире способны на это. – Он пытается показаться равнодушным, но у него на лбу выступил едва заметный пот, теперь же его лицо расслабилось от облегчения.

– Она невероятная, – отвечаю я голосом, полным восхищения. В этот момент я не просто хочу быть как она – я хочу быть ей.

– Вот только бы она не подвергала себя такой опасности, – говорит Петр едва слышно, так что я не понимаю даже, должна ли я была это услышать.

Астрид возвращается на платформу и спускается к нам по лестнице. Ее кожа покрыта потом, но лицо сияет. Они с Петром смотрят друг на друга с таким голодом, что мне неловко находиться рядом, хотя они были вместе всего несколько часов назад, судя по тому, что ее кровать в общежитии пустовала всю ночь.

– Готова? – спрашивает она, не отводя глаз от Петра. Как ни странно, она все еще помнит, что я здесь.

Я киваю и отправляюсь к лестнице. Человек шесть или около того репетируют: крутят обручи, делают сальто, ходят на руках. Мое расписание занятий с Астрид не изменилось с первого дня: тренировка с семи до пяти, с небольшим перерывом на перекус. Думаю, я стала лучше. Но несмотря на это, я так и не смогла отпустить гриф и полететь. Это не значит, что я не пыталась. Я бесконечно раскачиваюсь на трапеции, чтобы сделать руки сильнее. Вишу ногами кверху, пока кровь не приливает в голову, лишая меня возможности думать. Но отпустить перекладину я не могу, а без этого – Астрид повторяла это вновь и вновь – не будет номера. Мы начинаем с движений, которые мы уже тренировали раньше, я качаюсь на руках, затем вишу на согнутой ноге и на лодыжках.

– Следи за руками, даже когда они за твоей спиной, – командует Астрид. – Это не просто представление. В театре все двухмерное, как на картине. Там зрители видят только то, что спереди. Но в цирке зрители вокруг нас, мы для них как скульптура. Пусть это будет изящно, как в балете. Не борись с ветром, подружись с ним.

Все утро мы ходим вокруг да около, не приступая к тому, чего я так боюсь.

– Готова? – спрашивает, наконец, Астрид после перерыва. Я не могу больше избегать этого. Поднимаюсь на лестницу, к площадке, Грета идет за мной, становится рядом.

– Ты должна отпустить перекладину, когда будешь в самой высокой точке, – кричит Астрид с другой платформы. – А затем, всего через секунду, я поймаю тебя, когда ты будешь снижаться. – Все это мне понятно, но я прыгаю и точно так же, как и раньше, не могу отпустить перекладину.

– Все бесполезно, – говорю я вслух. Раскачиваясь, я успеваю ухватить взглядом горизонт, который виден из одного из огромных окон тренировочного зала. Там, за холмами, дорога из Германии, путь к безопасности и свободе. Вот бы мы с Тео могли просто раскачаться и улететь отсюда. В голове вдруг возникает мысль: поехать с цирком во Францию. Подальше от Германии, там мы с Тео сможем сбежать куда-нибудь, где будет безопасно. Но этого никогда не случится, если я не научусь отпускать перекладину.

– Ты уже все, да? – спрашивает Астрид, когда я возвращаюсь обратно на платформу. Она старается, чтобы ее голос звучал ровно, как будто я ее уже настолько разочаровала, что это нельзя сделать снова. Но я слышу этот слабый оттенок грусти где-то в глубине ее голоса. Выходит, в глубине души она отчасти думает, что я могу справиться – что делает мой провал еще ужаснее.

Я смотрю в окно еще раз, моя мечта о побеге с Тео как будто удаляется от меня. Цирк – это наш билет из Германии – или станет им, если я справлюсь.

– Нет! – выпаливаю я. – Я хочу попробовать еще раз.

Астрид пожимает плечами, как будто она уже потеряла на меня надежду.

– Как знаешь.

Когда я прыгаю, Астрид тоже срывается с другой платформы и качается на ногах.

– Оп! – зовет она. В первый раз я не отпускаю.

Во второй раз Астрид раскачивается выше, приближаясь ближе ко мне.

– Сделай же это! – приказывает она. Я вспоминаю вчерашний разговор Астрид с герром Нойхоффом и понимаю, что время подходит к концу.

Сейчас или никогда. Все зависит от этого.

Я долго смотрю в глаза Астрид, и в этот момент я доверяю ей полностью.

– Сейчас! – командует она.

Я отпускаю перекладину. Закрыв глаза, я мчусь в пространстве. Забывая все, чему научила меня Астрид, я развожу руки и ноги в разные стороны, от чего начинаю падать быстрее. Падаю к ней навстречу, но я слишком низко. Она не успевает поймать меня, и я камнем падаю вниз. Теперь ничто не разделяет меня с землей, которая становится все ближе во время падения. В этот миг я вижу Тео и переживаю, кто же позаботится о нем, когда меня не станет. Я раскрываю рот, но руки Астрид сцепляются вокруг моих лодыжек раньше, чем я успеваю закричать. Она меня поймала.

Но это еще не конец. Вишу головой вниз, беспомощно, как ягненок на заклинание.

– Поднимайся, – велит она, можно подумать, это просто. – Я не смогу помочь тебе. Ты должна сделать это сама. – Я использую всю свою силу, чтобы подтянуться, борясь с силой притяжения, выполняю номер по самому впечатляющему поднятию корпуса в мире, и, наконец, хватаюсь за нее.

– Хорошо, теперь, когда я скажу «сейчас», я отправлю тебя обратно с полуповоротом, чтобы ты была лицом к грифу, – объясняет она.

Я леденею. Она ведь это не всерьез? Предлагать мне снова пролететь по воздуху к перекладине, которая находится так далеко, да еще и так быстро?

– Я не смогу.

– Ты должна. Сейчас!

Она швыряет меня в воздух, и перекладина встречается с моими пальцами. Крепко схватившись за нее, я понимаю, что теперь мне

почти ничего не надо делать – она может направить меня так точно, как марионетку. Но мне все равно жутко.

Я добираюсь до платформы, ноги у меня трясутся, Герда помогает мне обрести равновесие перед тем, как надо будет спуститься с лестницы. Астрид, которая уже спустилась со своей стороны, ждет, пока Герда уйдет, а потом поднимается ко мне.

– Это было опасно, – говорю я, когда она подходит ближе. Я ожидаю, что она похвалит меня за то, что у меня, наконец, получилось.

Но она смотрит на меня пристально, и я подозреваю, что она злится на меня и накажет за паникерство.

– Твой брат, – говорит она. Гнев, который она скрывала раньше, кипит в ее глазах, неожиданно оказавшись на свободе.

Она застигла меня врасплох, неожиданно заговорив об этом.

– Я не понимаю...

Она не обсуждала со мной Тео с того самого первого дня, когда мы тренировались. Почему она спрашивает теперь?

– Дело в том, что я тебе не верю.

Она говорит сквозь зубы, ее ярость очевидна.

– Я думаю, ты лжешь. Тео не твой брат.

– Конечно же, он мой брат, – запинаясь я. Почему у нее вдруг появились подозрения?

– Он на тебя совсем не похож. Мы дали тебе место здесь, а ты воспользовалась нами в своих интересах и лгала нам.

– Это не так, – протестую я.

Она продолжает, я ее не убедила.

– Я думаю, что у тебя были какие-то неприятности. Он твой незаконнорожденный сын.

Я отшатнулась от нее, не столько от хлестких слов, сколько от того, как близко она попала.

– Но ты же сама только что сказала, что он на меня совсем не похож.

– Значит, он похож на отца, – настаивает она.

– Тео не мой ребенок.

Я произношу каждое слово медленно и решительно. Как это тяжело – отречься от него, хотя это правда.

Она упирает руки в бедра.

– Как мне с тобой работать, если я не могу тебе доверять? – Она не ждет моего ответа. – Он не может быть твоим братом.

И тут она грубо сталкивает меня с платформы.

Я падаю, и в воздухе нет ни точки опоры, ни перекладины, за которую можно было бы ухватиться. Я открываю рот, чтобы закричать, но в легких не находится воздуха для крика. Это похоже на сон, в котором летаешь, с той лишь разницей, что мой полет направлен строго вниз. Теперь ни трапеция, ни тренировки не помогут мне. Я жду удара, боли и темноты, которые неизбежно последуют за ним. Сетка явно не рассчитана на то, чтобы удержать человека, летящего с такой скоростью.

Я приземляюсь на сетку, она трясется на расстоянии нескольких сантиметров от пола, так близко к нему, что я чувствую запах сена, лежащего под ней, и еще не выветрившегося навоза. Затем я подлетаю вверх, я снова в воздухе, сетка лишь отчасти погасила удар. Только на третий раз я приземляюсь на трясущуюся сетку, и она не подбрасывает меня вновь, но качается, как колыбель. Тогда я понимаю, что все закончилось.

Несколько секунд я лежу, пытаюсь отдышаться и ожидая, что кто-то из других артистов придет мне на помощь. Но все исчезли, предчувствуя беду, а может, увидели, что происходит, и не захотели вмешиваться. В тренировочном зале остались только я и Астрид.

Я вылезая из сетки, а затем иду к Астрид, которая уже спустилась с лестницы.

– Как ты могла? – спрашиваю я. Теперь моя очередь злиться. – Ты меня чуть не убила. – Я знаю, она меня не любит, но я никогда не думала о том, что она хочет мне смерти.

Она насмешливо улыбается.

– Я бы тоже была в ужасе. Не буду винить тебя, если ты уйдешь.

Я с вызовом поднимаю плечи.

– Я не уйду.

После того, что произошло, я ни за что не доставлю ей такое удовольствие.

В зал вбегает Герр Нойхофф, он слышал грохот, с которым я упала.

– Милая, ты в порядке? Вот ведь беда!

Увидев, что я в порядке, он делает шаг назад и складывает руки на поясе.

– Что случилось? Несчастный случай и вопросы, которые за ним последуют, – это не то, что мы сейчас можем себе позволить. Ты ведь это понимаешь, – говорит он, обращаясь к Астрид.

Я в нерешительности. Астрид косится на меня с беспокойством. Я могу рассказать ему ужасную правду о том, что она сделала. Но, возможно, он не поверит мне без явных доказательств. И что тогда это изменит?

– Я соскользнула, – вру я.

Герр Нойхофф кашляет, затем опускает руку в карман и достает таблетку. Я впервые вижу, чтобы он так делал.

– Вы болеете? – спрашивает Астрид.

Он отмахивается, словно говоря, что это не важно.

– Ты должна быть аккуратнее, – предупреждает он. – В два раза больше тренировок на этой неделе. Не начинай ничего нового, пока ты еще не готова. – Потом он поворачивается к Астрид. – Ты тоже не заставляй ее, если она не готова.

– Да, сэр, – говорим мы почти хором. Герр Нойхофф тяжелыми шагами уходит из зала.

Между мной и Астрид что-то происходит в этот момент. Я не сдала ее. Я жду, что она что-нибудь скажет.

Но она просто уходит.

Я следую за ней в раздевалку, и во мне закипает гнев. Что она мнит о себе, если позволяет себе так со мной обращаться?

– Как ты могла? – спрашиваю я, слишком разозленная, чтобы переживать о своей невежливости.

– Ну и уходи тогда, если все так плохо, – поддразнивает она. Я обдумываю этот вариант: возможно, стоило бы и уйти. Меня здесь ничто не держит. Я в полном порядке, и погода тоже уже наладилась, почему бы не взять Тео и не пойти в ближайший город, не подыскать себе какую-нибудь простую работу. Быть одной и без вещей и крыши над головой все же лучше, чем оставаться там, где тебе не рады. Я сделала так однажды, смогу сделать и снова.

Но я не могу это так просто оставить.

– Почему? – спрашиваю я. – Что я тебе сделала?

– Ничего, – фыркнув, признает Астрид. – Ты должна была понять, каково это – падать.

Значит, она планировала это. Ради чего? Не для того, чтобы убить меня: она знала, что сетка выдержит. Нет, она хотела напугать меня, хотела, чтобы я сдалась. Я снова задаюсь вопросом, почему же она так ненавидит меня. Просто потому, что гимнастка из меня ужасная и я никогда не справлюсь с номером? Я сделала то, что она просила, и отпустила перекладину. Нет, есть что-то другое. Я вспомнила, как ее глаза сверкали от гнева, когда она обвинила меня в том, что я лгу о Тео и своем прошлом. Ее слова точно отозвались эхом во мне: «Как мне с тобой работать, если я не могу тебе доверять?» Если я расскажу ей правду о своем прошлом, она, быть может, примет меня. Или же это окажется последней соломинкой, после чего она захочет, чтобы я ушла сейчас же и навсегда.

Я делаю глубокий вдох.

– Ты была права: Тео... не мой брат. – На ее губах играет улыбка, «я так и знала». – Но все не так, как ты думаешь, – быстро добавляю я. – Он еврей.

Самодовольное выражение спадает с ее лица.

– Как он у тебя оказался?

У меня нет причин доверять ей. Она ненавидит меня. Но я уже начала рассказывать.

– Я работала уборщицей на вокзале в Бенсхайме. – Я решила умолчать о той части истории, которая привела меня на вокзал – о своей собственной беременности. – И однажды ночью там остановился вагон. Он был набит младенцами, которых отняли у родителей. – Мой голос срывается, когда я вспоминаю, как они лежали на холодном полу вагона, доживали последние минуты своей жизни. – Тео был одним из них, – продолжила я и объяснила, как забрала его оттуда и убежала.

Когда я закончила, она пристально смотрела на меня несколько секунд, ничего не говоря.

– Выходит, то, что ты сказала герру Нойхоффу – ложь.

– Да. Теперь ты знаешь, почему я не могла ничего сказать.

Я всем телом чувствую облегчение от того, что смогла поделиться хотя бы частью истории с ней.

– Знаешь, уж кто-то, а герр Нойхофф бы понял, – говорит она.

– Я знаю, но я не сказала этого в самом начале... И не могу сказать сейчас. Пожалуйста, не говори ему. – Я слышу жалобный тон в

собственном голосе.

– А что с Тео, ты просто схватила его и побежала? – спросила она.

– Да. – Я задерживаю дыхание, ожидая ее реакции.

– Это смело, – говорит она, наконец. Комплимент она делает крайне неохотно, больше как одолжение.

– Я должна была взять еще кого-нибудь, – отвечаю я. Грусть, которую я чувствую каждый раз, когда думаю о тех младенцах в поезде, переполняет меня и грозит перейти через все барьеры. – Там было так много детей. – Теперь, конечно, они все мертвы.

– Нет, если бы ты взяла больше, то привлекла бы внимание и не смогла бы убежать так далеко, как тебе удалось. Но почему ты просто не взяла ребенка и не пошла домой? – спросила она. – Твоя семья наверняка поняла бы твой поступок и помогла бы тебе.

Я хочу рассказать ей всю историю и объяснить, почему мои родители были так разгневаны. Но слова застревают у меня в горле.

– То, что я сказала о своем отце – это правда, – выдавливаю я, возвращаясь к этой лжи снова. – Именно поэтому я ушла, поэтому я и попала на вокзал.

– А твоя мать?

– Она не очень смелая. – Еще одна полуправда. – Кроме того, я не хотела подвергать их опасности, – добавляю я. Астрид спокойно смотрит на меня, и я жду, что она скажет об опасности для нее и всего цирка. Я рассказала ей о Тео, надеюсь, что так она, возможно, будет готова принять меня. Но что, если все наоборот?

Снаружи раздается резкий грохот, чья-то машина затормозила, затем раздались незнакомые мужские голоса. Я поворачиваюсь к Астрид:

– Что это?

Однако она уже отвернулась от меня и побежала к дальней двери раздевалки, ведущей наружу.

До того, как я успеваю позвать ее, ближайшая дверь раздевалки распаивается настежь и из зала в раздевалку вваливаются два человека в форме, Петр идет вслед за ними.

– Офицеры, уверяю вас...

Я замираю, мои ноги каменеют. Это первые люди в форме, которых я видела с тех пор, как пришла из Дармштада, и это не обычные штуполицаи, которых я видела на вокзале, а настоящие

нацисты из СС^[18]. Они пришли за мной? Я надеялась, что мое исчезновение с Тео уже давно забыто. Но трудно представить, какие еще дела могли привести их в цирк.

– *Фройляйн...* – Один из мужчин, постарше, с седеющими висками, спрятанным под шапкой, делает шаг ко мне. Я молюсь, чтобы они забрали только меня. К счастью, Тео не со мной, но в безопасности. Но если его увидят...

В ужасе оборачиваюсь, пытаюсь найти Астрид. Она придумала бы, что делать. Я делаю шаг, чтобы пойти за ней. Но глаза Петра, стоящего за мужчинами, сверкают. Он пытается предупредить меня о чем-то.

Когда офицер подходит ближе, я мысленно готовлюсь к аресту. Но он просто подходит, достаточно близко, с ухмылкой посматривая в глубокий вырез моего трико.

– Мы получили сообщение, – говорит второй офицер. Он моложе лет на десять, стоит позади, и ему, похоже, некомфортно стоять в тесной раздевалке. – О лице еврейской национальности, – добавляет он. Ужас пронзает меня, точно нож. Значит, они все-таки знают о Тео.

Мужчины начинают обыскивать раздевалку, открывая шкафы и заглядывая под столы. Они серьезно думают, что мы спрятали ребенка здесь? Я готовлюсь к вопросам, которые непременно последуют дальше. Но офицеры уходят в зал так же быстро, как вошли. В холодном поту я опираюсь на стол в раздевалке, меня трясет. Я должна добраться до Тео прежде, чем это сделают они, и бежать. Я направляюсь к двери.

Затем я вдруг слышу какой-то скрежет под ногами. Посмотрев вниз, я ухватываю взглядом Астрид под деревянными половицами. Она каким-то образом забралась в подпол. Что она здесь делает? Я опускаюсь на корточки, в нос мне ударяет резкий запах навоза и нечистот.

– Астрид, я...

– Тс-с-с!

Она свернулась в плотный комочек. И прячется.

– Что ты делаешь?.. – Я прерываюсь на полуслове, когда в комнату снова входит офицер постарше.

Я встаю, расправляя юбку и наступая на щель, через которую увидела Астрид.

– Извините! – восклицаю я, изображая стыдливость. – Но это женская раздевалка и мне нужно переодеться.

Но офицер продолжает смотреть на половицы. Он увидел ее? Он поднял голову, оглядывая меня.

– Ваши документы?

Я застываю. В ночь, когда я нашла Тео, я бежала со станции без оглядки и оставила свой паспорт там. Герр Нойхофф достанет мне документы, как обещала Астрид, перед тем, как мы поедем в тур, то есть если я справлюсь с номером. Но сейчас у меня их нет.

– Мне нужно сходить за ними, – недолго думая блефую я. На лице Петра читается одобрение: да, уведи их подальше отсюда, потяни время. Я иду к двери, ведущей из раздевалки в тренировочный зал.

– Иди за ней, – командует он молодому офицеру, который стоит без дела у прохода.

Во мне поднимается паника: если они пойдут за мной, то увидят Тео и начнут задавать вопросы. – О, это совсем не обязательно. Это займет всего минуту.

– Отлично, – говорит старший, – но, перед тем как вы уйдете, у меня есть несколько вопросов. – Я застываю на месте, кожу начинает покалывать. Он достает сигарету из кармана и зажигает ее. – Женщина на трапедии.

– На трапедии была я, – выдаю я, надеясь, что никто не заметил дрожи в моем голосе.

– Не вы. Женщина с темными волосами. – Они, должно быть, видели Астрид через окно зала. – Где она?

До того, как я успеваю ответить, вбегает герр Нойхофф.

– Господа, – говорит он, будто приветствуя старых друзей. Видимо, они приходят не в первый раз. – Хайль Гитлер. – Он приветствует их так естественно, что мне становится не по себе.

Но офицер не улыбается.

– Халло, Фриц. – Он обращается к герру Нойхоффу так фамильярно, в его голосе нет и намек на уважение. – Мы ищем артистку, было заявлено о том, что она еврейка. Есть ли у тебя такие?

– Нет, разумеется, нет, – негодует герр Нойхофф, он кажется почти оскорбленным таким предположением. – Цирк Нойхоффов – исключительно немецкий. Евреям запрещено выступать.

– Хочешь сказать, что в цирке нет евреев? Они ведь горазды на уловки, я знаю.

– Я немец, – отвечает герр Нойхофф. Как будто это все объясняет. – Мой цирк юденфрай, – «Свободен от евреев». – И вы, господа, об этом знаете.

– Не припоминаю ее, – говорит офицер, кивая головой в мою сторону. У меня уходит земля из-под ног. Он думает, что я еврейка?

– У нас всегда так много новых артистов каждый год, – небрежно говорит герр Нойхофф. Я задерживаю дыхание, ожидая, что мужчина будет спрашивать что-то еще. – Ноа присоединилась к нам в этом году, она из Нидерландов. Разве не истинная арийка? Идеал нашего фюрера. – Я восхищаюсь тем, как искусно он все обставляет, но мне мерзко от того, что ему приходится делать это. – Майн херрен^[19], вы проделали такой долгий путь. Приглашаю вас на рюмочку коньяка.

– Сначала мы закончим с инспекцией, – говорит офицер, ничуть не смутившись. Он резко открывает шкаф во второй раз, заглядывает в него. Затем он останавливается, стоя точно на том месте, где прячется Астрид. Я задерживаю дыхание, ногти вонзаются мне в ладони. Если он посмотрит вниз, то непременно увидит ее.

– Пойдемте, пойдемте, – уговаривает их герр Нойхофф. – Здесь нечего искать. Просто выпьете немного, а потом вам, наверное, нужно ехать обратно, чтобы вернуться в город до темноты.

Офицеры выходят из раздевалки, герр Нойхофф и Петр следуют за ними.

Когда они уходят, я падаю на стул, дрожа всем телом. Астрид под половицами не издает ни звука, она пока не решается выйти.

Через несколько минут возвращается Петр.

– Они ушли.

Я иду вслед за ним наружу. На стене зала, с краю, есть крошечная дверь в подвал, она спрятана за тачкой. Он почти выламывает ее и помогает Астрид выбраться из укрытия. Она бледна, на нее налипло сено с навозом. – Ты в порядке? – Я смотрю, как он обнимает ее, на этот нежный момент. Я должна оставить их одних. Но она отворачивается от него. Ее гордость задета, она не подпустит его ближе.

Я иду вслед за ними обратно в зал. Нахожу кусочек ткани и мочу его в одном из ведер.

– Спасибо тебе, – говорит Астрид, когда я передаю ей тряпку. Это самая теплая интонация, которую я когда-либо от нее слышала. Дрожащими руками она стирает коричневую жижу с волос и шеи.

Я еле сдерживаюсь, чтобы найти слова, у меня столько вопросов.

– Астрид, ты спрята...

– Трюк великого Болдини. Он выступал с моей семьей много лет назад в Италии. – Она улыбается. – Не спрашивай, как мне это удалось. Хороший волшебник не выдает своих секретов.

Но у меня нет сил на шутки.

– О, Астрид! – У меня текут слезы. Пусть она ненавидит меня, я не могу не переживать за нее. – Они почти нашли тебя!

– Но не нашли же, – отвечает она с самодовольными нотками в голосе.

– Но зачем ты им? – настойчиво продолжаю я, хотя понимаю, что мои вопросы для нее сейчас – это уж слишком. – Почему ты пряталась?

– Милая... – Петр прерывает нас, предостерегая.

– Ей можно верить, – говорит Астрид. Я выпрямляю спину от гордости. – Она все равно скоро узнает.

Однако она кусает губу, оглядывая меня и решая, стою ли я доверия.

– Как видишь, Тео не единственный еврей в цирке. Я тоже еврейка.

Ошеломленная, я стою в тишине. Я даже не думала, что Астрид может быть еврейкой, хотя, учитывая ее темные волосы и глаза, это логичный вывод.

Я выдыхаю и благодарю Бога за то, что я не рассказала ей обо всем моем прошлом и о немецком солдате. Что-то меня удержало. И это к лучшему: если бы я рассказала, она бы точно вышвырнула меня отсюда.

– Я была младшей из пяти детей в нашем семейном цирке, – добавляет она. – Наше место зимовки было рядом с владениями герра Нойхоффа. – Теперь я вспоминаю темный заброшенный дом на другой стороне холма, Астрид часто смотрела на него, когда мы ходили между женским общежитием и тренировочным залом. – Потом я уехала отсюда, вышла замуж за Эриха и жила в Берлине. – Я украдкой бросаю взгляд на Петра, интересно, тяжело ли ему слышать

о мужчине, которого Астрид любила раньше. – Он был старшим офицером в Рейхе. – Еврейка, замужем за высокопоставленным нацистом. Я пытаюсь представить, какой была ее жизнь. Я тренировалась бок о бок с Астрид, думая, что узнала ее лучше, но теперь перед моими глазами предстает совершенно другой человек.

Она продолжает:

– Когда я вернулась обратно в Дармштадт, моя семья исчезла. Меня приютил герр Нойхофф. При рождении мне дали имя Ингрид. Мы изменили его, чтобы никто не узнал. – Мне сложно представить, что она была отвергнута. В голове у меня всплывает картинка: мой отец стоит в дверном проеме и приказывает мне уйти. Вся та забытая боль, которую я так старательно вытесняла на протяжении многих месяцев, вдруг всколыхнулась во мне, такая же ужасная, как в день, когда это произошло.

– Что же с твоей семьей? – спрашиваю я, опасаясь ответа.

– Их больше нет. – Ее глаза пусты и печальны.

– Ты не знаешь этого наверняка, – мягко говорит Петр, обнимая ее одной рукой. На этот раз она не отворачивается, но кладет голову ему на плечо, ища поддержки.

– Когда я вернулась, была зима, они должны были быть здесь, – говорит она опустошенно и качает головой. – Они бы не успели уйти далеко от немцев. Нет, теперь я одна. Но я до сих пор вижу перед глазами их лица. – Она поднимает подбородок. – Не жалею меня, – говорит она. Как я могу? Она такая сильная, красивая и смелая.

– Такое часто происходит? – киваю я в сторону, куда ушли полицейские.

– Чаще, чем хотелось бы. Все нормально, правда. Время от времени проводят проверки. Иногда полиция приходит, чтобы проверить соблюдаем ли мы нормы. Чаще всего они просто трясут нас, а герр Нойхофф дает им немного марок, чтобы они смотрели в другую сторону.

Петр мрачно качает головой.

– В этот раз все иначе. Это СС – и они искали тебя.

Ее лицо потемнело.

– Да.

– Нам надо уходить, – говорит Петр, лицо у него точно каменное. Я видела его репетиции, но все равно не могу представить, чтобы этот

мрачный задумчивый мужчина веселил толпу. – Уходить из Германии. – Он произносит эти слова отрывисто, спешно выдыхает одно за другим. Он думает об Астрид – она должна уехать за границу как можно скорее, так же как и я должна отправить Тео в безопасное место.

– Еще пара недель, – говорит она, успокаивая его.

– Мы будем во Франции, – продолжаю я.

– Думаешь, во Франции лучше? – спрашивает Петр.

– Не велика разница, по правде говоря, – объясняет Астрид, отвечая мне. Когда-то мы могли быть в безопасности в «свободной зоне». Но теперь нет. – В первые годы войны Вишистская Франция^[20] технически не была оккупирована. Но немцы разделались с этим марионеточным режимом два года назад и получили контроль над всей страной.

– Я должен поговорить с герром Нойхоффом, – говорит Петр. – Астрид, ты подождешь тут? – Хотя он обращается к Астрид, он смотрит на меня, как бы спрашивая, позабочусь ли я о ней.

Я не знаю, как быть. Мне так хочется проведать Тео, убедиться, что немцы его не видели. Но я не могу оставить Астрид одну.

– Иди, – приободряю я, поднимая руку. – Я все равно хотела спросить Астрид о том, что мы сегодня делали на тренировке, и мне нужно замотать больную лодыжку. – Хочу, чтобы это прозвучало так, как будто это мне нужна ее помощь, а не наоборот.

– Давай мне, – говорю я, забирая у нее промокшую тряпку, когда Петр уходит. Кладу тряпку обратно в ведро, где и нашла ее, опускаясь на корточки, чтобы прополоскать ее и выжать. Когда я встаю, Астрид смотрит из окна на долину. Я задаюсь вопросом, о чем она думает: о том, что эсэсовцы вернутся, или о своей семье, а может, и о том, и о другом.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

– Прости, – отвечает она. – То, что я сделала – было неправильно.

У меня уходит некоторое время на то, чтобы осознать, что она имеет в виду трапецию, то, что она столкнула меня. Со всем, что только что произошло, я уже совсем забыла об этом.

– Теперь я понимаю. Ты хотела, чтобы я не боялась.

Она качает головой.

– Только плуццы не боятся. Страх помогает нам удерживаться на грани. Я хотела, чтобы ты поняла, что может случиться с тобой в худшем случае, чтобы быть готовой к этому и сделать все, чтобы этого все-таки не произошло. Папа сделал то же самое – мне было четыре года. – Я пытаюсь представить, как кто-то сталкивает маленького ребенка с высоты двенадцати метров. В любом другом месте это было бы преступлением. Но здесь это тренировка, так принято.

– У тебя есть чемодан? – спрашивает Астрид, сменив тему. Я качаю головой. Я ушла из Бенсхайма, не взяв ничего, и у меня есть только те вещи, которые она собрала для нас с Тео. – Что ж, надо достать тебе один... Если ты остаешься. Ты ведь остаешься? – В ее глазах испуг и такая ранимость, которой там раньше не было, – или мне просто не доводилось видеть ее прежде. – Мы не можем выступать на трапеции без третьей гимнастки, а я должна выступать. – После того, как пришли немцы, все точно перевернулось, и теперь она упрасивает меня, нуждаясь во мне так, как я и представить себе не могла. Я заминаюсь, обдумывая свой ответ.

Той ночью я лежу в кровати с открытыми глазами. Рядом сопит Астрид, впервые с тех пор, как я начала жить здесь, она не ушла к Петру. Я думаю обо всем, через что ей довелось пройти. Нас обеих выставили за дверь те, кого мы любили: меня – родители, ее – муж. И мы обе потеряли свои семьи. Возможно, мы не такие уж разные.

Но Астрид еврейка. Меня пробирает холодный пот от того, какая опасность нависла над ней. Мне сложно было бы даже вообразить такую ситуацию. Я дотягиваюсь до ее руки, как бы проверяя, что она все еще здесь, в безопасности. Я думаю, что не должна была так удивляться, узнав правду о ней. Во время войны у всех нас появляется прошлое, не так ли? Даже у такого крошечного ребенка, как Тео. Каждый должен скрывать правду и заново создавать свою личность, чтобы выжить.

Не в силах заснуть, я выползаю из-под Тео и поднимаюсь с кровати. На цыпочках я пробираюсь мимо Астрид, прочь из спальни, перехожу поле в холодной темноте. Мерзлая земля под моими ногами скрипит и хрустит. В тренировочном зале воздух плотный от канифоли и высохшего пота. Я смотрю на трапецию, но одна тренироваться не решаюсь.

Вместо этого я иду в раздевалку и пристально смотрю на место, где пряталась Астрид. Каково ей было лежать там? Выскользнув через другую дверь раздевалки в холодный ночной воздух во второй раз, я подхожу к двери в подвал и открываю ее. Защелку заедает, и я поражаюсь тому, как Астрид смогла уместиться в таком крошечном месте, да еще и так быстро. Я не могу открыть заслонку. Сердце стучит все чаще. Внезапно я чувствую себя так, как будто это я убегаю от немцев, как будто это меня вот-вот поймают.

Дверь открывается, и я забираюсь внутрь. Потом я закрываю дверь и лежу в темноте. Пространство длинное и узкое, здесь место только для одного человека, и то здесь можно уместиться только лежа. Возможно, здесь поместился бы еще ребенок. Сможем ли мы спрятать здесь Тео вместе с Астрид, если полиция придет снова? Он может заплакать. Младенца – хоть он и меньше – труднее спрятать. Я вдыхаю воздух: удушающий, со зловонным запахом гниения.

Разум возвращается к моменту, когда Астрид попросила меня не уходить из цирка. Я не ответила сразу. После того, как я узнала ее секрет, мое бремя словно стало еще тяжелее, и я не могла не задаваться вопросом: не будет ли нам с Тео безопаснее одним.

Но потом я увидела мольбу в ее глазах. Она нуждается в помощи, но не хочет просить о ней.

– Я останусь, – пообещала я. Я не могу бросить ее сейчас.

– Хорошо, – ответила она, в ее голосе прозвучало больше обличения, чем она хотела бы продемонстрировать. – Сейчас ты нужна нам больше, чем когда-либо. – Слова точно застревали у нее в горле. – Завтра мы начнем заново.

Она встала и ушла. Вспоминая об этом сейчас, я осознаю, что она так и не поблагодарила меня.

Да это и не важно. Астрид нуждается во мне, и в этот момент, когда я лежу на ее месте под землей, я готова сделать все, чтобы защитить ее.

Глава 7

Астрид

Мы выехали из Германии. Наконец-то.

Все мое тело расслабляется, когда пограничная станция с плоской крышей исчезает в темноте. Я лежу на спине рядом с Петром на двойной койке, которая занимает большую часть его жилья в поезде. Он тихо храпит, бормочет что-то во сне.

Прошло больше месяца с тех пор, как эсэсовцы приходили в тренировочный зал в Дармштадте, задавали вопросы о еврейке, выступающей с цирком. Конечно, мы готовились к тому, что надо будет прятаться, планировали возможные способы их отвлечь, рассчитывали, сколько шагов займет путь до подвала из разных мест, насколько трудно мне будет самой открыть тяжелый деревянный люк. У нас даже были кодовые слова: если герр Нойхофф, или Петр, или кто-либо еще скажет мне «иди на рыбалку», то я должна была направиться в подвал, а «иди в поход» значило, что я должна совсем уйти с территории цирка. Но нас застали врасплох. Когда приехали эсэсовцы, я едва успела выбежать через заднюю дверь, прежде чем они ворвались в тренировочный зал. Да и какая разница – ничто не подготовило бы меня к тому, чтобы неподвижно лежать под землей в этом холодном темном месте. Задышаться, лежа под землей – это самое неожиданное, что может последовать за свободой, которую я чувствую, летая в воздухе. Это смерть.

Вспоминая это, я прижимаюсь к Петру, впитывая ощущение надежности и тепло, исходящее от него. Кто сказал им, что в цирке еврейка? Я почти не ходила по территории, когда мы были на зимовке, но, возможно, почтальон или другой посетитель выследил и раскусил меня. Или же это был кто-то из своих? Я стала смотреть на других артистов и работников иначе, задаваясь вопросом, не захотел ли кто-то из них от меня избавиться. Никому нельзя верить. Кроме Петра, конечно. И Ноа. Ей тоже есть что терять, возможно, даже больше.

Эсэсовцы больше не появлялись. Тем не менее, мои нервы были на пределе с того самого дня. Дни до отъезда тянулись медленно, каждый из них – новая угроза быть обнаруженной. Опасность стала реальнее, чем когда-либо.

Это странно, но я думаю об Эрихе. Что бы обергруппенфюрер^[21] подумал о своей жене, которая прячется от его коллег под землей, как животное, на которое объявлена охота? Я вижу его лицо перед собой ярче, чем раньше, думаю, как он объяснил мое исчезновение нашим друзьям и соседям? «Уехала навестить больного родственника», – могу представить, как он говорит эту фразу своим мягким голосом, который я когда-то так любила. А возможно, никто и не спрашивал. Остался ли он в той квартире, которая все еще немного пахла мной, пользовался ли вещами, которые когда-то были нашими общими, или того хуже – привел туда другую женщину? Он мог переехать. Эрех не из тех, кто цепляется за прошлое.

Петр рядом со мной пошевелился, и я виновато отогнала все мысли об Эрихе. Когда Петр поворачивается ко мне, я ощущаю его желание через ткань одежды. Его руки обнимают меня, находят край моей сорочки. Это часто происходит вот так, в середине ночи. Не раз я просыпалась от того, что он был уже внутри меня, по-первобытному готовый к действию. Когда-то меня бы это задело, но теперь я благодарна тому, как прямолинейно его желание, которое появляется даже без романтического контекста.

Я забираюсь на него верхом – под моей сорочкой нет белья – и кладу ладони на его теплую грудь, вдыхая смесь из алкоголя, табака и пота. Затем я медленно и размеренно раскачиваюсь в такт движению поезда. Петр поднимает руки, обхватывает ими мой подбородок, заставляя меня опустить взгляд на него. Обычно он держит глаза закрытыми, как будто уходит в другой мир. Но сейчас он смотрит на меня неотрывно, как никогда прежде. Он как будто пытается раскрыть тайну или открыть какую-то дверь. Глубина его взгляда как будто что-то высвобождает во мне. Я начинаю двигаться быстрее, желая большего, тогда как жар внутри меня становится сильнее. Его руки на моих бедрах, направляют. Он закатывает глаза. Когда моя страсть доходит до пика в этом безмолвном отточенном действии, я падаю вперед и кусаю его за плечо, заглушая стоны, чтобы они не разносились эхом по вагонам.

Затем я перекатываюсь на койку, лежу рядом с Петром. Его пальцы путаются в моих волосах, и он мягко шепчет себе под нос что-то на русском. Тесно прижимается ко мне, целуя мой лоб, щеки, подбородок. Его страсть удовлетворена, и теперь его прикосновения нежны, а взгляд теплый.

После этого он погружается в дремоту, одна рука вытянута над головой в движении, напоминающем сдающегося пленного, другая лежит у меня на груди, прижимая своей тяжестью. Спит он, однако, беспокойно, мечется. Сражения под его веками никогда не останавливаются. Я думаю о том, что он видит. Это для меня как глава книги, которую я никогда не читала. Я мягко глажу его рукой, и он успокаивается.

Мы стали любовниками прошлым летом, в туре. Сначала мы просто сидели долгими вечерами у костра на заднем дворе за шатром, уже после того, как все уходило спать. Только потом начались ночи, вроде этой, когда мы находили утешение в обществе друг друга. В Петре есть глубокая печаль, трагедия, о которой я не решаюсь спрашивать. В иные лихорадочные моменты он как будто пытается вернуть прошлое. Я тоже не рассказывала ему в подробностях о тех годах, которые я провела вне цирка, с Эрихом. Жизнь с Петром вся про «здесь и сейчас». Мы вместе просто для того, чтобы быть вместе – в основе наших отношений нет ни прошлого, ни будущего, ни обещаний, которые мы, возможно, не сможем сдержать. Та часть меня, которая хотела чего-то большего от мужчины, умерла в день, когда я уехала из Берлина.

Я смотрю вверх на лампы на потолке, которые качаются туда-сюда от движения поезда. Пршлым утром мы встали перед рассветом. Погрузка началась за несколько часов до этого, бесконечная вереница грузовых вагонов с логотипами цирка, наполненных коробками и шестами для палаток. Рабочие не спали всю ночь, дым от их сигарет и запах пота как будто обволакивали весь поезд. Животные были последними, кого грузили перед нами: слонов, накрытых полотнами ткани, шаг за шагом заводили на подъем, клетки с большими кошками методично завозили в вагоны. «Э-э-э!» – заулюлюкал Тео, увидев, как заводят последнего слона, как рабочие вчетвером заталкивают его массивный зад в вагон. Я не могла не улыбнуться. Для нас, детей

цирка, экзотические животные были привычным зрелищем с самого юного возраста. Когда такое было, чтобы кто-то удивлялся слону?

У Петра было свое отделение, половина вагона, отгороженная фальшь-стенкой. И в сравнение не идет с той роскошью, в которой путешествовали мы с семьей: у нас было два вагона, у каждого – своя кровать, личная ванная и обеденный стол, практически дом на рельсах. Конечно, это было в лучшие времена нашего цирка, в его золотую эпоху.

Я машинально касаюсь правого уха, чтобы нащупать золотую сережку, которая принадлежала моей матери, провести пальцем по маленькому шероховатому рубину. От моей семьи не было никаких вестей с самого моего возвращения в Дармштадт. Надежда, но то, что я смогу узнать о них, когда поеду в тур с цирком Нойхоффа, провалилась в прошлом году. Я не могу спрашивать о них напрямую, опасаясь, что люди догадаются о связи между мной и моей истинной личностью. А когда я задавала общие вопросы в городах, где мы когда-то выступали, люди просто говорили, что цирк Клемтов не приезжал в этом году. Я даже отправила письмо герру Фейну, который организовывал тур по крупным городам для нашего цирка, надеясь, на то, что он, возможно, будет знать, куда уехала моя семья.

Но оно вернулось с припиской на лицевой стороне: Унцштельбар. «Не подлежит доставке».

По стенам вагона бегут тени. Мы едем уже около тридцати часов, больше, чем должны были бы, но это из-за того, что мы объезжаем разрушенные или уничтоженные участки пути. Поезд стоял несколько часов где-то рядом с границей, пока над нами летали британские самолеты, бомбы взрывались так близко, что у нас с полок падали сумки. Но теперь поезд торопливо едет по сельской местности, которая быстро мелькает в окнах.

Мои веки тяжелеют, меня убаюкали размеренный ход поезда и жар желаний, который мы только что разделили с Петром. Я перетягиваю одеяло на себя, заворачиваясь в него, холодный воздух проникает внутрь вагона через треснувшее стекло. Еще слишком холодно для тура. Вагоны плохо отапливаются, а домики на ярмарках рассчитаны на летнюю погоду.

Но программа уже утверждена. Мы выехали в первый вторник апреля, как и в прошлом году. Когда-то цирк ехал бы туда, где много

денег, в винные долины Луары и богатые деревни в Рона-Альпах. Теперь мы выступаем только там, где разрешено, расписание составляют немцы. То, что Рейх позволяет цирку продолжать работать все эти годы, – это немалое достижение. Они разрешают нам колесить по оккупированной Франции, как бы демонстрируя: «Смотрите, все нормально. Разве все так уж плохо, если тут такое веселье?» Но мы представляем собой все то, что ненавидит Гитлер: чудаки и уродцы в режиме, где все подчинено конформизму. Когда-нибудь они запретят нам выступать.

Поезд замедляется, со скрежетом останавливается. Я сажусь на кровати, выпутываясь из-под руки Петра. Хотя мы уже пересекли границу с Францией, в любой момент у нас на пути может оказаться пограничный пункт контроля. Я подскакиваю в поисках своего удостоверения и других документов. Мы снова начинаем движение, остановка была временной. Я сижу на краю кровати, сердце все еще бешено бьется. Сейчас мы близко к линии, которая раньше отделяла вишистскую Францию от оккупированной. Теперь обе под контролем Рейха, но поезд обязательно будут досматривать. Когда – именно «когда», не «если» – придет охрана, я хочу быть среди других девушек в спальном вагоне, а не здесь, в вагоне Петра, рискуя попасть под более тщательную проверку моей личности и бумаг, мне лучше просто смешаться с толпой.

Я выбираюсь из постели, торопливо одеваюсь на ледяном воздухе. На цыпочках, чтобы не разбудить Петра, я проскальзываю в следующий вагон, где спят девушки, подержанный, потертый, наполненный несвежим запахом, койки в нем расположены по три штуки – одна над другой. Несмотря на тесноту, здесь настоящее постельное белье, а не спальные мешки. Под койками аккуратно стоят ряды маленьких чемоданчиков, по одному на каждую.

Ноа спит на одной из нижних полок, прижимая ребенка к груди, как плюшевую игрушку. Во сне она кажется даже моложе, чем в ту ночь, когда она только попала к нам. «Девочка-подросток», как назвала бы ее моя мать – еще не женщина, но уже не девочка. Я пляжу на то, как она обнимает Тео, и у меня что-то екает внутри. Нас обеих бросили, по-разному изгнали из той жизни, которую мы знали.

Но сейчас не время для сантиментов. Важно лишь то, чтобы она могла выступить так, как нам нужно. Для воздушного гимнаста мало

иметь хорошую технику. Гимнаст – это личность, чутье, умение заставить зрителя затаить дыхание, пугаться за наши жизни, как за свою собственную. Но и этого недостаточно. Даже самая красивая женщина не вытянет сезон без истинной физической грации, ловкости и силы, которые подчеркнут ее красоту.

Ноа удивила меня. Я думала, что она бросит все в первый же день и никогда не взлетит. Однако я не брала в расчет ни ее опыт в гимнастике, ни ее упорство. Она усердно работает, сообразительная, способная. И смелая – то, как она спасла Тео от нацистов, подтверждает это лучше всего. Она хороша настолько, насколько это вообще возможно, но все будет зависеть от того, сможет ли она выступать под светом прожекторов перед сотнями людей по два, а то и три раза в день.

Койку, где я должна была спать, заняла другая девушка, поэтому я укладываюсь на узкую часть койки прямо рядом с Ноа. Но не могу заснуть. Вместо сна я прорабатываю движения нашего номера в голове.

Ноа пошевелилась, начала поворачиваться в хорошо отработанном плавном движении, которое не разбудит Тео.

– Мы еще не приехали?

– Уже скоро. Еще пару часов. – Мы лежим рядом, наши тела мягко толкают друг друга в такт поезду.

– Поговори со мной, – говорит она пустым и одиноким голосом.

Я в замешательстве: что она хочет услышать?

– Я родилась в вагоне, в таком же, как этот, – начинаю я. Несмотря на темноту, я чувствую, что она удивлена. – Моя мать перестала выступать и родила меня. – Говорят, она тотчас же не вернулась обратно лишь потому, что мой отец был против.

– Каково это было – расти в цирке? – С Ноа всегда так: вопросы порождают новые бесконечные вопросы. Ей так интересно все узнать, всему научиться.

Я обдумываю ответ. В детстве я ненавидела жизнь в цирке. Я мечтала об обычном детстве, о том, чтобы оставаться на одном месте и иметь настоящий дом. Иметь чуть больше вещей, чем вмещается в небольшой прямоугольный чемодан. Даже на зимовке, в ту пору, когда мне разрешали ходить в школу, я отличалась от других девочек, я была чужая, чудачка.

Когда появился Эрих, у меня появился тот самый выход наружу, о котором я мечтала всю жизнь. Я старалась одеваться определенным образом и оттачивать произношение, чтобы звучать, как другие жены офицеров. Но после того, как мы поселились в Берлине и прожили там достаточно долго, мне стало чего-то не хватать. В квартире было пусто, в ней не было звуков и запахов дома, где мы жили зимой. Мне не хватало шума и восторга от выступлений в туре. Как люди могут всю жизнь прожить на одном месте, как им не надоедает? Я любила Эриха, и через некоторое время мое беспокойство стало исчезать, напоминая шрам, который не был до конца залечен. Но мир, от которого я всегда пыталась сбежать, продолжал преследовать меня. Моя жизнь с Эрихом, как я теперь понимаю, была временной, она была как номер в концертной программе. Когда он закончился, я не проронила ни слезинки. Я просто сменила костюм и стала двигаться дальше.

Впрочем, я не рассказываю Ноа ничего из этого: это не то, что она хочет услышать.

– Однажды, когда я была маленькой, мы выступали для принцессы, – говорю я тогда. – В Австро-Венгрии. Весь шатер был занят ее свитой.

– Правда? – Ее голос полон благоговения. Я киваю. Императрицы исчезли, их заменили парламенты и голосования. Так, вероятно, лучше для людей, но в этом как будто меньше магии. Может, исчезнет и цирк? Никто это не обсуждает, но иногда мне кажется, что с каждым выступлением мы все ближе к исчезновению, но слишком заняты танцами и полетами, чтобы увидеть это.

Я открываю медальон, который висит у меня на шее, поднося к лунному свету маленькую фотографию своей семьи, единственную, которая у меня есть.

– Моя мама, – говорю я. Она была невероятной красавицей – во всяком случае, до того, как умерла Айседора и она стала чаще выпивать, – величественной, у нее были романские черты, не то что у меня. Когда-то, до моего рождения, цирк доезжал до Санкт-Петербурга, и она выступала для царя Николая. Он был очарован ею, а царица даже плакала. Я лишь блеклое отражение того, какой она была в воздухе.

– Я не могу представить кого-то, кто еще лучше тебя, – громко заявляет Ноа, и девушка на койке над нами фыркает во сне. Тео зашевелился, есть опасность, что он может проснуться. Я глажу его по спине, успокаивая, и думаю, не пытается ли Ноа подлизаться, но восхищение в ее голосе звучит искренне.

– Это правда. Она была легендой. – В нашей семье было всего две женщины, и, казалось бы, мы с мамой были очень близки. Она безмерно меня любила, но в ее душе всегда была часть, которой мне никогда не удавалось коснуться.

– У вас с Эрихом, – спрашивает Ноа, и я настораживаюсь от того, как привычно для нее произносить его имя, – никогда не было детей?

Я удивлена, а затем раздражена тем, что она внезапно сменила тему. Задавая вопрос, на который я меньше всего хотела бы отвечать, она оказалась близко к тому, чтобы узнать мое слабое место.

Я отрицательно качаю головой.

– Мы не могли иметь детей.

Я часто задавалась этим вопросом. Если бы у нас были дети, стал бы Эрих прикладывать больше усилий, чтобы остаться вместе? Но в глазах Рейха наш ребенок был бы евреем, что лишало бы статуса «своих» нас обоих. Теперь у него, возможно, есть дети – и новая жена. Я не подписывала бумаги о разводе, но Рейх считает, что нашего брака никогда и не существовало.

– А потом, когда ты вернулась в цирк, ты влюбилась в Петра? – спрашивает Ноа.

– Нет, – быстро отвечаю я. – Все не так. Мы с Петром просто вместе. Не думай, что это что-то большее.

Я почувствовала, как поезд стал замедляться. Я поднимаюсь, гадая, не почудилось ли мне. Однако колеса скрипят, а поезд со стоном останавливается. Еще один контрольный пункт. Герр Нойхофф сделал документы для всех, даже для Тео. Но все-таки это фальшивые документы, и на каждой остановке меня переполняет ужас. Подойдут ли эти документы? Герр Нойхофф, конечно же, не стал слишком тратиться, чтобы их сделали чуть более похожими на подлинные. Хватит одного пограничника с наметанным глазом, чтобы заметить, что с ними что-то не так. В груди у меня будто появляется камень, у меня перехватывает дыхание.

Стук, снаружи вагона. Открывается дверь и, не дожидаясь ответа, в вагон входит пограничник. Он светит фонарем по вагону, задерживая его на силуэтах сонных девушек дольше, чем это необходимо. Он проходит вдоль коек, вскользь проверяя документы у каждой. Я слегка выдыхаю. Возможно, все пройдет гладко.

Потом он подходит к нам.

– Кенкарта. Паспорт. – Я передаю ему свои документы, вместе с документами, которые дает мне Ноа. Я задерживаю дыхание и начинаю считать секунды, жду, что он отдаст их обратно. Один, два...

Он забирает документы и уходит из поезда.

Я кусаю губу, чтобы ничего ему не сказать.

– Что сейчас было? – спрашивает Ноа, в ее голосе паника и замешательство.

Я не отвечаю. Какая-то деталь в наших паспортах выдала нас, подтвердила, что они фальшивые. «Спокойно», – думаю я, заставляя себя дышать нормально, чтобы Ноа не запаниковала. Другие нервно поглядывают на нас. Ноа берет меня за руку вспотевшей ладонью, она доверчива, как ребенок. Я собираюсь с духом, ожидая, что пограничник вернется и вытащит нас из вагона.

– Обувь, – шепчу я торопливо.

– Что? – Ноа напрягается, ногтями впиваясь в мою влажную ладонь.

– Надень ботинки. Если они заберут нас... – Я останавливаюсь, не закончив, а она начинает трястись. Нам, конечно же, надо выплянуть спокойными, когда он вернется.

Но он не возвращается. Проходит пять минут, затем десять, мой ужас нарастает с каждой секундой. Он пошел за другими? Как же я хочу, чтобы рядом был Петр. Ноа сжимает мои пальцы, крепко хватается за них, не отпуская. Вагон дергается, а потом начинает двигаться вперед.

– Наши документы, – шепчет Ноа, повышая голос от напряженности ситуации. – Они их забрали.

– Тс-с-с.

Мы все еще в поезде. Нас не арестовали. Однако теперь мы едем без документов, что почти так же плохо.

Через некоторое время в проеме появляется герр Нойхофф и подзывает меня к себе.

– Вот, – говорит он, когда я подхожу. У него в руках наши документы. По его лицу пробегает странная тень, и я задаюсь вопросом, сколько ему пришлось потратить на взятку, чтобы пограничники смотрели на документы сквозь пальцы и не задавали слишком много вопросов.

Когда поезд начинает набирать скорость, все разом выдыхают. Теперь уже никто не спит, девушки поднимаются и одеваются, врезаясь друг в друга в ограниченном и постоянно качающемся пространстве. Небо за окном светлеет, за темными силуэтами виноградных террас, над которыми возвышается полуразрушенная церковь, оно обретает розоватый оттенок.

Через некоторое время в конце вагона появляется кто-то из работников кухни, раздает завтрак: холодный хлеб и сыр. Сельская местность становится все менее дикой, среди полей все чаще попадаются фермы. Из окон домов с любопытством выплывают дети, некоторые бегут вдоль путей, надеясь увидеть животных, пока наш ярко разукрашенный поезд идет мимо.

Мы едем в тишине, проезжаем акведук, и перед нами расстилается долина: деревня с красными крышами, окруженная кольцами увядших осенью кустов, перед ней – руины каменного замка. По холму точками рассыпаны дома с крышами, поросшими мхом. Иногда среди них попадает какой-нибудь замок или церковь с разрушающейся колокольней, их алебастровые каменные стены нагревает солнце, теперь оно уже поднялось высоко.

По вагону проходит волна возбуждения. Мы почти на месте.

– Надо подготовиться к параду, – говорю я Ноа.

– Параду? – спрашивает она, нахмурившись.

Я вздыхаю, напоминая себе, что она еще многого не знает.

– Да, после того, как мы приедем, мы выйдем из поезда и тут же прошествуем по городу на наших вагонетках. Это анонс, чтобы местные вдохновились предстоящим представлением.

Я исследую ее лицо, пока она переваривает новую информацию, ищу на нем беспокойство или страх. Но она просто кивает головой и усаживает Тео на койку, чтобы успеть переодеться.

Девочки начинают прихорашиваться, насколько это возможно при такой качке, наносят румяна, красят брови.

– Держи.

Я вытаскиваю из своего чемодана розовое платье, расшитое блестками, и передаю его Ноа. Она озирается, ей все еще неловко переодеваться при всех. Но уйти здесь некуда, поэтому она втискивается в него, в спешке едва не запутавшись в ткани.

– Они что, придут посмотреть на нас? – спрашивает Ноа. – Французы, я про них. Ведь мы для них немцы...

– В первый год после начала войны я думала так же, – ответила я. – Не волнуйся. Люди все так же любят праздники. Для цирка нет границ. – Зрители не думают о цирке как о чем-то немецком, и каждый год они исправно приходят на выступления.

Колеса поезда трутся о шпалы, замедляясь по мере того, как мы приближаемся к станции. Мы не выходим сразу же, а продолжаем готовиться, пока рабочие выстраивают вагоны, некоторые привезли сюда заранее, некоторые арендовали тут, на месте. Сначала выгружают животных, ставят клетки на платформы с колесами. Мы толпимся у выхода, ожидая отмашки, места становится еще меньше, полуденный воздух нагревается.

Наконец, дверь вагона распахивается настежь, и внутрь проникает волна холодного свежего воздуха. На станции почти так же тесно, как внутри вагона: десятки зрителей столпились, ожидают, когда можно будет встретить цирк. Непрерывно сверкают быстрые вспышки фотокамер. После тишины поезда этот хаос обескураживает, как будто кто-то слишком резко включил свет посреди ночи. Я иду вперед, но вдруг останавливаюсь, от чего девушка, идущая позади, врзается в меня. Меня наполняют сомнения, я не могу сдвинуться с места. Обычно я люблю туры, но сейчас я тоскую по Дармштадту, где я знаю каждый сантиметр, где мне есть куда спрятаться. Отправляться в путь в прошлом году, делая вид, будто и нет никакой войны, было трудно. Теперь на мне лежит еще больший груз: я должна быть уверена, что Ноа сможет выступить, что они с Тео будут в безопасности. Как я смогу это выдержать?

– Астрид? – спрашивает Ноа пугливо. Я поворачиваюсь к ней. Он смотрит на меня с беспокойством, не зная, что ей делать.

Я прогоняю сомнения и беру ее за руку.

– Идем, – говорю я, и вместе мы выходим из поезда.

Оглядывая толпу, я замечаю в глазах людей не презрение, а, напротив, восхищение и надежду, которую вдохнул в них наш приезд.

Взрослые люди смотрят на нас с удивлением, точно дети. Цирк всегда приносил свет туда, куда приезжал. А теперь это линия жизни. Я поднимаю подбородок. Если мы можем дарить людям эти чувства, значит, цирк не умер. Цирковые представления существовали со времен римлян и греков, нашим традициям сотни лет. Мы пережили Средние века, Наполеоновские войны, Мировую войну. Переживем и эту.

Глава 8

Астрид

Мы пробираемся по толпе людей на платформе. Лошади, которых запрягли везти клетки с животными, нетерпеливо переступают с ноги на ногу, фыркают, пар выходит из их раздувающихся ноздрей. В клетках, которые они везут, на обозрение всему народу сидят львы и одинокий тигр. Еще у нас есть верблюды и маленький коричневый медведь, которого ведут вдоль процессии на поводке. В прошлом году была и зебра, но она умерла зимой, и герр Нойхофф не смог заменить ее.

Постепенно парад начинает двигаться, змеей он тянется по дороге, ведущей в город. Блеклые крыши грифельного цвета россыпью разбросаны по холму, а над ними, будто оглядывая всех нас сверху, возвышается средневековый собор. Этот город не слишком отличается от десятков других, которые я видела в турах за многие годы. Когда-то цирк передвигался быстрее, по одному городу в день: мы ставились, выступали два-три раза, после чего сворачивали шапито^[22] и переезжали ночью. Но теперь поезда не дают нам двигаться быстро, а места, куда мы можем поехать, определяют немцы. Поэтому все стратегически рассчитано так, чтобы мы могли оставаться на неделю в одном месте, как магнит притягивая зрителей из соседних деревень. Но получится ли это? Сомнения Ноа эхом проносятся в голове. Здесь люди живут в страданиях и тяготах уже больше четырех лет. Если война затянется так надолго, люди просто перестанут приходить.

Уклон становится сильнее, и процессия замедляется, лошади тянут тяжелые вагонетки вверх. Вдоль дороги расположено небольшое кладбище, надгробия хаотично разбросаны по склону холма. В итоге мы добираемся до самого Тьера с его паутинами узких улиц, трех- и четырехэтажными домами, стоящими вплотную и будто налегающими друг на друга в поисках опоры. Наверху, в начале главной улицы, нарастает шум от ожидающей нас толпы, воздух искрится от воодушевления. Раздаются фанфары, объявляющие о

нашем прибытии. Мы едем в открытых повозках, украшенных лентами и запряженных лошадьми – на их головах украшения, инкрустированные камнями. Мы близко к началу процессии, во главе едут клетки со львами, на одной из них сидит дрессировщик. Роскошь и яркие краски нашей процессии контрастируют с выцветшими фасадами зданий. Улицы ничем не отличаются от улиц в тех поселениях, в которых цирк проезжал в прошлом. Если бы не красные флаги со свастикой, висящие на некоторых домах, можно подумать, что никакой войны нет.

Шаг за шагом мы движемся по городу, вагонетки медленно тянутся вперед. Мальчишки из толпы машут и свистят нам. Ноа рядом со мной напрягается в ответ на такое внимание, прижимает Тео крепче к себе. Я глажу ее по руке, придавая уверенности. Для меня это нормально, но она, должно быть, чувствует себя так незащищенно на виду у всех.

– Улыбайся, – говорю я через сжатые зубы. Выступление началось с того самого момента, как мы вышли из вагона.

На кованом балконе на втором этаже одного из зданий я замечаю мальчика, или скорее юношу, ему максимум девятнадцать или двадцать. Он не присоединился к толпе приветствующих и машущих руками. Смотрит на нас со смесью безразличия и веселья, сложив руки на поясе. Надо признать, он очень красив, у него иссиня-черные кудрявые волосы и точеный подбородок. Мне кажется, что его глаза – если бы я была достаточно близко, чтобы их увидеть, – темно-синего цвета. Что-то в нашей повозке привлекает его внимание. Я стараюсь помахать ему со всем возможным дружелюбием. Но он смотрит не на меня, а на Ноа. Я думаю, не сказать ли об этом ей, но не хочу, чтобы она стала нервничать еще больше. Через секунду он уходит.

Мощеная улочка становится уже, так что процессия становится еще ближе к зрителям. К нам тянутся руки, маленькие дети хотят прикоснуться к нам, к этому спектаклю, в любой другой ситуации это выглядело бы грубо. Однако они не могут дотянуться до нас, что меня радует. Лица не такие, как в прошлом году: глаза, уставшие от войны, кожа обтягивает скулы. Но и мы изменились. Вблизи можно заметить наши изъяны: животные стали слишком тощими, артисты стали использовать чуть больше румян, чтобы скрыть усталость.

Зрители идут за парадом вниз по извилистой улочке к рыночной площади, а затем по другой дороге, которая ведет прочь из города. Здесь спуск более плавный, чем на дороге, по которой мы сюда поднимались, но сама дорога неровная, ухабистая, вся в рытвинах и выбоинах. Когда мы начинаем сталкиваться друг с другом, я приобнимаю рукой Ноа и Тео, чтобы они не упали с лавки. Я могла предложить ей оставить Тео с Эльси или кем-то из рабочих, ребенку не место на параде. Однако я знала, что Ноа будет нервничать, ей будет некомфортно без него. Я оглядываю ребенка. Похоже, его не пугают шум и толпа. Напротив, он удобно устроился на Ноа, поднял голову, увлеченный шумихой вокруг.

Через пару километров мощеная дорога превращается в грязь. Ноа оглядывает толпу, которая бежит позади.

– Они все еще идут за нами, – говорит она. – Я думала, им скоро надоест.

– О нет, – отвечаю я. Зрители без устали следуют за нами. Женщины укачивают младенцев, а дети крутят педали своих велосипедов, проезжая рядом, их выходные костюмчики становятся коричневыми от дорожной грязи. Даже лающие собаки вносят свой вклад, сами превращаясь в часть парада.

Через пару минут дорога выходит на широкое плоское поле, разделенное лишь небольшим скоплением деревьев вдали. Повозка резко останавливается, с нами не церемонятся. Я вылезаю первой, подаю руку Ноа. Но она смотрит мимо меня, ее глаза широко распахнуты. Возведение шатра такое же увлекательное зрелище, как парад, и не только потому, что это бесплатно. Поле заполнено целой армией рабочих с палатками, металлическими шестами и веревками. Цирку нужно больше рук, чем мы можем привезти с собой, и это хорошие новости для тех местных, кто хочет подзаработать. Люди с закатанными рукавами, потные, стоят по периметру растянутого и привязанного к кольям брезента, который покрывает все поле.

– Чувствую себя бесполезной от того, что просто стою здесь, – говорит Ноа, спустившись с повозки. – Нам нужно помогать или что-нибудь делать?

Я качаю головой.

– Пусть они делают свою работу.

Мы будем возводить шатер не лучше, чем рабочие – качаться на трапеции.

Вся подготовительная работа сделана, но настоящее шоу приберегли для толпы. Сейчас запрягут слонов, которые не были частью процессии – их привезли сюда сразу из поезда. Они по команде начинают идти из центра в разные стороны, приводя головную мачту в вертикальное положение. Затем выводят лошадей, которые поднимают более короткие металлические шесты так, что они встают на нужные места, и все начинает подниматься, как феникс из пепла. На месте, где всего пару секунд назад не было ничего, возникает палатка размером с огромный тренировочный зал в Дармштадте. Конечно, зрители видят это год за годом, однако вся толпа разом вздыхает от удивления и искренне аплодирует. Ноа смотрит на это безмолвно, она испытывает благоговейный трепет, впервые увидев, как поднимается шатер. Тео, который в этот момент пожевывал свои пальцы, издает одобрительный взвизг.

Рабочие переходят к укреплению шестов, и публика начинает расходиться.

– Пойдем, – говорю я, глядя в сторону шатра. – Нам надо тренироваться.

Ноа не двигается, нерешительно глядя то на меня, то на ребенка.

– Мы были в пути почти два дня, – жалуется она.

– Знаю, – отвечаю я, начиная раздражаться. – Но у нас есть всего пара часов перед тем, как начнется подготовка к первому выступлению. Ты должна хотя бы раз потренироваться под куполом.

– Нужно покормить Тео, а я совсем выбилась из сил, – практически хнычет она, и это снова напоминает, какая она еще юная. Всего на секунду, но я вспоминаю, как это было, когда я хотела заниматься чем-то другим, выглядывала из окна тренировочного зала и видела девочек, прыгающих через скакалку, мечтая присоединиться к ним.

– Хорошо, – уступаю я. – Даю тебе пятнадцать минут. Отдай его Эльси. Встретимся под куполом.

Я ожидала, что она снова возразит мне, но она не делает этого. На лице у нее расцветает широкая улыбка, полная благодарности, как будто ей подарили большой подарок.

– Спасибо, – говорит она. Пока она несет Тео в сторону поезда, я оглядываюсь на шатер. Я уступила не только ради Ноа. Рабочие все еще укрепляют шесты, трапеция еще не готова. И она будет лучше репетировать, если сможет сконцентрироваться на полете, а не на переживаниях о Тео.

Когда Ноа исчезает в поезде, все мои сомнения вдруг возвращаются ко мне. Она стала сильнее с тех пор, как отпустила гриф и полетела, это было в прошлом месяце. Но она все такая же неопытная. Выдержит ли она ежедневные выступления под прожекторами и пристальными взглядами зрителей?

Я захожу в шатер, вдыхая запах сырой земли и влажного дерева. Это один из моих любимых моментов каждый сезон, когда все в цирке свежее и новое. Внутри просочились и другие артисты – жонглеры, акробаты отрабатывают свои номера. Петра нигде не было видно. Не репетирует ли он где-нибудь в одиночку, чтобы его никто не увидел и не осудил за политический номер, который герр Нойхофф запретил ему?

Петр говорил об этом пару дней назад.

– Герр Нойхофф пытается уговорить меня изменить номер, сделать его мягче. Но это его уничтожит.

– Знаю, – ответила я. – Он и со мной об этом говорил.

– Что ты думаешь? – Обычно Петр уверен в себе. Но сейчас у него встревоженное лицо, я вижу, что он правда не знает, как быть.

Он готов обдумать этот вопрос только ради меня.

– Не ограничивай себя.

Я не хочу, чтобы он жертвовал своим искусством из-за моего положения, а потом винил бы в этом меня.

Рабочие только что закончили укреплять трапецию. Бригадир, Курт, велел им сделать это до установки посадочных мест и другого оборудования, зная, что я захочу потренироваться сразу же. Я подхожу туда, где он обсуждает с двумя работниками то, под каким углом устанавливать лавки.

– Земля уже выровнена? – спрашиваю я. Он кивает. Это очень важно для трапеции. Небольшая неровность может повлиять на скорость нашего полета, нарушив точность наших привычных движений, из-за чего я могу не успеть подхватить Ноа.

Я подхожу к одной из лестниц и хорошенько дергаю ее, чтобы убедиться, что она надежна. Затем я поднимаюсь на платформу наверху. Снизу раздается бормотание танцоров, которые болтают во время растяжки. Я прыгаю без колебаний. Меня встречает порыв ветра, я вытягиваюсь ему навстречу. В такие моменты, как и всегда, я снова чувствую себя шестнадцатилетней, слышу смех своих родственников, пока лечу по воздуху. Когда я вернулась в цирк, боялась, что отсутствие практики сделает меня медленной, что не смогу вспомнить движений. Мне уже под сорок, возможно, меня считают слишком старой для этого занятия. Большинство гимнастов к этому возрасту выходят на пенсию, становятся учителями, выходят замуж или идут выступать в сомнительные кабаре в Дрездене или Гамбурге. Но воздух – это все, что я умею. Я по-прежнему хороша. Почему бы мне не продолжать? Всего за несколько недель мое тело стало тоньше, обильные долгие ужины в Берлине стремительно уходили с моих боков, и я справлялась не хуже прежнего, а, может, даже лучше, как однажды отметил герр Нойхофф. Я не могла объяснить ему, что я взлетала выше и подбрасывала себя сильнее только для того, чтобы долететь до самого купола, где я могла слышать смех своих братьев и где меня больше не беспокоили мысли об Эрихе, отвергшем меня.

Через пару минут, когда я возвращаюсь на платформу, болтовня внизу вдруг прекращается, и в шатре становится тихо. У входа в шатер стоит Ноа, она кажется юной и испуганной. Все поглядывают на нее с опаской. В течение тех недель, которые она провела в цирке, никто не был с ней груб, но все обозначали дистанцию, показывали, что ей здесь не место. Новым артистам всегда тяжело в цирке. На самом деле, когда я вернулась, меня тоже не встретили с распростертыми объятиями. Ноа еще тяжелее: она для них недостаточно квалифицирована, слишком неопытна, чтобы рассчитывать на успех.

Задумываюсь: а я-то сама разве лучше? Я тоже в начале относилась к Ноа холодно, хотела, чтобы она ушла. Я приняла ее, когда полиция приходила в Дармштадт, но для меня это было скорее необходимостью, частью плана. Я не сделала ничего для того, чтобы она чувствовала себя здесь на своем месте.

Почувствовав вину, я спускаюсь с лестницы и иду к ней. Я игнорирую реакцию окружающих, надеюсь, что она сделает так же.

– Ты готова? – Ноа не отвечает и осматривает шатер. Для меня тут все привычно, здесь та единственная жизнь, которая мне известна. Но теперь я вижу все ее глазами: пространство, похожее на пещеру, бесконечные ряды сидячих мест, расположенные друг за другом.

Я взяла ее за руку и тяжелым взглядом посмотрела на других артистов, отчего многие отвернулись.

– Идем. Лестницы здесь не такие крепкие, как в зале. И все трясется немного больше.

Я продолжаю говорить, пока мы поднимаемся наверх, отчасти, чтобы она немного расслабилась, отчасти, потому что есть много деталей – важных деталей, – которые она должна знать. После целой жизни, проведенной в цирке, я могу выступать где угодно – декорации уходят на второй план, остаются только я, гриф и воздух. Но для Ноа каждая мелкая деталь может иметь значение.

– Начнем с чего-нибудь простого, – говорю я, но у нее в глазах ужас, когда она смотрит вниз. Она сдается.

– Представь, что здесь никого нет.

Трясущимися руками она берет перекладину и прыгает. Сначала она двигается рывками, как будто это ее первый день на трапеции.

– Чувствуй ее, – подбадриваю я, надеясь, что она вспомнит все то, чему я учила ее. Когда она входит в привычный ритм, ее движения становятся плавными.

– Хорошо, – говорю я, когда она возвращается на площадку. Я не баловала ее комплиментами, не хотела, чтобы она расслабилась. Но сейчас я говорю их больше, чем обычно, надеясь, что это поможет ей обрести уверенность. Она улыбается, впитывает мою похвалу, как воду.

– Теперь давай потренируемся отпускать.

Ноа выпядит так, будто вот-вот откажется. Я не уверена, что она готова, но у нас нет выбора. Я иду к другой лестнице и забираюсь на ловиторку^[23], кивая Герде, которая празднично стоит рядом с другими акробатами. Она безразлично поднимается по лестнице вслед за Ноа. Я обеспокоенно смотрю на нее. Она так же неприветлива к Ноа, как и все остальные, но у нее достаточно практичный подход, она готова терпеть ее, поскольку она нужна нам для номера.

Когда Ноа приближается к верхней точке лестницы, у нее соскальзывает нога, и она едва не падает.

– Тихо, – кричу я со своего места. Я хотела, чтобы это было словом поддержки, но выходит скорее упрек. Снизу раздаются смешки, подозрения выступающих о том, что Ноа не хватает навыков, подтверждаются. Даже на расстоянии я вижу, что на ее глазах выступают слезы.

Затем она точно каменеет и кивает. Ноа прыгает с такой силой, которой я в ней никогда не видела.

– Оп! – кричу я.

Она отпускает перекладину с удивительной точностью для первого раза под куполом. Наши руки смыкаются. Когда-то было иначе, на земле стоял тренер и давал команды, а ловцами были мужчины. Но учитывая, как много мужчин ушло на войну, нам приходится справляться своими силами. Мой брат Жюль был моим ловителем. До того момента, когда я начала тренировать Ноа, я не ценила его силу и ловкость в полной мере.

Когда мы качаемся в противоположную сторону, я отпускаю ее в сторону перекладины, которую Герда отправила обратно. С каждым разом движения Ноа становятся все сильнее. Она выступает наперекор скептическому отношению остальных артистов. Лица людей внизу нехотя меняются, кажется, они проникаются уважением. Во мне просыпается надежда. Ноа заработала их уважение – заработает и уважение публики.

– Bravo! – кричит кто-то снизу. Но это было сказано с насмешкой. Возвращаясь, Ноа едва не пролетает мимо дальней площадки. Герда вытягивается и хватается за нее, не дав упасть. Я смотрю вниз. Эммет поднял швабру вверх, поддразнивая Ноа.

Разозлившись, я спускаюсь с лестницы.

– Ты идиот! – шиплю я на него.

– Она не гимнастка, – отвечает Эммет нарочито спокойным тоном, как будто говорит с маленьким ребенком. – Она уборщица с вокзала в Бенсхайме. Она ничего другого не умеет. Эммет, как я теперь понимаю, строил козни и подначивал артистов, чтобы они не признавали Ноа. Он всегда приставал к кому-нибудь, чтобы скрыть свои собственные слабости. Но как он узнал, что она работала на вокзале? Он ведь точно не знает о ее прошлом.

– Почему ты это делаешь сейчас? – спрашиваю я. – Выступление через час. Нам нужно подготовить ее, а ты лишаешь ее уверенности.

– Я и не думал, что мы правда пойдем на это, это же просто фарс, – отвечает он. «Или что она будет способна на это», – добавляю я про себя. Подозреваю, что он просто завидует ей. Ноа удалось стать лучше всего через несколько недель практики, а он всю жизнь провел в цирке, но не продемонстрировал никаких талантов. Однако будет глупо указывать ему на это сейчас.

– Нам нужно, чтобы это сработало, Эммет, – говорю я медленно.

– Тебе нужно.

– Нам всем, – поправляю его я.

Ноа уже спустилась с лестницы и смотрит на нас издалека. Я знаю, что она услышала достаточно, чтобы чувствовать себя неловко. В ее глазах мелькнуло что-то, она как будто ждет, что ее снова отвергнут. Как это возможно: как она может позволять людям задевать ее, после всего, через что ей пришлось пройти?

Она стоит с одной стороны от меня, а все остальные – с другой. Я зажата между ними.

Я делаю шаг к ней.

– Нам нужна Ноа. – Я говорю твердо и достаточно громко, чтобы остальные меня услышали. Этот риск оправдан: симпатия циркового сообщества нужна мне не меньше, чем ей, я должна скрывать свою личность, прятаться. Никто не отвечает. Однако я зашла слишком далеко, чтобы пойти на попятную.

– Так или иначе, я с ней, а все, кто не с ней – те против меня.

Ноа хмурится, не веря своим ушам, как будто это первый раз, когда за нее кто-то заступился.

Все разошлись, чтобы продолжить репетировать.

– Идем, подготовимся к выступлению, – говорю я, взяв ее за руку и уводя из шатра.

– Ты не должна была этого делать, – говорит Ноа, когда мы оказываемся снаружи. И хотя мы уже далеко от чужих ушей, она говорит это едва слышным шепотом. – Ты должна думать о своей собственной безопасности.

– Ерунда. – Я небрежно отмахиваюсь, хотя на самом деле она права. – Ты должна стать жестче и не реагировать на отношение окружающих.

– А что думаешь ты? – Она говорит это с придыханием. Несмотря на то что я только что сказала, я вижу, что мое мнение беспокоит ее

больше, чем что-либо другое. – Как ты думаешь, я готова?

Не знаю, что сказать. Я думаю, что ей нужно заниматься еще год. Я думаю, что даже этого может быть недостаточно, потому что прожектора и тысячи глаз, глядящих на тебя, меняют все.

Я думаю, что у нас нет выбора.

– Да.

Я вру, не в силах смотреть на ее лучезарную улыбку. А потом мы идем готовиться к выступлению.

Глава 9

Ноа

Я выхожу из шатра вслед за Астрид. Снаружи все еще стоят зрители, некоторые покупают билеты в наскоро сооруженной кассе, некоторые продолжают следить за тем, как рабочие устанавливают палатки размером поменьше. Бригадиры раздают приказы, их хриплые голоса перемешиваются со звоном молотков, вгоняющих металлические колья в твердую землю.

– Спасибо, – говорю я, возвращаясь к тому, что только что произошло. Когда-то я думала, что Астрид ни за что не примет меня. Но она встала на мою защиту, она считает, что я справлюсь.

Она небрежно машет рукой.

– Нам некогда беспокоиться об этом. Надо готовиться к выступлению. Начало через час.

– Так скоро? – спрашиваю я.

– Сейчас уже больше четырех.

Я и не думала, что уже так поздно, не ожидала, что парад и возведение шатра заняли так много времени.

– Мы начинаем в шесть. Раньше, чем обычно, из-за комендантского часа. Надо готовиться.

– Я думала, мы уже подготовились.

Я смотрю на платье, которое она одолжила мне час назад в поезде, такое облегающее, что мои родители упали бы в обморок, увидев меня в нем.

Игнорируя мое последнее замечание, Астрид ведет меня к поезду, который оставили на самом конце путей, через поле, переполненное людьми.

– Ярмарку установили поближе к железной дороге, чтобы мы могли спать в вагонах, – объясняет Астрид. Она показывает пальцем в другую сторону, где растут деревья. – Тут есть домики и палатки, мы могли бы использовать их, если бы было теплее. Эта деревня – не

слишком хорошее место для нас, – добавляет она тихо. – Мэр слишком тесно сотрудничает с немцами.

– Он коллаборационист? – спрашиваю я.

Она кивает.

– Конечно, мы не знали об этом в прошлом году, когда выбирали даты. – Внезапная отмена вызвала бы слишком много подозрений. Ведь самое важное сейчас – важнее чего бы то ни было – это делать вид, будто все нормально. – Однако мы будем в Тьере почти три недели, потому что он находится в центре провинции и на выступления будут собираться люди со всей Оверни.

Астрид ведет меня в вагон, где я еще ни разу не была. Здесь тепло, тесно, женщины переодеваются в костюмы и наносят яркий макияж. Я останавливаюсь, чтобы посмотреть, как одна из акробаток красит ноги в более темный цвет.

– Она делает это, потому что у нее на колготках уже столько дыр, что их уже не починить, – объясняет Астрид, замечая мое любопытство. – А других просто нет. Пойдем.

Она выбирает костюм из тех, что висят на вешалке возле стены вагона, и прикладывает его ко мне. Затем она отдает его одной из девушек, помогающих артистам одеваться, и исчезает. Меня передают из рук в руки как связку белья, и мне ужасно неловко от запаха своего несвежего тела, который неизбежно появился после многих часов, проведенных в поезде без возможности помыться. Кто-то накидывает мне на голову костюм, который выбрала мне Астрид, кто-то другой восклицает, что он мне велик, и начинает закалывать его булавками. Я что, правда надену это? Он меньше купальника, состоит всего лишь из лифа и низа. Мой живот – теперь он уже тверже, чем тогда, когда я только приехала в Дармштадт, благодаря тренировкам – все еще далек от идеала и нависает над эластичным поясом трусов. Костюм искусно украшен, сделан из алого шелка с золотой отделкой. От него немного пахнет табаком и кофе, эти запахи заставляют меня задуматься, что за женщина носила его до меня.

Появляется Астрид, и я охаю от удивления. На фоне ее костюма – он выглядит так, как будто его сшили из пары носовых платков – мой кажется скромным. Но Астрид рождена для таких костюмов – ее тело точно высечено из гранита, она как одна из тех статуй обнаженных богинь в музеях.

– А ты думала, я буду делать сальто в кринолине? – спрашивает она, замечая мою реакцию. Для нее нескромность наряда не имеет никакого значения. Она надела его не для того, чтобы быть соблазнительной для публики, а чтобы удобнее было выступать.

Астрид делает мне знак, подзывая сесть на перевернутый ящик. Она берет румяна, наносит их мне на щеки, мажет мои губы вишнево-красным цветом, как нос у клоуна. Я никогда раньше не красилась, если не считать тех нескольких раз, когда я украла у мамы немного пудры, чтобы казаться чуть старше перед встречей с немцем. Я смотрю на незнакомку в отражении разбитого зеркала, которое кто-то поставил на чемодан. Как я дошла до этого?

Астрид, довольная результатом, отворачивается и начинает наносить макияж себе, что кажется лишним, учитывая, какая идеальная у нее кожа и какие длинные ресницы.

– У меня есть пара минут? – спрашиваю я. – Я хочу проведать Тео. Астрид кивает.

– Всего пару минут. Не уходи надолго. – Я иду по узкому коридору к спальному вагону, надеясь, что мой странный вид не испугает Тео. Но когда я перехожу в следующий вагон, я останавливаюсь, услышав голоса.

– Они хотят, чтобы мы в своем представлении продемонстрировали верность режиму. – Я наклоняю голову, чтобы лучше слышать. Это герр Нойхофф, он говорит низко и резко. – Возможно, исполнение «Маршал, мы здесь»...

– Немыслимо! – прорычал Петр, услышав о гимне Виши. Я отпрыгиваю, чтобы меня не увидели. – Никогда не было такого, чтобы правительство диктовало, как мне выступать, даже во время Мировой войны. Если уж я не раскланивался перед царем, то, черт подери, сейчас уж точно не стану. Дело не просто в политике. Это нарушит целостность моего номера.

– Сейчас все иначе, – напирает герр Нойхофф. – Небольшая уступка может сыграть важную роль... При решении дальнейших вопросов.

Ответа не последовало – только тяжелые шаги и грохот двери, захлопнутой с такой силой, что весь вагон затрясся.

Звенит звонок, который, как сказала Астрид, должен будет созвать всех нас на задний двор: пространство за шатром, где мы соберемся и

будем готовы выйти на сцену. Я с тоской смотрю в коридор. У меня нет времени проведать Тео.

Снаружи, на поле перед шатром, которое было совсем пустым некоторое время назад, точно грибы после дождя, повылезали маленькие палатки. Дорога между ними переполнена людьми: мужчинами в соломенных шляпах, женщинами и детьми в своих лучших воскресных нарядах. При входе в шатер висит плакат с афишей, где перечислены номера, которые люди смогут увидеть внутри. Жонглеры и шпагоглотатели, не имеющие отдельного номера, демонстрируют экспромты, распаяя публику. Небольшой духовой оркестр играет оживленную музыку для людей, стоящих в очереди, от чего ожидание становится менее тягостным. Воздух наполнен плотным сладким ароматом сахарной ваты и вареного арахиса. Такие удовольствия кажутся нереальными, учитывая нынешнюю систему карточек и то, как много сейчас людей, которые едва находят себе пропитание. В какую-то секунду я снова становлюсь легкомысленной девчонкой. Но эти изыски для счастливиц, у которых есть пара лишних су – уж точно не для нас.

Я обхожу шатер по периметру. Несколько мальчишек лежат на земле, пытаюсь подглядеть в щель между палаткой и землей, но один из временных рабочих прогоняет их. Шатер украшен длинными плакатами с самыми известными номерами. На одном из них – летящая юная Астрид на атласных веревках. Я заморожена ее изображением. Она, должно быть, была того же возраста, что и я, в те времена, и мне так интересно узнать ее лучше.

Я прохожу через пивную, которую устроили в самом конце центральной дороги, напротив карусели. Отовсюду слышен оживленный мужской хохот. Тут тонкий баланс, как объяснила Астрид: нам нужно умаслить публику так, чтобы ей понравилось представление, но ровно настолько, чтобы люди не начали буйнить и не сорвали его.

Петр, которого я видела с герром Нойхоффом всего несколько минут назад, украдкой вылезает из пивной палатки с фляжкой в руке. Как он добрался сюда так быстро? Он смотрит на меня неуверенно.

– Просто немного на дорожку, – говорит он, после чего неторопливо уходит. Я удивлена – не думала, что артистам разрешают пить перед выступлением. Что сказала бы Астрид?

Я прохожу на задний двор. Глаза нервно устремляются к вершине шатра. Кажется невозможным, что эта палатка – всего лишь шести и немного ткани – в состоянии удержать такое массивное устройство, как трапеция, и нас вместе с ней.

Астрид, замечая мое беспокойство, подходит ко мне.

– Это безопасно.

Но в голове у меня всегда будет прокручиваться тот момент, когда я падала на землю, готовая умереть.

– Как ты, удастся сохранять спокойствие? – спрашивает она. Не ожидая ответа, она проверяет мои бинты на руках и дает мне коробку с канифолью, чтобы я еще раз покрыла ею руки.

– Мы же не хотим, чтобы ты погибла, – говорит она. – После всех усилий, которые мы приложили, – добавляет она с улыбкой, пытаюсь превратить это в шутку. Однако взгляд у нее серьезный, обеспокоенный.

– Ты ведь думаешь, что я не справлюсь? – спрашиваю я, рискуя. Не уверена, что хочу услышать ответ.

– Конечно же, нет. – Я вслушиваюсь в ее голос, пытаюсь понять, правда ли это. – Ты хорошо потрудились. У тебя хорошие способности. Но все это очень серьезно для всех нас. Здесь нет места ошибкам. – Я понимающе киваю. Для Астрид это так же опасно, как для меня, даже после стольких лет практики.

Я подглядываю в темную палатку, которая кажется огромной пещерой. В центре – круг, около сорока футов в диаметре, отделенный от зрителей низкой оградой. От других артистов я слышала об американских цирках, огромных, как Барнум, в которых бывает по три круга. Но здесь все будут смотреть на главное выступление. Первые два ряда покрыты красной вельветовой тканью с золотыми звездами из атласа, пришитыми на каждое место, это значит, что это хорошие места, для важных гостей. За этими стульями грубые деревянные лавки поднимаются вверх кольцами. На этой круглой арене зрители находятся со всех сторон, и я вдруг осознаю, что здесь негде спрятаться и нельзя отвернуться, глаза смотрят на тебя со всех сторон.

Зрители начинают проходить в шатер, и я отступаю, чтобы меня не увидели. Билетеры и продавцы программ – это тоже артисты из номеров поменьше, которые смогут выскользнуть из шатра, когда он наполнится, нанести макияж и подготовиться к выходу. Я оглядываю

зрителей, занимающих свои места: впереди сидят состоятельные городские жители, на скамьях повыше – рабочие, гладковыбритые, но смущенные, чувствующие себя не в своей тарелке. У них, наверное, и на еду-то всего пара франков, а все-таки они нашли способ купить билет на выступление. Счастливики, которым удалось оплатить возможность забыть о тяготах за пределами этого шатра хотя бы на несколько часов.

По мере того, как небо темнеет и приближается начало выступления, болтовня на заднем дворе затихает и все становятся собранными, практически мрачными. Акробаты докуривают последнюю сигарету. Они выпядят потрясающе в своих расшитых блестками костюмах и головных уборах. Глядя на их безупречный макияж и уложенные волосы, никогда не догадаешься, в каких условиях мы одевались. Астрид уходит в дальний угол, она погружена в свои мысли. Учтывая ее серьезное выражение лица, я не решаюсь потревожить ее. Конечно, у меня самой нет никакого ритуала. Я стою с краю, пытаюсь сделать вид, как будто я занималась этим всю жизнь.

Астрид подманивает меня рукой.

– Не стой просто так, мышцы застудишь, – предостерегает она. – Делай растяжку.

Она нагибается, показывая мне, чтобы я положила ногу на ее плечо, мы делали это упражнение много раз на зимовке. Она медленно выпрямляется, поднимая мою ногу, и я пытаюсь не сжимать зубы, а дышать и расслабляться, привыкая к знакомой уже тупой боли, которая охватывает заднюю поверхность бедра.

– Хочешь, я тоже помогу тебе потянуться? – спрашиваю я, когда она заканчивает со второй моей ногой. Она качает головой. Я слежу за направлением ее взгляда – она смотрит через всю площадку на Петра, который репетирует, отдельно ото всех. Он переделся в мешковатый пиджак и штаны, и его лицо, побритое всего несколько минут назад, теперь под белой маской грима.

– Астрид... – начинаю я.

Она вдруг оборачивается на меня, будто забыла о моем существовании.

– Что такое? – неуверенно произношу я. Думаю, не рассказать ли ей о споре между Петром и герром Нойхоффом, который я услышала в

поезде, или о том, что видела Петра рядом с пивной. Но я не хочу, чтобы она волновалась об этом непосредственно перед выходом.

– Ты нервничаешь, – говорит она спокойно.

– Да, – признаюсь я. – А ты не нервничала перед первым выступлением?

Она смеется.

– Я была такой маленькой, что теперь и не помню. Но нервничать – это нормально. Даже хорошо. Адреналин не даст тебе расслабиться, убережет от ошибок. – «Или же заставит мои руки дрожать так сильно, что я не смогу держаться за перекладину», – думаю я.

Внутри шатра приглушают свет, и все пространство становится темным. Затем включается прожектор, выделяя на полу в самом центре золотой круг. Оркестр берет торжественный аккорд. Появляется герр Нойхофф, в бабочке и цилиндре он выглядит величественно.

– Мадам и месье... – глубоким голосом произносит он в громкоговоритель.

Начинает играть полька «Гром и молния», и на арене появляются лошади в плюмаже. Их наездники – среди них женщины с наиболее изысканными нарядами – едут без седла, но почти не сидят на лошади, то и дело меняя положение ног. Один из наездников встает, удерживаясь на спине лошади, прыгает назад из положения стоя, приземляясь прямо на следующую лошадь. Я уже видела репетицию этого номера, но ахаю от восхищения вместе со зрителями.

Цирковая программа, как объяснила однажды Астрид, очень хорошо продумана – быстрый номер, потом медленный, потом снова быстрый. Львы и другие опасные животные перемежаются с пантомимами.

– После серьезного номера нужно что-то положительное, светлое, – говорила она. – Это как менять тарелки после каждого блюда.

Но также это и вопрос удобства: на то, чтобы выпустить зверей из клеток и поместить их обратно, нужно время, поэтому эти номера часто ставятся близко к антракту.

Осматривая зал, я понимаю, что пространство шатра тоже хорошо продумано. Скамейки расположены под сильным углом, чтобы глаза зрителей устремлялись вниз. Расположение сидений по кругу

позволяет зрителям видеть друг друга и подхватывать чужую реакцию, этот замкнутый круг – как электрическая цепь, которая замыкается в шатре. Публика замерла, замороженная переплетением цвета, света, музыки и искусства. Их глаза следят за полетом мячиков жонглера, они довольно охают, когда один из дрессировщиков, пританцовывая, выводит на арену льва. Астрид права: даже в самый разгар войны люди продолжают жить – они покупают продукты, ухаживают за своим домом – почему бы им не смеяться в цирке, как они смеялись в мирное время?

Далее идет номер с хождением по канату. Девушка по имени Йета стоит на платформе наверху и держит в руках длинный шест для поддержания баланса. Этот номер пугает меня даже больше, чем трапедия, и я уже много раз благодарю Бога за то, что герр Нойхофф не выбрал меня на этот номер. Оркестр замедляется, переходит на адажио^[24], замирает в паузе для большего драматического эффекта. Затем Йета встает на канат, гремит музыка, и всех в шатре пробивает холодный пот.

Нога Йеты соскальзывает, она пытается вернуть баланс. Почему сейчас? Ведь она тренировалась и выступала с этим номером уже десятки раз? Ей почти удается выпрямиться, затем она снова шатается, на этот раз слишком сильно, ей не удержаться. Под общий вздох она летит вниз, крича и дергая руками и ногами, как будто плывет по воде.

– Нет! – кричу я. Глядя на ее падение, я прокручиваю в голове тот день, когда Астрид столкнула меня.

Я иду вперед. Мы должны помочь ей. Но Астрид оттягивает меня назад. Йета приземляется на сетку, которая с треском проседает до земли. Она лежит там, не двигаясь. Зрители задержали дыхание, не зная, волноваться им или считать это частью номера. Подбегают рабочие, они должны вынести ее из круга, прочь с глаз. Глядя на ее расслабленное тело, я чувствую, как во мне разрастается ужас. Это может случиться со мной. Йету несут к «Пежо», который стоит за шатром. Я ожидаю, что будет оказана первая помощь, но рабочие заталкивают ее на задние сиденья, и машина уезжает.

– Несчастный случай во время первого выступления в сезоне, – говорит голос за мной, пряное дыхание согревает мое плечо. Мы никогда не разговаривали, но я узнаю женщину с гладкими седыми

волосами – это Дрина, цыганка, которая предсказывает судьбу перед представлением и в перерыве. – Дурной знак.

– Чушь, – говорит Астрид, отмахиваясь от нее. Но лицо у нее мертвенно-бледное.

– С Йетой все будет в порядке? – спрашиваю я, когда Дрина уходит.

– Я не знаю, – резко отвечает Астрид. – Даже если она выживет, возможно, она никогда больше не сможет выступать. – В ее устах жизнь без выступлений звучит едва ли не хуже, чем смерть.

– Ты веришь гадалке? – Я чувствую, что задаю слишком много вопросов. – О том, что это дурной знак?

– Пф! – Астрид машет рукой. – Если бы она умела предсказывать будущее, стала бы она здесь оставаться? – Астрид права.

Я подглядываю в палатку, где зрители неуверенно ждут продолжения. Конечно же, представление должны отменить. Но выступающие стоят на своих местах, готовые выходить на сцену.

– Клоуны, быстрее! – кричит герр Нойхофф, дав знак к началу следующего номера. Внутри вваливаются клоуны, изображая городских жителей. Счастливые клоуны в больших ботинках и малюсеньких шапочках. Клоуны-музыканты. Шуты, готовые высмеять что угодно.

Петр не входит ни в одну из этих категорий. Он выходит на арену последним, его лицо бело-красное, с толстыми черными линиями, он оглядывает зрителей так, как будто это они его задерживают. Не грустный, а скорее серьезный клоун, язвительный и остроумный, усмешку которого еще надо заслужить. Другие клоуны делают миниатюры друг с другом, а Петр танцует с краю, занимаясь своей собственной пантомимой. Он держит все шапито в напряжении: очаровывает, льстит, поддразнивает, чувствуя, кто закрыт и не готов следить за номером, а кто заскучал, – и притягивает их внимание к себе. Он как будто хочет, чтобы зрители ему угодили своим откликом и аплодисментами, в то время как обычно все наоборот. Астрид стоит в углу и смотрит на Петра из тени с восхищением в глазах.

Герр Нойхофф тоже следит за ним, оставаясь на краю арены, на его лице обеспокоенное выражение. Я задерживаю дыхание, ожидая, что Петр начнет свой номер с гусиной походкой, против которого выступал герр Нойхофф. Петр не добавил провишистский гимн в свой номер, как это предлагал герр Нойхофф. Но он делает свое

выступление легким, как будто чувствует, что после падения Йеты, все остальное будет неуместно.

Вслед за клоунами идут слоны в головных украшениях с драгоценными камнями, медведь и мартышки в маленьких платьицах, не слишком-то отличающихся от моего наряда. Представление прерывается на антракт, и в шатре зажигают свет. Зрители выходят на улицу размять ноги и покурить. Но перерыв не для нас.

– Следующие – мы, – сообщает Астрид. – Надо готовиться.

– Астрид, погоди... – У меня в желудке точно появляется громадная дыра. До сих пор я была просто зрителем, едва не забыв, зачем я здесь. Но выйти на арену, перед всей этой толпой... После того, что случилось с Йетой, как я могу? – Я не смогу. – У меня в голове туман, кажется, я все забыла.

– Все ты можешь, – заверяет она, положив мне руку на плечо. – Это просто нервы.

– Нет, я все забыла. Я не готова. – Мой голос становится выше от паники. Некоторые из артистов оборачиваются в мою сторону. Одна из акробатов надменно ухмыляется, как будто ее подозрения обо мне подтвердились.

Астрид уводит меня в сторону, а затем останавливается, положив руки мне на плечи.

– А теперь слушай меня. Ты молодец. Я бы даже сказала, что у тебя талант. И ты усердно работала. Забудь о зрителях и представь, что мы просто репетируем вдвоем в Дармштадте. Ты сможешь. – Она крепко целует меня в каждую щеку, как будто впечатывая в меня свое спокойствие и силу. Затем она поворачивается и идет на арену.

Звенит звонок, и зрители возвращаются на свои места. Через занавеску я посматриваю на толпу, замершую в ожидании, и мои ноги тяжелеют. Я же не могу так просто взять и пойти туда?

– Иди, – рычит Астрид, грубо выталкивая меня наружу, когда музыка оповещает о нашем выходе.

Освещение в зале снова погасили, и мы бежим к арене в полной темноте. В Дармштадте лестница прикручена к стене. Но здесь она свисает с потолка и лишь слегка закреплена снизу. Я изо всех сил пытаюсь не упасть, так сильно она дрожит. На подъем у меня уходит больше времени, чем я ожидала: я успела только добраться до платформы, когда включили прожектор. Луч скользит по стенам

палатки, находит меня. И вот я предстаю перед толпой. Меня пробивает холодный пот. Почему клоунам можно спрятаться за масляным гримом, а нам нужно стоять здесь практически голыми – и от сотен глаз нас отделяют только клочки тонкого нейлона?

Музыка замедляется, обозначая начало нашего номера. Тишина, затем нарастающий бой барабанов, моя очередь прыгать.

– Оп! – Через темноту до меня доносится крик Астрид. Обычно я должна отпустить перекладину сразу после этой ее команды, но я не делаю этого. Астрид качается, ожидая меня. Еще секунда – и будет слишком поздно, и номер будет провален.

Сделав глубокий вдох, я прыгаю с платформы. Под моими ногами нет ничего, кроме воздуха. В Дармштадте я летала уже много раз, но сейчас я чувствую чистейший ужас, как будто это снова мой первый раз. Я раскачиваюсь выше, отталкивая от себя страх и наслаждаясь ветром, овевающим меня.

Астрид летит ко мне, раскинув руки. Я должна отпустить гриф на самой верхней точке, чтобы все сработало. Однако меня все еще пугает то, что она должна будет меня поймать, особенно после того, как я увидела падение Йеты. Астрид позволила мне упасть однажды, сделав это сознательно. Что, если она снова так поступит?

Наши взгляды встречаются. Она как будто говорит: «Верь мне». Я отпускаю перекладину и взлетаю вверх. Руки Астрид хватаются за мои, и мое тело раскачивается вместе с ней. Меня охватывает облегчение и воодушевление.

Но нет времени праздновать: через секунду Астрид отправляет меня обратно. Я заставляю себя сконцентрироваться еще раз, перекручиваясь так, как она научила меня. Затем я лечу от центра к внешней стороне арены, пытаюсь никуда не смотреть. Астрид направила меня с идеальной точностью, и гриф попадает мне в руки, и толпа аплодирует. Я добираюсь до платформы, мир приходит в равновесие. Мы сделали это! Мое сердце наполняется радостью, я чувствую себя счастливее, чем когда-либо.

Однако номер не закончен, Астрид ждет меня со строгим выражением лица, она все еще в напряжении. Мы выполняем второй бросок, на этот раз Астрид ловит меня за ноги. Теперь аплодисменты как будто поднимают меня выше. Еще один бросок, возвращение – и

конец. В какую-то секунду я даже чувствую скорее грусть, чем облегчение.

Я выпрямляюсь, когда луч прожектора находит меня на платформе. Зрители подбадривают и хлопают в ладоши все громче. Мне. Главная была я, не Астрид. Теперь я понимаю, как тяжело это было для нее – оставить главную роль. Понимаю, чем она пожертвовала, чтобы включить меня в номер.

Прожекторы опускают, и к выходу на сцену готовится Петр, на этот раз для сольного номера. В отличие от других артистов, которые появляются на сцене один или два раза, он регулярно выходит между крупными номерами, связующей нитью проходя через все выступление. Теперь он отвлекает толпу своими привычными ужимками, позволяя рабочим закончить расстановку клеток со львом и тиграми, которые привезли сюда в темноте во время нашего номера.

Мы с Астрид спускаемся и торопливо уходим на задний двор в полутьме.

– Мы сделали это! – восклицаю я, обнимая Астрид. Я жду, что она похвалит меня. Теперь-то она точно будет довольна мной. Но она не отвечает, и я отступаю, отвергнутая.

– Ты хорошо справилась, – говорит она, наконец. Но она говорит это сдержанно, а на ее лице – беспокойство.

– Я знаю, я опоздала во время последнего броска... – начинаю я.

– Тс-с-с.

Она отгоняет меня, не отрывая глаз от палатки. Я слежу за ее взглядом, который устремлен на мужчину, сидящего на первом ряду. На нем форма СС. Тогда я чувствую тошноту. Я бы заметила его, если бы он сидел там во время первой половины выступления. Наверное, он зашел во время антракта. Я не заметила его, потому что слишком нервничала.

– Он здесь просто чтобы посмотреть представление, я уверена, – говорю я, желая приободрить ее. Но в моих словах нет уверенности. Откуда здесь немецкий офицер? У него расслабленное выражение лица, он смотрит на то, как дрессировщик уговаривает больших кошек делать различные трюки. – В любом случае, ты должна предупредить Петра, чтобы он не выступал с тем номером... – Я осеклась, понимая, что она не слышит меня, но жадно смотрит на офицера из-за занавески.

– Я знаю его.

Астрид говорит это спокойно, но лицо у нее бледное.

– Немца? – Она кивает. – Ты уверена? – спрашиваю я, несмотря на то что у меня сдавило горло. – Они все на одно лицо в этой ужасной форме.

– Это коллега моего мужа. – «Бывшего мужа», – хочу поправить ее я, но сейчас это кажется глупым.

– Ты не можешь идти туда снова, – дергаюсь я. Для меня выступление уже закончено, но у Астрид еще один номер на испанской паутине. У меня все сжимается в груди. – Надо сказать герру Нойхоффу.

– Ни за что! – шипит она, теперь ее голос звучит уже скорее раздраженно, чем испуганно. – Я не хочу, чтобы он волновался еще и из-за меня. Если я не могу выступать, я бесполезна. – Если Астрид не будет выступать, помощь герра Нойхоффа будет просто благотворительностью. Она смотрит прямо на меня. – Это будет конец. Поклянись, что не скажешь ему. Никто не должен знать.

– Давай я выйду вместо тебя, – умоляю я. Конечно, мое предложение – лишь пустые слова, я не тренировалась на веревках и не пробовала ничего, кроме трапеции.

Я оборачиваюсь и безнадежно смотрю по сторонам. Если я смогу найти Петра, он мог бы уговорить Астрид не выходить на сцену.

– Астрид, пожалуйста, подожди...

Но уже слишком поздно – она бодрым шагом выходит на арену, распрямив плечи, полная решимости. В этот момент я вижу, насколько она на самом деле смелая. Я испытываю восхищение и ужас одновременно.

Астрид поднимается не по той лестнице, по которой поднималась ранее. На этот раз она повисает на атласной веревке, точно подвешенная в воздухе. Я задерживаю дыхание, всматриваясь лицо немца и пытаюсь понять, узнал ли он ее. Но он смотрит на нее, слишком очарованный, чтобы что-то заподозрить. Она рассказывает историю, декоративная ткань развеивается от ее движений. Действие полностью захватило его – и весь зал. Впрочем, я все еще в ужасе, мне тяжело дышать. Красота Астрид и ее невероятные навыки точно громогласный рупор, который может раскрыть ее истинную сущность.

– Спряталась на самом видном месте, – задумчиво говорит Астрид, выходя из шатра под оглушительные аплодисменты. В ее голосе звучит самодовольная нотка, какая-то часть ее довольна тем, что ей удалось провести немца. Но когда она разматывает бинты, руки у нее дрожат.

А потом все заканчивается.

Все выходят на финальный поклон, цирк еще раз предстает перед публикой во всем своем великолепии. Я забираюсь на лестницу, как велела мне Астрид, и наш финальный поклон происходит на платформах наверху, мы не летаем, а просто вытягиваем одну ногу в воздух, как балерины. Дети неистово машут артистам, чьи тела блестят от пота, они скромно кивают в ответ, как актеры, не выходя из своей роли.

После этого некоторые артисты оставляют автографы толпе, собравшейся у заднего двора. Я с тревогой смотрю на то, как Астрид принимает похвалы, возможно, ей лучше было бы уйти. Но немецкий офицер не приходит сюда.

В самом дальнем углу двора я вижу Петра, он не оставляет автографы, а ходит туда-сюда, разговаривая сам с собой так же напряженно, как до начала представления. Он прокручивает в голове свое выступление, ищет ошибки, отмечает то, что он должен исправить в следующий раз. Цирковые артисты такие же въедливые, как танцоры балета или пианисты на концерте. Каждый маленький изъян – это зияющая рана, даже если никто ничего не заметил.

Когда последняя программка подписана, мы начинаем двигаться к поезду, мимо рабочих, которые убираются и кормят животных.

– Когда-то после первого вечернего выступления запускали фейерверки, – отмечает Астрид, вглядываясь в темное небо.

– А теперь нет? – спрашиваю я.

– Слишком дорого, – отвечает она. – Да и в наши времена взрывы уже никого не веселят.

Меня охватывает усталость. Все кости болят, а кожа остывает вместе с высыхающим потом. Все, чего я хочу, – это вернуться к Тео и упасть рядом с уютным теплом его тела. Но Астрид уговаривает меня пойти в вагон-гримерку, где мы вешаем свои костюмы и снимаем макияж. Она втирает в мои плечи теплую мазь, она пахнет сосной и немного щиплет.

– Я просто хочу пойти спать, – возражаю я, пытаюсь увернуться от нее.

– Наше тело – это все, что у нас есть на этой работе. Надо о нем заботиться. Завтра ты поблагодаришь меня за это, – обещает она, ее пальцы с силой разминают мою шею. Мышцы горят огнем.

– Ты чудесно выступила, – продолжает Астрид, она говорит это нежно и искренне, вот она, похвала, которую я так ждала. Мое сердце пропускает удар. – Конечно, твои ноги могли быть немного прямее на втором броске, – добавляет она, спуская меня с небес на землю. Астрид – это Астрид. – Завтра мы сможем это исправить.

Я думаю о завтрашнем дне, и передо мной расстилаются дни бесконечной практики и выступлений.

– Я горжусь тобой, – добавляет она, и я чувствую, как на щеках у меня проступает румянец.

Мы уходим из примерки в вагон-спальню. Вдруг я останавливаюсь. Я все еще переживаю из-за того немецкого офицера, который видел ее, из-за того, что он может узнать ее. Астрид не скажет никому, но должна ли сказать я? Я смотрю в сторону вагона Петра. Он заботится о ней, я знаю это. Он тот, кто лучше всех сможет обеспечить ее безопасность. Но если я обращусь к нему, он расскажет Астрид. Я думаю о герре Нойхоффе. Я почти не говорила с ним с момента, как я оказалась в цирке, но он всегда был добр ко мне. Это его цирк. Конечно же, он будет знать, что делать. Я вижу перед собой сердитое лицо Астрид, слышу ее голос: «Никто не должен знать». Она будет в бешенстве, если узнает, что я пошла против нее. Но герр Нойхофф владеет этим цирком, для того, чтобы защитить Астрид, лучше всего будет надеяться на него.

Я так хочу скорее оказаться рядом с Тео. Он, конечно, будет спать – но сначала я должна сделать кое-что еще.

– Я кое-что забыла, – говорю я, повернув обратно до того, как она начнет задавать вопросы.

Я стучу в дверь вагона герра Нойхоффа, последнюю перед тормозным вагоном.

– Заходите, – говорит голос изнутри, и я открываю дверь. Я никогда не была здесь прежде. Внутри все обставлено хорошей мебелью, занавеска отделяет кровать от гостиной зоны. Герр Нойхофф сидит за столом, его живот так выпирает, что кажется, что он вот-вот

опрокинется назад на своем шатком стуле. Он снял вельветовый пиджак, который был на нем во время представления, и расстегнул ворот своей рубашки с жабо, которая потемнела от пота. От окурка сигары в пепельнице исходит запах гари. Наклонив голову, он просматривает документы. Цирк – это серьезный бизнес, который гораздо шире и больше арены и даже Дармштадта. На герре Нойхоффе лежит ответственность за благосостояние работников: не только за их зарплаты, но и за аренду жилья и еду. Теперь я вижу, как он устал, какой тяжелый это груз в его немолодом возрасте.

Он отрывает взгляд от бухгалтерской книги, которая лежит перед ним, его бровь приподнята.

– Да? – говорит он резко, но не грубо.

– Я вас отвлекаю? – произношу, наконец, я.

– Нет, – отвечает он, но голос у него безжизненный, глаза ввалились еще сильнее, чем пару часов назад. – Это падение с Йетой – ужасная ситуация. Мне нужно подать отчет местным властям.

– С ней все будет в порядке? – спрашиваю я, боясь услышать ответ.

– Я не знаю, – говорит он. – Я отправлюсь в больницу на рассвете. Но власти потребовали уплаты налога завтра же. Налог на пороки, как они это называют. – Как будто то, что мы делали, то, что мы развлекали людей – это неправильно. – Я просто пытаюсь понять, где достать деньги. – Он улыбается слабой улыбкой. – Такова плата за ведение этого бизнеса. Что я могу сделать для тебя?

Я замаялась, я не хочу добавлять ему проблем. Из маленького радиоприемника в углу вагона раздается музыка. Теперь они считаются контрабандой, не думала, что у него есть такой. Еще я замечаю аккуратные стопки бумаги и конвертов на его столе. Герр Нойхофф следит за моим взглядом.

– Хочешь написать письмо отцу и сказать, что у тебя все в порядке?

Я думала об этом уже много раз, задавалась вопросом, что бы подумали мои родители о том, что со мной стало, волнуются они или же решили окончательно разорвать со мной связь. Что я им скажу – что я теперь работаю в цирке и у меня ребенок, так похожий на того, которого у меня отняли? Нет, в моей жизни нет ничего, что они могли бы понять. И если они будут знать, где я нахожусь, какая-то часть

меня всегда будет надеяться на то, что они приедут за мной, и мое сердце снова будет разбито, ведь они этого не сделают.

– Я могу написать за тебя, – предлагает он. Я качаю головой. – Тогда чем я могу помочь?

Прежде чем я успеваю объяснить, зачем я пришла, герр Нойхофф начал тяжело дышать, его кашель стал более глубоким и хриплым, чем в Дармштадте. Он тянется к стакану воды. Когда кашель успокаивается, он плотает таблетку.

– Вы в порядке, сэр? – Надеюсь, я не поторопилась с вопросом.

Он отмахивается, будто от мухи.

– Наследственные проблемы с сердцем. У меня всегда это было. А весенняя сырость только усугубляет мое состояние. Так что, тебе что-то нужно? – напирает он, желая поскорее вернуться к документам.

– Это насчет Астрид, – начинаю я неуверенно. Сделав глубокий вдох, я рассказываю ему о немце, сидевшем в первом ряду, который ее знает.

Его лицо темнеет.

– Я боялся, что что-нибудь подобное рано или поздно случится, – говорит он. – Спасибо, что сказала мне. – По его тону я понимаю, что теперь я могу быть свободна.

Я оборачиваюсь, осмелившись оторвать его от дел еще раз.

– Сэр, последнее, что я хотела сказать, – Астрид будет очень рассержена, если узнает, что я рассказала вам.

Я вижу на его лице борьбу, он хочет сохранить мой секрет, но не может пообещать этого, это будет ложью.

– Я не скажу, что узнал об этом от тебя. – Слабое утешение. Я единственная, кто знает. Беспокойство сдавливает мне желудок, когда я ухожу.

Добравшись до нашего вагона, я вижу Астрид, она сидит в темноте на койке и держит Тео, он спит. Я еле сдерживаюсь, чтобы не растолкать его, желая, чтобы он открыл свои темные глаза и посмотрел на меня.

– Заснул всего несколько минут назад, – говорит она. Учитывая то, как я скучала по нему бодрствующему, я расстраиваюсь еще больше. Она нежно гладит его по щеке.

– Я хотела спросить... – начинает Астрид. Я замираю, пытаюсь выдумать благовидную причину, по которой я отсутствовала. – Ты не

видела Петра по дороге сюда?

– Нет, с тех пор как мы ушли от шатра. Он репетировал, – говорю я, задумавшись о том, что это слово не слишком подходит для описания работы над ошибками.

– Я бы хотела пойти к нему. Но он предпочитает спать один во время тура, когда начинаются выступления. – Ее глаза с тоской смотрят в сторону его вагона. – После того, как я увидела коллегу Эриха... – Она прижимает подбородок к груди. – Я просто не хочу быть одна. – Ее руки, обнимающие Тео, трясутся.

Ей одиноко, вдруг понимаю я. Я привыкла быть сама по себе за те месяцы, когда работала на вокзале в Бенсхайме. Учítывая, что я была единственным ребенком в семье, это было не так уж и сложно. Но Астрид уехала из своей большой цирковой семьи к Эриху, а потом встретила Петра. Несмотря на ее суровый нрав, она не может быть одна.

– Ты не одинока, – говорю я, чувствуя себя вторичной, ущербной. Я обнимаю ее одной рукой. – Я с тобой. – В какую-то секунду она деревенеет, и я ожидаю, что она отодвинется от меня. Это я всегда нуждалась в Астрид, зависела от нее, с самого своего появления в цирке. А теперь, кажется, все наоборот.

Астрид ложится на койку с Тео в руках. Я аккуратно ложусь рядом, она такая теплая. Мы прижимаемся друг к другу лбами, как близнецы в утробе, дышим вместе, как единый организм. Мне так уютно, я не чувствовала себя так с тех пор, как покинула дом. Астрид однажды шутила, что она мне в матери годится. Но это правда. Я вспоминаю свою собственную мать так же ясно, как тогда, когда она смотрела мне вслед. Она должна была вступить за меня, защищать меня всем сердцем. Теперь, когда у меня есть Тео, я понимаю, какой должна быть материнская любовь и какой она не была в моем случае.

– О чем ты думаешь? – спрашивает Астрид. Впервые ей стало интересно.

– О море, – вру я, мне слишком стыдно признаваться, что я тоскую по семье, которая выставила меня из дома.

– О море или о людях, которые живут рядом с ним? – спрашивает она спокойным тоном, догадываясь о моих мыслях. – Ты ведь до сих пор любишь свою семью, правда?

– Наверное. – Признаваться в этом – как будто признаваться в своей слабости.

– Ты плачешь по ночам из-за них, – говорит она. Чувствуя, как краснеет мое лицо, я радуюсь, что она сейчас не видит его в темноте. – Я все еще вижу сны про Эриха, – признается она. – И у меня все еще есть чувства к нему.

Я удивлена.

– Несмотря на то что он...

– Выставил меня за дверь? Отверг? Да, несмотря на это. Ведь людей любишь такими, какими они были раньше, несмотря на все то, что привело их к ужасным поступкам.

Я понимаю. По боли в ее голосе я понимаю, как больно ей от того, что Эрих отвернулся от нее.

– Но у тебя есть Петр, – напоминаю я, желая облегчить ее боль.

– Да, – соглашается она, – но это не одно и то же.

– Он очень заботится о тебе, – настаиваю я.

Чувствую, как она напрягается.

– Петру просто нравится быть со мной. И только.

– Но Астрид... Я вижу, как он заботится о тебе... А ты о нем. – Она не отвечает. Как она может не видеть его чувств? Может, после всего, через что ей пришлось пройти, она боится желать большего?

– Как бы там ни было, мы говорили о тебе, – говорит Астрид, меняя тему. – Я знаю, ты скучаешь по своей семье. Но прошлое в прошлом. Смотри вперед, расправь плечи навстречу ветру. У тебя теперь есть Тео. Ты не вернешься назад. – Она говорит это твердо. – Ты должна принять это, если хочешь спасти себя и Тео. Если ты, конечно, не планируешь найти его семью. Ты ведь хочешь, чтобы он нашел свою семью? – продолжает она.

От этой фразы меня точно ножом полоснуло.

– Конечно. Это было бы таким облегчением, – отвечаю я пустым голосом. Я думала о семье Тео, молилась за них, но я никогда не думала о том, чтобы отдать его. Он теперь мой.

– А если и нет, его могут усыновить. Он не твой. Ему нужна семья. Ты юная девушка, у тебя еще вся жизнь впереди. Однажды тебе нужно будет отдать его.

«Я и есть его семья», – думаю я. Я делаю жест в темноте, указывая на вагон.

– Это моя жизнь.

Я не планирую оставаться в цирке. Я должна отправить Тео как можно дальше, подальше от Германии, для его же блага. Но пока мне трудно представить какую-то другую жизнь.

– Возможно, однажды ты будешь думать иначе, – отвечает она. – Иногда то, что нам кажется вечным, длится не так долго, как мы ожидаем.

В тишине спального вагона ее слова подхватывает эхо. Я закусываю губу, чтобы не спорить. Однажды я не стала бороться за своего ребенка, и это меня практически уничтожило. Я не выдержу такой боли снова.

Конечно, Астрид не знает об этом. Мое прошлое – все еще секрет для нее. И сейчас он как будто разрастается, разделяя нас, превращая всю нашу дружбу в ложь.

– Астрид, – начинаю я. Я должна прямо сейчас рассказать ей о том, что произошло на вокзале в ночь, когда я нашла Тео, и о том, как я оказалась на этом вокзале. О немецком солдате. Этот секрет, как гнойная рана, набухает и увеличивается, и так больше не может продолжаться.

– Если это о номере, мы можем обсудить это утром, – говорит она сонно.

– Это не о нем.

– А о чем тогда? – спрашивает она, поднимая голову. Я глотаю слюну, не в силах заговорить. – Спасибо тебе, – говорит она до того, как я успеваю ответить. В ее голосе такая незащитность, какой я никогда раньше не слышала. – Да, думаю, я не говорила тебе о том, что я ценю то, что ты делаешь. Я бы не смогла продолжить выступать, если бы не было тебя. – Строго говоря, это не так. Она могла бы выступать на испанской паутинке или с другим сольным номером. Но сердцем она привязана к трапеции, и со мной выступление на ней становится возможным. – Я хочу, чтобы ты знала, что я благодарна, – добавляет она, нащупав под одеялом мою руку.

У меня в горле образуется ком, преграждая путь словам, которые я должна была сказать. Я могу преодолеть это, заставить себя рассказать правду. Но она сжимает мою руку, и между нами такое тепло, какого еще никогда не было прежде. Моя решимость исчезает, улетает, как пыль. – Что ты хотела сказать?

– Да ничего. Это... О Петре. – Теперь я не могу решиться и рассказать ей всю правду о своем прошлом. Но, не решившись раскрыть ей один секрет, я проболталась о другом:

– Он пил перед выступлением.

Я съеживаюсь: не уверена, что стоило рассказывать об этом. Это не мое дело. Но где-то в глубине души я чувствую, что она должна знать.

Астрид отвечает не сразу, я чувствую, как ее тело напрягается от тревоги.

– Ты уверена? – спрашивает она. – Он всегда ведет себя странно перед выступлением. – В ее голосе беспокойство, она знает, что это правда, но не хочет ее признавать.

– Я уверена. Я видела, как он выходит из пивной.

– Ох. – Она не удивлена, но расстроена. – Я так старалась остановить его.

«Старайся больше», – хочу сказать я. Как это возможно, что Астрид, такая сильная, не смогла пойти против него?

– Я чувствую себя такой беспомощной, – заявляет она с надрывом в голосе. Мне кажется, что она вот-вот заплачет, но она просто беззвучно содрогается. Я придвигаюсь ближе, и она оказывается в моих объятиях. Тео лежит, стиснутый между нами так, что я боюсь, как бы он не проснулся и не начал шуметь. – Такой беспомощной, – повторяет она, и я понимаю, что она говорит не только про Петра.

Наконец, она успокаивается и прижимается ко мне.

– Главное – это выступление, – добавляет она, начиная засыпать. – Все будет хорошо, пока мы можем выступать.

Мои мысли переносятся обратно к беседе с герром Нойхоффом. Вспоминаю обеспокоенное выражение его лица, когда я рассказала ему о немце, который мог узнать Астрид.

И не могу не беспокоиться: что, если я совершила ужасную ошибку?

Глава 10

Ноа

– Я пойду в город, – говорю я Астрид. Я держу Тео на коленях, докармливая ему с ложечки остатки его обеда. Это банан, который я размяла с небольшим количеством молока – редкая находка, его нам дала одна из работниц кухни. Когда Тео впервые попробовал его, от удивления у него расширились глаза, он заурчал от непривычного яркого вкуса, так не похожего на безвкусную кашу. Тео редко достается хорошая еда, ведь я не могу получать для него еду по карточкам – это вызовет вопросы. Поэтому я даю ему то, что достается мне и что ему можно.

Откладывая миску, надеюсь, что Астрид не будет возражать. Сегодня воскресенье, почти полдень, прошло два дня с нашего первого выступления, и мы уже закончили сегодняшнюю четырехчасовую репетицию. У меня дико болят плечи, от вспотевшей кожи идет несвежий запах.

– Я пойду в гостиницу, помыться, – добавляю я.

Поскольку здесь у нас нет воды, цирк арендует две комнаты в маленькой гостинице, одну для мужчин, вторую для женщин, куда мы можем ходить мыться каждую неделю.

Астрид залезает в чемодан и передает мне маленький кусок мыла.

– Держи, – говорит она, и я с благодарностью забираю его. Мыло, которое нам раздали от цирка – грубый кусок пемзы, а это мягкое и сладко пахнет.

– Я сделала его из сока растений, – добавляет она. Я не устаю удивляться ее изобретательности и тому, как много она умеет благодаря турам. Затем она хмурится.

– Возвращайся через час, я хочу поправить твои движения при висте на коленях и поработать над расцеплением перед завтрашним выступлением.

– Но ведь воскресенье же, – возражаю я. Единственный день, когда мы не выступаем. По воскресеньям на заднем дворе цирка люди если

и репетируют, то совсем немного, играют в карты или просто дают отдых своим усталым телам. Дети могут свободно бегать, играя в салочки или в мяч, наслаждаясь днем, когда никто не выгоняет их из шатра и не шикает на них, чтобы вели себя потише.

День отдыха – но только не для меня. Астрид заставляет меня репетировать столько же, сколько мы репетируем в любой другой день, разрешая отдохнуть только пару часов после обеда, чтобы я покормила Тео и провела немного времени с ним. Сегодня, мне, похоже, и этого не видать. Я знаю, что лучше не спорить. Я справилась с первыми выступлениями в пятницу и субботу, но мне еще много работать. Я пробовала только прямой пас: раскачиваюсь до верхней точки, затем она ловит меня за руки, когда я падаю. Но вариантов, которые можно было бы попробовать – бесконечное множество: пируэты, сальто, даже бросок со сцепкой лодыжками.

То, чему я научилась, – это только капля в море искусства воздушной гимнастики, я бесконечно далека от хоть сколько-нибудь приличного уровня.

– Насчет этого... – Я внезапно замолкаю. – Я подумала о том, что если в конце второго паса я прокручусь, ты сможешь поймать меня в другом положении.

Я впервые решилась предложить такое, и Астрид смотрит на меня, как будто у меня на голове выросли рога. Затем она пожимает плечами и отмахивается.

– Ничего не получится.

– Почему? – настаиваю я. – Я буду лететь ровно, возвращаясь, а поворот корпуса будет смотреться лучше, чем просто прямой пас.

Она поджимает губы, как будто я ребенок, требующий конфет, несмотря на запрет.

– Тебе нужно продолжить работать над базовыми движениями. Не беги впереди паровоза.

Я отступаю, уязвленная. Выступаю я, может быть, и неплохо, но она никогда не сочтет меня равной себе.

– В любом случае, тебе уже пора выходить, если ты собираешься идти в город, – говорит Астрид, меняя тему. – Я присмотрю за Тео.

– Тебя не затруднит? – спрашиваю я, с тоской глядя на него. Я ужасно хочу помыться, снова почувствовать себя чистой, но я не хочу уходить от него. Я так редко вижу его в эти дни: когда у нас только

заканчивается последний номер, он уже засыпает. Меня так раздражает то, что я лишаяюсь этих бесценных воскресных дней с ним. Как бы я хотела взять его с собой в город! Он смог бы помыться в нормальной ванне, а не в металлической кадке, в которой я обливаю его водой, от чего он или плачет, или радостно агукает, смотря какой температуры вода. Но я не могу взять его с собой, привлекая к себе внимание, начнутся вопросы.

– Конечно, нет.

Астрид подходит и забирает у меня Тео. Что-то в ее взгляде на него, полном нежности, говорит многое о том ребенке, которого у нее никогда не было. Кроме того, она стала добрее ко мне за те короткие два дня с моего первого представления. Она все так же требовательна. Но, кажется, что она правда думает, что я могу выступать и быть одной из них. А после того, как мы разговаривали ночью о Петре и прошлом, у меня почти появилось ощущение, что мы друзья, которые могут доверять друг другу.

Или, по крайней мере, могли бы стать друзьями, если бы не секрет, который я продолжаю скрывать – о моем собственном ребенке и немце, который был ему отцом. Я должна была сказать Астрид несколько недель назад, возможно, это уменьшило бы ущерб. Но я этого не сделала, и правда осталась похороненной под землей, точно разлагающийся труп. Теперь это не просто секрет, а ложь, которую я скрыла и за которую она меня возненавидит.

– Если пойдешь лесом, вдоль реки, то доберешься до города быстрее, чем по дороге, – советует она.

Я киваю головой, пытаюсь представить описанный ею путь. Я не была нигде, кроме нашей ярмарки со дня нашего приезда, когда мы шли сюда по центральной дороге.

– Тропа начинается сразу за шатром, – продолжает она, увидев мое замешательство. – Давай пройдем вместе, и я покажу?

Я иду вслед за Астрид, она пробирается по узкому проходу между койками вместе с Тео. Мы проходим мимо танцовщицы, которая красит волосы в рыжий с помощью самодельной краски. Другая штопает дыру в своем тренировочном трико. У двери без капли стеснения передевается грузная женщина из одного не очень популярного номера, ее крупные груди сливаются со складками тела под ними. Я отвожу взгляд. Когда так много людей живет в одном

месте, личного пространства совсем не остается – это еще одна из тех многих вещей в цирке, к которым я никогда не привыкну.

Мы выходим на улицу. Чуть раньше, когда мы шли на тренировку, небо над шатром было в розовых и голубых полосах. Но теперь верхушку шاپито окутал туман, он напоминает шапку, надвинутую на самые брови. Мы проходим через задний двор цирка, открытое пространство, которое находится ближе всего к поезду, – тут, вдали от любопытных глаз, проводят свое свободное время работники цирка. Нижнее белье, которое развесили на веревке, ничуть этого не стесняясь, развеивается на ветру. Рядом с кухней витает пар с ароматом вареной картошки, которая, видимо, будет на ужин. Слышу звон, работники кухни моют посуду после обеда.

Когда мы проходим мимо шатра, изнутри раздаются знакомые звуки: репетирует кларнетист, силач с трудом поднимает что-то тяжелое, эти звуки перемешиваются с лязганьем мечей – клоуны участвуют в шуточном бою. При ярком дневном свете арена в проеме занавеса представляет собой печальное зрелище. Вельветовые подушки на сиденьях протерты, все в пятнах. В опилках, покрывающих пол – и некогда чистых, – теперь фантики и окурки. От желтого пятна в углу, где помочилась лошадь, исходит кислый запах.

На самом краю ярмарки под зацветающей вишней сидит Дрина, ее экзотическая фиолетовая юбка, раскинулась вокруг нее, пальцы с крупными суставами, спрятанные под рядами колец с камнями, сгибаются, когда она мешает колоду карт. Астрид сказала, что она участвует в туре каждый год: появляется на первой остановке и остается до конца сезона, развлекая гостей в перерыве между выступлениями. В этом странном мире, в который почти все мы вписываемся, Дрина остается чужой. И не только потому, что она рома^[25], цыганка: в цирке есть люди любой национальности. Это потому что ее искусство – это надувательство, «магия». «Это не цирк», – говорила Астрид с презрением. Это выражение я слышала не один раз за те месяцы, которые провела здесь, его использовали, чтобы описать номера, которые не вписываются в цирковые стандарты.

Дрина жестом подзывает меня. Я не решаюсь подойти, поглядывая на Астрид.

– Можно? – спрашиваю я. – Я на минутку. – Она закатывает глаза и пожимает плечами. Я подхожу ближе, с любопытством глядя на странную колоду карт, которую Дрина раскладывает передо мной.

– Мне нечем вам заплатить, – говорю я.

Она тянется ко мне и без спроса берет меня за руку, проводя своими костлявыми пальцами по линиям на моей ладони.

– Ты рождена под счастливой звездой, – говорит она.

«Счастливая», «тебе повезло». Сколько уже раз я это слышала?

– Но ты познала сильное горе.

Я нервно поежилась. Как она может знать?

– Ты познаешь мир, – добавляет она. Довольно самонадеянное предсказание в наше время. – Но сначала будет болезнь – и кое-что будет сломано.

– Сломано? Кость, например? – спрашиваю я. – И кто заболеет? – Она машет головой, ничего не говоря. Почувствовав внезапное беспокойство, я встаю. – Спасибо, – торопливо говорю я.

Я иду к Астрид, которая кружится с Тео, чтобы немного развлечь его.

– Что она сказала? – любопытствует Астрид, хотя любопытство ей не свойственно.

– Ничего полезного, – смущенно отвечаю я.

– Не понимаю, почему ты веришь в это, – презрительно усмехается она.

«А я не понимаю, почему не веришь ты» – вот что мне хочется ответить. Но боюсь, это прозвучит грубо.

– Мне нравится, что я могу узнать о том, что еще не известно, о том, что произойдет в будущем.

– Будущее наступит и само, совсем скоро, – отвечает она.

Удаляясь от территории цирка, мы идем в лес, пробираясь через деревья. Лес здесь гуще, чем казалось издали, здесь растут хвойные деревья и каштаны. Он не слишком отличается от того, через который я пробиралась той ночью, когда взяла Тео. Однако снег уже стаял, и маленькие травинки и сорняки уже поднимаются над влажной землей. Сквозь ветви деревьев, усыпанные первыми зелеными почками, пробивается свет. Где-то среди низких кустов шуршит какое-то животное, лиса или, возможно, ежик. Если бы тогда погода была

такой же хорошей, как сейчас, я бы не упала без сознания и никогда бы не попала в цирк.

– Еще я хотела поискать какой-то еды для Тео в городе, – говорю я Астрид. – Рисовых хлопьев или свежего молока.

– Сегодня воскресенье, – замечает Астрид. Я киваю. В этом вся проблема: в единственный день, когда я могу выбраться в город, большая часть магазинов будет закрыта. – Конечно, всегда есть черный рынок...

Я слышала о нем с тех пор, как была оккупирована наша деревня, а также когда была в женском общежитии и на вокзале: люди нелегально и по завышенной цене продают товары, которых нигде не достать.

– Я даже не знаю, с чего начать, если захочу найти его. – У меня опускаются плечи. – Возможно, если спросить у кого-нибудь в городе...

– Нет! – отвечает она резко. – Ты не должна делать ничего, что вызовет подозрения. Если ты попадешь не на того человека, могут начаться опасные расспросы.

Вскоре лес расступается, выходит к реке. На обоих ее берегах растут ивы, они загибаются вниз, но не касаются зеркальной поверхности темной воды.

– Вон туда, – говорит Астрид, останавливаясь и показывая мне немного изогнутый деревянный мостик, который обозначает границу с городом.

– Ты не пойдешь со мной? – расстроено спрашиваю я. Было бы гораздо легче и приятнее пойти в город вместе.

Она качает головой.

– Лучше не попадаться на глаза.

Не понимаю, она о себе, о Тео или об обоих. Она продолжает думать о том немце, который приходил на представление в тот первый вечер? Но ее глаза продолжают с тоской смотреть в сторону города.

– В любом случае, кто-то должен присмотреть за Тео, – напоминает она. – У тебя ведь с собой документы?

– Да, – хлопаю по своему карману.

– Будь осторожна. – Она хмурится, рассматривая мое лицо. – Постарайся ни с кем не разговаривать.

– Вернусь через час, – говорю я, целуя Тео в макушку. Он протягивает ко мне свою маленькую ладошку, как бы говоря: «Возьми меня с собой». Ощущение, что с каждым днем пелена с его глаз спадает, и он видит мир, и все больше понимает, что в нем происходит.

Мое сердце готово разорваться здесь и сейчас, когда я нежно сдавливаю его пальцы.

– Тебе нужно идти, если ты хочешь все успеть, – поторапливает Астрид. Я еще раз целую Тео и отправляюсь к подножию холма, на котором расположен Тьер, карабкаюсь по крутой тропинке, петляющей между расположенными вплотную к дороге разными домами – кирпичными и деревянными – со ставнями пепельного цвета. Из-под стрех доносится воркование куропаток. В воскресный полдень на главной улице тихо, ведь все магазины закрыты. Старушки в шалих потихоньку пробираются на главную площадь, где стоит церковь в романском стиле.

Все выпадит до странного нормально – кафе, за круглыми окнами которого ухоженные женщины попивают кофе, откусывая от печенья Мадлен^[26], мужчины, играющие в петанк на островке травы посреди площади. На углу мальчик десяти-одиннадцати лет продает газеты.

Отель – это не просто большой пансионат, а два прилегающих друг к другу здания, которые объединили, сломав стену между ними. Я беру у хозяина ключ, он, похоже, знает, что делать, хотя я не сказала, зачем я пришла. Был ли он на одном из наших выступлений, или же что-то во мне выдает мою принадлежность к цирку? Я прохожу по маленькому холлу, плотно набитому гостями, они сидят на стульях, курят, облакачиваясь на стены. Цирку повезло, что ему вообще достались комнаты – отель полон беженцев, которые бежали из Парижа еще в начале войны или из деревень на самом севере, которые были разрушены бомбежками и боевыми действиями. «Исход» – как называла это Астрид. Как бы то ни было, они не вернулись, остались здесь, просто потому что у них не было дома или места, куда можно было пойти.

Комната на втором этаже узкая и простая, с плохенькой ковanej кроватью и каплями воды после предыдущей посетительницы, которая не вытерлась как следует. Я быстро раздеваюсь, смахивая с себя вездесущие опилки, которые каким-то образом оказались у меня под юбкой. Останавливаюсь, чтобы рассмотреть себя в зеркале без

одежды. Мое тело стало меняться от тренировок, как Астрид и обещала: оно уплотняется в одних местах и растягивается в других.

Но не только моя физическая форма изменилась благодаря трапеции: с тех пор, как мы выехали в тур, я обнаружила, что работаю усерднее и постоянно думаю о выступлении. В течение нескольких часов после выступления я чувствую воздух у себя под ногами, меня как будто не отпускает. Мне даже снятся сны о трапеции. Иногда я резко просыпаюсь, пытаюсь ухватиться за перекладину, которой нет. Навязчивые мысли преследуют меня и во время бодрствования. Однажды ночью я даже прокралась на сцену. Мне казалось, что на меня смотрят со всех сторон, хотя в шатре никого не было. Только лунный свет проникал внутрь. Глупо с моей стороны тренироваться одной: случись что, никто бы не заметил и не позвал на помощь. Но многочасовых тренировок днем мне было недостаточно.

Я рассказала об этом Астрид, надеясь, что она одобрит мою решимость.

– Ты могла погибнуть, – выплюнула она. Какую бы дорогу я ни выбрала, это всегда будет не то: или слишком много, или слишком мало. Однако более сложные трюки манят меня: если бы я могла добавить пируэт, подняться чуть выше или, возможно, освоила бы сальто. Я не обязана этого делать. Я выполняю свою часть сделки тем, что просто выступаю. Но я понимаю, что я хочу больше, тянусь к этому.

Через четверть часа я выхожу из отеля уже чистой. Я смотрю на ряды магазинов, меня искушает желание потратить минуту на то, чтобы прогуляться и насладиться моментом. Возможно, несмотря на слова Астрид, здесь будет пара магазинов, где можно будет отыскать немного еды. Однако меня ждет Тео. Я поворачиваю назад.

Через дорогу, в проеме двери, стоит парень лет восемнадцати, с иссиня-черными кудрями. Он смотрит на меня так, как на меня смотрели лишь однажды, я уже почти забыла о подобных взглядах. По коже ползут мурашки. Когда-то я была бы, наверное, польщена. Но сейчас я не могу позволить, чтобы меня кто-то заметил. Он хочет, чтобы я попала в неприятности? Я опускаю глаза и тороплюсь пройти мимо.

На углу мужчина продает фрукты, разложенные на перевернутом вверх дном ящике. Впервые с начала войны я вижу клубнику,

пятнистую и слишком зеленую, чтобы быть спелой, но, тем не менее – клубнику. Мой рот наполняется слюной. Я представляю лицо Тео, когда он впервые попробует незнакомый сладкий вкус. Роюсь в кармане пальто, в поисках монетки, пока иду к ящику. Заплатив продавцу, я кладу две клубничины в карман – мне хватило только на две, – едва сдерживая желание съесть одну из них тут же.

Позади меня раздается смешок. В какую-то секунду я думаю, что это тот темноволосый парень, которого я только что видела. Однако, обернувшись, я вижу двух мальчиков двенадцати-тринадцати лет, которые показывают пальцем в мою сторону. Я оглядываюсь, пытаюсь понять, над чем они смеются, и вдруг понимаю, что надо мной. Смотрю сверху вниз на себя, на мою полупрозрачную красную юбку и чулки с узорами, на блузку с глубоким V-образным вырезом. Я больше не вписываюсь в представление о нормальном человеке. Я поднимаю руки, чтобы прикрыть грудь, мне становится стыдно. На трапедии я приучилась прятаться за светом ламп, притворяться, что это не я. Но здесь я чувствую себя голой и беззащитной.

К мальчикам подходит женщина, возможно, их мать, и я ожидаю, что она поругает их за грубое поведение. Но она отгоняет за себя, закрывая их собой, как щитом.

– Держитесь подальше, – предупреждает она их по-французски, даже не пытаясь понизить голос. Она смотрит на меня, как будто я ее сейчас укушу. Видеть нас на сцене – это одно, а случайная встреча на улице – совсем другое.

– Простите, но это уже слишком, – говорит кто-то позади меня. Я оборачиваюсь и вижу перед собой того парня, который наблюдал за мной минутой раньше. Он странно смотрит, и я думаю, что он примет ее сторону. – Цирковые артисты – гости нашего города, – говорит он вопреки моим ожиданиям.

Я удивляюсь, откуда он узнал, что я из цирка, а потом вдруг понимаю, что он, наверное, определил это по тому, как я одета. Я делаю шаг назад.

– Но вы только посмотрите на нее, – возражает женщина, указывая в мою сторону с отвращением.

Я краснею. Астрид уже предупреждала меня, что посторонние думают, что цирк – это темное место, полное разврата. На деле же все с точностью до наоборот. В женской палате есть наставница, а еще у

нас комендантский час – он наступает даже раньше, чем тот, который установили немцы. Мы слишком сильно устаем, чтобы искать неприятности на свою голову. И все же назойливые поклонники суют свой нос на задний двор, пытаюсь хоть краешком глаза увидеть что-нибудь экзотическое или неподобающее. Наша жизнь, в общем-то, очень простая и скучная: проснулись, поели, оделись, потренировались – и так по кругу.

Женщина открывает рот, но молодой человек прерывает ее до того, как она успевает что-то сказать.

– *Au revoir*, мадам Верье, – отрезает он, и она разворачивается и, раздраженно фыркнув, уходит вниз по улице.

– *Bonjour*, – говорит он мне, когда она уходит.

Помня о том, что Астрид велела мне не общаться с местными, я разворачиваюсь, чтобы уйти.

– Подожди, – говорит он. Я оглядываюсь. – Я прошу прощения, что та женщина была так груба. Меня зовут Люсьен, – продолжает он, протянув мне руку. Он не говорит свою фамилию, как обычно говорили люди на моей родине, и я думаю, что, возможно, здесь так принято. – Меня еще называют Люком, чтобы покороче. – Теперь, когда мы стоим рядом, я замечаю, что он выше, чем я думала. Я едва достаю до его плеча.

Сперва я замаялась, но потом слегка пожала ему руку.

– *Enchanté*^[27], – говорит он. Он смеется надо мной? Я не вижу в нем дурного умысла, ни ухмылки, как на лицах других местных жителей.

– Ноа, – говорю я, прерывающимся голосом.

– О, как в истории про ковчег^[28], – отмечает он. Я киваю. – Из Библии.

– Да, похоже, – отвечаю я. Мальчики в отдалении снова начинают хихикать, их мать исчезает в одном из магазинов, ее не видно. Люк делает шаг к ним, у него суровое выражение лица.

– Да не надо, – говорю я. – Только хуже будет. Я все равно уже ухожу.

– Какая жалость, – говорит он. – Могу я проводить тебя? – Не дожидаясь моего ответа, он берет меня под руку.

Я отдергиваю руку.

– Извините? – говорю я. Он считает, что со мной так можно, потому что я из цирка?

– Прости. Я просто хотел помочь. – У него в голосе сожаление. – Я должен был спросить. – Он снова протягивает мне руку. – Могу ли я?

Почему он так мил со мной? Он дружелюбен – слишком дружелюбен. В нынешние времена никто не проявляет дружелюбие просто так – только если хочет что-нибудь получить. Я вспоминаю немецкого солдата.

– Не думаю, что это хорошая идея, – говорю я.

– Парень провожает девушку, что в этом такого? – спрашивает он. Наши взгляды сталкиваются, борясь друг с другом.

– Ладно, – сдаюсь я, позволяя ему взять меня за руку. Он ведет меня к выходу из города. Его пальцы греют мою кожу через рукав рубашки. Он идет быстро и уверенно, будь я дома, я бы побоялась даже заговорить с таким парнем.

Мы переходим мостик, приближаемся к лесу. Я останавливаюсь и отталкиваю его, на этот раз более решительно.

– Дальше я справлюсь сама.

Одно дело – позволить ему проводить меня до выхода из города. Но если он пойдет со мной дальше, кто-нибудь из цирковых нас заметит, а ведь Астрид велела мне ни с кем не говорить. Я представляю ее укоризненный взгляд. Поворачиваюсь в сторону леса, думая, не стоит ли она там и не смотрит ли сейчас на меня. Но там никого нет. И все-таки я не должна быть здесь. Прошло уже куда больше часа, и она ждет меня на тренировку, возможно, даже волнуется.

– Я должна идти, – твердо говорю я.

Он откидывает прядь волос со лба, на лице у него обида и замешательство.

– Прости, что побеспокоил, – говорит он и начинает уходить.

– Подожди! – зову я. – Люсьен...

– Люк, – поправляет он, пристально глядя на меня.

– Люк. – Я пробую его имя на вкус. – Мне нужно купить кое-что. – Торопясь уйти от этих ужасных мальчишек и их матери, я совсем забыла о том, чтобы поискать еды для Тео.

– Что именно?

Я вспоминаю Астрид, слышу ее предостерегающий голос.

– Молока, немного рисовых хлопьев. – Я запинаюсь, не желая упомянуть Тео.

Он внимательно смотрит на меня.

– Для себя?

– Да. – Я смотрю ему в глаза без колебаний. Он незнакомец, ему нельзя доверять.

– Или для ребенка? – спрашивает он. Я замираю в ужасе. Как он узнал? – Я видел его у тебя на руках на параде, когда цирк приехал.

По коже пробегают мурашки. Я не думала, что он меня заметил. Внезапно наша жизнь, даже та ее часть, которая находится за пределами арены, становится похожа на аквариум.

– Мой младший брат, – выдаю я, молясь, чтобы он ничего не заподозрил, как сделала это Астрид.

– У вас нет карточек на питание? – продолжает он, кажется, принимая мое объяснение.

– Есть, конечно, – отвечаю я, – но их всегда не хватает.

Он оглядывается назад, на город.

– По воскресеньям магазины закрыты, – говорит он, наконец. – Возможно, если ты придешь на неделе, то сможешь что-нибудь купить.

– Это сложно, учитывая количество выступлений, – аккуратно отвечаю я. Я думаю, не спросить ли его о черном рынке, но не решаюсь.

– А что ты делаешь в цирке, не тигров же укрощаешь? – говорит он с упреком.

В какой-то момент я хочу сказать ему, что я с цирком всего несколько недель и не являюсь его частью в полной мере. Но теперь это мои люди. Я поднимаю подбородок.

– Я вообще-то на трапеции.

Я горжусь тем, каких успехов я достигла в этом новом ремесле, сколько труда приложила к этому. Для человека, далекого от цирка, вроде Люка, незнакомое слово остается загадкой, на его лице остается простое удивление.

– Ты ведь не видел представление, да?

Он качает головой.

– Возможно, стоит сходить, – говорит он, улыбаясь. – Но только если ты увидишься со мной после него. Можем выпить кофе, –

добавляет он, чтобы я не подумала, что он предлагает что-то неприличное. – Уверен, у меня будет много вопросов о представлении. Что скажешь?

Я не знаю, что сказать. Он кажется милым, и в другой раз мне было бы легче сказать да.

– Прости, я не могу, – говорю я.

По его лицу скользнуло разочарование, но оно исчезло так же быстро.

– Я могу проводить тебя снова, – предлагает он. – На случай, если ты опять наткнешься на этих мальчишек или на их мать.

– Это лишнее, – отвечаю я. Из этого не выйдет ничего хорошего, не стоит давать ему надежду. И я не хочу, чтобы кто-то из цирка видел меня с ним, особенно Астрид.

Чувствуя на себе его взгляд, я разворачиваюсь и ухожу, чтобы он не успел предложить что-нибудь еще.

Глава 11

Астрид

Я смотрю, как Ноа переходит мост. Меня переполняет желание защитить ее. Она впервые уходит с места нашей стоянки. Справится ли она, или ее робость навлечет на нее беду? Где-то минуту я сомневаюсь, хочу пойти за ней и еще раз напомнить ей о том, чтобы была осторожна, ни с кем не разговаривала, и еще о куче всего. Я тоже хочу пойти в город и как следует помыться, но после того, как меня едва не узнал немец, я боюсь рисковать. Настороженно озираюсь. Место, где я стою, находится на самом краю леса, недалеко от города, и я не хочу наткнуться на кого-нибудь и отвечать на вопросы о ребенке или о себе.

Мыслями я возвращаюсь к вчерашнему выступлению. Когда я смотрела в палатку, то вдруг заметила одного человека. В форме, на лацкане которой был значок СС. Роджер фон Альберхт. Он работал с моим мужем в Берлине и пару раз бывал в нашей квартире на Раухштрассе.

Как такое возможно, думаю я сейчас, что из всех немецких или французских городов сослуживец Эриха пришел на первое же выступление цирка именно сюда, за сто миль от Берлина. Такое совпадение кажется невозможным. Конечно, он не был близким другом Эриха, он просто знакомый, с которым мы виделись по праздникам. Однако он знал меня достаточно хорошо, чтобы узнать в толпе. Уезжая во Францию, мы думали, что удаляемся от источника опасности. Но она нависает над нами и здесь.

Я смотрю, как Ноа уходит к центру города, расправив плечи. Судя по всему, нервничает, она ведь впервые идет в город, тем более одна. Но она заставляет себя идти вперед.

– Знаешь, она хорошая девочка, – говорю я Тео, когда иду обратно в лес. Мне даже кажется, что он кивает, соглашаясь. – Она тебя очень любит.

Она. Как Тео будет называть Ноа, когда научится говорить? Называть ее «мамой» будет предательством по отношению к женщине, которая его родила и чье сердце до сих пор, должно быть, разбито после такого горя. Но у каждого ребенка должна быть возможность называть кого-то мамой. Я меняю положение Тео в руках, и, довольный, он удобно устраивается у меня на шее. Я никогда не питала особой привязанности к детям, но в нем есть какая-то мудрость, не свойственная его возрасту. Я приподнимаю его чуть выше, придерживая бедром, и начинаю петь «Знаешь ли ты, сколько звезд?», веселую детскую песенку, о которой я не вспоминала с самого детства.

Знаешь ли ты, сколько ясных
Звезд сияет в небесах?
Сколько облаков прекрасных
Вдаль несется на ветрах?
Лишь Господь число их знает,
Ни одной не потеряет
Из громадного числа.

Я смотрю на Тео сверху вниз. Слышал ли он когда-нибудь эту песню? Может, ему пели ее родители? Были ли они правоверными евреями или не слишком ревностно соблюдали обряды? Я перехожу на «Изюм и миндаль», колыбельную на идише, надеюсь, что он что-нибудь узнает. Он смотрит на меня глазами, широко распахнутыми от удивления.

Это кажется почти невозможным – еврейский ребенок попал в цирк, ко мне – тоже еврейке. Велика ли вероятность такого события? Но мы не единственные евреи, напоминаю себе я. Я поняла, что я не единственная, через месяц после того, как присоединилась к цирку герра Нойхоффа. В обеденном зале, с краю, где обычно сидели рабочие, я заметила незнакомого мужчину, худощавого тихого трудягу с подстриженной седеющей бородой, слегка прихрамывающего и предпочитающего быть в одиночестве. Одна женщина сказала, что этого разнорабочего зовут Мец и он хорошо чинит всякие мелкие вещи, поэтому я пошла к нему со своими часами, драгоценным подарком от отца на мое семнадцатилетие: они перестали ходить.

Мастерская Меца находилась в маленьком сарае на самом краю нашей территории. Я постучала, и он пригласил меня войти. Воздух внутри пах свежим деревом и скипидаром. В глубине комнаты я увидела узкую дверь и раковину. Мелкие инструменты и сломанные двигатели занимали полки и почти весь пол этого замкнутого пространства. Между ними были рассыпаны часы разного размера и вида, больше дюжины.

– До войны я был часовщиком в Праге, – сказал Мец. Я удивилась: как же он попал сюда? Но люди, приходящие в цирк, предпочитают молчать о своем прошлом. Всегда лучше ничего не спрашивать. Я дала ему свои часы, и он осмотрел их.

Когда он открыл ящик, чтобы достать инструменты, я увидела ее – потускневшую серебряную мезузу. Она может стоить ему жизни.

– Это ваше? – невольно спросила я.

Мец дрогнул, возможно, он знал о моем прошлом не больше, чем я – о его. Я считала, что мое еврейское происхождение не самый большой секрет для местных, но он присоединился к цирку в годы, когда меня здесь не было и, наверное, не слышал. Он слегка поднял подбородок.

– Да.

Сначала я была встревожена: знает ли о нем герр Нойхофф? Конечно же, он знал, он укрывал его точно так же, как меня. Я не должна была удивляться. Я решила, что герр Нойхофф взял меня, только чтобы я помогла его цирку, и, отчасти, в качестве одолжения старому другу семьи. Однако его смелость безгранична, он не отвернется от нуждающегося, будь тот известным артистом, или простым рабочим или ребенком, как Тео, от которого никакой пользы. Дело не в цирке, не в семейных делах, но в том, что он порядочный человек.

Герр Нойхофф не говорил нам друг о друге, возможно, чтобы сохранить анонимность.

– Красивая. – Я делаю паузу. – У моего отца была почти такая же. – В тишине между нами появляется теплое чувство родственности.

Но мезуза в ящике лежит на самом видном месте, подвергая опасности его – и меня.

– Возможно, вам следует быть с ней поосторожнее.

Часовщик спокойно смотрит на меня.

– Мы не можем изменить того, кем мы являемся. Рано или поздно всем нам придется встретиться с собой лицом к лицу.

Через неделю он вернул мне часы, отказавшись принять деньги за работу. Больше мы не разговаривали.

Мы добрались до стоянки. Я несу Тео по заднему двору, у него уже слипаются глаза. Сегодня теплый весенний день, и все, кто может, репетируют на улице. Шпаголотатель репетирует номер, где он якобы разрезает ассистентку пополам, а на некотором расстоянии от него один силач пытается переехать другого на мотоцикле. Я вся сжимаюсь изнутри. Со времен Мировой войны номера стали более зловещими, людям будто бы надо видеть смерть еще ближе, чтобы испытать ужас, более спокойных развлечений им уже не хватает.

Увидев репетирующего Петра за шатром, я испытываю воодушевление. Я так редко вижу его с тех пор, как мы приехали в Тьер. Мы слишком заняты, слишком измотаны. Даже в воскресные дни, вроде сегодняшнего, все не так, как оно должно бы быть. Я смотрю на него, и моя тоска растет. С Эрихом все всегда было однозначно, женщина и мужчина, такие, какими они должны быть вместе. Но Петр любит меня иначе, его дикие руки и губы заходят туда, где их никогда прежде не бывало, где я ожидаю их меньше всего.

Петр репетирует номер, который хорошо мне знаком, тот самый, передразнивающий печатный шаг нацистов, тот, который герр Нойхофф запретил. Он не стал исполнять этот номер на первом выступлении, и я понадеялась, что он сдался. Но он репетирует эти легко узнаваемые движения прямо сейчас, с большим усердием, чем когда-либо. Цирк всегда должен быть осторожен с политикой. Есть история о том, как один австрийский цирк нашел свою погибель, выпустив на арену свинью в пикельхаубе, прусском военном шлеме, и форме. Но Петр становится все безрассуднее в последние дни, и его трюк, хоть и очень искусный, слишком очевиден, чтобы хоть кто-то не понял, что он пародирует немцев.

Меня пробирает дрожь от мысли об этом. Я должна быть настойчивее, попросить его остановиться. Это не игра, нельзя тыкать зверя палочкой. Мы можем потерять все. Но глядя на него, я испытываю и восхищение: он противостоит немцам так, как может, сражается, а не просто принимает происходящее и те условия и

запреты, которые нам поставили, но так он ведет к неизбежному концу.

Или это алкоголь делает его безрассудным? Он поднял ногу и зашатался, быстро поставив ее обратно на землю, как будто боясь упасть. Петр пьет – я больше не могу закрывать на это глаза, а слова Ноа это только в очередной раз подтвердили. Алкоголь мне знаком не понаслышке. Я видела, как пили некоторые из артистов нашего цирка и даже мама, когда на нее слишком многое наваливалось. У Петра все начиналось невинно, с пары лишних бокалов вина по вечерам. Я не обращала на это внимание, напротив, я была рада, это делало его более открытым. Он почти не разговаривал, когда рядом были посторонние. «Астрид», – говорил он, когда мы были одни, и я смотрела, как алкоголь берет свое, расширяя его зрачки. В такие моменты он по-настоящему говорил со мной, вспоминал истории из юности в России до Мировой войны. Всего на мгновение, но я могла заглянуть в его душу, понять его по-настоящему.

Но теперь все изменилось – он стал пить больше. Я чувствую, как от него пахнет алкоголем по утрам, и на сцене он стоит уже не так уверенно. Если Ноа заметила, то заметит и герр Нойхофф, это лишь вопрос времени. Ужас мурашками пробегает по моей коже. Пить перед репетицией или выступлением – это то, за что уволят даже самого хорошего артиста. Цирк не должен допустить инцидентов, и для неопрятного или беспечного артиста здесь нет места. И он пил уже в первый день тура, когда все еще было свежим и новым. Что же будет через месяц, когда жизнь станет тяжелее?

Какая-то суматоха в противоположной стороне двора отвлекает меня от этих мыслей. По территории несется герр Нойхофф, лицо красное, сигарета зажата в зубах. Сначала мне кажется, что он собирается накинуться на Петра за его номер. Но он идет к одному из польских рабочих. Кажется, его зовут Милош, но я его толком не знаю. Милош работает паяльником над одним из шестов шатра, разбрасывая искры во все стороны, в том числе на ближайший стог сена. Огонь – это смерть для цирка. Герр Нойхофф говорит с Милошем, понизив голос, пытаюсь не поднимать шум, но его голос приобретает воинственные интонации.

Герр Нойхофф хватается паяльник и указывает пальцем в сторону.

– Вы еще пожалеете! – выплевывает Милош. Сняв шляпу, он бросает ее на землю, затем поднимает и быстро удаляется. Герр Нойхофф уволил его? Цирк – это как большая семья, работники возвращаются сюда каждый год, и герр Нойхофф щедро платит им, даже когда они выходят на пенсию. Но халатность недопустима.

Петр пересекает поле, чтобы поговорить с герром Нойхоффом. Я иду к ним, все так же удерживая Тео на руках. Они перестают говорить, когда я подхожу ближе, не желая, чтобы я что-то услышала. Меня переполняет раздражение. Я не ребенок, которого надо оберегать от информации. Но, несмотря на все мои достижения, я все еще женщина, и мой статус ниже.

– Что случилось с поляком? – спрашиваю я.

– Мне пришлось уволить его. У меня не было выбора. Я найду его и попытаюсь спланировать все, дам ему хорошее рекомендательное письмо и увольнительные. – Судя по голосу, у герра Нойхоффа беспокойно на душе.

– Увольнение работника со скандалом... Это может быть опасным для нас, – говорит Петр. Я вижу, он беспокоится о том, чтобы сохранить тайну моей личности. Что, если Милош скажет кому-то или пойдет в полицию? Когда Петр смотрит на меня, я ловлю что-то большее в его глазах. Обеспокоенность и, возможно, что-то большее. Я вспоминаю, что Ноа говорила о его чувствах ко мне. Быть может, она права. Я снова отгоняю эту мысль в сторону.

– Есть и другие опасности, – возражает герр Нойхофф, намекая на номер Петра.

Петр не отвечает, но уходит, у него тяжелая походка. Я думаю, пойдет ли за ним герр Нойхофф? Однако он кивает в сторону поезда, попросив меня следовать за ним.

– Мне нужно поговорить с тобой.

Он останавливается в дверном проеме, чувствуя себя неловко в женском вагоне, хотя здесь никого и нет.

Герр Нойхофф кашляет, его лицо краснеет. Он достает платок из кармана и подносит ко рту, когда он убирает платок, на нем видны розовые пятна.

– Вы болеете? – спрашиваю я.

– Проблемы с сердцем, – хрипит он.

Я встревожена. За все эти годы, которые я его знаю, я никогда не слышала об этих проблемах.

– Это серьезно?

– Нет, нет, – отвечает он, махнув рукой. – Но я ловлю все простуды, какие только бывают. И влажность все только усугубляет. Как я уже говорил про работника Милоша... Если я предложу ему увольнительные, пойдут слухи, и все станут просить денег. Но если он пойдет в полицию... Что ты думаешь?

Я задумываюсь. Я могу рассказать ему о том, чему учил меня папа. Однако я гостя здесь, до сих пор. Это не мой цирк, это другое время и место. Я начинаю осторожно:

– Это трудное решение. Все так изменилось.

– Я хотел поговорить с тобой о другом, – говорит он, резко меняя тему, и я понимаю, что Милош не является истинной причиной, по которой он вызвал меня на разговор. – Астрид, – начинает он, используя тот мягкий тон, который он использует, когда хочет сообщить плохие новости. Я думаю о том, что он подтвердит, что случилось с моей семьей, ту ужасную правду, которую я в глубине души уже знаю. – Ты ведь понимаешь, что цирк сейчас находится в очень сложном положении.

– Я знаю, – отвечаю я. – Я не знаю, что мне сделать, чтобы помочь.

– Во-первых, ты должна поговорить с Петром о его выступлении.

Ну, вот опять. Мое беспокойство сменяется раздражением.

– Мы ведь об этом уже говорили. Я же сказала – я не могу сделать так, чтобы он перестал быть тем, кто он есть.

– Если ты как следует объяснишь ему, какую опасную ситуацию он создает, – напирает он, – если ему нужно будет выбрать между твоим благополучием и своим выступлением...

– Он выберет меня, – твердо говорю я, вкладывая в свой голос больше уверенности, чем я чувствую на самом деле. После того, что случилось с Эрихом, я не могу быть уверена ни в чем. – Но я не хочу, чтобы он выбирал.

– Ты должна, – настаивает он. – После того выступления, когда тебя видел немец...

Он знает. У меня внутри все похолодело.

– Как вы узнали об этом? Вам сказала Ноа? – Конечно, это она. Я никому больше не говорила.

– Астрид, это не важно. – По его лицу скользнуло выражение, подтвердившее мои подозрения. – Сейчас важно то, что цирк находится под более пристальным надзором, чем мы можем себе это позволить. Сегодня утром ко мне приходил инспектор. – Я каменею. Инспекция, да еще и в воскресенье. Они ищут меня? – Они грозятся отправить нас обратно, – добавляет он.

– В Германию? – Все мое тело напрягается.

– Возможно. Или в Эльзас и Лотарингию.

Пограничный регион, который веками переходил от Германии к Франции и обратно, был быстро захвачен в начале войны. Эльзас или Германия – разницы никакой.

– Они правда сделают это, мы же только выехали? – спрашиваю я, зная ответ заранее.

Герр Нойхофф снова кашляет и чешет живот.

– Они пытались сделать так, чтобы мы вообще не поехали в тур в этом году.

– Правда? Я не знала. – Он так много умалчивает.

– Знаю, возвращаться – это не лучший вариант в твоей ситуации, – добавляет он. На секунду я задумываюсь, не угрожает ли он мне. Но его голос не выражает никаких эмоций, он просто констатирует факт. – Теперь ты, надеюсь, понимаешь, почему мне нужно остановить Петра.

Он продолжает:

– Я просил их об отсрочке, объяснял, что даты тура уже установлены и отмена будет сильным ударом по бизнесу. Но, как ты понимаешь, Рейху нет дела до бизнеса.

– Да, – соглашаюсь я. Если нас нужно будет наказать за то, что мы переступили черту, они не преминут это сделать.

Меня узнали, и герр Нойхофф знает об этом. На меня вдруг обрушилось осознание, какое это безрассудство: как я могла думать, что смогу скрываться в таком большом и публичном месте, как цирк.

– Я должна уйти, – медленно говорю я. Глаза герра Нойхоффа расширяются. – Уйти из цирка. Я и так подвергла его слишком большой опасности.

Я не имею ни малейшего понятия, куда мне идти. Но однажды я уже уходила, смогу и снова.

– Нет, я вовсе не это имел в виду, – торопливо возражает он.

– Но если мое присутствие подвергает нас опасности, я должна уйти, – настаиваю я.

– Не говори ерунды. Цирк без тебя не справится. Он без тебя не справится. – Герр Нойхофф кивает в сторону двора, где Петр вернулся к репетиции. Я думаю, правда ли это так, то, что он говорит. Затем я смотрю на Тео. Я нужна ему, и я нужна Ноа. – Ты останешься. Это твой дом. – Он кашляет, один раз, потом еще. – Если мы сможем переждать этот сезон здесь, во Франции.

– Понимаю. Я поговорю с Петром, – обещаю я.

– С этого надо начать, – говорит он, с его лица не сходит обеспокоенное выражение. – Но боюсь, этого мало.

– Не понимаю. Что еще я могу сделать?

– Понимаешь, статус-кво^[29] – нам в помощь, и мы должны делать все, чтобы сохранить его. Цирк должен продолжать работу во что бы то ни стало. Поэтому мне и придется сделать это, – говорит он. Я, недоумевая, наклоняю голову. – Учитывая, что тот немец видел тебя... – Он делает глубокий вдох. – Мне не остается ничего другого, кроме как отстранить тебя от выступлений.

Глава 12

Ноа

Я тороплюсь к стоянке цирка, не оглядываясь на Люка, даже когда дохожу до леса, в котором меня уже не видно. На середине пути через лес я вдруг осознаю, что бегу. Замедляюсь, чтобы выровнять дыхание. Эта встреча была странной, и то, как Люк смотрел на меня, доставило мне ощутимый дискомфорт. Вместе с тем, это меня и воодушевило, я не ожидала, что снова почувствую искру. Представляю, как я расскажу об этом Астрид, откроюсь ей, как сестре, которой у меня никогда не было.

Через двадцать минут я добираюсь до стоянки. Я приближаюсь к поезду и вижу хмурую Астрид у входа в спальный вагон. В какой-то момент я решаю, что она злится на то, что меня так долго не было. Или, возможно, она увидела, как я разговариваю с Люком. Я забираюсь в поезд и вижу, что ее глаза горят от ярости. Затем в проеме позади нее появляется фигура герра Нойхоффа, и я понимаю, что произошло что-то более серьезное.

– Как ты могла? – спрашивает она. – Как ты могла так поступить?

Она как-то узнала мой секрет. О немецком солдате. И о ребенке.

– Я знаю правду, – шипит Астрид, подходя ко мне. Я замираю. – Как ты могла?

Астрид приближается ко мне, поднимает руки, как будто хочет ударить меня. Я отступаю назад, едва не упав, зацепившись за чемодан, выступающий из-под нижней полки.

Лицо Астрид оказывается так близко к моему, что я чувствую ее горячее дыхание и капельки слюны.

– Он отстранил меня от выступлений.

Тут я понимаю, что она говорит о том, что я рассказала герру Нойхоффу о том, как Астрид узнали во время представления. Она не знает о моем секрете.

Однако это ничуть не лучше. Все доверие, возникшее было между нами, исчезло. Ее глаза раскалены, как уголь.

– Это не я! – выпаливаю я. Несмотря на обещание, герр Нойхофф выдал меня. Теперь Астрид не будет выступать.

– Ты лжешь, – говорит она, сжав кулаки.

– Тихо, тихо, – Петр шепчет Астрид, положив руку ей на плечо, чтобы успокоить ее. Но он не встает между нами, не пытается ее удержать.

– Астрид. – Вперед выходит герр Нойхофф, пытаюсь вмешаться. – Это была не Ноа...

Но она обходит его, надвигаясь на меня.

– Пытаешься сместить меня, ты, маленькая чертовка?

Эта мысль настолько далека от правды, что я бы от души над ней посмеялась – если бы только Астрид не была в таком бешенстве.

– Вовсе нет, – быстро возражаю я. Ее недоверие поражает меня, как кинжал. – Я бы никогда так не поступила. Я переживала за тебя. – Я думала, что делаю это ради ее же блага, но теперь я вижу, как это выльется в ее глазах. Несколько девушек собрались у входа в вагон, они шепчутся, бросая на меня взгляды, не скрывая враждебности. Артисты не доносят друг на друга. Я нарушила фундаментальное правило – и подвергла риску представление. Одна из девушек держит Тео, и я забираю его у нее, прижимая его к груди, точно щит.

Затем я поворачиваюсь к Петру, который наблюдает за нашей ссорой.

– Она в опасности. Ты это знаешь.

Он пожимает плечами, не желая помогать мне и противостоять Астрид.

– Ты не должна была этого делать. Это был ее секрет. – Но в его голосе нет уверенности. В глубине души он знает, что я сделала это, чтобы защитить Астрид в ситуации, в которой он не решился бы на это – и втайне благодарит меня за это.

– Я храню твой секрет, – рычит Астрид во всеуслышание. Я оглядываюсь назад, где прямо за мной стоит герр Нойхофф, молясь, чтобы он не услышал.

– Это другое, – шепчу я. Неужели она не видит? Я раскрыла ее секрет, чтобы защитить ее. Я задерживаю дыхание, готовясь к тому, что она расскажет всем, что Тео не мой брат. Но она отворачивается, ее все еще трясет от гнева.

– Нам нужно будет устранить ущерб и принять меры, – прерывает нас герр Нойхофф, я никогда не слышала, чтобы он говорил так авторитарно. – Астрид будет отстранена на всех оставшихся выступлениях в Тьере.

– Но герр Нойхофф... – снова взмолилась Астрид. Но она прерывается, увидев, что она уже проиграла.

– Сможет ли Астрид снова выступать в следующем городе? – спрашиваю я с надеждой.

– Посмотрим, – отвечает герр Нойхофф, не желая обещать даже этого. – А пока вам нужно подготовиться к выступлению без Астрид. Тебя будет ловить Герда.

– Но я не могу, – возражаю я. У меня и с Астрид-то получается летать с трудом, я не смогу довериться кому-то еще. – Мне нужна Астрид. – Я отчаянно перевожу взгляд с герра Нойхоффа на Астрид, но она просто отворачивается.

– Подготовь их к следующему представлению, – командует он Астрид. Ее отстранили от номера, но не освободили от обязанности готовить меня. Астрид не отвечает, но поворачивается и смотрит на меня уничтожающим взглядом, продолжая молчать.

– Идем, – твердо говорит Герда. – Мы должны тренироваться.

Я неловко ухожу, выхожу и вагона вслед за ней, радуясь, что смогла сбежать от гнева Астрид.

В следующий вечер я стою одна в примерке, отдельно от других девушек. Астрид здесь нет, и, несмотря на тепло и шумную болтовню, в вагоне без нее пусто. Она не разговаривала со мной со вчерашнего дня, даже на тренировке. Она не спит в нашем вагоне, думаю, она уходит спать к Петру. Когда я проходила мимо нее в поезде, я хотела сказать что-то, чтобы исправить ситуацию. Но я не смогла найти слов, и она прошла мимо, ничего не говоря и отводя глаза.

Теперь я все делаю сама: макияж, канифоль, бинты, мои руки работают над тем, над чем раньше работали руки Астрид. Когда я полностью одета и готова, я ухожу из вагона в сторону шатра. Я просматриваю программу на афише при входе. Мой номер перенесли в первую половину представления, чтобы дать Герде больше времени, она должна и Астрид заменить и к собственному номеру подготовиться. Когда я вижу афишу без Астрид, события вчерашнего дня и ее гнев, вызванный моим предательством, обрушиваются на

меня с новой силой. Ее убрали из программы – из-за меня. У меня поджимает желудок, сначала от чувства вины, потом от ужаса. Как я смогу выступать без нее?

Когда я обхожу шатер, чтобы попасть на задний двор, на самом краю ярмарки я вижу человека. Он стоит отдельно от собирающихся на выступление зрителей, носком своего ботинка ударяет по земле. Я вдруг узнаю его, это Люк. От удивления я останавливаюсь, отпрыгнув назад, за угол. Что он здесь делает? Он говорил, что, возможно, придет на выступление, но я не думала, что он и правда это сделает. И я совсем забыла о нем, переживая о том, что Астрид убрали из программы.

Но вот он здесь, всего в нескольких метрах от меня. Мое сердце переполняет восторг, больше, чем следовало бы. Я иду к нему, затем останавливаюсь. Он незнакомый мне человек, и из-за него я чувствую себя некомфортно. Снова прячусь в тени шатра. Он в накрахмаленной белой праздничной рубашке, его темные волосы еще влажные, только что причесаны, и сейчас он кажется еще более привлекательным, чем в день, когда мы встретились. Однако ему, похоже, неловко там стоять, он опустил голову и смотрит на происходящее лишь краем глаза. Чувствует себя не в своей тарелке, уже совсем не тот уверенный в себе парень, которого я встретила в городе. Я хочу подойти к нему. Но времени мало, и нас не должны увидеть вместе.

На задний двор начинают подтягиваться другие выступающие, и когда они собираются, Люк исчезает из вида. Глядя на то, как он исчезает в толпе, я чувствую болезненный укол совести и борюсь с желанием пойти за ним. Вдруг он подумает, что приходить сюда было ошибкой, и решит уйти?

Оглядывая артистов, которые делают растяжку и готовятся к выступлению, я замечаю, что Астрид здесь нет. Здесь собрался почти весь цирк, но без нее в пространстве как будто образуется дыра. Я выступала всего несколько раз, ведомая ее сильными руками. Я не смогу продолжать одна.

Через несколько минут звенит звонок, и я тороплюсь занять свое место на заднем дворе. Подглядываю в зал. На первом ряду сидит Люк, и я удивляюсь, как ему удалось заполучить такое место, да еще и так быстро. Его руки сложены на поясе, он смотрит на арену перед собой без эмоций. Я хочу подбежать к нему или хотя бы помахать. Но

оркестр уже закончил настраиваться, и в шатре становится абсолютно темно. Первая нота доходит до крещендо, и вот представление начинается. Я выглядываю еще раз. Люк наклоняется вперед на своем месте, и в его глазах танцуют огоньки, когда он следит взглядом за выступающими нарядными наездницами. Я смотрю, как он наблюдает за их элегантными, едва прикрытыми телами, и во мне просыпается ревность.

Первая половина, обычно увлекательная и быстрая, длится целую вечность. Чтобы занять себя чем-то, я рассматриваю зрителей. За Люком сидит маленькая девочка с блестящими светлыми волосами, держит в руках куклу. На ней накрахмаленное розовое платье, и, глядя на то, как она расправляет его, я понимаю, что это ее лучший наряд, который достают лишь несколько раз в году по особым случаям. Мужчина рядом с ней, видимо, ее отец, дает ей рожок со свежей сахарной ватой, она откусывает ее, и ее щеки растягиваются в удивленной улыбке. Ее глаза неотрывно следят за представлением.

Арена снова пуста, и тогда на нее выбегают клоуны. На сцену выходит Петр и начинает свой политический номер, тот самый, который запретил герр Нойхофф. Он и правда делает его. Глядя на это, я вдруг чувствую раздражение: как он может выбрать свое искусство, зная, какому риску подвергает Астрид и всех нас? То, что Астрид не выступает, не значит, что она в безопасности. Дети смеются над его кривлянием, не понимая подтекста. Но взрослые молчат, некоторые неловко ерзают на своих местах. Пара людей покидает шапито.

Клоуны заканчивают свой номер под жидкие аплодисменты. Теперь наша очередь. Мы с Гердой идем к арене, пытаюсь найти дорогу в темноте.

– Герда, – шепчу я, добравшись до основания лестницы. – Я собираюсь повернуться вокруг своей оси перед тем, как ты должна будешь меня поймать на втором перехвате.

Я чувствую, как она напрягается, удивившись.

– Астрид ничего не говорила об этом.

Астрид отвечает за всех воздушных гимнастов. Она командует всеми. Никто раньше не вносил изменения в хореографию, разработанную ею.

– Так будет лучше, – настаиваю я. – Для тебя это ничего не меняет. Твое местоположение будет таким же. Просто поймай меня. – Я

забираюсь на лестницу до того, как она успевает что-то возразить. Я забираюсь наверх с секундным опозданием, луч света уже ждет меня. Я жду команды от Герды.

– Оп!

Я прыгаю без сомнения. В момент, когда я отпускаю перекладину, у меня возникает секундная паника: я только один раз тренировалась с Гердой в качестве ловца. Сможет ли она справиться так же хорошо, как Астрид? Однако Герда всегда была только ловиторм на трапеции. Она легко подхватывает меня, у нее широкие предплечья. Но ей не хватает навыков, у нее нет огня, который есть в Астрид. Работать с кем-то, кроме Астрид, – это как-то нечестно, как будто предательство. Я оглядываю арену, тщетно пытаюсь увидеть ее там. Может, она где-то внизу, смотрит, возненавидев меня за то, что я выступаю без нее?

Я оказываюсь на площадке в конце первого перехвата. Краешком глаза я замечая Люка. Это одно из первых правил, которым я научилась от Астрид, попав в цирк: нельзя позволить зрителям – или хотя бы одному из них – отвлекать тебя. Но я не могу ничего поделать. Люк здесь, смотрит на меня тем же светящимся взглядом, каким смотрел тогда, когда я заметила его в городе. Он видит одну лишь меня, и меня переполняет счастье и страх одновременно.

Я расправляю плечи. Теперь это мой номер, и мне решать, доводить ли дело до конца. Я киваю Герде. Я прыгаю точно так же, как раньше. Но на этот раз, точно перед тем, как добраться до Герды, я прокручиваюсь вокруг своей оси так, что теперь я смотрю в противоположную от нее сторону. Однако это движение занимает на секунду больше, чем я планировала, и, несмотря на мое предупреждение, Герда растерялась. Я низко, слишком низко, чтобы она могла до меня дотянуться. Толпа издает тихий вздох.

– Да чтоб тебя, – ругается Герда, поймав меня, ее пальцы крепко вцепляются в мои запястья, когда мы качаемся обратно, набирая высоту. Она бросает меня обратно к моей перекладине под гром аплодисментов.

Представление прерывается на антракт. Я выхожу на задний двор, я все еще в поту, и меня трясет от того, что я только что едва не упала. С боковой стороны шатра идет Люк, ищет меня. Мой пульс учащается по мере того, как он приближается ко мне.

– Bonsoir, – говорит он со смущенной улыбкой.

– Ноа! – Крик раздается прежде, чем я успеваю ответить. Через всю территорию на меня надвигается Астрид, ее глаза горят от ярости. – Какого черта ты творишь? – спрашивает она по-немецки. Она рассержена даже больше, чем раньше, когда герр Нойхофф отстранил ее от выступлений.

Люк делает шаг вперед, чтобы защитить меня, но Астрид обходит его, как будто его здесь и нет.

– Я же сказала тебе не добавлять поворот. – Она продолжает ругать меня.

Я поднимаю подбородок.

– Зрителям понравилось.

Астрид не хозяйка этого представления. Она и мне не хозяйка.

– Ты выделывалась перед ним! – Она резко кивает в сторону Люка.

Мои щеки покрываются румянцем.

– Это не так.

До того, как я успеваю возразить, на задний двор приходит герр Нойхофф. Я задерживаю дыхание, думая, что он сейчас спросит, кто такой Люк и что он здесь делает.

– Хорошая работа, Ноа, – улыбаясь, говорит он. Это первый раз, когда он похвалил мое выступление, и я, оправданная, чувствую, как все мое тело выпрямляется. – Эта вариация была чудесна, – говорит он с улыбкой.

Я торжествующе смотрю в сторону Астрид, не согласится ли она признать меня, наконец? Но она как будто вся сжалась. Во мне просыпается чувство вины, вытесняющее радость. Арену у Астрид уже отобрали. Управление хореографией – это единственное, что у нее оставалось, и я украла и это. Она разворачивается и уносится прочь.

– Я вернусь через минуту, – говорю я Люку. Затем я иду за Астрид, она уже уходит со двора к поезду. Я делаю глубокий вдох, когда она разворачивается ко мне.

– Ты была права насчет этого движения, это было глупо и опасно. И ничего по сути не изменило.

– Поэтому я и сказала тебе его не делать, – фыркает она, чуть успокоившись. Но ты решила выпендриться перед ним, – говорит она снова.

– Перед ним? – Хотя я понимаю, что она имеет в виду Люка, я все равно изображаю непонимание, оттягивая время на ответ.

Она машет рукой в сторону двора, где Люк ждет меня.

– Сын мэра. Откуда ты его знаешь?

Сын мэра? Я открываю рот, осознавая происходящее. Вспоминаю, что Астрид говорила о мэре, о том, что он коллаборационист, сотрудничает с нацистами. Это значит, что Люк тоже помогает немцам? Не может быть.

Астрид продолжает смотреть на меня, ждет ответа.

– Я встретила его, когда ходила в город, – говорю я, наконец. – Я понятия не имела, что он придет на представление.

Она складывает руки на поясе.

– Кажется, я уже говорила тебе держаться подальше от местных.

– Да, но какие-то мальчишки нагрубил мне, а Люк помог, – заканчиваю я слабым голосом.

– Сын мэра вдруг прибежал тебе на помощь? – В ее голосе слышна насмешка. Затем она понижает голос. – Ноа, отсюда до администрации Виши всего полчаса. Мэр этого города тесно связан с Рейхом... – Она резко останавливается, когда Люк подходит. Когда у меня в голове укладываются ее слова, у меня кровь стынет в жилах. Я думала, что Люк просто мил со мной. Но что, если есть более серьезная причина его интереса? Астрид продолжает: – Ты утверждала, что сказала герру Нойхоффу о том, что на представлении был сослуживец Эриха, потому что волновалась о моей безопасности. И после этого ты поступаешь так...

Люк, который подходит к нам ближе, вставляет замечание.

– Я просто хотел посмотреть представление, – говорит он.

Перед Астрид встает Петр, нос к носу с Люком.

– Вам следует вернуться на ваше место, – говорит он по-французски.

– А вам не следует исполнять тот номер, пародирующий немцев, – рассерженно говорит Люк с неожиданной силой в голосе.

Петр отшатнулся, удивленный тем, что Люк пошел против него, как делали очень немногие.

– Как ты смеешь!

Но Люк, ничуть не испугавшись, расправляет плечи.

– Они тебя арестуют, понимаешь.

– Кто, твой отец?

Они встретились всего пару минут назад, но между ними уже кипит ненависть.

Появляется герр Нойхофф.

– Довольно! – командует он. – Мы не можем позволить себе драки по пустякам. В зале присутствуют официальные лица. Жандармы, – добавляет герр Нойхофф. То, что это не немецкие офицеры, – это слабое утешение. Французская полиция теперь марионетки Рейха. Петр и Астрид обмениваются тревожными взглядами. После того, как выступление посетил немец, который знал Астрид, прошло всего пара дней – не похоже на совпадение.

У меня сдавливают горло.

– Ты же не думаешь, что они за тобой, правда?

– Я не знаю, – отвечает Астрид мрачным голосом.

– Тебе надо уходить, – говорит Петр ей. – Сейчас. – Но куда она пойдет? Я поворачиваюсь, чтобы спросить ее, но уже не вижу ее.

Звонит колокольчик, созывая зрителей с перерыва обратно в зал. Когда верхнее освещение затухает, я заглядываю в палатку. Это уже совсем не те офицеры в увольнении, которые пришли отвлечься и развлечься. Их руки скрещены на поясе, позы напряженные. На первой половине представления их здесь не было.

Я оборачиваюсь, обнаружив, что Петр и Астрид пропали со двора.

– Что же делать? – спрашиваю я герра Нойхоффа.

– Продолжать как ни в чем не бывало. Что-либо другое вызовет подозрения.

Из палатки доносится музыка, обозначающая следующий номер, номер с большими кошками.

– Тебе лучше вернуться на место, – говорю я Люку, который до сих пор стоит рядом со мной. – Ты пропускаешь представление.

– Да, точно. – И все же он не уходит, хмурит брови. – С тобой все будет в порядке? Я к тому, что та женщина, она, кажется, так злилась на тебя. – Люка волнуется не полиция, а Астрид. Я смотрю на него в нерешительности. Он кажется таким искренним. Но он даже не сказал, что он сын мэра. Может ли быть такое, что Астрид права на его счет?

– Смогу ли я увидеть тебя после представления? – напирал он. Его голос преисполнен надежды, он кивает на небольшую рошу за

задним двором шапито. – Может, там, во время уборки? Я подожду тебя под тем узловатым дубом.

– Тебе нужно уходить, – говорю я, игнорируя его вопрос. Я показываю пальцем на его место, перед тем как исчезнуть.

Клетку с тигром вывозят со сцены и готовятся к следующему номеру – хождению по канату. Два жандарма идут по направлению к сцене. Я оборачиваюсь. Астрид нигде не видно. Возможно ли, что они идут за мной? Едва ли кто-то из них может знать о том, как Тео оказался у меня, это кажется невозможным, но вдруг... Оборачиваясь, я пляжу на выход со двора, отчаянно желая пойти к Тео.

Но полиция доходит до второго ряда и останавливается перед мужчиной с той маленькой девочкой, у которой была сахарная вата. Они низко нагибаются, разговаривая с ним, пытаюсь не помешать представлению. Я крадусь вдоль стенки шатра, пока не оказываюсь всего в паре метров от места, достаточно близко, чтобы услышать, о чем они спорят. Один из полицейских указывает на выход, требуя, чтобы мужчина пошел с ними. – Вы должны пройти с нами. – Люк разворачивается на своем месте, чтобы посмотреть. Я жду, что он скажет что-то, вмешается. Он этого не делает.

– Но представление... – умоляет отец, его голос становится выше. Оркестр прерывается на середине партии. Все глаза теперь устремлены на конфликт. – Это ведь может подождать до конца представления. – Он прикрывает рукой дочку, как бы защищая ее.

Полицейский как будто ничего не слышал.

– Сейчас. – Один из них кладет руку на плечо мужчины, готовый вытащить его из шатра силой. Что им от него надо?

– Пойдем, милая, – говорит отец со всей нежностью, на которую только способен. – Мы придем еще раз в другой день. – В конце фразы его голос срывается.

– Я хочу увидеть слонов. – У девочки начинают дрожать губы.

– Она может остаться, – холодно говорит полицейский. – Нам нужны только вы.

Мужчина смотрит на него, не веря своим ушам.

– Месье, ей четыре года. Вы ведь не предлагаете мне оставить ее одну?

– Тогда возьмите ее с собой. Сейчас же, – командует полицейский.

Отец крепко берет девочку за запястье, пытаюсь уйти до того, как их уведут насильно. Но девочка сопротивляется, начинает рыдать и падает на землю, не замечая грязи, которая впитывается в ее платье. Теперь он отчаянно пытается утихомирить ее, чтобы не допустить вмешательства полицейских. По цирку проносится шепот. Горожане, без сомнения, уже видели, как забирают детей. Но чтобы отца с невинным ребенком уводили прямо с представления... Один из полицейских тянется к дубинке.

Я хочу закричать: «Прекратите!» Я должна сделать что-то. Не отдавая себе отчета в том, что я делаю, я иду к лестнице на правой стороне арены и забираюсь на нее. Оказавшись наверху, я ловлю взгляд дирижера и киваю ему. Его глаза широко раскрываются от удивления. Этого нет в программе. Затем он поднимает палочку. Оркестр вступает, начиная играть оживленную мелодию, и прожектор останавливается на мне. Краем глаза я вижу, что полицейские остановились и смотрят на меня. Астрид где-то в дальнем краю шатра машет мне руками, подавая знак, чтобы я спускалась вниз.

Я прыгаю с площадки, раскачиваясь выше, чем когда-либо. И что теперь? У меня нет ловитора, а просто качаясь туда-сюда, я не смогу удерживать их внимание долгое время. Отчаявшись, я отпускаю перекладину. Сжимаюсь в комочек и делаю один кувырок, затем второй, после чего устремляюсь вниз. Нет ничего, что поймает или предотвратит мое падение. Ровно перед приземлением на сетку, я вытягиваюсь, принимая лежачее положение, как учила меня Астрид, на случай если я упаду. Так я замедляю падение. Направляю нижнюю часть своего тела вниз, чтобы удар пришелся на нее, а не на ребра или шею.

Во время моего падения раздается вздох.

– Mon dieu^[30]! – кричит чей-то высокий голос в толпе. Я ударяюсь о сетку, и мою голову мотает вперед и назад. Я лежу, оглушенная ударом, мне слишком больно двигаться.

Я оставляю глаза закрытыми. Чувствую на себе руки, меня поднимают и уносят с сетки, как уносили Йету, когда она упала. Но когда я оказываюсь на земле, я стряхиваю с себя эти руки и не без труда пытаюсь встать сама. Каким-то образом, несмотря на высоту и скорость, с которой я падала, я ничего себе не сломала, хотя у меня все болит. Сработало ли это? Я делаю изящный реверанс, и овации

нарастают. Краем глаза я замечаю, как отец уносит дочку из палатки, пока полицейские отвлеклись.

– Клоуны, затем слоны, – слышу я команды герра Нойхоффа. Астрид однажды сказала, что у него есть план, как подвести представление к концу, не завершая его слишком резко. Я иду из палатки, мои ноги так трясутся, что я едва нахожу точку опоры.

Потом ко мне подходит Астрид, она выскользнула из дальнего края шатра и прошла вокруг него.

– Ты в порядке? – спрашивает она, и я рассматриваю незнакомое выражение на ее лице, похожее на гнев. Беспокойство. Она волнуется за меня – даже после всего, что я сделала.

У меня на глаза наворачиваются слезы. Она была в такой ярости, сначала из-за того, что я рассказала герру Нойхоффу, затем из-за того, что я добавила движение в номер.

– Прости, – говорю я, мой голос срывается. Я так хочу исправить все, восстановить мир между нами. – Я совсем не хотела обидеть тебя.

– Я знаю, – говорит она. – Все в порядке.

– Правда? – Я поднимаю взгляд.

Она кивает.

– Правда. – По ее глазам я вижу, что она меня простила.

– Прости меня, – повторяю я, мне нужно сказать это снова. Я заливаюсь слезами, и она притягивает меня к себе, позволяя моим слезам намочить ткань ее платья.

Через некоторое время я выпрямляюсь, вытирая глаза.

– Вот только... Ноа, ты должна быть осторожна, – говорит Астрид, когда я привожу себя в порядок. Ее голос мягок, но глаза серьезные. – Слишком многим мы рискуем теперь. – Я понимаю, что она говорит о Люке и об опасности, которую он может на нас навлечь.

Из шатра к нам подходит Петр, и по его выражению я понимаю, что он зол.

– Дура! – выплевывает он. – Теперь из-за тебя у цирка будет еще больше проблем. О чем ты думала, приглашая того мальчишку?

Я удивлена: я ожидала, что он, как и Астрид, будет ругать меня за то, что я сделала на трапедии. Но при всем том, что только что произошло, он все еще в ярости из-за сына мэра, возможно, потому что Люк не побоялся выступить против него, предупредив его насчет его номера. Конечно, он беспокоится из-за опасности, грозящей

Астрид. Но мне хочется заметить вслед за Люком: если Петр так беспокоится о ней, возможно, ему не следовало бы исполнять номер с пародией на немцев.

Я не решаюсь.

– Я не звала его, – возражаю я. – Он сам пришел. Хотел посмотреть представление.

– Ну конечно, – резко отвечает Петр, насмехаясь. – Приходит сын мэра, а вслед за ним и полиция? Чистая случайность. После всего, что мы сделали для тебя, – продолжает Петр, набирая обороты. – Приютили тебя, тренировали тебя. И вот так ты отплатила нам за доброту? Нужно просто выставить тебя за дверь. – Я начинаю паниковать. Что, если он уговорит герра Нойхоффа именно так и сделать?

Астрид поднимает ладонь, как бы отстраняя его.

– Хватит.

Непонимание отражается в моих глазах, когда она встает на мою защиту. Она мягко кладет ладонь на его руку.

– Она сделала все правильно. – Астрид смотрит на меня с каким-то новым восхищением. – Но ты могла погибнуть, – добавляет она, обращаясь ко мне, в ее голосе снова слышится беспокойство.

– Я не думала... Нужно было сделать что-то. Тот несчастный... – У меня дрожит голос, то ли из-за падения, то ли из-за Петра, я не могу понять.

– Это ничего не изменит, – говорит Петр. – Полиция придет в его дом и найдет его.

Надеюсь, у мужчины и его дочери будет время на то, чтобы убежать, как это сделали мы с Тео. Вопреки всему, я хочу верить, что я что-то изменила. Но я знаю, что, возможно, им повезет гораздо меньше.

– Теперь ты понимаешь, почему я должна была сказать герру Нойхоффу о том немце? – спрашиваю я Астрид. – Сегодняшний арест... Это могла быть ты.

Она упрямо качает головой.

– Все бы со мной было в порядке.

Она думает, что цирк – это некий щит, который делает ее неуязвимой для немцев. Но это совсем не так.

– Ты не можешь спасти всех, понимаешь.

– Я не пытаюсь спасти всех, – возражаю я. – Только Тео.

«И тебя», – добавляю я про себя. Но когда я увидела, что полицейские вот-вот заберут эту девочку, что-то во мне заставило меня действовать, точно как тогда, в ту ночь, когда я спасла Тео, вытащив его из вагона.

– Тогда ты должна подумать, прежде чем действовать, – предупреждает Астрид. – Было глупо приглашать сына мэра.

– Да не приглашала я его, – настаиваю я. Но я ведь и не запрещала ему приходиться. – Прости. Я не хотела причинить вреда.

– Я знаю, – отвечает она, – но у наших действий есть последствия. Одни лишь благие намерения не спасут нас от них.

Раздается музыка, приглашающая нас на финальный поклон. Когда Астрид помогает мне встать на ноги, я чувствую острую боль в спине. Надеюсь, это просто синяк. Прихрамывая, я иду за ней внутрь шатра и поднимаюсь по лестнице наверх. Жандармы ушли. Беспокойство внутри меня перемешивается с облегчением. Они пошли вслед за девочкой и ее отцом?

Люк тоже покинул свое место, я замечаю это, отвешивая публике неглубокие поклоны. Я думаю, не будет ли он ждать меня у деревьев, как и обещал. Или, возможно, после всего, что случилось, он сдастся. После всего случившегося это, пожалуй, было бы к лучшему.

Зрители торопятся покинуть шашито сразу после представления, они не слоняются без дела как обычно, а хотят поскорее оказаться дома, подальше от проблем. Когда мы выходим из шатра, на задний двор приходит герр Нойхофф. Он падает на перевернутый деревянный ящик, тяжело дыша.

– Арест прямо в цирке, – тяжело дышит он. – Немыслимо.

До последнего времени цирк был убежищем, в котором можно было спрятаться от войны, внутри его ты был как в снежном шаре – а мир оставался снаружи. Но стены становятся тоньше. Я вспоминаю времена в Дармштадте, вспоминаю реакцию Астрид на мои слова, о том, что во Франции мы будем в безопасности. Она знала правду уже тогда. Безопасности больше нет нигде.

Вытирая лоб носовым платком, он продолжает:

– Они ушли. Но я хочу, чтобы все вы сейчас же отправились в спальные вагоны и оставались там.

Я предполагаю, что он отругает меня за то, что я сделала на трапедии, но он этого не делает.

Я смотрю в сторону деревьев, ищу глазами Люка. Слежу за ним, за накренившимся дубом его видно плохо. Он все еще там. Наши взгляды встречаются. Он видел, как я упала, и на его лице сильное беспокойство. Я начинаю улыбаться, поднимаю руку, чтобы незаметно помахать ему, дав понять, что со мной все хорошо. Он немного расслабляется, но его глаза остаются прикованными ко мне, призывая меня подойти ближе.

Я делаю шаг вперед. Но герр Нойхофф все еще сидит на ящике, наблюдая за нами. Я не могу пойти к Люку.

В любом случае, я не должна даже хотеть этого, приходится напомнить себе об этом. Он не сказал, что он сын мэра. Возможно, Астрид права, и он скрывает не только это?

Люк продолжает смотреть на меня, он ждет меня, задержав дыхание. Проходит несколько секунд. Я делаю шаг назад. Даже если бы я хотела, я не могу ослушаться приказа герра Нойхоффа и пойти к Люку, после того как здесь побывала полиция. Надежда на его лице сменяется на растерянность, а потом на разочарование, когда он понимает, что я не подойду к нему.

Я делаю еще один шаг и едва не падаю, споткнувшись обо что-то, лежащее на земле. Сбоку от шатра, в грязи, лежит кукла. Я вспоминаю ту девочку, которая была так расстроена тем, что придется уйти из цирка, что даже не заметила, что ее кукла упала. Несмотря на обещание отца, она не попадет сюда снова. Я поднимаю куклу и забираю ее для Тео.

Затем я поворачиваюсь, чтобы снова посмотреть на Люка. Он уже пошел по направлению к деревне, его плечи опущены.

«Подожди!» – хочу прокричать я. Но я молчу, и секунду спустя он исчезает.

Глава 13

Астрид

Я забираюсь на трапецию почти в полной темноте, еще до рассвета. Купол цирка освещен лишь одной мигающей лампочкой, которую кто-то оставил включенной. Со зрительских мест шатер кажется великолепным, но отсюда, сверху, видно, что ткань выцвела, кисточки истрепались. В голове дребезжит знакомая музыка, такая же, как на карусели в парке развлечений. Я вижу своих братьев, они дразнят друг друга, готовясь к выступлению. Воздух танцует вместе с призраками прошлого.

Я беру гриф и прыгаю, лечу по воздуху. Я игнорирую предостережение о том, что нельзя летать одной, которое я давала Ноа. Впрочем, у меня нет выбора. Я не могу больше выступать, но не могу и оставаться на земле.

– У тебя зависимость от адреналина, – не раз ругал меня Петр. Я хотела бы возразить, но он прав. Когда я смотрю вниз с площадки, за секунду до того, как отпустить гриф, есть такой момент, когда я точно знаю, что иду на смерть. Это четкое понимание, сосредоточенность в этот момент – то, чего мне не хватает больше всего, когда я не выступаю, это важнее, чем восхищение публики или что-то еще.

Вчера, когда Ноа пошла на арену без меня, был первый раз, когда я смотрела на цирк глазами зрителя. Наблюдая за выступлением, я вспомнила те времена, когда Эрих водил меня в Венскую народную оперу, чтобы посмотреть «Орлеанскую деву». В окружении модных жительниц Берлина, надушенных «Шанель», я неловко ерзала на своем стуле, чувствуя себя не на своем месте. Но когда представление началось, мне удалось увидеть многое из того, что другим недоступно: как устроена сцена, чтобы она казалась глубокой, как подчеркнули выступление с помощью разных хитростей, которых у нас, артистов, хватает. Тогда я поняла, что я могу видеть людей насквозь, будь они на сцене или где-либо еще. Я занималась этим всю свою жизнь.

Я взлетаю выше, пытаюсь оказаться быстрее своих воспоминаний. Мои ноги подняты вверх, гриф качается обратно к площадке. Испарина проступает на моей коже, а в ногах я чувствую приятную боль. Герр Нойхофф сказал, что я смогу выступить снова, когда мы доберемся до следующего города, но для меня это слабое утешение. Так или иначе, до того времени еще две недели – целая вечность. И нет никаких гарантий, что мне разрешат оставаться на сцене, теперь, когда герр Нойхофф понимает всю опасность, он отстранит меня при малейшей угрозе.

Такой, как арест, прервавший представление пару дней назад. Я видела лицо той маленькой девочки среди зрителей, и осознание того, насколько все стало хуже, обрушилось на меня со всей силой. Ее день начинался радостно, как и любой другой, – как то последнее утро в Берлине, которое я провела с Эрихом, – она не знала, что всего через несколько часов ее мир будет разрушен.

Я протираю глаза, чтобы избавиться от жжения. В моей семье не плачут, что бы ни случилось: болезнь, смерть или другая горе, я всегда сдерживала слезы, даже в детстве. Могло быть хуже, напоминаю себе я, полиция могла прийти за мной.

Я снова прыгаю и повисаю на грифе, не пытаюсь раскачаться сильнее, а просто позволяя инерции плавно раскачивать мое тело. В один миг мне кажется, что если я не буду двигаться, то смогу вернуться назад во времени, и все станет таким, как прежде. Мое тело, мой полет – они не могут забрать их у меня, несмотря на то что сделала Ноа.

Несмотря на все те многие вещи, которые она сделала, поправляю себя я. Она не просто рассказала герру Нойхоффу о немецком офицере. Она еще и пригласила на представление сына мэра. И упала с трапеции, пытаюсь спасти того мужчину и его дочку от полиции, выходка настолько глупая, насколько и смелая. И хотя мы с ней абсолютно не похожи, все чаще я вижу в Ноа то упорство, упрямство, которое напоминает меня в юности. Ее импульсивность, которая делает ее опасной как для самой себя, так и для всех нас.

Внезапно я чувствую головокружение. Потом подхватывает желудок, и на меня находит такой сильный приступ тошноты, что я едва не разжала руки. Меня бросает в пот, руки становятся влажными, это опасно. Пытаюсь вернуться на площадку. Именно из-за таких

моментов внезапной слабости я сказала Ноа, чтобы она не использовала трапецию в одиночку. Я смотрю вниз, и меня охватывает страх. Известно, что цирковые артисты – не из тех людей, кому удастся прожить долгую жизнь. Многие погибали, исполняя номер, кто-то получал такую сильную травму, что просто таял на глазах. Я вспоминаю тех, кого знаю, своих родственников и других артистов, пытаюсь вспомнить хоть кого-то, кто справил бы свое семидесятилетие. Таких нет.

Сделав последний отчаянный рывок, я взлетаю выше и прыгаю на платформу, мои ноги дрожат. Я никогда раньше не падала, до этого даже не доходило. Что со мной не так?

Еще один приступ тошноты подкатывает к горлу, я успеваю спуститься с лестницы как раз вовремя – меня тошнит в чье-то ведро. Выношу его, чтобы сполоснуть до того, как кто-то это заметит. От мерзкого запаха желчи меня снова мутит. Нажимаю рукой на живот. Я практически родилась в воздухе, мне никогда не было плохо от полета. Я слышала, как об этом говорили другие гимнасты, о том, как им внезапно становилось плохо от высоты или определенных движений, но это случалось из-за болезней или беременности.

Беременность. Я замираю, потрясенная самой этой мыслью. Это ведь совершенно невозможно. Но это единственный логичный ответ. Перед тем, как мы выехали, была ночь, в которую мы много пили. У меня не было менструаций почти три месяца, но это не редкость, я думала, что так сказываются выступления и тренировки. Если бы это было что-то другое, я бы знала.

В оцепенении я возвращаюсь в шатер и сажусь на одну из скамеек, я не могу в это поверить. Мы с Эрихом так долго пытались завести ребенка. До того, как его поглотила работа, мы занимались любовью почти каждую ночь и два-три раза в день на выходных. Но ничего не выходило. Я решила, что проблема во мне. Удивлялась, как так вышло: мама была такой плодovитой, что родила пятерых, а у меня даже одного не получается. Год за годом ничего не выходило, и мы просто перестали говорить об этом.

Проблема была в Эрихе, осознаю я с усмешкой. Не во мне. Его идеальное арийское тело имело изъян. У него не будет детей и от другой женщины.

Но моя тревога быстро стирает улыбку с моего лица. Беременность – это последнее, что пришло бы мне в голову, ребенок – давно забытая мечта. Я слишком стара для того, чтобы заводить семью. Петр, учитывая его переменчивое настроение и депрессию, едва ли подойдет на роль идеального отца. Мы не лучшая пара. И у нас нет дома.

Я могу позаботиться об этом. В течение многих лет, проведенных в цирке, я не раз слышала, как шепчутся о подобных вещах. Но обдумав это, я понимаю, что это не вариант.

Внутри шатра входит Петр, и это единственный раз, когда я не рада его видеть. Провожу рукой по щекам, чтобы удостовериться, что они сухие, и прикрываю живот, как будто он может заметить разницу. Я не хочу говорить ему об этом, добавлять ему проблем, учитывая весь стресс и усталость от выступлений и жизни в туре. Ему не нужно беспокоиться об этом сейчас. Я боюсь, что он увидит, что я побледнела и что меня трясет, или, возможно, он почувствует запах рвоты.

Но он слишком рассеян.

– Пойдем, я хочу показать тебе кое-что, – говорит он, взяв меня за руку, и ведет из шатра к своему домику. Дом находится на краю места нашей стоянки, надежная комната для одного человека, размером не больше сарая. Я неуверенно останавливаюсь перед дверью, запах влажного дерева и земли перемешивается с затхлым запахом дыма. С тех пор, как мы приехали в Тьер, я не приходила к нему на ночь, потому что он так сосредоточенно репетировал, что я не хотела ему мешать. Он хочет обнять меня? Не думаю, что смогу сейчас быть с ним рядом. Однако мы проходим мимо кровати. На противоположной стороне стоит обновка, низкий прямоугольный сундук из дуба полтора метра в длину, похожий на огромный чемодан.

– Красивый, – говорю я, проводя рукой по дереву, любуясь искусно украшенной крышкой. – Где ты его достал? И зачем? – Петр, с его спартанским жильем без удобств, никогда не проявлял интереса к материальному.

– Я увидел его на местном рынке, поторговался со столяром. Не переживай, – улыбается он. – Мне дали хорошую цену. – Но дело не в этом: он такой тяжелый и долговечный, такой непрактичный,

совершенно не подходит для тура. Что он будет с ним делать, когда мы поедем дальше?

Но Петр не относится к людям, лишенным логики, поэтому я жду вразумительного объяснения. Он открывает крышку и проводит рукой по дну. Затем он приподнимает его, открывая тайный отсек, где-то сантиметров тридцать в глубину, в самый раз для одного небольшого человека, лежащего на спине.

– О! – восклицаю я.

– Просто на всякий случай, – говорит он. Он взял его для меня, чтобы я могла спрятаться, если снова придет полиция или эсэсовцы. Он смотрит на мое лицо, и я пытаюсь сдержать свою реакцию на место, похожее на гроб, в котором можно задохнуться. – У нас совсем нет никакого места, где ты могла бы спрятаться, так что я подумал, этот вариант будет подходящим, – объясняет он, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно. Но выражение лица у него серьезное. Эта сцена, когда полицейские пытались арестовать человека во время представления, потрясла и Петра. Он, как и я, знает, что немцы или французская полиция придут снова. Мы должны быть готовы.

Он пытается защитить меня. Но в его глазах есть что-то большее, чем беспокойство или просто привязанность. Я уже видела подобное выражение раньше, когда мы с Эрихом только поженились. Я отворачиваюсь, меня трясет. Вспоминаю, что Ноа говорила о его чувствах ко мне. Я так быстро решила все отрицать, не желая увидеть, поверить. Но когда я снова смотрю в его глаза, полные надежды, я понимаю, что Ноа была права. Как я не видела этого раньше? До сих пор было так просто считать, что у нас просто взаимовыгодные отношения. Но Ноа поднесла правду прямо к моему лицу, и теперь я не могу ее игнорировать. Я вспоминаю прошедшие месяцы: Петр постоянно был рядом, пытался защитить меня. Его чувства – это не что-то новое, возникшее внезапно. Все это время они были рядом. Как так вышло, что Ноа, такая юная и наивная, смогла все это понять, а я нет?

– Тебе не нравится, – говорит он, проведя рукой по сундуку, его голос звучит разочарованно.

«Да», – хочу сказать я, после того, что случилось в Дармштадте, я поклялась, что никогда больше не буду прятаться.

– Дело не в этом, – отвечаю я, не желая задеть его, ведь он сделал это, желая добра. – Он идеально подойдет, – добавляю я, поторопившись. На деле же, тут даже меньше места, чем в том месте в Дармштадте. Я едва ли смогу здесь уместиться, тем более когда мой живот станет больше.

– Что же тогда? – спрашивает он, обнимая ладонью мой подбородок и глядя на меня. – Ты такая бледная. Ты заболела? Что-то случилось? – Он обеспокоенно хмурится, глядя на мою маску и чувствуя, что что-то не так.

Меня охватывает ужас. Не из-за беременности или опасности быть пойманной полицией или даже СС. Нет, я оцепенела по другой причине... Из-за того, что происходит между мной и Петром. Все начиналось с того, что два одиноких человека потянулись друг к другу, чтобы заполнить пустоту внутри. Все так и должно было остаться. Но в определенный момент, когда я не обращала на это внимания, наши отношения стали чем-то большим, и для меня, и для него.

Я в замешательстве. Если я скажу ему – все изменится. Но беспокоить его еще больше, продолжая молчать, нельзя. И в глубине души я отчаянно хочу поделиться с ним этой новостью. «Скажи ему», – говорит в голове голос, больше похожий на голос Ноа, чем на мой собственный. Он любит меня, и этого будет достаточно.

Я делаю глубокий вдох, затем выдох.

– Петр, я беременна.

Задерживаю дыхание, ожидая его реакции.

Он ничего не отвечает и непонимающе смотрит на меня.

– Петр, ты меня слушаешь? – спрашиваю я. Стены как будто наступают на меня, и становится тяжело дышать. – Пожалуйста, скажи что-нибудь.

– Это невозможно, – говорит он, не веря мне.

– Но это так, – отвечаю я слабым голосом. Чем, по его мнению, мы занимались все эти ночи в Дармштадте?

Он встает, начинает ходить туда-сюда, зарывшись рукой в волосы.

– То есть возможно, разумеется, – продолжает он, будто бы я ничего и не говорила. – Просто тяжело в это поверить. И учитывая нынешнюю ситуацию, это все так усложняет.

У меня замерло сердце. Это было ошибкой. Не надо было говорить ему.

– Ты, похоже, не рад, – говорю я, и мои щеки горят, как будто от пощечины. – Я этого не планировала. Прости, что доставила тебе неудобства.

Он снова садится, берет меня за руки.

– Нет, милая, все не так, – отвечает он, его лицо смягчается, голос нежен. – Нет ничего, что сделало бы меня счастливее.

– То есть ты хочешь стать отцом? – спрашиваю я удивленно.

– Нет, – быстро говорит он, и мое сердце снова замирает. Все-таки ему это не нужно. – Я уже стал отцом. – Он говорит это медленно, хрипло, каждое слово дается ему с трудом.

– Я не понимаю. – Комната вокруг меня начинает кружиться, и тошнота снова подступает к горлу. Я заставляю себя делать короткие неглубокие вдохи. – О чем ты?

– У меня был ребенок. – *Был.* У него на лице боль, какую я раньше никогда не видела.

– Ох! – раздается мой вдох. Я в шоке. Я понимала, что у Петра была целая жизнь до меня, но ребенок? Внезапно появляется ощущение, что я совсем его не знаю.

– Я был женат на балерине из Москвы, ее звали Аня, – говорит он, глядя в сторону, его голос кажется опустевшим. Я пытаюсь представить его жену и представляю, с большей ревностью, чем следовало бы, высокую и стройную девушку с длинными изящными ногами. Где она теперь? – У нас была дочка, Катя. – Его голос срывается, когда он произносит ее имя. Он пытается продолжить, шевелит губами, но звук не идет.

– Что случилось? – спрашиваю я, боясь услышать ответ, но в то же время нуждаясь в нем.

Несколько секунд он сидит молча, не в силах продолжить.

– Испанка. Лучшие врачи и больницы не могли ее спасти.

– Сколько ей было лет?

– Четыре.

Он опускает голову в руки, его спина трясется в беззвучном плаче. Я растерянно сижу рядом с ним, мысли вертятся у меня в голове, пока я пытаюсь обработать всю эту информацию. Через пару минут он поднимает голову, вытирая глаза.

– Думаю, я должен был рассказать об этом раньше, но было слишком тяжело.

– Аня умерла вскоре после Кати, – добавил он. – Тоже от испанки, как говорили врачи. Но я думаю, она умерла, потому что ее сердце было разбито. Они ушли от меня, понимаешь. – Его голос приходит в нормальное состояние, но я не уверена, что он не заплачет снова.

– Прости. – Я обхватываю его руками и кладу голову на его плечо. Но мои утешения кажутся неуместными, невозможно облегчить боль, которую ты не можешь разделить. Теперь я понимаю его гораздо лучше, его мрачное настроение и то, что он пьет.

– Эти воспоминания болезненны для тебя, – добавляю я.

Он качает головой.

– Нет, вспоминать их – по-своему хорошо. Но теперь ты можешь понять, почему я беспокоюсь.

– Я понимаю. – Я осознаю, что он боится иметь ребенка, любить так же глубоко, как любил когда-то. Тогда у него были любые деньги и привилегии мира, но и этого было недостаточно. Как же он может защищать нас и заботиться о ребенке теперь? – Все будет хорошо, – говорю я, заставляя себя звучать уверенно, чтобы скрыть свои собственные сомнения. – Мы справимся. – Теперь моя очередь быть сильной.

– Конечно, справимся, – отвечает Петр, заставляя себя улыбнуться. Он целует меня, потом еще раз. Подносит рот к моим векам, губам, щекам, груди. Вес его тела прижимает меня к кровати, и в какую-то секунду кажется, что он хочет взять меня. Но он просто кладет голову мне на живот, не говоря ни слова.

– Я совсем потерял надежду, а потом встретил тебя, – говорит он, наконец. – Не знаю, что буду делать без тебя. Я люблю тебя, – добавляет он. Чувства, которые он сдерживал все это время, вдруг прорвались наружу. И хоть когда-то я мечтала о них, сейчас я подавлена. Это слишком для меня, теперь нужно поддерживать и его, и ребенка.

Он поднимает голову, и в его глазах загорается свет.

– Нам нужно пожениться, – объявляет он, взяв мои руки в свои. *Пожениться.* Это слово эхом раздается у меня в голове. Когда-то это имело для меня какое-то значение. Теперь же я вижу только бумаги, которые Эрих бросил передо мной, сказав, что ничего из этого не

было, слышу стук моего обручального кольца, падающего на пол нашей квартиры.

– Ох, Петр. – Для меня больше не существует брака. Я не могу понять, зачем я кому-то для этого, и не смогу снова подпустить мужчину так близко. – Мы не можем.

– Да, конечно, ты права, – быстро говорит он, не сумев скрыть разочарования.

Я обнимаю ладонью его щеку.

– В сердце я уже замужем за тобой.

– А еще мы можем уехать, – говорит он. Я удивлена. Петр всегда отказывался от этой идеи раньше потому, что он нигде больше не сможет выступать так, как выступает здесь. Но учитывая возможное рождение ребенка, все меняется.

– Я не могу уехать, – отвечаю я. – Здесь я могу спрятаться. – Во всяком случае, пока. Раньше я бы ухватила за шанс и сбежала бы. Но теперь кроме моей собственной безопасности появились и другие беспокойства. Я снова касаюсь своего живота. – И еще я нужна Ноа...

– Этой девчонке? – У него озадаченное выражение лица. – Разве это имеет значение? Мне казалось, она тебе не нравится.

– Да, конечно, но все же... – Нужно признать, что это правда. Я не любила Ноа с самого начала и невлюбила еще больше, когда из-за нее меня отстранили от выступлений. Но она зависит от меня так же, как Тео от нее.

– Ты мог бы уйти, если действительно этого хочешь, – предлагаю я. Мне тяжело это говорить.

Он обнимает меня крепче.

– Я ни за что тебя не оставлю, – говорит он, и его рука опускается на мой живот. – И нашего ребенка.

«Человек, который меня ни за что не оставит», – думаю я. Хотела бы быть прежней юной девушкой, которая могла бы в это поверить.

– Все будет хорошо, – говорю я, отгоняя от себя сомнения. – Даже лучше, чем просто «хорошо». У нас будет семья, – улыбаюсь я, несмотря на все свои тревоги. Как все это возможно? Но мой ребенок будет евреем. Перед глазами у меня встает картинка, как Ноа вслепую пробирается по снежному лесу с Тео, до того как мы нашли ее. Нам едва удастся защитить одного ребенка-еврея, как же мы сможем уберечь двоих?

Глава 14

Ноа

– Нет, нет! – кричит Астрид на тренировке в следующее воскресенье, ее крики звенят под куполом так громко и резко, что одна из тренирующихся жонглеров со звоном роняет свои серебристые обручи на пол. – Ты должна подняться выше!

Я раскачиваюсь сильнее, а когда Герда бросает меня к перекладине, пытаюсь следовать команде Астрид. Но вернувшись на площадку и посмотрев вниз, я вижу, что она все еще недовольна.

– Нужно чтобы твои ноги оказались выше головы, – отчитывает меня она, когда я спускаюсь с лестницы.

– Но ты сказала, что нельзя менять позу, нужно держать тело прямым, поэтому я подумала... – начинаю я, но останавливаюсь, понимая, что мне ее не переспорить. В последние дни у Астрид плохое настроение, она срывается на любую мою фразу, ругает меня за действия, которые ее устраивали всего пару дней назад. Глядя на то, как кривятся ее губы, я думаю: может, она до сих пор злится на меня за то, что ее отстранили от выступлений? Она вроде бы простила меня неделю назад, но теперь я уже не уверена.

– Что-то не так? – спрашиваю я.

Она открывает рот, как будто хочет что-то сказать.

– Ничего, – отвечает она, наконец, но мне не кажется, что она говорит это искренне.

– Астрид, пожалуйста, – настаиваю я. – Если что-то не так, может, я смогу помочь.

Она улыбается, но в ее глазах нет счастья.

– Если бы ты могла, – говорит она, а затем уходит и начинает подниматься по лестнице.

Значит, что-то действительно не так, думаю я, понимая, что лучше не напирать.

– Мы продолжим репетицию? – спрашиваю я, боясь услышать ответ.

Но она качает головой.

– На сегодня все.

Она забирается на площадку, берет перекладину и прыгает без предупреждения. Она не может выступить, но это не мешает ей летать в другое время, быстрее и яростнее, чем когда-либо. Сейчас она работает без ловитора, взлетает, едва касаясь грифа, и то, что я вижу перед собой, кажется невозможным.

Я иду по тренировочному залу к Петру, который прервался, чтобы посмотреть на Астрид.

– Мы должны остановить ее, – говорю я. – Она же так убьется.

Но в его глазах – смесь восторга и бессилия, он уже смирился.

– Я не могу остановить это великолепие, не могу не дать ей быть той, кем она является.

– Это не великолепие – это самоубийство, – возражаю я, удивляясь, как я осмелилась говорить с ним так решительно.

Петр странно смотрит на меня.

– Астрид не убьет себя. В ее жизни слишком много того, ради чего стоит жить. – В его голосе слышно беспокойство. Возможно, он знает, почему Астрид в таком настроении. Но он уходит до того, как я успеваю спросить.

Бросив последний взволнованный взгляд на Астрид, я надеваю юбку с запахом и блузку поверх тренировочного трико. Ухожу из шатра и иду по территории цирка. Сейчас позднее утро воскресенья, с тех пор, как мы приехали в Тьер, прошло чуть больше недели, и я хочу покормить Тео сама и провести с ним как можно больше времени перед тем, как он заснет. Рядом с железнодорожными путями остановился грузовик с водой, и люди спешат наполнить свои ведра, столпившись позади него. По цирку тут и там можно увидеть ведра: для мытья, питья и других дел. Впервые заметив два ведра с моим именем, стоящие в ряду ведер, которые скоро наполнят, в Дармштадте, я поняла, что теперь я действительно часть цирка.

Я наполняю свои ведра, одно для мытья, другое для питьевой воды и несу их в поезд: так хочется переодеться и обнять Тео. Я поднимаюсь по ступенькам в вагон, стараясь не пролить воду. В спальном вагоне, где я ожидала найти его, уже проснувшегося, никого нет. Тео здесь нет.

«Спокойно», – говорю я себе, направляясь обратно. Иногда девушки, которые присматривают за детьми, берут их прогуляться на свежий воздух. За поездом дети катают мяч, а две девушки, которые должны за ними следить, расслабленно болтают друг с другом. Тео с ними нет.

Где он? Мое сердце начинает биться быстрее. Он потерялся? Забрали? Я иду по заднему двору, хочу найти Астрид. Она знает, что нужно делать. Но вдруг я слышу хихиканье вдалеке. Мои глаза устремляются к загонам, где держат животных. Тео рядом с ними, на руках у Эльси, одной из тех немногих девушек, кому есть до него дело. Я слегка расслабляюсь.

Но пока я иду по полю, заросшему травой, Эльси приближается к клетке со львом. Я вижу, как она говорит с Тео, показывает пальцем на животных, когда они подходят к одному из них. Клетка хлипкая, несколько металлических перекладин, расположенных слишком уж редко, ничто не отделяет Тео от жуткого зверя. Эльси ведет себя как обычно, она ничего не боится и подходит к клетке вплотную. Тео протягивает руку, собираясь погладить его, как собаку.

– Нет! – кричу я, но мой голос уносит ветер. Тео просовывает руку через клетку, его пальцы на расстоянии нескольких сантиметров от лвиной пасти.

– Тео! – Я бегу к нему, мои ноги врезаются в твердую землю, поднимая в воздух траву и пыль.

Я подбегаю к Тео и выхватываю его из рук девушки. Лев, потревоженный моим резким движением, бросается на перекладину с рыком, ударив прямо по тому месту, где только что был Тео.

Я отпрыгиваю, оступаю, падаю на землю. Тео кричит. Во время приземления в мою руку вонзается острый камень, но я этого не замечаю. Я прижимаю Тео к груди, защищая его. Тяжело дышу, и, не поднимаясь, пытаюсь успокоить Тео, который расстроен больше, чем когда-либо. Еще секунда – и было бы слишком поздно.

– Ш-ш-ш, – утешаю я его, оглядывая со всех сторон. Он покраснелся от плача, но, кажется, цел и невредим. Затем я встаю, стряхивая грязь с колен. – Как ты могла? – накидываюсь я на побледневшую Эльси.

– М-мы просто играли, – объясняет она взволнованно. – Я хотела показать ему льва поближе. Я не хотела ничего плохого.

Я все еще в ярости.

– Это животное могло убить Тео. И эта одежда... – Я вдруг замечаю, что Тео одет в расшитое блестками трико, слишком большое для него, и наспех заколотое булавками. – Что это вообще на нем?

За ее спиной я вижу Астрид, которая идет сюда из шатра. Она идет по полю, и на ее лице смесь раздражения и беспокойства.

– Что за шум?

– Она держала Тео прямо напротив клетки со львом, – говорю я, мой голос становится выше, я снова переживаю этот ужас. – Он мог погибнуть.

Она забирает у меня Тео, и он перестает рыдать, но плотает ртом воздух, приходя в себя.

– Кажется, он в порядке. Он не ранен?

– Нет, – соглашаюсь я, отмахиваясь от мух, которые все время вьются возле звериных клеток. Я думала, она встанет на мою сторону, несмотря на раздражение. Как она может спокойно воспринимать то, что сделала Эльси?

– Посмотри на его одежду!

– Скоро он начнет тренироваться, – мягко замечает она.

– Тренироваться? – повторяю я, не понимая ее.

– Чтобы выступать, – отвечает она. Хотя мы никогда не обсуждали, присоединится ли Тео к цирку, Астрид говорит об этом, будто это нечто само собой разумеющееся.

Я тупо смотрю на нее, эта новость лишила меня дара речи. Я никогда не думала о том, что Тео будет выступать, или о том, что его будущее вообще будет связано с цирком.

– Он всего лишь ребенок, – говорю я. Тео издает пронзительный крик, как будто тоже не согласен с этим.

– Я на трапецию забралась раньше, чем ходить научилась, – говорит Астрид. – Конечно, это была неподвижная трапеция.

Меня передергивает. В мире Астрид дети, выступающие на сцене, – это нормально. Впрочем, Тео не будет учиться трапеции или какому-то другому цирковому номеру. Его жизнь – наша жизнь – будет проходить где-то в другом месте.

– Он слишком мал, – настаиваю я, не упоминая о том, что я вообще не позволю ему выступать.

Астрид не отвечает. Она смотрит мимо меня, пытаюсь увидеть что-то на краю поля, ведущего в город.

– Сюда кто-то идет.

Я оборачиваюсь и смотрю в ту же сторону.

– Люк, – говорю я вслух, больше даже для себя, чем для Астрид. Прошла почти целая неделя с того вечера, когда он приходил в цирк. Я думала, что он сдался, что все произошедшее его отпугнуло. Я не ожидала увидеть его снова.

Это и к лучшему, думаю я, когда он приближается. Он сын мэра, и Астрид ясно дала понять, что ему верить нельзя.

– Что он здесь делает? – спрашивает она, ее голос сочится раздражением.

– Я не знаю, – говорю я, внезапно почувствовав необходимость защищаться. Я никоим образом не поощряла его. И несмотря ни на что, мое сердце трепещет, когда он подходит ближе. В одной руке он держит букет нарциссов, его темные волосы развеваются на ветру. – Но я выясню. – Я неуверенно смотрю на Тео. Я не хочу отпускать его так скоро после того, как обнаружила его в опасности, не хочу отдавать его Эльси. Просить Астрид о чем бы то ни было тоже плохая идея, но мне слишком уж любопытно.

– Ты не присмотришь за Тео немножко? – Я собираюсь с духом, догадываясь, как она мне ответит.

– Мало того, что я твой тренер, теперь я должна быть тебе еще нянькой? – огрызается она. Я не отвечаю. Она раздражена, но она любит Тео и не сможет отказать. – Ох, ладно, если так надо. Иди. Только недолго. – Она забирает Тео у меня из рук и идет к поезду.

Люк подходит все ближе, а я робею.

– Снова ты, – говорю я, стараясь, чтобы это прозвучало небрежно. Меня внезапно очень беспокоит то, как выглядят мои волосы, в спешке убранные в хвост, как выглядят мои щеки, не слишком ли красные после напряженной репетиции. – Приходишь снова и снова.

Секунду Люк пребывает в нерешительности, взволнованно поглядывая в сторону, куда уходит Астрид с Тео.

– Надеюсь, ничего страшного, что я пришел.

– Я тоже надеюсь, – буднично отвечаю я.

– Я думал, ты не захочешь, чтобы я приходил, – сказал он. – Ты не вышла ко мне после представления. Я был там, как и обещал, и ждал

тебя столько, сколько смог. А тебя так и не было.

– Я не могла после этого случая с полицией, – говорю я. – Кроме того, у нас был комендантский час. За мной наблюдали. Я не могла даже подойти к тебе, чтобы сказать об этом.

– Ничего страшного, – отвечает он, тут же прощая меня. – Я принес тебе вот это.

Он неловко вручает мне цветы. Когда я беру их, задев рукой его пальцы, меня окружает облако сладкого аромата. Одним я украсила волосы, еще один прикрепила к верхней пуговице блузки.

– Пройдешься со мной? – Люк начинает идти в другую сторону, но я стою как вкопанная. Не иду за ним. Он оборачивается. – Не хочешь?

– Твой отец, – говорю я.

На его лице появляется понимание.

– Что такое?

– Он же мэр. Почему ты не сказал мне? – спрашиваю я.

– Потому что об этом не заходил разговор, – ответил он смущенно.

– Как так, не заходил разговор? – спрашиваю я. – Ты ведь его сын.

– Ты, конечно, права, – признает он голосом, полным раскаяния. – Я должен был сказать об этом, и я бы сказал, если бы встретился с тобой еще раз. Думаю, я просто надеялся, что это не важно. – Или потому что он знал, что это будет очень важно. – Это так? – спрашивает он. – Это важно?

Не зная, как лучше ответить, я напряженно думаю. Мне не важно, что его отец – мэр, во всяком случае, в той же мере, в какой это беспокоит Астрид или других. Но если его отец симпатизирует нацистам, что же насчет Люка? Он кажется слишком хорошим, чтобы быть коллаборационистом.

Люк смотрит на меня обеспокоенно, как будто он очень переживает, что я ему отвечу.

– Думаю, нет, – уступаю я. – Но было бы лучше, если бы я знала с самого начала. – Почему-то мне гораздо важнее сам факт, что он ничего не сказал. Но у меня тоже есть свои секреты, как я могу судить кого-либо за это?

– Больше никаких секретов, я обещаю.

Я задерживаю дыхание. Не могу пообещать ему того же. Но он протягивает мне свою руку.

– Теперь-то мы можем прогуляться?

Я с беспокойством оглядываюсь. «Я не должна идти с ним», – думаю я, вспоминая предупреждение Астрид о том, что если я с ним сблизусь, это может навлечь на нас беду. А еще я хочу поскорее вернуться к Тео.

– Да я ведь одета в тренировочную форму, – говорю я, ощущая, как трико, все еще влажное, липнет к коже.

Люк улыбается.

– Тогда мы не будем ходить далеко.

– Хорошо, – сдаюсь я. Несмотря на все сомнения, он вызывает во мне любопытство, а еще мне хочется хоть на миг сбежать от хаоса и бурного течения жизни в цирке.

Он ведет меня к лесу, по той же тропинке, которую Астрид показала мне в день, когда я ходила в город. Я стараюсь идти быстрее, чтобы нас не заметили. Бросаю взгляд назад, в сторону поезда, думаю о том, что Астрид сейчас укладывает Тео спать. Я не хочу напрягать ее, и в итоге у меня совсем не будет возможности повидать Тео.

– Боюсь, у меня есть всего несколько минут.

– Остальные тоже не хотят, чтобы я сюда приходил, да? – спрашивает он.

– Все не так. – Правда в том, что они думают, что он каким-то образом приносит несчастье. И эта причина кажется притянутой за уши и может его ранить. – Они просто немного нервничают из-за чужачков. Думаю, в нынешнее время это нормальное поведение.

– Я не хочу, чтобы у тебя были проблемы, – говорит он. – Возможно, мне лучше держаться от тебя подальше.

– Нет, – отвечаю я резко. – Вообще-то я могу принимать решения самостоятельно.

– Тогда пойдем, – говорит он. В тишине мы идем через просеку в маленькой рожице. Вскоре мы доходим до дальнего ее края. Идем вдоль ручья, в этот раз в противоположную сторону от города, который мелькает позади нас, смотрит, как будто неодобрительно. Я хотела побыть с Люком наедине, но теперь, когда мы вдвоем, мне неловко, практически некомфортно.

Он останавливается и садится на выступ над рекой, который уходит в обрыв, расчищает его от камышей и прилаживает местечко для меня. Я плюхаюсь на влажную землю, ощущая, что теперь, когда

солнце, опускаясь вниз, спряталось за дальними холмами, воздух становится холоднее.

– Я принес тебе это.

Он достает из кармана апельсин.

Я не видела такого чудесного фрукта с самого начала войны.

– Спасибо тебе, – с благодарностью говорю я. Как он его заполучил? Благодаря должности своего отца, из-за которого страдают другие. Я возвращаю ему этот запретный плод. – Но я не могу принять его.

Когда я передаю ему апельсин, то замечаю, что его указательный палец изогнут под неестественным углом, поврежден. Он, погрузнев, кладет апельсин обратно в карман. Затем он достает что-то другое, завернутое в коричневую бумагу.

– Тогда возьми это. Я купил это по своей карточке, правда.

Я открываю сверток, и там, между двумя ломтиками черного хлеба, лежит кусочек твердого кантальского сыра. Я не знаю, как быть. Отказываться от еды для себя – это одно, а вот от того, что можно дать Тео – совсем другое.

– Спасибо, – говорю я, тронутая его щедростью и альтруизмом, проявленным ко мне, незнакомке. Я заворачиваю еду обратно и кладу к себе в карман.

Нас прерывает звук, раздавшийся позади, грохот грузовика, едущего по дороге, становится все громче. Я спешно встаю, не хочу, чтобы меня увидели.

– Мне надо идти, – говорю я, приходя в панику от мысли о вопросах, которые возникнут, если меня увидят с Люком.

Но он берет меня за руку, останавливая.

– Пойдем.

Он быстро тащит меня обратно в лес по тропинке, которая ведет в другую сторону. Добравшись до расчищенного участка леса, мы замедляемся, и он осматривается.

– Все чисто, – говорит он.

Однако мое сердце продолжает быстро стучать, и я вспоминаю обо всех причинах, по которым я должна держаться от него подальше.

– Те полицейские, которые приходили на представление, чтобы арестовать мужчину и ту девочку... Они работают на твоего отца, не так ли?

– Да. – Он опускает голову. – Мне так жаль. Я и понятия не имел, что это произойдет. Уверен, это был приказ откуда-то сверху. У него, скорее всего, не было выбора.

– Выбор всегда есть.

Он опустил глаза, пытаясь не встречаться со мной взглядом.

– Если ты не хочешь видеть меня сейчас из-за всего, что случилось, я пойму.

– Да нет же, все не так, – отвечаю я, быстрее, чем нужно.

– Тогда пойдем.

Он снова берет меня за руку и продолжает идти, моим пальцам тепло от его прикосновения.

Вскоре лес заканчивается, и посреди широкого поля, на фоне сумеречного неба, вырисовывается силуэт амбара.

– Люк, подожди... – говорю я с тревогой, когда мы приближаемся к двери амбара. Одно дело просто прогуляться вместе. Но идти с ним внутрь амбара – это что-то другое, слишком серьезный шаг.

– Я должна возвращаться, – говорю я. Представляю лицо Астрид, которая, зная, с кем я ушла, с раздражением смотрит на часы.

– Мы зайдем всего на несколько минут, чтобы скрыться из виду, – уговаривает он.

Деревянная дверь скрипит, когда Люк открывает ее. Он делает шаг вбок, предлагая мне войти первой. Внутри амбара пусто, воздух плотно наполнен запахом подгнившего дерева и влажного сена.

– Как ты нашел это место? – спрашиваю я.

– Оно находится на границе владений моей семьи. Не волнуйся, – добавляет он, увидев мое встревоженное выражение лица. – Никто, кроме меня, сюда больше не ходит.

Он показывает вверх, на чердак.

– Там нас никто не найдет.

Я с сомнением смотрю вверх, внезапно осознавая, что нас здесь только двое, мы далеко от цирка и от любого другого людного места.

– Ну, не знаю...

– Мы же просто общаемся, – говорит он испытывающе. – Что в этом плохого?

Люк забирается вверх на чердак и помогает забраться мне, когда он касается моего запястья, я замечаю, что у него влажные пальцы. Это маленькая прямоугольная комнатка, примерно два на три метра,

стены совсем близко расположены к покатым сторонам крыши амбара. Грубые деревянные доски покрыты сеном, которое щекочет мне ноги под юбкой. Люк отодвигает деревянную панель окна, всю в щелях, открывая вид на холмы, ведущие к деревне, разноцветные лоскуты полей, прерываемые мшистыми крышами ферм. В одном из окон блестит свет, но вскоре в нем задвигают плотные шторы, свет гаснет, как свечка. Здесь так тихо и мирно, и природа так девственно чиста, что на миг почти удается забыть о войне.

Люк показывает пальцем на маленький шпиль на горизонте, силуэт которого хорошо виден на фоне заходящего солнца.

– Вон туда я ходил в école^[31], – говорит он, и я улыбаюсь, представляя его в детстве. Он прожил здесь, в этой деревне, всю свою жизнь. Со мной было бы так же, если бы все сложилось иначе. Он продолжает: – У меня две старшие сестры, обе замужем и живут в городах неподалеку. Бабушка и дедушка тоже жили с нами, когда я был ребенком. В нашем доме всегда было столько смеха и шума. – В его голосе слышно, как он тоскует по тем временам, и становится очевидно, что они давно в прошлом.

Он опускает руку под кучу сена и достает наполовину пустую бутылку из темного стекла.

– Немного шабли из погреба моего отца, – говорит он, хитро улыбаясь. Люк передает бутылку мне, и я делаю плоток. Хотя я ничего не понимаю в вине, это явно хорошо выдержанное, вкус у него многогранный, пряный и глубокий.

В углу, где он прятал вино, я замечаю кое-что еще, прикрытое сеном. Поддавшись любопытству, я подбираюсь ближе. Это толстая палитра и набор красок.

– Ты художник, – замечаю я.

Он смеется, обнимая руками колени.

– Громко сказано. Я делаю зарисовки, когда удастся добыть бумагу. Рисую, хотя в последнее время совсем мало. Моя мать любила живопись и всегда брала меня с собой в галереи, когда мы ездили на каникулы. Когда-то я мечтал поехать в Париж и учиться в Сорбонне. – Его взгляд оживляется, когда он говорит об искусстве и о детстве.

– Это далеко? Париж, я имею в виду.

Мне неловко за то, что я так плохо знаю географию.

– Сейчас примерно четыре часа на поезде, если со всеми остановками. Я ездил туда с мамой в музей. Она любила искусство. – Теперь в его голосе печаль.

– Ты все еще живешь с родителями? – спрашиваю я.

– Только с отцом. Мама умерла, когда мне было одиннадцать.

– Прости, – говорю я. Хотя мои родители живы, его утрата как будто перекликается с моей, усиливая боль, которую я с таким усердием хоронила в себе. Я хочу коснуться его руки в знак утешения, но мне кажется, что я недостаточно хорошо его знаю, чтобы так сделать.

– Ты планируешь учиться искусству? – спрашиваю я тогда.

– Кажется, теперь это невозможно. – Он обводит пейзаж длинными узкими пальцами.

– Но ты все еще хочешь этого, – настаиваю я.

– Рисование сейчас так неуместно, легкомысленно, – отвечает он. – Я не знаю, что делать, я просто не хочу сидеть на месте. Папа хочет, чтобы я пошел в ЛФВ, но я не хочу сражаться на стороне немцев. Он говорит, что будет нехорошо, если сын мэра не вступит в легион, до последнего времени мне удавалось оттягивать это. Я бы сбежал, но не хочу оставлять папу одного.

– Должен быть какой-то другой способ, – предлагаю я, хотя не уверена, что сама в это верю.

– Это все чертова война, – говорит он, и его голос дрожит от злости. Я удивлена, услышав, как он выругался. – Все перевернулось с ног на голову. – Он отворачивается. – То, что произошло на представлении, с тем мужчиной и девочкой – это уже не в первый раз. В Тьере были еврейские семьи, которые жили здесь сколько я себя помню. Они жили на восточной стороне города, сразу за рынком. Один из них, мальчик по имени Марсель, был моим другом в école.

– Твой отец... Это он приказывает полиции совершать облавы? – спрашиваю я.

– Нет! – резко говорит он, но потом быстро приходит в себя. – Мой отец следует приказам. Ему приходится делать вид, что он поддерживает правительство, чтобы защитить город.

– И защитить себя, – бросаю я, не в силах сдержаться. – Как ты это терпишь?

– Нет, он, правда, не такой, – продолжает Люк уже спокойнее, но в его голосе слышна мольба. – До смерти моей матери папа был другим. Однажды он дал одной семье дом и не брал с них платы целый год. – Люку нужно верить, что его отец – хороший человек, и он просит меня, чтобы я тоже в это поверила. Я делала так же. После того, как мой собственный отец вышвырнул меня из дома, я продолжала вспоминать те времена, как мы вдвоем ходили в город по утрам за свежим хлебом, как он насвистывал что-то по пути. Покупал мне еще один круассан. Однако когда он меня прогнал, я была все той же. Что же изменилось?

Люк продолжает:

– Я умолял отца помочь хотя бы семье Марсея. Но он сказал, что ничего нельзя сделать. – Его слова льются как водопад, как будто до этого самого момента он не мог поделиться всем, что видел.

– Тяжело, когда люди, которых мы любим, совершают ужасные поступки, – замечаю я.

Затем мы сидим в тишине вдвоем, небо уже потемнело, на чердаке тоже становится все темнее. Я замечаю, что у него сильная квадратная челюсть, на лице пробивается легкая щетина, выросшая за день.

– Откуда ты родом? – спрашивает он, меняя тему.

Я поежилась, чувствуя себя беспокойно. До сих пор мне удавалось почти не рассказывать о себе.

– В Голландии, на побережье. Наша деревня была так близко к морю, что можно было дойти до конца главной дороги и поймать там себе что-нибудь на ужин.

Так странно говорить о жизни, которую я потеряла. Я хочу рассказать ему все, о том, как мои родители выставили меня за дверь, как я нашла Тео. Но, конечно же, я не могу.

– Почему ты уехала? – внезапно спрашивает Люк.

Сколько бы раз мне ни задали этот вопрос, я все еще не готова на него ответить честно.

– Мой отец был очень жестоким, поэтому, когда моя мать умерла, я взяла брата и сбежала, – говорю я, повторяя выдумку, ставшую привычной. Я не готова рассказывать ему правду.

– Тебе, наверное, тяжело было лишиться матери, – говорит он, пронзительно глядя мне в глаза. Я ненавижу себя за то, что соврала ему. Но сейчас, хоть моя мать и не умерла, боль утраты сильнее и

явственнее, чем когда-либо. – А потом ты присоединилась к цирку? – спрашивает он.

– Да. Всего несколько месяцев назад. – Я молюсь о том, чтобы он не спрашивал меня о времени между этими двумя событиями.

– Удивительно, что ты научилась всем этим трюкам так быстро. – Его голос полон восхищения и удивления.

– Меня тренировала Астрид, – сказала я.

– Та злая старая женщина? – Я еле сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться, услышав его описание Астрид.

И в то же время я хочу защитить ее от критики, он ведь ее совсем не знает.

– Она невероятная, – говорю я.

– Она не выступала, – замечает Люк, но я не отвечаю. Я не могу рассказать ему полную историю, объяснить, почему Астрид злится на меня, сохранив тайну о том, что она еврейка.

– Возможно, она завидует тому, что ты выступаешь, а она нет, – замахнулся Люк.

Я смеюсь в голос.

– Астрид? Завидует мне? Это невозможно.

Астрид талантлива, известна, влиятельна. Но потом я смотрю на себя ее глазами: я моложе ее, у меня есть ребенок, в то время как ей судьба не принесла такого подарка, да еще и выступаю, в то время как она не может. Возможно, эта мысль не такая уж нелепая.

– Все не так, – добавляю я. – Астрид – известная гимнастка. Она просто очень жесткая. Петр говорит, что она сама для себя опасна, – добавляю я.

– Петр – это тот клоун? – спрашивает Люк.

Я киваю.

– Они с Астрид вместе.

– Я ему явно не понравился, – говорит Люк с легкой улыбкой.

– Он очень хочет защитить Астрид, – объясняю я. – А она думает, что они просто хорошая компания друг для друга, но не видит глубину его чувств.

Он пристально смотрит на меня.

– Могу себе представить.

Я увожу взгляд в сторону, чувствуя, как краснею.

– Ты так и не сказал, что ты думаешь о представлении... – Я готовлюсь к критике, которая наверняка больно ударит по мне.

– Ты была такая красивая, – говорит он, и я краснею. – Удивительная. – На секунду он замолкает, а затем добавляет: – Только мне было грустно за тебя.

– Грустно?

Мою радость как рукой сняло.

– Тебя это не напрягает? – спрашивает он. – Все эти люди, которые смотрят на тебя, я о них. – У него обеспокоенный голос. Но в нем слышна и жалость. – Ты ведь не обязана это делать, ты знаешь, – добавляет он.

Я не могу объяснить, что под лучами прожекторов я другой человек. Так или иначе, как он смеет судить нас?

– Я нашла то, что у меня хорошо получается, – говорю я в свою защиту, сложив руки на поясе. – С помощью чего я могу позаботиться о себе и Тео. Но ты вряд ли это поймешь.

Внезапно мне стало невыносимо находиться с ним наедине, чувствовать всю эту ложь между нами.

– Я должна идти, – быстро говорю я и встаю так резко, что теряю равновесие, едва не свалившись с чердака.

– Стой.

Люк хватается меня за ногу, чтобы удержать меня, тепло его руки греет меня через ткань платья. Я смотрю вниз. Хотя здесь не так высоко, как на трапедии, сетки внизу нет, и меня сковал страх. Что я здесь делаю?

Люк снова притягивает меня вниз к сену, теперь я совсем близко к нему. Он кладет руку на мою щеку.

– Ноа, – нежно говорит он. Наши лица находятся на расстоянии нескольких сантиметров друг от друга, его теплое дыхание касается моей верхней губы. Я ничего не понимаю. Я ему нравлюсь, теперь я это осознаю. Я не могу отодвинуться.

Люк целует меня. На секунду я напрягаюсь. Я должна была сказать ему нет, на это была целая дюжина причин: это нагло, самоуверенно и слишком быстро. Астрид сказала бы, что я вообще не должна была оказаться здесь с ним. Но у него мягкие губы, сладкие от вина. Теплые пальцы поддерживают мою щеку, и я как будто бы отрываюсь от земли. Наше дыхание перемешивается. Вдруг я снова

становлюсь юной беззаботной девушкой. Приближаюсь к нему, уверенно отбрасывая прошлое в сторону, падая в его объятия.

Когда Люк отстраняется, ему не хватает воздуха, и я думаю, не было ли это его первым настоящим поцелуем. Он снова тянется ко мне, желая большего. Но я кладу ему руку на грудь, останавливая его.

– Почему я? – спрашиваю я напрямую.

– Ты другая, Ноа. Я жил в этой деревне всю свою жизнь, с одними и теми же людьми. С одними и теми же девушками. Благодаря тебе я вижу мир в новом свете.

– Мы не пробудем здесь долго, – возражаю я. – Скоро нам нужно будет двигаться дальше. В другой город. – Как бы ни была велика наша симпатия друг к другу, я уезжаю, и с этим ничего не поделаешь. У нас есть только здесь и сейчас. Я не хочу уходить, – выпалила я, мне неловко от того, что у меня зашипало в глазах. Я так много успела потерять: родителей, ребенка. Люк, парень, которого я едва знаю, не должен иметь для меня никакого значения.

– Ты не должна уезжать, – говорит он, притягивая меня ближе. – Мы можем сбежать вместе.

Я поднимаю голову: я, должно быть, ослышалась?

– Это сумасшествие. Мы только что встретились.

Он уверенно кивает.

– Ты хочешь сбежать. Я тоже. Мы можем помочь друг другу.

– И куда мы поедем?

– На юг Франции, – отвечает он. – В Ниццу, возможно, или в Марсель.

Я качаю головой, вспоминая рассказ Астрид о ее семье и о том, как они не смогли сбежать от Рейха.

– Этого недостаточно. Нам придется идти дальше, через Пиренеи, к Испании. – «Нам». Я прерываюсь, услышав слово, которое неосознанно сорвалось у меня с языка. – Конечно же, это невозможно. – Дивная сказка, я бы могла рассказать ее Тео на ночь. Дети часто выдумывают небылицы. Я с самого начала планировала взять Тео и уйти. Но теперь мне трудно это представить. – Я должна ехать с цирком в следующий город. Я им многим обязана.

– Я найду тебя, – храбро обещает он, как будто мили и границы не имеют значения.

– Ты ведь даже не знаешь, куда мы поедем, – возражаю я.

Вдали бьет колокол церкви. Я с тревогой слушаю удары. Девять. Как так, почему уже так поздно?

– Мне надо идти, – говорю я, с неохотой отодвигаясь от Люка.

Он идет вниз по лестнице вслед за мной, а потом из амбара. Никто из нас не говорит ни слова, когда мы идем обратно по лесу. Комендантский час уже начался, и в городе вдали уже тихо, закрыты все окна и двери. Я останавливаюсь на краю территории цирка, прямо за поездом. Я не хочу, чтобы кто-то видел меня с Люком так поздно ночью.

– Отсюда я должна идти одна.

– Когда я снова увижу тебя? – настаивает он.

– Я не знаю, – говорю я, и на его лице отражается огорчение. – Я хочу, – добавляю я поспешно. – Просто отсюда так трудно выбраться.

– У нас совсем мало времени. Ты сможешь встретиться со мной завтрашней ночью, после представления?

– Может быть, – говорю я. Я не уверена, что мне это удастся. – Я постараюсь. Но если я не смогу... – Если бы только был способ передавать записки... У меня нет способа связаться с ним. Оглядываю территорию и думаю.

Мой взгляд останавливается на хвосте поезда. У каждого вагона есть коробка под днищем, вспоминаю я. Ящик внизу. В некоторых рабочие хранят свои инструменты. Я залезаю в один из таких ящиков из-под спального вагона. Он пуст.

– Смотри, – говорю я. – Если я не смогу улизнуть, я оставлю тебе сообщение. – Тайный почтовый ящик, о котором никто не знает.

– Тогда до завтра.

Он решительно целует меня, а потом крадется прочь, аккуратно оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что никто за нами не смотрит.

Я бегу обратно в лагерь, задыхаясь. С Люком я почувствовала такое волнение, какого никогда не чувствовала прежде. С тем солдатом такого не было. Теперь я понимаю, что немец воспользовался мной, забрал кусочек моей юности, который мне теперь никогда не восполнить. Однако с Люком кажется, что прошлое – это лишь дурной сон, которого никогда и не было. Как это возможно?

Я не понимала, как Астрид может полюбить снова после того, как ее муж выставил ее вон. Теперь мне кажется, что и у меня может быть второй шанс. Вдруг мне кажется, что все, что случилось со мной, произошло не зря. Раньше я думала, как бы все было, если бы этот немец не пришел ко мне. Но если бы этого не случилось, я бы никогда не нашла Тео, не пришла бы сюда, не встретила бы Люка.

Как бы я хотела поговорить с Астрид об этом. В те редкие моменты, когда она добра ко мне, она мне практически как старшая сестра, и я знаю, что она сможет помочь мне разобраться во всем. Но она, конечно, никогда не сможет разглядеть, какой Люк на самом деле, из-за его отца.

Когда я прихожу к двери поезда, появляется Эльси. У нее бледное лицо, искаженное беспокойством.

– Слава богу, ты здесь. – Я все еще злюсь на нее за то, что из-за нее ребенок оказался слишком близко к животным, поэтому оттолкнув ее, прохожу в вагон. Но там, где обычно лежит Тео, его нет. Астрид тоже.

У меня стынет кровь в жилах.

– Что такое? Что случилось?

– Тео. Ему плохо, ему нужна помощь.

Глава 15

Ноа

Эльси идет через весь поезд, я, не отставая, за ней.

– Что случилось? – спрашиваю я.

Она останавливается у двери вагона, расположенного совсем близко к началу поезда, где я никогда не бывала. Вагон для больных, так его называют. В нем заботятся о больных и не дают болезням распространиться дальше, как объясняла мне Астрид. Воздух здесь пахнет медикаментами. Изнутри доносятся кашель и стоны. Тео может подхватить здесь что-нибудь похуже, чем то, из-за чего он попал сюда. Через все остальные звуки прорывается его крик. Я иду вперед.

– Ему нельзя там находиться. Я заберу его с собой.

Робкая Эльси меня не остановит.

Но тут перед нами появляется Берта, женщина, ответственная за больничную палату, перекрывая мне дорогу своим необозримым телом.

– Сюда нельзя, – сообщает она.

– Тео болеет, – возражаю я. – Я нужна ему.

– Это правило герра Нойхоффа, здоровым нельзя заходить в лазарет.

Вирусы распространяются по лагерю, как лесной пожар: дизентерия, грипп. Эпидемия сильного гриппа – и целое представление может быть сорвано.

Я заглядываю за ее плечо. Тео лежит на одной из коек, маленький и одинокий, он обложен одеялом, свернутым в рулон, чтобы не упал.

– Как он?

Берта обеспокоенно хмурится.

– Сильный жар, – говорит она, не пытаясь скрыть правду от меня. – Мы делаем все, чтобы сбить его, но с детьми всегда сложно.

У меня скручивает желудок.

– Пожалуйста, позвольте мне помочь.

Она твердо качает головой.

– Ты здесь ничем не поможешь.

Она закрывает дверь.

«Астрид!» – думаю я, пока бегу обратно в спальный вагон. Но ее койка все так же аккуратно заправлена, она сюда не приходила. Отчаявшись, я выбегаю из вагона в сторону дома Петра, единственного места, где Астрид может быть в такой час. Уже почти десять, слишком поздно, чтобы заявиться туда без предупреждения. Я слишком взволнована, чтобы переживать за то, что разбужу их или оторву от какого-то иного занятия. Стучу в дверь. Через минуту в дверях появляется Астрид в ночной рубашке. С тех пор, как мы выехали в тур, это первый раз, когда она ночует с Петром. Глядя на ее взъерошенные волосы, я испытываю ярость: я оставила Тео с ней, как она посмела отдать его кому-то другому?

Но я не могу рисковать, нельзя ее злить.

– Помоги мне, – умоляю я. – Тео. Он болен.

Астрид смотрит на меня холодными пустыми глазами, затем закрывает дверь прямо перед моим носом. У меня замирает сердце. Даже если она ненавидит меня, она бы не отказала в помощи Тео. Но она появляется снова, переодетая, и идет к поезду. Я пытаюсь успевать за ней.

– С ним все было в порядке, когда я уложила его спать чуть раньше, – сказала Астрид. – Эльси присматривала за ним, а ты сказала, что скоро вернешься. – Она говорит это с укором. – Как долго он болеет?

– Я не знаю. Они не пускают меня к нему. – Вслед за ней я поднимаюсь в поезд.

Перед входом в лазарет она поворачивается, подняв руку вверх.

– Подожди здесь, – велит она.

– Я нужна Тео, – говорю я, хватая ее за руку.

Она стряхивает с себя мою руку.

– Если ты заболеешь, ты ему уже ничем не поможешь.

– А как же ты? – напираю я.

– Я хотя бы не выступаю, – отвечает она. – Но если заболеешь ты, номер будет сорван.

Все о представлении, речь всегда только о представлении. Для меня это сейчас не важно. Я просто хочу увидеть Тео.

– Нет времени спорить, – говорит Астрид. – Я скоро вернусь.

Астрид закрывает дверь, и я жду ее снаружи, слушая, как плачет Тео. Меня сковывает чувство вины. Как я могла оставить его? Час назад я была с Люком, втайне радуясь тому, что ненадолго избавлена от необходимости следить за ребенком. Я не имела этого в виду, честно. Я знаю, что это невозможно, но в глубине души я переживаю: не могла ли сама эта мысль навлечь на него беду?

В тамбуре между двумя вагонами, где оставила меня Астрид, есть тусклое окошко, я выплядываю из него в сторону деревни. У нас нет врачей, и все лекарства, что у нас есть, – это средства народной медицины, которые Берта хранит в своей сумке. Я бы попросила Люка помочь, если бы знала, что это сработает. Но мы не можем рисковать, Тео нельзя брать в город из-за вопросов, которые возникнут: кто он, откуда он. И, конечно же, кто-нибудь догадается о том, какие секреты мы храним, увидев, что он обрезан.

Вдруг рыдания внутри лазарета затихают. Сперва я чувствую облегчение от мысли, что Тео успокоился, но потом я переживаю: что-то пошло не так. Резко открываю дверь, не думая о правилах. Мое сердце останавливается. Тео одеревенел, руки и ноги резко дергаются.

– Что случилось? – кричу я.

– Я не знаю, – говорит Астрид, она очень испугана, я ее такой никогда еще не видела.

К нам прибегает Берта.

– Фебрильная судорога, – говорит она, затем поворачивается ко мне. – Его нужно искупать в холодной воде. Неси скорее воду.

Я стою на месте, не двигаясь, я не хочу покидать Тео даже на секунду.

– Быстро! – рявкает она.

Я выбегаю из поезда и наполняю первое попавшееся ведро из насоса. Вода выливается с боков, так что, когда я возвращаюсь к лазарету, остается только половина ведра. Астрид берет его у меня, стоя в дверях, и выливает воду в большую фарфоровую миску, которая служит также и детской ванночкой.

– Еще! – кричит Берта.

Когда я возвращаюсь во второй раз, я вижу, как она наливает чашку прозрачной жидкости в миску.

– Уксус, – поясняет она.

Я иду к Тео, но Астрид выставляет руку, не давая мне пройти.

– Тебе сюда нельзя.

Я пытаюсь протолкнуться мимо нее.

– Я должна увидеть его. Если что-то произойдет... – Я не могу закончить мысль. Я как будто снова в женском приюте и моего ребенка выдирают у меня из рук.

Астрид забирает Тео у Берты. Глядя на обеспокоенное выражение лица Астрид и то, с какой нежностью она его держит, я понимаю, что она любит его так же, как и я. И все же мне так хочется, чтобы это я держала его на руках. Астрид опускает Тео в ванну. Я задерживаю дыхание, надеясь, что он начнет ерзать от холодной воды, как обычно. Он остается неподвижным, но его тело, кажется, немного расслабляется в воде.

– Теперь я вспоминаю, – говорит Астрид, не сводя глаз с Тео. – Это точно фебрильная судорога. Пару лет назад такое было с одним из наших детей.

– Судорога? – повторяю я. – Звучит опасно.

– Сама судорога выглядит гораздо страшнее, чем она есть на самом деле, – вставляет Берта. – Но проблема в жаре. Мы должны сбить его. – Ее голос звучит мрачно.

Через пару минут Астрид забирает Тео из ванночки, вытирает его и одевает обратно в его ползунки, потому что у нас нет для него другой одежды. Теперь его глаза открыты, и он выглядит спокойнее. Астрид трогает его лоб и хмурится.

– Он все еще слишком горячий.

Берта достает из сумки пакетик.

– Я купила это в аптеке, перед тем как мы выехали из Дармштадта. Сказали, это помогает от жара.

– Оно рассчитано на взрослого или на ребенка? – спрашиваю я. Слишком большое количество лекарства может быть опасно, даже смертельно.

– Для взрослого, – отвечает Берта. – Но если мы дадим ему меньшую дозу... У нас нет выбора.

Насыпав немного порошка в ложку, она добавляет в нее воды, затем сует ложку Тео в рот. Он давится и отрыгивает жидкость, не желая плотать ее. Астрид вытирает его лицо и одежду тряпкой, хотела бы я сама это сделать.

– Нужно дать ему еще? – спрашиваю я.

Астрид качает головой.

– Мы не знаем, сколько он успел проплотить. И не узнаем, пока не пройдет несколько часов, если оно подействует.

– Та гадалка, Дрина, говорила что-то о болезни, – вдруг вспоминаю я. Как она узнала?

Я ожидаю, что Астрид подшутит надо мной за то, что я послушала гадалку.

– Я решила, что не хочу, чтобы кто-то предсказывал мое будущее, – мрачно говорит она.

– Потому что не веришь, что это правда?

– Потому что бывают вещи, о которых просто не хочешь ничего знать.

Берта подходит ближе и осматривает Тео.

– Теперь ему просто нужно отдохнуть. Давайте надеяться, что лекарство подействует. – А что, интересно, будет, если оно не подействует? Я не решаюсь спросить.

Берта подходит к койкам в дальней стороне вагона, где лежат еще два пациента. Разобравшись с ними, она гасит свет и укладывается на пустую кровать, такая толстая, что заполняет собой и часть прохода.

Астрид сидит на одной из коек, укачивая Тео. Я смотрю на нее с порога, и у меня тянет в руках от желания взять его.

– Он любит быть на руках.

– Знаю.

Астрид проводила с ним почти столько же времени, что и я. Она знает, что делать. Но меня убивает то, что я не могу подержать его.

– Я буду присматривать за ним всю ночь, обещаю. Но ты должна пойти спать. Ты будешь нужна ему, когда его состояние улучшится.

– Как ты думаешь, он будет в порядке? – спрашиваю я с надеждой и облегчением.

– Да, – отвечает она, уже более уверенно.

Однако я никак не могу уйти от него. Я сажусь на холодный замызганный пол вагона.

– Красивые цветы, – замечает Астрид. Я уже и забыла о нарциссах у меня в волосах и на блузке. – От сына мэра, верно? – Я не отвечаю. – Чего он вообще хотел?

– Просто поговорить, – отвечаю я.

– Правда? – голос Астрид полон скепсиса.

– Наверное, я просто ему нравлюсь, – возражаю я, чувствуя что-то между обидой и раздражением. – Так трудно в это поверить?

– Романы запрещены, думаю, ты знаешь об этом.

«Тогда вам с Петром тоже нельзя быть вместе», – хочется сказать мне.

– Его отец – коллаборационист, да ради бога! – Она повышает голос, от чего Берта в дальнем конце поезда начинает ворочаться.

– Люк не такой, – возражаю я.

– А его отец, он какой? – многозначительно спрашивает она.

– Люк говорит, что его отцу приходится содействовать немцам, чтобы защитить город. – Я слышу неуверенность в собственном голосе. – Чтобы остановить немцев, не дать им натворить худших бед.

– Остановить? – выплевывает она. – Их не остановить. Тебя что, ничему не научил тот случай во время представления? Мэр спасает собственную шкуру ценой своих людей, вот и все.

Несколько минут между нами стоит тишина.

– Что, хочешь встречаться с этим парнем? – спрашивает она. – Выйти за него замуж?

– Нет, конечно же, нет, – поспешно возражаю я. Я не думала о чем-то большем, после того поцелуя. Но теперь я задаюсь вопросом: почему хотеть чего-то столь обычного – это плохо? Астрид однажды поступила так же, а теперь она считает, что это предательство.

– Я знаю, что тебе он нравится, Ноа, – продолжает она. – Но ты не должна доверять ему или позволить обмануть себя. – По тому, как она это говорит, я понимаю, что она думает, что я невинна и наивна. – Никогда не позволяй себе думать, что знаешь, что у другого на уме. Я себе не позволяю.

– Даже насчет Петра? – спрашиваю я.

– Особенно насчет него, – резко говорит она. Она прочищает горло. – Эта нелепая ситуация, с тобой и этим мальчиком, конечно же, закончится, когда мы уедем, пары дней не пройдет. – Обещание Люка о том, что он найдет меня в следующем городе, кажется слишком глупым, чтобы рассказывать о нем Астрид. – Ни один мужчина не стоит всего мира, – добавляет она.

– Я знаю, – говорю я, смутные воспоминания о немце становятся ярче и значительнее. Он забрал у меня все, мою честь, мою семью.

Конечно, Астрид не знает об этом. Моя вина идет за мной по пятам, как тень. Астрид так много дала нам. А я по-прежнему пытаюсь поддерживать ложь, которую сказала, когда только оказалась в цирке и не знала, могу ли ей доверять.

Астрид ложится обратно на койку, держа Тео в своих руках. Никто из нас не продолжает разговор. Пол вагона холодный и жесткий, но мне не хочется двигаться. Тени между нами становятся все длиннее. Я откидываю голову назад и закрываю глаза. Мне снится сон о том, что я в темноте где-то снаружи, мороз такой же жестокий, как в ту ночь, когда я взяла Тео и сбежала. На этот раз он уже не младенец, а двухлетний карапуз, старше и тяжелее. Земля у меня под ногами покрыта льдом, и резкие порывы ветра бьют в лицо с каждым шагом. На земле лежит узелок, темное пятно на белом фоне. Я останавливаюсь, чтобы посмотреть, что это. Еще один ребенок. Я беру его на руки, но в этот момент Тео падает у меня из рук. Я отчаянно роюсь в снегу, пытаюсь найти его. Но его нигде нет.

Я просыпаюсь в поту, проклиная себя за то, что заснула. Астрид сидит на койке, она не спит, но смотрит в окно, куда-то вдаль. Небо приобрело светло-серый оттенок, значит, скоро рассвет. Она все еще держит Тео на руках, он лежит совершенно спокойно. Я подсакиваю, подхожу ближе, ожидая, что Астрид начнет ругаться, но она молчит.

– Жар спал, – говорит она. У Тео на коже немного появилась сыпь, но в целом он в порядке, его кожа стала прохладнее. От облегчения у меня защипало в глазах. Одеяло, которым его обернули, насквозь мокрое от пота. Он приоткрывает глаза и слабо улыбается мне.

– Тебе надо быть осторожнее, чтобы не заболеть, – предупреждает Астрид, и я съеживаюсь, думая, что она снова меня выгонит. Но она просто уходит в другой конец вагона, держа Тео на руках. Я еле сдерживаюсь, чтобы не пойти за ней, а она переговаривается с Бертой, которая уже проснулась и кормит одного из пациентов. Через минуту она возвращается с детской бутылочкой.

– Давай посмотрим, сможем ли мы его напоить.

Он вяло пьет из бутылочки, затем снова засыпает.

Астрид подходит ко мне, чтобы положить куда-то бутылочку. Внезапно она резко бледнеет, сгибается пополам, кажется, ей становится плохо.

– Держи, – говорит она и, забыв о собственном предостережении, передает Тео мне. Я благодарно прижимаю его, теплого, к себе. Астрид бессильно падает на одну из коек.

– Тебе нехорошо? – Я молю, лишь бы она не подхватила вирус от Тео.

– Нет. – Она говорит это уверенно. Но на ее лбу и верхней губе проступил пот.

– Тогда что с тобой?.. – Меня охватывает беспокойство. В последнее время она казалась более уставшей, чем обычно, и стала такой резкой. Серый цвет ее лица мне что-то напоминает. – Астрид, неужели ты?.. – Я не решаюсь продолжить вопрос, боясь задеть ее, если я не права. – Ждешь ребенка? – спрашиваю я, но она не отвечает. – Это ведь так, да?

Ее глаза расширяются, когда она осознает, что я разгадала ее секрет. Ее рука невольно поднимается к животу, я узнаю этот жест, я тоже так делала.

– О! – восклицаю я, переносясь на год назад, когда я осознала, что у меня давно не было месячных, и за этим последовал определенный вывод. Ощущение, что это было вчера.

Могу ли я ее поздравить? Я продолжаю говорить, аккуратно, будто приближаясь к змее. Совсем недавно ребенок для меня был совсем не радостной новостью – это был тихий ужас. Я не знаю, что сейчас чувствует Астрид. Глядя на то, как она общается с Тео, я уже давно подозревала, что она хотела бы иметь ребенка. Но она старше меня, и она еврейка... Хочет ли она ребенка сейчас? Я пытаюсь найти на ее лице хоть какой-то знак, который подскажет нужную реакцию.

Ее лицо охвачено сомнением. Я так много хочу сказать ей, чтобы она почувствовала себя лучше. Подхожу ближе, приобнимаю ее.

– Ты будешь чудесной матерью. Ребенок – это дар.

– Все гораздо сложнее, – отвечает она. – Ребенок сейчас... Это все так тяжело.

– Я понимаю, – говорю я.

Она хмурится.

– Как ты можешь меня понять? То есть я знаю, ты заботаешься о Тео, но это ведь совсем другое.

Да, это другое, соглашаюсь я про себя. Я люблю Тео как родного, но то, что он у меня есть, никогда не заменит мне ощущение, которое

я испытывала, когда впервые держала на руках своего собственного ребенка. Но она об этом не знает. И она не сможет понять меня из-за этого секрета. Я должна сказать ей. Но как я могу? Это часть меня, но это заставит Астрид меня возненавидеть, она решит, что лучше со мной больше даже не общаться.

Необходимость рассказать ей обо всем разрастается во мне снова, ее становится трудно не замечать. Я не могу больше сдерживаться.

– Астрид, я должна рассказать тебе кое-что. Помнишь, я рассказывала о том, как я работала на вокзале?

Она кивает.

– Да, после того как ушла от семьи.

– Я тогда толком не объяснила, почему я должна была уйти.

– Ты сказала, что твой отец был жестоким человеком. – Она обеспокоена моими словами.

– Были и другие причины.

И тогда я рассказываю ей, как могу, все о солдате, о ребенке, которого я родила от него. Рассказываю все так, как должна была несколько месяцев назад, не пытаясь оправдаться.

Я заканчиваю свой рассказ и, затаив дыхание, жду, что Астрид скажет мне, что в этом нет ничего страшного. Но она молчит. Выражение ее лица предвещает бурю.

– Ты спала с нацистом, – мрачно говорит она. Хотя все это случилось так давно, еще до того, как мы с ней познакомились, мои действия кажутся ей предательством. Но ведь все было не так. Для меня любовь была только любовью (или тем, что я принимала за любовь), и я не понимала, что есть что-то большее. Я жду, что она начнет кричать на меня, спрашивая, как я могла так поступить. Теперь, оглядываясь на свое прошлое, я и сама не уверена. Но тогда все казалось таким естественным.

– Да, – говорю я. – Эрих тоже был нацистом, – добавляю я. Уже произнося эти слова, я понимаю, что совершаю ошибку.

– Это другое. – Ее глаза сверкнули. – Он был моим мужем. И это было раньше. – До того, как война изменила каждого человека, заставив нас выбирать сторону. – Ты забеременела. Поэтому твои родители выставили тебя за дверь.

– Да, у меня не было иного выхода, кроме как пойти в женский приют в Бенсхайме. Я думала, она мне помогут. А они отняли у меня

ребенка. – На последних словах я срываюсь, это первый раз, когда я хоть кому-то говорила об этом.

Она хмурится еще больше.

– Кто?

– Врач и медсестра в приюте. Сперва они сказали, что его возьмут в семью по Лебенсборнской программе, но у него были такие темные волосы и глаза... – Я умолкаю. – Я не знаю, куда они его отправили. Я хотела оставить его себе, но они не позволили. Когда-нибудь я отыщу его, – произношу я свое обещание. Я думаю, что она сейчас рассмеется, или подшутит над моей мечтой, или, по крайней мере, скажет, что это невозможно.

Но она хмуро кивает.

– Ты не должна терять надежды. У них должны остаться записи.

– Я хотела рассказать тебе об этом. – Но слишком боялась.

– А сын мэра, он знает об этом?

Я качаю головой.

– Никто не знает. Только ты.

Она пристально смотрит на меня. Между нами повисает тишина. Она прикажет мне покинуть цирк? Конечно, не самое подходящее для этого время: Тео пока слишком болен, а я без него не уйду.

– Злишься на меня? – спрашиваю я, наконец.

– Я хочу злиться. Но я не в том положении. Ты совершила ошибку, мы все совершаем ошибки. И очень дорого за нее заплатила. – Я чувствую облегчение, мои плечи опускаются. Она простила меня.

Но беспокойство вновь начинает бурлить во мне.

– И еще кое-что, – говорю я, увидев, как она напряглась. Как будто я собираюсь раскрыть еще один секрет, хуже предыдущего. – Ты ведь не скажешь остальным?

– Нет. Нельзя, чтобы они знали, – соглашается она. – Другие вряд ли будут такими же понимающими. Только давай больше без секретов.

Я благодарно киваю.

– Договорились.

– Но Ноа, – говорит Астрид, – ты должна перестать видеться с ним. Я понимаю ошибку, которую ты совершила в прошлом. Ты была молода и не могла ничего изменить. Но эта история с сыном мэра – это другое. Ты ведь сама наверняка видишь, какой опасности ты подвергаешь Тео и всех нас.

Я открываю рот, чтобы возразить. Я хочу снова сказать ей, что Люк совсем не похож на своего отца. Чужаки опасны. Так думает Астрид, так думают все остальные в цирке. Она простила мне ту ужасную правду о немце. Разлука с Люком – это цена, которую я заплачу за это.

Астрид внимательно смотрит на меня, ожидая ответа.

– Хорошо, – выдаю я в итоге. Я едва знаю Люка, но необходимость оборвать все контакты причиняет мне больше боли, чем должна.

– Обещаешь? – настаивает она, ей этого мало.

– Клянусь, – торжественно говорю я, хотя сама мысль о том, что я больше не смогу увидеть Люка, вызывает внутри боль.

– Хорошо, – говорит Астрид, теперь она, кажется, довольна. – Нам нужно возвращаться в спальный вагон.

– А что насчет Тео?

Она смотрит на Берту, та кивает.

– Теперь, когда жар спал, его можно забрать. – Астрид встает и идет в сторону нашего вагона. Вдруг она останавливается и оборачивается ко мне, у нее сокрушенное выражение лица.

– Мое тело... – с мукой произносит она, имея в виду беременность. – Если я больше не смогу летать... – Дело не в тщеславии. Выступить для нее – значит иметь возможность выжить, и она боится, что ребенок все изменит.

– Мое тело вернулось в норму сразу после того, как я родила. – Так странно говорить об этом так открыто, пусть я и могу сказать это только ей. – И у тебя будет так же. – Я беру ее за руку. – Пойдем, ты, должно быть, до смерти устала. Кстати, как давно ты знаешь об этом? – спрашиваю я, понизив голос, пока мы идем по темному пустынному коридору.

– Всего несколько дней. Прости, что не сказала раньше, – добавила она. Я киваю, стараясь не чувствовать себя задетой. – Просто мне было трудно принять это самой, куда уж там говорить кому-то.

– Я понимаю, – отвечаю я, действительно имея это в виду. – Петр знает?

Она кивает.

– Только он. Пожалуйста, никому не говори об этом, – умоляет она, доверив мне свой секрет, несмотря на то что ранее я ее секрет не сохранила. Я киваю. Я скорее умру, чем расскажу кому-то об этом.

– Носить ребенка, – говорит она, – это страшно.

– Какой у тебя срок? – Боюсь, я задаю ей слишком много вопросов, но не могу ничего с собой поделаться.

– Примерно два месяца.

Я считаю на пальцах.

– Мы уже будем на зимовке, и еще куча времени останется. – Она молчит, и по ее лицу пробегает замешательство. – Ты же возвращаешься, нет? – спрашиваю я.

– Петр не хочет, чтобы мы возвращались, – отвечает она. Я удивлена. Трудно представить Астрид и Петра где-то еще, кроме цирка. Люк тоже говорит, что хочет уехать, но конечно, сама мысль о том, чтобы уехать с юношей, которого я только что встретила, – это глупая мечта.

– Но я поеду обратно. Какие у меня могут быть варианты? Дармштадт был домом для моей семьи на протяжении столетий. – Кроме него и Берлина, она больше нигде не жила. – Но, знаешь, ты можешь уехать. Выбраться отсюда до того, как мы вернемся.

Я не знаю, что ответить. Я никогда не собиралась стать частью этой банды отщепенцев с их странным образом жизни. Уйти из цирка, сбежать вместе с Тео – такой была моя цель. Я не обязана оставаться, я не в тюрьме, я не беженка. Я могу просто поблагодарить герра Нойхоффа, взять Тео и уйти.

Но меня держит здесь не только то, что это место дает мне кров. Астрид заботится о нас. Она для меня более родной человек, чем мои собственные родители. И я чувствую себя частью цирка настолько сильно, что можно подумать, что я родилась здесь. Я не готова уходить, пока не готова.

– Нет, – отвечаю я. – Что бы сейчас ни случилось, я с тобой.

Во всяком случае, на данный момент.

Глава 16

Астрид

Ранним вечером воскресенья, когда мы стираем костюмы и готовимся к следующему дню, в поезде начинается суматоха. Герр Нойхофф объявил собрание, оно состоится через тридцать минут. Девушки вокруг меня нервно перешептываются. Что он хочет, что он должен сообщить нам? Я не присоединяюсь к их болтовне, но от тревоги у меня скручивает живот. Герр Нойхофф не из тех, кто любит большие собрания, он предпочитает беседовать с каждым артистом и работником лично, если это необходимо. Если в наше время происходит что-нибудь неожиданное – это точно не к добру.

Ноа берет Тео с койки и с беспокойством оглядывает его лицо. С той ночи, когда он заболел, прошла уже неделя. Жар не вернулся, и он выглядит настолько здоровым, кажется, что все это было лишь кошмарным сном.

Я иду к выходу из вагона, стараясь не смотреть на себя в зеркало, когда прохожу мимо него. Говорят, есть женщины, которые очаровательны во время беременности, и, возможно, это правда. Я никогда не видела красивых беременных. Женщины в цирке становились толстыми, как коровы, и сидели без дела, не в состоянии выступать. Их тела не возвращались к прежнему состоянию. Моя фигура изменилась незначительно, появился лишь небольшой животик, который можно рассмотреть, только если приглядеться. Но это дело времени.

Пусть я пока не выпяжу так уж ужасно, чувствую я себя отвратительно. Тошнота, которая началась в тот день на трапедии, стала сильнее, теперь меня тошнит три-четыре раза в день. Лишней еды нет, свою я трачу впустую, хотя Ноа пытается всунуть мне что-то из своего пайка, когда я ей разрешаю. Но это и не важно – во мне все равно ничего не задерживается. Пустой желудок горит, как будто я весь день ела что-то острое, ночью тоже, из-за этого я не могу уснуть.

– Поешь что-нибудь, – умолял меня Петр вчера. – Ради ребенка. – Он приносил мне ужин в поезд, когда я не приходила в палатку, где давали обед. Водянистое рагу, сдобренное кусочками мяса и репы, которые он добавил из своего пайка.

Но запах лука, который когда-то казался мне аппетитным, заставляет желудок выворачиваться наружу, и я отодвинула тарелку, махнув в сторону Ноа.

– Отдайте Тео.

Мне стало хуже, а Петр, как по иронии судьбы, расцвел. Ребенок изменил для него все. Я не видела, чтобы он пил с тех самых пор, как я сказала ему. Меланхолии в его глазах больше нет, ее вытеснили оживление и надежда.

Я достаю свой чемодан, чтобы нанести немного пудры перед собранием, скрыть свою бледность. Девушки торопятся выйти из вагона, но Ноа задерживается, держа на руках Тео. Я приглаживаю волосы и иду к выходу.

– Подожди, – говорит Ноа. Я оборачиваюсь. Она закусывает губу, как будто хочет что-то сказать. Но не говорит, а просто неловко передает мне ребенка. – Можешь подержать его, пока я переодеваюсь? Он с тобой всегда такой спокойный. – Беру его на руки. Это правда, что Тео хорошо у меня на руках, хотя раньше я никогда не ухаживала за ребенком.

– Готово, – говорит Ноа через пару минут немного сдавленным голосом, как будто нервничает или взбудоражена чем-то. Она одета аккуратнее, чем, по-моему, стоит одеваться по воскресеньям, блузка и юбка идеально отутюжены. Я несу Тео на улицу. Небо под конец дня приобрело светло-голубой оттенок. Воздух нежный и ароматный, это первый по-настоящему весенний вечер. Мы проходим мимо шатра. Несмотря на недомогания и отсутствие аппетита, я не перестала летать. Я раскачиваюсь сильнее и выше, чем когда-либо, возможно, яростнее, чем это стоило бы делать. Конечно, я не хочу подвергать риску беременность, о которой мечтала всю свою жизнь. Но ребенок должен понять, что это наша с ним жизнь. Я должна знать, что они уживутся.

Когда мы приближаемся к заднему двору, я слышу бормотание собравшихся. Но когда мы обходим палатку, голоса умолкают. Здесь собрался весь цирк, артисты и работники вперемешку. Они стоят не в

центральной части заднего двора – люди столпились в дальнем его краю у деревьев, которые растут полукругом, образуя небольшую рощу.

Между ветками двух дубов протянули арку из листьев. Под ней, рядом с герром Нойхоффом, стоит Петр, его лицо светится от предвкушения. В темном костюме и цилиндре, которого я у него никогда не видела, он выпядит величественно. Я думаю, не привез ли он его из России. Когда я подхожу ближе, толпа будто расступается, делясь на две группы, так что посередине образуется коридор. У меня бегут мурашки по коже: что происходит?

Я поворачиваюсь к Ноа. Она улыбается, ее глаза блестят от восторга, и я понимаю, что она нарочно задерживала меня, попросив подержать ребенка. Она дает мне букет из полевых цветов, завязанный бечевкой.

– Я не понимаю, – говорю я.

Ноа забирает у меня Тео и поправляет прядь волос, которая упала мне на лицо.

– Каждой невесте нужен букет, – отвечает она, и ее глаза устремляются на Петра, она как будто не уверена, что имеет право это говорить.

«Невесте»? Я вопросительно смотрю на Петра. Но он непоколебим и полон решимости. Он собирается жениться на мне здесь, перед всем цирком. Свадьба. Земля начинает уходить у меня из-под ног. Конечно же, этого не может быть: наш союз противоречит законам Франции, точно так же, как мой брак с Эрихом нелегален в Германии. Его не признает ни одно государство. Но все-таки... Обменяться с Петром обетами и родить ребенка в браке, как настоящая семья. Я не мечтала об этом даже в самых смелых мечтах.

Один из виолончелистов из оркестра начинает играть. Мелодия такая нежная и печальная, совсем не похожа на свадебный марш. Все работники цирка стоят полукругом, их лица взбудоражены, это маленькая ода жизни, в которой они так нуждаются. Я оглядываю улыбающиеся лица вокруг. Они догадались о моем ребенке? Нет, они просто рады этому мигу света в темноте и рады за нас. Впервые с тех пор, как я уехала от семьи в Дармштадте, я чувствую, будто наконец-то оказалась дома.

Ноа ведет меня к арке. Я тянусь к ней, хочу, чтобы она стояла рядом со мной, чтобы не оставляла меня одну. Но она передает мою ладонь Петру и делает шаг назад.

Я смотрю ему в глаза.

– Ты это спланировал?

Он улыбается.

– Думаю, я должен был спросить тебя, – говорит он, но затем опускается на одно колено. – Астрид, ты выйдешь за меня?

– А не поздно ли уже для этого вопроса, – ворчу я. В толпе раздаётся тихий смех. У меня в голове кавардак: я не планировала снова выходить замуж, ни за Петра, ни за кого-либо еще. Брак – это то, что должно быть навсегда, а в наше время ни в чем нельзя быть уверенным. Петр стоит на коленях передо мной, в его глазах такая надежда. Он хочет, чтобы мы стали семьей.

Я вдруг понимаю, что тоже хочу этого. Теперь я, как в фильме, вижу свою жизнь с Петром с тех пор, как я пришла в цирк Нойхоффа: как он защищал меня, как мы становились ближе день ото дня. Ночи без него были пустыми, всегда чего-то не хватало, если его не было рядом. Ноа была права, дело не только в его чувствах, но и в моих. Он проник в мое сердце незаметно, когда я смотрела совсем в другую сторону. В глубине души я проклиная себя за то, что позволила этому случиться. Но в то же время, если бы не это, я так никогда бы и не решилась.

Но это никак не меняет ситуацию: если он женится на мне, ему будет грозить опасность. Я наклоняю голову ближе к нему.

– Ты уверен? – тихо шепчу я, не желая, чтобы нас услышали остальные. Но он встает передо мной, готовый рискнуть всем, и в глубине души я до сих пор не могу поверить в это. Как он может хотеть этого после всего, что пережил?

Он кивает.

– Больше, чем когда-либо, – отвечает он, ясно и решительно.

– В таком случае да, я буду счастлива стать твоей женой, – говорю я громче. Я улыбаюсь, сдерживая слезы, от которых щиплет в глазах.

Герр Нойхофф покашливает, прочищая горло.

– Что ж, давайте начинать, – говорит он, когда Петр поднимается. – Мало есть слов, которыми описывают любовь в самых неподходящих для этого ситуациях, но именно эти слова являются и

самыми прекрасными, – начинает он тихим баритоном, более мягким, чем тот, которым он говорит на арене.

Он открывает потрепанную Библию и читает:

– Но Руфь ответила: «Не уговаривай меня покинуть тебя или отвернуться от тебя. Куда пойдешь ты, туда и я, и где ты остановишься, там остановлюсь и я. Твой народ будет моим народом и твой Бог – моим Богом».

Когда он читает, мои глаза устремляются вверх, на арку. Для посторонних это просто ветки и листья. Но я знаю, что Петр, хоть сам он и не иудей, сделал ее похожей на хупу в знак уважения к моей семье. В мечтах я представляю, как отец выдавал бы меня замуж, братья поднимали бы нас высоко в воздух на стульях под звуки «Хава нагила», точно как было, когда Матиас и Маркус женились на венгерских наездницах, сестрах-еврейках. Я выходила замуж без них, стояла перед мировым судьей вместе с Эрихом в Берлине. Тогда я притворялась, что меня это не заботит, думала, что моя семья всегда будет рядом. Теперь я чувствую тоску и горе. Касаюсь рукой живота, думая о ребенке, которого мои родители никогда не увидят.

Тоска по семье – это не единственное различие. Когда я приносила клятву Эриху, я была молода и ничего не боялась. Я думала, что нам ничего не грозит. Теперь я знаю, что брак не защитит нас ни от чего, что нас может ожидать впереди. Скорее можно сказать, что теперь у нас будут одни тяготы на двоих.

Впрочем, Петр тоже не так уж молод и наивен. Я думаю о жене и дочери, которых он потерял, которые наверняка вспоминаются ему в этот день. Однако ему хватает духу идти вперед, с поднятой головой и ясными глазами. За это я люблю его больше, чем когда-либо.

Герр Нойхофф заканчивает свою речь.

– Петр, хочешь ли ты сказать что-нибудь?

Петр достает из кармана кусочек бумаги и роняет его. Нагнувшись, чтобы поднять его, он спотыкается, и самообладание покидает его. У него трясутся руки, он нервничает, как молодой жених.

– Сейчас так мало того, в чем можно быть уверенным, – начинает он, его голос дрожит. – Но если найти руку, за которую можешь держаться, пока идешь по этому пути, даже самые тяжелые времена кажутся не такими страшными и самые странные места становятся

для тебя домом. – Люди вокруг нас кивают головами. У каждого циркового артиста есть прошлое, воспоминания о доме. Затем он сминает бумагу и запикивает ее обратно в карман, так резко, что я задумываюсь, не передумал ли он. – Когда-то я думал, что моя жизнь кончена. Я приехал в Германию, присоединился к цирку, тогда я и не подозревал, что смогу снова быть счастливым. – Его голос становится чище и сильнее, когда он отставляет в сторону подготовленную речь и говорит от самого сердца. – Я встретил тебя, и все изменилось. Ты заставила меня поверить в то, что хорошее – возможно. Я люблю тебя. – Он устремляет взгляд вниз.

– Астрид, хочешь ли ты сказать что-нибудь? – спрашивает герр Нойхофф.

Все внимательно смотрят на меня. Я понятия не имела, что меня ждет, и никак не подготовилась.

– Трудно найти того, кому ты сможешь доверять, – удается сказать мне. – Мне так повезло... Благодаря тебе я чувствую себя сильнее каждый день. Я готова ко всему, пока я с тобой.

– Вам действительно очень повезло встретить друг друга, Астрид и Петр, – соглашается герр Нойхофф, спасая меня и избавляя от необходимости искать слова. Он поворачивается к Петру.

– Берешь ли ты эту женщину...

Тео на руках у Ноа агукает в знак одобрения, и все смеются.

Глаза Петра горят, когда он надевает на мой палец старинное металлическое кольцо. Это фамильная реликвия, или он купил его специально для сегодняшнего дня?

– Теперь я объявляю вас мужем и женой, – объявляет герр Нойхофф.

Когда Петр целует меня и музыканты начинают играть веселые мелодии, народ оживляется. Кто-то выносит стол и несколько бутылок шампанского. Глядя на все это, я тронута тем, как они все продумали, с какой заботой спланировали празднество. Маленькие подносы с закусками, простая еда, сделанная из продуктов по карточкам, но оформленная так, что выглядит роскошно.

– За ваше совместное будущее, – провозглашает герр Нойхофф, поднимая бокал, и все охотно поддерживают этот тост. Я подношу бокал к губам.

Праздник продолжается, люди разбились на небольшие группки, пьют и наслаждаются этим мгновением радости. Вдруг несколько акробатов из Румынии начинают танцевать экспромтом, кружатся в своих ярких узорчатых шарфах, а их украшенные блестками юбки развеваются, как вертушки. Я пытаюсь расслабиться и насладиться весельем, но все эти цвета и шум слишком сильно действуют на меня после всего, что только что случилось. Ослабев, я опираюсь на один из столиков. Петр в толпе бросает на меня взгляд и понимающе улыбается.

За спинами танцоров, среди деревьев, что-то шевельнулось. Я выпрямляюсь и замечаю, что в глубине рощи кто-то стоит. Это Эммет, наблюдает за праздником. Не помню, чтобы он был на церемонии. Он сын герра Нойхоффа, было бы странно, если бы его не пригласили. Но его присутствие заставляет меня нервничать.

Музыка становится громче, танцоры делают круг и вытягивают меня с Петром в центр, а затем кружатся вокруг нас, точно набирающая скорость карусель. Петр берет меня за руки, и начинает кружить меня в противоположную сторону. От движения и музыки у меня закружилась голова. Пока мы двигаемся, я замечаю Ноа, она стоит одна снаружи круга, хочет присоединиться, но не знает как.

Я отпускаю руки Петра и разрываю круг.

– Иди сюда, – говорю я и, взяв ее за руку, веду в центр. Чтобы она была одной из нас. Она с благодарностью сжимает мои пальцы. Я держу ее руку и руку Петра, и мы начинаем танцевать, не думая о том, что кто-то может посчитать это странным. Я не хочу, чтобы Ноа обходили стороной. Но чем больше мы кружимся, тем хуже мне становится, я вдруг замечаю, что опираюсь на нее, нуждаюсь в ней, точно так же, как она нуждается во мне.

Танец подходит к концу, и начинается более медленная мелодия. Это старинный румынский вальс «Дунайские волны». Ноа и все остальные отходят на шаг назад, и я понимаю, что я должна танцевать с Петром. Он притягивает меня ближе. Он танцует умело, лучше, чем я ожидала, но двигается он медленно и немного неуклюже из-за алкоголя. Он напевает знакомую мелодию мне на ухо, а я слышу, как моя мама поет слова этой песни, а брат Жюль играет ее на скрипке. «О, как мы танцевали в ту ночь, когда мы поженились...» У меня защипало в глазах.

– Мне надо отдохнуть, – выдыхаю я ему на ухо, когда песня заканчивается.

– Ты нормально себя чувствуешь? – спрашивает он, с беспокойством прикасаясь к моей щеке. Я киваю. – Я принесу тебе воды.

– Я в порядке, милый. Наслаждайся праздником, – говорю я, не желая, чтобы он беспокоился понапрасну. Он уходит в сторону шампанского. Я облакачиваюсь на стул, почувствовав внезапную слабость. На лбу выступает легкий пот, а желудок начинает поджимать. Только не сейчас, думаю я. Я иду в сторону за один из вагонов, чтобы меня не было видно, ищу тихое место. Затем я останавливаюсь, услышав голоса с другой стороны поезда.

– Церемония была чудесная, – говорит Ноа кому-то, я не вижу кому именно. В ее голосе слышно беспокойство.

Затем раздается голос Эммета.

– Вот только было бы все это по-настоящему, – говорит он с насмешкой. Как он смеет так говорить о моем браке с Петром?

– Это по-настоящему, – возражает Ноа, настолько смело, насколько ее хватает. – Пусть даже правительство у нас слишком плутовое, чтобы признать этот брак.

– Хорошо, что они поженились здесь, – отмечает Эммет. – До того, как мы поедем обратно, понимаешь. – Он говорит это тоном заговорщика.

Тишина.

– Обратно? – Ноа удивлена. Я не говорила ей о беседе, которая состоялась у нас с герром Нойхоффом, и о том, что, возможно, нам не позволят оставаться во Франции. – В Германию?

– Астрид тебе не говорила?

– Конечно, говорила, – неуклюже врет Ноа, пытаюсь сделать вид, будто совсем не удивлена. Но ей это не удастся, она не может сдержаться. – Это неправда! – восклицает она, и я переживаю, не заплачет ли она сейчас.

– Мой отец говорит, что тур по Франции будет прерван.

– Твой отец ничего тебе не рассказывает. – Я удивлена тем, с какой силой она это говорит.

– Может быть, тебе просто стоит вернуться домой, – говорит он с презрительной насмешкой. – Ах да, точно. Ты же не можешь. – Я едва

сдерживаюсь, чтобы не охнуть. Как много ему известно о прошлом Ноа?

Я выхожу на видное место.

– Достаточно.

От осознания, что я слышала все, что он говорил, у Эммета забегали глаза. В какой-то момент мне кажется, что он сдастся.

– Ведь была же причина, по которой она была совсем одна с ребенком, когда мы ее нашли, – упрямо говорит Эммет. Я вижу, как у Ноа, стоящей у него за спиной расширяются глаза, она в ужасе от мысли, что он как-то догадался о ее секрете. Конечно же, Эммет блефует. Иначе быть не может. Я никогда никому не скажу, а он не мог узнать как-то иначе.

– Маленькая шалава, это небось ее ребенок, – выплевывает Эммет в сторону Ноа. Не думая, я подхожу к нему, вклеив такую сильную пощечину, что у меня болит ладонь. Он делает шаг назад, ошарашенно глядя на меня, след моей руки краснеет на его щеке.

– Ты за это заплатишь, – клянется он.

– Убирайся, пока я не позвала твоего отца, – говорю я.

Эммет уносит ноги, продолжая держаться за щеку.

– Спасибо, – говорит Ноа, когда он пропадает из виду. – Я не понимаю, откуда он мог узнать?

– Не думаю, что он знает, – говорю я, и Ноа как будто выдыхает с облегчением. – Я-то уж точно ему не говорила. Скорее всего, он просто пытается вытянуть информацию. – По правде говоря, секреты в цирке не хранятся подолгу, обычно все становится явным, так или иначе. Но я не скажу Ноа, это только заставит ее еще больше волноваться.

Ноа опускает глаза в пол.

– Это правда? То, что сказал Эммет? Мы возвращаемся?

– Еще неизвестно. Герр Нойхофф говорил, что власти грозились свернуть тур. Это только одна из вероятностей, и я не хотела огорчать тебя.

– Я не ребенок, – говорит Ноа с упреком.

– Знаю. Я должна была сказать что-то об этом. Но ты ведь не обязана возвращаться, ты понимаешь.

– Как я могу покинуть цирк? – искренне спрашивает она, ее взгляд затуманен сомнениями. – Я ни за что не уйду без тебя.

Я улыбаюсь, тронутая ее преданностью. Пару месяцев назад она была чужой в этом цирке. Человеком извне. А теперь не может представить себе жизнь без него. – Это просто представление, и ни одно представление не может длиться вечно.

– А как же ты? – спрашивает она. Она такая юная, и у нее всегда так много вопросов.

– Я уже говорила, я не убегу. Я не буду больше прятаться, – клянусь я. Им придется хорошо постараться, чтобы забрать меня.

– Отсюда можно добраться до Швейцарии, – решается сказать она, поднимая взгляд в сторону гор. – Возможно, если мы пойдем вместе...

– Нет. – Я поворачиваюсь, чтобы быть лицом к лицу с ней. – Здесь есть люди, которые поручились за меня. Люди, которым придется заплатить ценой своей жизни, если я уйду. Но это не касается тебя, – добавляю я. – Ты можешь идти.

– Я с тобой до конца, – говорит она, ее голос слегка дрожит.

– Давай больше не будем об этом сегодня, – говорю я, похлопав ее по руке.

Ноа согласно кивает головой и снова смотрит на веселящихся людей.

– Свадьба была чудесная, – говорит она. – Я бы мечтала о такой.

Я пытаюсь не рассмеяться. Собрание в лесу такое простое, совсем не похожее на изысканный праздник.

– А какая девушка не мечтает? – добавляет Ноа. – Ты возьмешь его фамилию?

Я не думала об этом. И теперь я качаю головой. Я изменилась, перестала быть той, кем была раньше: я не смогу сделать это снова.

– Но что ты вообще здесь делала? Нам надо возвращаться. – Я иду обратно на праздник, но Ноа не идет за мной. Ее взгляд перемещается в другую сторону, противоположную от палаток цирка.

– Ты ведь не думаешь о том, чтобы снова пойти к тому парню, правда? – спрашиваю я.

– Нет, конечно, нет, – говорит она, немного поспешно.

– Это навлечет на нас беду. И потом, ты ведь обещала, – напоминаю я.

– Да, – отвечает она. – Я просто устала и хочу провести Тео. Я попросила Эльси уложить его спать после церемонии. – Я вглядываюсь в ее лицо, пытаюсь решить, можно ли ей верить.

– Астрид. – Я слышу голос Петра, разогретый алкоголем, он громко зовет меня с места, где проходит праздник.

– Я должна идти, – говорю я.

– Понимаю. – Ноа сжимает мою руку. – И насчет того, что было только что... Спасибо тебе. – Ее голос наполнен благодарностью.

А затем она разворачивается и идет к поезду. Я хочу крикнуть ей вслед, снова предупредить ее, но не делаю этого, возвращаясь к собравшимся.

Глава 17

Ноа

Оставив Астрид, я иду вдоль поезда и улыбаюсь. Я знала о свадьбе. Петр признался мне всего несколько часов назад, и мы договорились устроить Астрид сюрприз. Я переживала, что она будет не рада – Астрид не из тех, кто любит сюрпризы, – но теперь я счастлива, что приняла участие в затее.

Петр и Астрид теперь вместе, вот-вот станут семьей. Она выпядит счастливой, по-настоящему счастливой, впервые с тех пор, как я с ней познакомилась. А я рада за нее, но не могу не думать о том, что все может измениться, что Астрид теперь будет ночевать с Петром каждую ночь и станет как будто меньше принадлежать мне.

Внезапно я чувствую себя одиноко. Вспоминаю Люка. Я не видела его с той ночи, когда Тео заболел, это было неделю назад. Я не смогла встретиться с ним на следующий вечер, после представления, как он просил, – Тео стало лучше, но он был слишком слаб, и я не хотела рисковать, оставляя его одного. Поэтому я оставила Люку записку в ящике под вагоном. «Брат заболел. Не могу сегодня прийти». Записка исчезла, так что я знала, что он ее прочитал. Или надеялась на это – что, если кто-то другой нашел ее? Я нарочно сделала содержание записки размытым, но все равно – возникнут вопросы. Несколько дней от него не было ответа, и я переживала: возможно, Люк потерял ко мне интерес вскоре после нашего поцелуя, а может, он просто сдался?

Теперь я иду к ящику, не решаясь на что-то надеяться. Внутри клочок страницы из цирковой программки, он смят так сильно, что я думаю: может, кто-то решил кидать сюда мусор? Разворачиваю бумажку. На задней стороне размытой черной краской написано: «Приходил, надеялся увидеть тебя. Понравилось, как ты танцуешь. Встретимся в городском музее».

Люк был здесь вечером и видел, как я танцую. Я заливаюсь румянцем, воодушевленная и смущенная одновременно. Как я могла не знать об этом? Но потом меня охватывает беспокойство. Никто не

должен был знать про свадьбу. Он не должен был приходить сюда. Но в глубине души я уверена, что могу доверять ему.

Я снова перечитываю записку. «Встретимся в городском музее». Я знаю, о каком здании он говорит. Но старый музей, который находится в самом центре города, – это такое странное место для встречи. Да и комендантский час уже давно начался. Я никак не могу пойти туда.

Кроме того, я пообещала Астрид, что больше не увижусь с Люком. Оборачиваюсь, пытаюсь найти ее глазами, но она уже исчезла в толпе. Сегодня ночью Астрид будет с Петром. Конечно же, она не заметит, если я уйду. Однако самым мудрым решением будет остаться на вечеринке до самого ее конца, а затем пойти к Тео. Но скоро мы уедем, и я, возможно, никогда больше не увижу Люка.

Я смотрю в сторону поезда, чувствуя необходимость проведать Тео до того, как куда-либо пойду. Он лежит на койке внутри спального вагона, не спит, будто бы ожидая меня. Я беру его на руки и прижимаю к себе, вдыхая его теплый, нагоняющий сон запах. С тех пор, как он заболел, я постоянно переживаю за него, мне как будто напомнили, какой он хрупкий, как легко я могу его потерять.

Эльси встает с соседней койки, она сидела и вязала рядом.

– О, как здорово, ты вернулась, – сказала она. – Я смогу присоединиться к празднику, пока он не закончился.

– Я не вернулась, просто... – Я пытаюсь подобрать слова, чтобы объяснить, зачем мне нужно, чтобы она присмотрела за Тео еще некоторое время. Но прежде чем я успеваю придумать ответ, она выскакивает из поезда.

Я думаю, не позвать ли ее обратно, но решаю не делать этого.

– Только ты и я, – говорю я Тео, и он воркует в знак одобрения. Я перевожу взгляд с ребенка на дверь поезда и обратно, думая, как поступить. Осмелюсь ли я взять его с собой?

Выхожу на холодный ночной воздух, затем останавливаюсь. Выносить отсюда Тео – это так безответственно. Но если я хочу увидеть Люка, у меня нет другого выхода. Я укрываю Тео своим пальто, прижимая его к себе.

Иду прочь от поезда, низко нагибаясь и стараясь держаться самого края стоянки цирка, чтобы меня не увидели, спешу скрыться за деревьями. Когда кроны деревьев надежно прячут меня, я иду по направлению к городу, медленно пробираюсь по лесу и стараюсь не

упасть, переступая бесконечные корни деревьев и камни, которые торчат из жесткой неровной земли. Это та же тропа, которую мне показала Астрид в тот первый день, когда я пошла в Тьер, но теперь она кажется мне жуткой, за деревьями прячутся мрачные тени. Теперь в лесу только мы с Тео, совсем одни, как в ту ночь, когда нас нашел цирк. Меня передергивает, страх и отчаяние той ночи снова окутывают меня. Сухие ветки хрустят под моими ногами, выдавая нас. Мурашки бегут по коже, как будто кто-нибудь вот-вот выпрыгнет из кустов прямо на меня.

Лес кончается, и я иду к мостику через ручей. Вдруг я останавливаюсь, глядя на Тео, он смотрит на меня в ответ своими доверчивыми глазами. Он рассчитывает на меня, знает, что я сделаю так, как лучше для него. «Я такая эгоистка», – думаю я, меня снедает чувство вины. Как я могу рисковать его безопасностью ради такого?

Когда я приближаюсь к городу, улицы пустынные – комендантский час, – фонари выключены. Я прячу Тео плубже под пальто. Он извивается у меня под боком, он уже не новорожденный, чтобы покорно лежать. Молю о том, чтобы он не начал кричать.

Я выбираю не центральную дорогу, по которой я шла в день, когда встретила Люка, а напротив, стараюсь идти по параллельной боковой улочке, стараясь держаться в тени стены из осыпающегося камня, которая идет вдоль.

Музей находится на севере центра города. Это маленький замок, который переделали для экспозиции, посвященной истории города, но теперь он закрыт. Дорога, ведущая к его воротам, – это открытое пространство, залитое лунным светом.

Растерявшись, я останавливаюсь, у меня бегут мурашки. «Встречаться в центре города – это глупо», – думаю я, представляя, с каким неодобрением на меня смотрела бы Астрид. На воротах висит тяжелая цепь, они закрыты. Я делаю шаг назад, разозлившись. Это что, какая-то шутка?

– Ноа, – раздается голос Люка в темноте, он зовет меня, стоя сбоку от музея, у двери, ведущей внутрь. Главная галерея внутри похожа на пещеру, здесь влажно и пыльно. В лунном свете я вижу, что холл, который когда-то выглядел величественно, теперь разграблен. Разорванная картина повисла на стене, поломанные доспехи лежат на полу. За разбитыми стеклами видно, что выставки опустошены, все

ценное забрали немцы или мародеры. Что-то, птица или, возможно, летучая мышь, хлопает крыльями в темноте под высоким потолком.

– Ты пришла, – говорит Люк, как будто не ожидал, что я решусь на это. Он обнимает меня, и я вдыхаю его запах, аромат хвои и мыла, зарываясь носом в его шею. Это всего лишь второй раз, когда он обнимает меня, но я чувствую себя как дома в его объятиях.

Его губы находятся рядом с моими, и я закрываю глаза в предвкушении. Но тут Тео между нами ворочается, и я отстраняюсь.

– Это безопасно? – спрашиваю я, когда он ведет меня в маленький зал в стороне. Здесь он зажигает свечу, ее огонек дрожит, на стене появляются наши длинные тени. Раздается шорох, как будто что-то выбегает из-за угла, пытаюсь вернуться обратно в темноту.

– Сюда никто не приходит, – говорит Люк. – Раньше это место было гордостью нашего города. Теперь тут нечем гордиться. – Он опускает глаза. – Это твой брат? – спрашивает он, и я киваю.

– Некому было за ним присмотреть, – говорю я, замечая, что говорю это извиняющимся тоном. Оглядываю лицо Люка, пытаюсь заметить в нем раздражение, но он спокоен.

– Ему уже лучше? – спрашивает Люк с искренним беспокойством.

– Он в порядке. Но у него был сильный жар, мы очень испугались. Поэтому я не могла встретиться с тобой в то воскресенье, – добавляю я.

Люк кивает с серьезным выражением лица.

– Я бы увиделся с тобой раньше, но знал, что это будет невозможно, пока он не поправится. – Он убирает руку за пазуху, доставая что-то. – Держи, я тебе принес. – На его мягкой ладони лежит кубик сахара. Настоящего сахара. Я еле сдерживаюсь, чтобы не схватить его и не запихнуть себе в рот. Вместо этого я касаюсь его языком, вздрагивая от знакомого вкуса, который я уже совсем позабыла. Затем я подношу его к губам Тео. Он урчит и улыбается незнакомому вкусу.

– Спасибо, – говорю я. – Я не ела настоящего сахара с тех пор, как... – Я остановилась, вспомнив, как отец однажды достал мне немного сахара на день рождения, год назад. – С тех пор, как началась война, – вяло заканчиваю я.

– Я сказал папе, что с этого момента, я буду питаться по карточкам, как все, – говорит он. – Иметь больше, чем другие – мне

это кажется неправильным.

– Люк... – Я не знаю, что сказать. Он протягивает руку и гладит нежную ладошку Тео. – Хочешь его подержать? – спрашиваю я.

– Серьезно? Я никогда не... – Я передаю Тео Люку, и ребенок улюлюкает, удобно устраиваясь в его больших руках. Люк аккуратно опускается на пол, прижимая к себе Тео. Веки ребенка начинают тяжелеть, и глаза закрываются.

Люк снимает свою куртку и, сделав из нее мягкую кровать для Тео, бережно кладет его туда. Затем он приближается ко мне, увлекая меня в объятия.

– Ты легко смогла найти дорогу? – Он целует меня, не дожидаясь ответа. Я прижимаюсь к нему, желая большего. Я позволяю его рукам заходить дальше, и вдруг я вовсе не сломленная, не опозоренная, не чудачка из цирка. Я снова девушка, просто девушка.

Но когда его пальцы касаются моих бедер, я останавливаю его.

– Ребенок...

– Он уже засыпает.

Я зарываюсь глубже в его объятия.

– Мы уезжаем, – печально говорю я.

– Знаю. Я обещал, что приеду к тебе в другой город, помнишь?

– Не туда, – отвечаю я. – Мы возвращаемся в Германию или куда-то в сторону Германии.

Он напрягается и хмурится все сильнее.

– Это же так опасно.

– Знаю. У нас нет выбора.

– Я найду тебя и там, – решительно говорит он.

– Ты вряд ли сможешь приехать даже на один раз.

– Каждую неделю буду приезжать, – возражает он. – Или чаще, если захочешь.

– Но это очень далеко, – протестую я.

– И что? – спрашивает он. – Думаешь, я не смогу?

– Дело не в этом. Просто... – Я опускаю взгляд. – Зачем тебе это? От этого ведь столько проблем.

– Потому что я не могу допустить даже мысли о том, что больше тебя не увижу, – вырывается у него. Когда я поднимаю голову, я вижу, что у него покраснели щеки, как будто бы воздух внезапно стал теплее. В его глазах нежность. Как он, зная меня так мало, может

испытывать такую сильную привязанность, тогда как те, кто любили меня с детства, похоже, ее утратили.

– Я хочу показать тебе кое-что.

Он встает и ведет меня к маленькой двери в глубине галереи. Я оборачиваюсь на Тео, где он лежит, мирно посапывая. Конечно же, Люк не предлагает мне его оставить одного?

– Что такое? – спрашиваю я, испытывая прилив любопытства, когда Люк открывает чулан. Он достает картину, масло такое свежее, что запах щиплет мне нос. Я понимаю, что на картине воздушная гимнастка, качается на трапеции. Откуда у него такая картина? Я смотрю на нее, на знакомый изгиб ее тела в полете. У нее светлые волосы в высоком пучке, прямо как у меня. Затем, разглядев знакомый красный костюм, я ахнула.

Это мой портрет.

Нет, не совсем мой. Это приукрашенная версия меня: грациозное тело, безупречные черты. Люк нарисовал меня такой, какой он меня видит, восхищаясь мной.

– О Люк! – говорю я в изумлении. Теперь я понимаю, как он смотрит на меня, как художник, внимательно, рассматривая каждую деталь. – Это невероятно. У тебя настоящий талант. – Он запечатлел меня с идеальной точностью, начиная от ткани костюма до легкой тени страха в глазах, которую мне никогда не удастся скрыть до конца.

– Ты думаешь? – У него на лице сомнение, но в голос прокралась нотка гордости.

– Просто изумительно, – отвечаю я совершенно искренне. Я пытаюсь представить, сколько часов ему потребовалось, сколько усердия. – Почему ты оставил свою мечту изучать искусство?

Его лицо темнеет.

– Я хотел быть художником. Иногда рисовал на чердаке того амбара, ты помнишь. Но отец узнал, чем я занимаюсь, и уничтожил мои работы, запретив мне продолжать. Я умолял его о том, чтобы он разрешил мне стать хотя бы учителем рисования, но он и слышать меня не хотел.

Глаза Люка сверкают, когда он проживает тот момент заново. Он продолжает:

– Я рисовал втайне от него, а потом он узнал. – Он поднял вверх свою правую руку с изуродованным указательным пальцем. – Он

сделал так, чтобы я уж точно никогда не стал настоящим художником.

Я отшатнулась, меня охватил ужас, но не из-за покалеченного пальца, а из-за жестокости, которую отец проявил к собственному ребенку.

– Но этого было мало, чтобы палец перестал работать. Я все еще хорошо справляюсь с мелкими деталями, – добавляет он.

– Как ты можешь оставаться с ним? – спрашиваю я. – Он же монстр.

Он смотрит на меня широко распахнутыми глазами, и я думаю, не разозлится он на меня за такие слова.

– Он делал то, что считал правильным, – отвечает он.

Мы сидим в тишине, никто из нас не говорит ни слова. Люк доверил мне свой ужасный секрет. Я должна прямо сейчас рассказать ему о своем прошлом. Но в этот момент я слышу голос Астрид у себя в голове: «Никогда не думай, что знаешь, что в голове у другого человека». Глядя в его ясные синие глаза, я вижу, что он не поймет, почему я приняла те или иные решения, не поймет ситуации, которые заставили меня их принять.

Вместо этого я тянусь к нему руками, беру его лицо в ладони и поворачиваю к себе. Я целую его снова и снова, не останавливаясь, не думая о том, где мы, и о том, что Тео совсем близко. Руки Люка смыкаются вокруг меня, оказываются на моей талии, на бедрах. В какой-то момент я хочу оттолкнуть его. Мой живот так и не вернулся к той форме, которая была у него до того, как я родила. Грудь обвисла из-за молока.

Но потом я обнимаю его и позволяю страсти заполнить мой рассудок. Руки Люка оказываются у меня под юбкой. Я начинаю сопротивляться. Мы не можем заняться этим здесь. Он бережно кладет меня на спину, подложив руку под мою голову, чтобы уберечь меня от жесткого каменного пола. Я вспоминаю немецкого солдата, единственного мужчину, с которым я была, в этом смысле. Все тело напрягается.

Люк обхватывает ладонью мой подбородок и нежно поворачивает мое лицо к себе.

– Я люблю тебя, Ноа, – говорит он.

– Я тоже тебя люблю. – Эти слова я произношу на выдохе. Страсть во мне разгорается, отгоняя воспоминания.

Когда все заканчивается, мы лежим на твердом каменном полу на груди разбросанной одежды, наши ноги переплетаются.

– Это было прекрасно! – заявляю я, пожалуй, слишком громко. Мой голос эхом проносится по всему музею, спугнув какого-то голубя вдалеке. Мы оба тихо смеемся.

Он собирает меня в охапку, притягивая ближе.

– Я так рад, что мы разделили свой первый раз друг с другом, – говорит он, предполагая, что я тоже девственница.

– Прости, – говорит он минуту спустя, посчитав мое молчание признаком сожаления. – Я воспользовался ситуацией, я не должен был.

– Это не так, – уверяю я. – Я ведь тоже этого хотела.

– Вот бы нас с тобой ждало светлое будущее вместе... – сокрушается он.

– Или хотя бы кровать, – шучу я.

Но его выражение лица остается серьезным.

– Все должно было быть иначе. Эта чертова война, – ругается он. Если бы не эта чертова война, мы бы никогда и не встретились. – Прости, – говорит он снова.

Я крепко обнимаю его.

– Не извиняйся. Я не огорчена.

Просыпается Тео, и его плач нарушает тишину. Я отрываюсь от Люка, чтобы застегнуть блузку. Люк встает и подает мне руку. Расправляя юбку, я иду к Тео. Люк поднимает Тео с пола, на этот раз более уверенно. С теплом смотрит на ребенка. Мы снова опускаемся на землю и обнимаемся втроем в темноте, как будто стали одной семьей, вслушиваясь в звуки ночного музея, мышинный шорох и ветер, дующий снаружи.

– Пойдем со мной, – говорит Люк. – Прочь отсюда. Я смогу достать автомобиль и отвезти нас к границе.

«Нас». Хотя Люк уже говорил об этом раньше, теперь это предложение кажется более серьезным, более осязаемым. Я пытаюсь представить, как я уезжаю из цирка и начинаю жизнь с Люком. Эта мысль внушает мне ужас, она настолько ужасна, насколько и прекрасна.

– Я не могу, – говорю я, отчаянно желая сбежать вместе с ним, но осознавая все риски и реальное положение дел. Куда мы поедem? И

что насчет Астрид и цирка, и еще тысячи разных вещей, которых я не могу ему объяснить?

– Ты это из-за Тео? Мы можем взять его с собой, растить как своего. Они не заметят разницы. – Люк говорит это с надеждой, и я тронута тем, что он хочет взять на себя ответственность за Тео.

Я твердо качаю головой.

– Все гораздо сложнее. Астрид и цирк... Я обязана им жизнью.

– Она поймет. Она захочет, чтобы ты уехала... – начинает он снова. – Ноа, я хочу забрать вас с Тео отсюда, туда, где вы будете в безопасности. – Он хочет заботиться обо мне. Как бы я хотела снова стать той девушкой, которой я была прежде. Она бы, наверное, позволила увезти ее куда-нибудь подальше. Однако я зашла слишком далеко. Теперь я не знаю, как это сделать.

Но я подношу палец к его губам.

– Давай пока не будем говорить об этом.

Тео снова начинает капризничать, он устал, замерз, сбит с толку из-за непривычной обстановки.

– Нам надо идти, – говорю я скрепя сердце, я не хочу прерывать этот чудесный момент, но переживаю, что кто-то может услышать шум и найти нас. Люк встает и передает мне Тео, подоткнув поплотнее свою куртку, в которую завернут ребенок.

Когда мы возвращаемся обратно, уже очень поздно, комендантский час начался давным-давно. В городе темно, в лесу – тишина. Люк молча провожает меня, пока мы идем к цирку. Музыка прекратилась, и я думаю: неужели меня не было так долго, что все закончилось и все легли спать? Но среди деревьев все еще горят фонари. В их сиянии я вижу Астрид, она стоит на поляне. По ее позе, рукам, сложенным на поясе, я понимаю, что она в ярости.

Ужас заставляет мой желудок связаться узлом. Астрид знает, что я ушла, понимаю я. Что я нарушила свое обещание никогда больше не видеться с Люком.

– Астрид, – я обхожу поезд, приближаясь к ней, – позволь мне объяснить.

Затем я замираю на месте.

Народ все еще толпится в роще, где проходила свадебная церемония. Но они больше не танцуют, они стоят неподвижно, как фигуры на сцене.

Еще один шаг вперед – и я понимаю почему. В центре роши, где всего пару часов назад проходила свадьба, стоит с полдюжины жандармов.

И их ружья наведены на Петра.

Глава 18

Астрид

Я замерла на месте, когда полиция стала приближаться к Петру, поднимая оружие. Это не может быть правдой. Это какая-то шутка, которую решили разыграть на нашу свадьбу. Но никто не смеется. Лица вокруг меня перекошены от шока и ужаса.

Минуту назад – а кажется, целую вечность – Петр смотрел на меня, его лицо сияло, он представлял наше совместное будущее. Затем какая-то тень мелькнула в его глазах, и вот в них отразились фигуры французских полицейских, заполонившие пространство за цирковыми артистами.

Полиция пришла в большом количестве, чтобы исключить самую возможность сопротивления или побега. Их лица нам знакомы. Когда-то они могли коснуться шляпы в знак приветствия или, по крайней мере, кивали нам на улице. Теперь они стоят перед ним с угрожающим видом, ноги в сапогах широко расставлены.

– Петр Московец... – низким и отрывистым голосом говорит один из полицейских, предположительно их начальник. Он выглядит немного старше остальных, у него седеющие усы, значки украшают лацкан его формы. – Вы арестованы.

Я открываю рот, чтобы возразить, но звук не выходит. Кошмар, который снился мне десятки раз, становится явью. Петр медленно поднимает голову в ответ на приказ полицейского. В его глазах пылает ярость. Он сидит неподвижно, но я вижу, как работает его мозг, обдумывая, что делать. Полицейские настороженно смотрят на него, но держатся на расстоянии, как перед странным и опасным зверем. Я задерживаю дыхание. Какая-то часть меня хочет, чтобы Петр боролся и сопротивлялся даже сейчас, когда это бессмысленно. Но это только ухудшит ситуацию.

Что им нужно от Петра? Я не понимаю. Почему они пришли за ним, а не за мной?

Герр Нойхофф выступает вперед.

– Господа, s'il vous plait^[32], объясните, в чем дело? – Он протирает лоб запятым платком. – Уверен, мы могли бы сначала это обговорить. Возможно, за одной из моих лучших бутылок бордо?.. – Он приветливо улыбается. Он много раз отговаривал полицейских обыскивать палатки с помощью хорошей еды и выпивки, которую он хранил как раз для таких случаев. Но полиция игнорирует его, приближаясь к Петру.

– В чем его обвиняют? – спрашивает герр Нойхофф, отбрасывая мягкий тон и придавая голосу властность.

– Измена, – отвечает капитан, – Франции и Рейху. – Герр Нойхофф бросает тяжелый взгляд в мою сторону. Он часто предупреждал Петра о его номере, а теперь пришла расплата.

Но они ведь еще не схватили его. «Сопrotивляйся, борись, беги», – безмолвно кричу ему я. В отчаянии я смотрю в сторону того тайника на противоположной стороне поля, который Петр с такой любовью соорудил для меня в своем домике. Это узкое пространство было рассчитано на меня, а не на него. Но даже если бы он мог туда поместиться, оно сейчас слишком далеко, слишком поздно. Уже не спрячешься.

– Идем, – говорит капитан, но в его голосе нет злобы. Это сидящий мужчина, ему до пенсии осталось всего год или два. Он считает, что просто выполняет свою работу. Однако молодой офицер рядом с ним с раздражением похлопывает себя по ноге дубинкой, жаждет воспользоваться ею. Взгляд Петра останавливается на дубинке в тот же самый момент, что и мой. Наконец, он распрямляется и встает. Он не будет устраивать сцен, он не хочет последствий для меня и всех остальных. Он подходит к полицейским медленно, но без сопротивления, однако его руки сжаты от гнева. Несмотря на весь ужас, я чувствую слабый проблеск надежды. Возможно, обойдется, будет как во время инспекций. Герр Нойхофф подкупит полицейских и вернет Петра к утру.

Петр приближается к полицейским. У меня из горла вылетает сдавленный звук, когда один из них надевает на него наручники. Его руки бледнеют, когда наручники врезаются в кожу, и мои руки как будто тоже болят. Кажется, меня никто не услышал.

Петр стоит спокойно, не оказывая сопротивления. Но тогда офицер с дубинкой подходит и сбивает с его головы цилиндр. Лицо Петра как

будто разбивается на тысячу осколков от удивления и ярости. Он нагибается за шляпой. Потеряв баланс из-за наручников, он падает на бок.

Полицейский хватает Петра с земли, поднимая на ноги. Теперь его свадебный костюм пропитан грязью, руки дрожат от гнева. Я знаю, теперь он не сможет сдержаться.

– Там, куда ты попадешь, тебе это не понадобится, – насмехается полицейский, откидывая шляпу ногой. В воздухе повисает тишина, а Петр, кажется, размышляет, чем он может ответить на это.

Тогда он плюет полицейскому в лицо.

Тишина становится оглушительной, полицейский стоит в оцепенении. Затем он кидается вперед с рыком, с силой ударив Петра коленом в пах.

– Нет! – кричу я, а Петр складывается пополам от боли. Он не поднимается, но мужчина продолжает бить его, снова и снова.

«Скажи что-нибудь», – думаю я. Сделай что-нибудь. Но я застыла на месте, меня сковал ужас. Теперь мужчина бьет его дубинкой, осыпая ударами по голове и спине. Мое тело кричит от боли, чувствуя каждый удар, как будто это не его бьют, а меня. Петр лежит неподвижно, свернувшись в комок.

– Хватит! – резко говорит капитан, оттягивая молодого полицейского в сторону. – Он нужен им живым.

Когда я слышу эту последнюю фразу, меня пробирает ужас. Кому он нужен? Зачем?

– Отправьте его в грузовик, – приказывает капитан.

Два полицейских поднимают Петра на ноги и ведут к грузовику. Теперь он не в состоянии оказать никакого сопротивления. «Я всегда буду с тобой», – говорил он всего несколько дней назад. Побитый, он как будто постарел на много лет.

Но я не сдамся.

– Подождите! – кричу я, подбегая к нему. Полицейский хватает меня за плечо, когда я приближаюсь, его острые ногти врезаются мне в кожу через платье. Я отталкиваю его, не обращая внимания на то, что ткань рвется.

Я хватаю Петра за руку, но он отталкивает ее.

– Астрид, ты не можешь пойти со мной, – говорит он на немецком, низким голосом и резко. На лбу у него начинает формироваться

огромная шишка от удара. – Ты должна оставаться здесь. Ты должна быть в безопасности.

– Они отправят тебя в городскую тюрьму. Ты вернешься через пару часов, – говорю я, отчаянно желая поверить в собственные слова. – Они просто пытаются напугать нас, это предупреждение. Скоро ты вернешься...

– Пути назад нет, – говорит он до того, как я заканчиваю фразу. – Ты не должна ждать меня здесь. Оставайся с цирком. Понимаешь меня? – Его темные глаза прожигают меня. – Пообещай мне, – говорит он.

Но я не могу.

– Довольно! – рявкает полицейский, который бил Петра, отделяя нас друг от друга. Я делаю шаг к нему, желая выцарапать ему глаза. – Только дай мне повод, – угрожает он. Я отступаю. Я не хочу сделать Петру еще хуже.

Полиция тянет Петра к военному грузовику, который остановился на грунтовой дороге рядом с шатром. На боку грузовика написано что-то на одном из славянских языков, которого я не знаю. Перед ним стоит черный полицейский автомобиль. Из грузовика выходит водитель в военной форме и открывает двери багажника, я вижу, что внутри грузовика два длинных ряда коек. Тогда я понимаю, что это конец – он не вернется.

– Нет! – кричу я и бегу к грузовику.

Чьи-то руки хватают меня сзади, удерживая. Это Ноа, хотя я не знаю, откуда она здесь появилась. Она обнимает меня обеими руками.

– Подумай о себе... О своем ребенке.

Она права. И все же я борюсь с ней всей силой своего тела, как лев, пытающийся вырваться на свободу, сбежать от своего укротителя.

– Они забирают его, Ноа, – говорю я с отчаянием. – Мы должны остановить это.

– Это так не работает, – отвечает она, твердо и уверенно. – Если тебя арестуют, это ничем не поможет.

Конечно же, она права. Но как я могу стоять здесь и ничего не делать, когда они отнимают у меня весь мой мир?

– Сделай что-нибудь, – умоляю я, прошу Ноа помочь, так же как я помогала ей. Но она просто держит меня. Она, как и я, ничего не может с этим сделать.

Герр Нойхофф снова подбегает к ним, его лицо покраснелось от гнева и отчаяния. Он протягивает небольшой кошелек, тяжелый от монет, там, наверное, все деньги, которые остались у цирка. Отдать их – значит оставить цирк в руинах, но он готов отдать даже это, лишь бы спасти Петру жизнь.

– Офицеры, погодите, – умоляет он. «Пожалуйста, Господи», – молюсь я. Пусть это сработает. Это наша последняя надежда.

Капитан поворачивается к нему, и я вижу в его глазах муки совести – что пугает меня больше, чем что-либо еще.

– Простите, – говорит он. – Это выше моих полномочий.

Паника охватывает меня с новой силой, и я вырываюсь из рук Ноа, бегу вперед.

– Петр!

Но уже слишком поздно, полицейские грузят его в багажное отделение, и он не сопротивляется этому. Я кидаюсь на дверь, мои пальцы всего в нескольких сантиметрах от Петра, мне почти удается ухватиться за него, но нет. Я поворачиваюсь к ближайшему полицейскому.

– Заберите меня вместо него, – говорю я.

– Астрид, нет! – Слышу, как Ноа кричит позади меня.

– Заберите меня, – повторяю я, игнорируя ее. – Я его жена, и я еврейка, – кричу я, не думая об опасности, которую я навлекаю не только на себя, но на весь цирк.

Полицейский нерешительно смотрит на капитана в ожидании команды.

– Ждите здесь! – командует капитан. Он исчезает, обходя грузовик спереди, направляясь к полицейской машине, после чего возвращается, уже с бумагами.

– У нас нет информации о том, что в цирке числится еврейка, и вы не указаны в списках к перевозке. – Он поворачивается к Петру. – Это правда, что она ваша жена?

– У меня нет жены. – Глаза у него остекленевшие. Я делаю шаг назад, до глубины души задетая его словами.

– Отойдите, – приказывает охрана, закрывая дверь и отделяя меня от Петра навсегда.

– Нет! – плачу я. Я снова бросаюсь к грузовику. Полицейские отдирают мои пальцы от бампера, откидывая меня назад с такой

силой, что я едва не падаю. Но я обегаю грузовик и встаю перед ним, сложив руки. Им придется переехать меня.

– Астрид, стой... – Я снова слышу голос Ноа, он кажется таким далеким.

Полицейский, который избивал Петра, быстро подходит ко мне.

– Отойдите, – грозитя он, замахиваясь дубинкой.

– Астрид, нет! – Петр кричит с такой тоской, какой я никогда не слышала в его голосе, его почти не слышно через стекло, которое теперь нас разделяет. – Ради всего святого, отойди.

Я не двигаюсь.

Полицейский опускает руку. Я пытаюсь отпрыгнуть, но дубинка попадает мне в живот с отвратительным глухим звуком. Боль пронзает мой живот, и я падаю на бок, прямо на землю.

– Астрид! – кричит Ноа, теперь она ближе, бежит ко мне. Она закрывает меня своим телом, пытаюсь защититься.

– Хватит! – командует капитан и идет к нам, чтобы остановить своего подчиненного. Но он не останавливается. Он замахивается ногой и с силой ударяет меня сбоку, в точку, где Ноа не прикрывает меня. Что-то внутри меня как будто разбивается. Я кричу, моя боль эхом проносится по лесу.

Затем я слышу рык, поднимаю голову. К полиции идет герр Нойхофф, его лицо побагровело от ярости, он встает между нами и мужчиной.

– Как вы смеете бить женщину?

Я никогда не видела его в такой ярости. Он выпрямляется во весь свой небольшой рост и как будто бы становится больше и ярче, когда встает лицом к лицу с немцем.

Полицейский снова заносит свое оружие. Меня охватывает ужас. Герр Нойхофф пожилой человек, он не выдержит такого удара.

Герр Нойхофф внезапно поднимает руки к груди, и на его лице отражается удивление. Он падает на землю, как будто от удара. Но полицейский не ударял его, дубинка остается в воздухе.

Ноа подбегает к герру Нойхоффу. Я тоже пытаюсь встать, чтобы подойти к нему. Но острая боль пронзает мой живот, и я снова складываюсь пополам. Я подползаю по земле к тому месту, где он лежит, так быстро, как могу. Судорога сковывает низ живота, становится все сильнее. Я чувствую влагу под юбкой, как будто я

описалась, как в детстве. Пусть это будет просто роса на земле, умоляю я.

Наконец, я оказываюсь рядом с герром Нойхоффом, его мертвенно-бледное лицо покрыто потом.

– Мариам, – шепчет он, то ли принимая меня за его давно почившую жену, то ли просто вспоминая о ней, я не знаю. Ноа расстегивает его воротник, и он жадно вдыхает воздух.

У меня в голове проносится детское воспоминание. Однажды мы с братьями играли в долине на месте нашей зимовки, катались с горки по безбрежному белому снегу. Я подняла голову и увидела на горе герра Нойхоффа. На фоне светло-голубого неба он напомнил мне греческого бога, Зевса на Олимпе. Заметив меня, он улыбнулся. Уже тогда он, кажется, присматривал за нами.

– Врача! – кричу я, но никто, ни полицейские, ни охранники, не спешит нам на помощь. Ноа сгибается рядом со мной, и мы беспомощно наблюдаем за тем, как глаза герра Нойхоффа становятся пустыми и мертвыми.

Юбка подо мной уже не просто влажная, а мокрая. Жидкость слишком теплая, чтобы быть просто влагой от земли. Кровь. Я потеряю и своего ребенка? Несколько дней назад я не была уверена, что хочу этого ребенка, а теперь вдруг он – это все, что у меня есть в этом мире. Я держусь за живот, пытаюсь удержать жизнь, которая ускользает из меня, внутри. Затем я начинаю молиться, так, как не молилась с тех самых пор, когда была еще совсем маленькой.

С ревом включается двигатель грузовика. Когда он уезжает, обдавая нас выхлопными газами, я поднимаюсь на руках. Слышен стук: Петр бьется в стеклянное окно, увидев, что произошло, но не в силах сделать ничего, чтобы помочь нам.

Я протягиваю руку, пытаюсь коснуться его. Резкая боль, сильнее, чем та, от удара полицейского, охватывает меня, бьет в самый низ живота. Я падаю и снова сворачиваюсь в комочек, подтягивая колени к груди.

Продолжая лежать на земле, я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на Петра в последний раз. Через окно я вижу, как он плачет, не сдерживая слез. Его горе проникает в меня, принося больше боли, чем любой удар. Глаза, которые всего несколько минут назад смотрели на меня с такой любовью, стали меньше, губы, которые я

целовала, принося ему священную клятву, уносятся куда-то далеко-далеко.

Грузовик с грохотом уезжает, и Петр исчезает из виду.

Глава 19

Ноа

– Астрид! – кричу я, подбегая к ней, когда грохот двигателя стихает вдали. Не отвечая, она неподвижно лежит на земле, одна рука протянута в сторону, куда уехал грузовик.

Когда я приближаюсь, она сворачивается в комочек.

– Нет, нет... – стонет Астрид снова и снова, держась за живот и рыдая. Я сажусь рядом с ней и немного приподнимаю ее, положив себе на колени и укачивая, как ребенка.

Потом я возвращаюсь к герру Нойхоффу. На его теле нет следов удара. Его кожа бледная, как пепел, но глаза при этом смотрят вверх, на небо. В этот момент я вспоминаю его кашель, его проблемы с сердцем. Астрид поднимает голову, ее глаза увеличиваются, когда она смотрит на неподвижное тело герра Нойхоффа.

– Нужен доктор, – говорит она, будто в лихорадке, и пытается встать. Затем со стоном она снова оседает, складываясь пополам.

Я обнимаю ее одной рукой. Я не знаю, она правда думает, что мы можем помочь ему или просто не хочет в это поверить.

– Он мертв, Астрид.

Я обнимаю ее крепче, она плачет. Затем свободной рукой я закрываю глаза герра Нойхоффа и стираю пятно грязи с его щеки. Его лицо выглядит спокойно, он как будто крепко спит.

Астрид побледнела и ослабла в моих руках. Ее руки крепко держатся за живот. «Ребенок!» – думаю я с ужасом. Но я не решаюсь сказать об этом вслух.

Толпа артистов и работников держится на приличном расстоянии, они смотрят на нас. Я подзываю одного из мужчин, машу ему рукой.

– Нужно вернуть герра Нойхоффа в его вагон, – командую я, заставляя свой голос звучать более властно, и надеюсь, что он меня послушает. – Затем надо связаться с похоронным бюро... – Астрид отворачивается, не желая слышать подробностей.

– Астрид, пойдем, мы поможем тебе.

Я встаю и пытаюсь поднять ее. Но она лежит на земле рядом с герром Нойхоффом, отказываясь двигаться, как собака, потерявшая своего хозяина.

– Этим ты не поможешь Петру, – добавляю я.

– Петра больше нет, – говорит она, каждое слово наполнено тяжелым горем.

Чья-то рука касается моего плеча. Я оборачиваюсь и вижу Люка с Тео на руках. Когда мы добрались до территории цирка и увидели полицию, я всучила Тео Люку и побежала Астрид на помощь. Как хорошо, что он догадался держать Тео подальше от глаз полиции.

Люк хочет наклониться, чтобы помочь мне поднять Астрид. Но я отгоняю его, если она увидит его, будет только хуже.

– Пойдем, Астрид, – умоляю я, выпрямляясь в очередной попытке поднять ее на ноги. Начинаю идти, что удается мне с большим трудом, я проседаю под ее весом. Люк идет позади на некотором расстоянии от меня, держа на руках Тео.

– Почему? – Я не могу не задать этот вопрос, пока мы ковыляем до поезда. – Почему они арестовали Петра? – Когда я только увидела полицию, я испугалась, что они узнали о свадьбе, которая противоречит законам Виши и Рейха. Но если бы это было причиной, они бы забрали и Астрид.

– Его номер, – отвечает она безжизненно. В глубине души я уже знала ответ. Если бы причиной была свадьба, они бы забрали и Астрид.

Мы доходим до поезда, и я помогаю Астрид забраться в спальный вагон. Уже поздно, но вагон пуст, все остались на улице, обсуждая случившееся. Помогаю Астрид лечь на койку.

– Тебе надо отдохнуть, – говорю я, снимая с нее обувь.

Она не отвечает, но сидит неподвижно, глядя прямо перед собой. Я видела ее здесь много раз, но сейчас она как будто не на своем месте. Она должна быть с Петром, праздновать свою первую брачную ночь. А теперь эта мечта не сбудется. Это невозможно.

Я возвращаюсь к двери, чтобы забрать Тео у Люка. Пытаюсь положить Тео в руки Астрид. Обычно ей так хорошо с ним, но сейчас она отмахивается от него.

– Астрид, нам надо организовать все для герра Нойхоффа, – начинаю я. – Нам нужно будет, конечно же, отменить ближайшее

представление. Но потом надо будет выступать снова. Ты согласна со мной? – Я слышу в своем голосе жалобный тон, я хочу, чтобы она взяла все в свои руки, как обычно. Однако она сидит неподвижно, в ней не осталось силы воли. Мои глаза наполняются слезами, они стекают вниз. Я так хочу быть сильной ради нее, но ничего не могу с собой поделать.

– О, Астрид, я просто не могу поверить, что герра Нойхоффа больше нет. – Хотя я знала его всего несколько месяцев, он был мне как отец гораздо в большей степени, чем мой родной.

– И не только его, – резко отвечает она.

– Да, именно, – отвечаю я поспешно, вытирая глаза. Я не имею права плакать перед ней, когда она потеряла гораздо больше, чем я. – Но мы не должны терять надежды. Петр вернется. – Она не отвечает.

Вдруг ее лицо бледнеет. Она ложится, хватаясь за живот. Затем она отворачивается к стене и издает стон. Это не просто горе, понимаю я, это боль. Теперь я вижу небольшое пятно крови под ней, просочившееся через ее юбку на простыню.

– О, Астрид, твой ребенок! – кричу я, в панике выдавая ее секрет. Пятно становится больше на моих глазах. – Я пойду в город, найду доктора.

Она качает головой, отказываясь.

– С этим ничего не сделаешь, – отвечает она. – Слишком поздно.

– Кто-то должен осмотреть тебя, – возражаю я. – Позволь, я позову хотя бы Берту.

– Я просто хочу отдохнуть. – Когда она поняла, что с ней происходит?

– Мне так жаль... – Я ищу подходящие слова. – Я знаю, каково это, терять ребенка. – Но мой ребенок хотя бы смог родиться, не знаю уж, к счастью для него или к несчастью.

– Это к лучшему, на самом деле, – мрачно говорит она. – Я все равно не смогла бы стать хорошей матерью.

– Это не так, – возражаю я. – Я видела тебя с Тео и знаю, что это не так.

– Как ты могла заметить, я мало подхожу на роль заботливой матери.

– Матери бывают разными, – говорю я, пытаюсь помочь, но в то же время чувствую, что делаю только хуже.

– Без ребенка я могу спокойно выступать или делать то, что захочу, – говорит она, словно пытаюсь убедить себя. Она перекачивается на другой бок, лицом ко мне. – Того, что случилось, уже не изменить. Она смотрит мне за спину, и ее глаза расширяются. Я оборачиваюсь и вижу Люка, он неуверенно стоит в дверях вагона, не решаясь зайти, не хочет покидать меня после всего, что случилось.

– Что он здесь делает? – спрашивает Астрид.

– Астрид... – Я пытаюсь найти объяснение тому, почему Люк здесь, несмотря на то что я поклялась ей, что больше не буду с ним видаться. Но не нахожу.

– Как удобно, забрал тебя прямо перед арестом, – выплевывает она на французском, чтобы Люк тоже слышал. – Он, видимо, знал, что произойдет.

– Нет! – восклицаю я. Люк бы не предал нас. Я жду, что Люк скажет что-нибудь, начнет отрицать обвинение, защищать себя. Но он молчит. Недоверие Астрид передается мне. Люк видел номер Петра и даже предупредил его, что это навлечет на него беду. Я вспоминаю слова Люка в ту ночь, когда он приходил в цирк: «Они арестуют тебя...» Это было просто предположение, или он знал, что это случится?

– Это все его вина! – заводится Астрид, выплескивая на него всю свою ярость и горе. Мне хочется сказать ей, что это Петр, а не Люк, виноват в том, что продолжил выступать со своим номером даже после того, как герр Нойхофф запретил его. Но сейчас нельзя говорить об этом. Это только ухудшит ситуацию.

Люк поднимает ладони, сдаваясь, он не хочет ссориться. Он выходит из поезда и скрывается в тени. Я сажусь рядом с Астрид и обнимаю ее. Даже если Люк невиновен, это из-за него я не могла быть здесь, рядом с Астрид, когда была нужна ей. Она неистово сопротивляется. Потом она закрывает глаза и становится такой неподвижной, что мне приходится проверить, дышит ли она. Вдруг на меня накатывает осознание, сколько потерь она пережила: герр Нойхофф, ее ребенок, Петр, всех отняли у нее за одну ночь.

Или нет. Я смотрю на дверь поезда.

– Подержи его, – говорю я Астрид, крепко прижимая к ней Тео.

Я иду к двери и делаю шаг по лестнице, но не вижу Люка. Возможно, он ушел. Через секунду он выходит из тени.

– Она в порядке? – спрашивает он.

– Я не знаю, – говорю я, борясь со слезами. – Она потеряла все.

– Мне так жаль, – говорит Люк. – У меня ощущение, что это действительно моя вина.

– Что ты имеешь в виду? – От ужаса у меня стягивает желудок. Неужели Астрид все-таки права?

– Отец жаловался на цирк неделю назад или около того, – медленно начинает Люк. – Он сказал, что он приносит одни беды. Я рассказал ему, как я предупредил Петра о его номере, сказал ему, чтобы он больше с ним не выступал. Думал, что это поможет. Но, кажется, от этого он только еще больше разозлился.

– Петр сам решил выступить с этим номером, – отвечаю я. – Это не твоя вина.

Люк качает головой.

– Было еще кое-что. Папа велел мне держаться от тебя подальше, иначе будут последствия. Я думал, что достаточно аккуратно заметаю следы. Но если за мной следил кто-то из его людей и он сегодня приходил сюда и видел свадьбу... Мне так жаль, – говорит он снова, беря меня за руку. Он смотрит на меня, в его глазах читается мольба.

– Ты не хотел ничего плохого, – говорю я. Но отхожу от него. Сам того не желая, Люк разрушил цирк, о чем и предупреждала меня Астрид. Меня охватывает внезапный приступ гнева, но злюсь я не на Люка, а на себя.

– Если ты захочешь, чтобы я сейчас ушел, я пойму, – говорит Люк. – Ты, наверное, ненавидишь меня за это.

– Нет, – твердо отвечаю я. – Я знаю, что это не твоя вина. Но нам надо исправить это.

– Как? – спрашивает он.

– Мы должны сделать что-то, чтобы найти Петра.

В глазах Люка появляется сомнение. Он видел, как полиция забирает людей, слишком много раз и знает, что это невозможно.

Я расправляю плечи. Я подвела Астрид. Я не позволю себе подвести ее снова.

– Твой отец, – говорю я. – Это было официальное вмешательство полиции. Он должен что-нибудь знать об этом.

От мысли о том, что его отец причастен к произошедшему, на его лице появляется горечь.

– Я поговорю с ним этим же утром и пойму, знает ли он что-нибудь.

– Утром может быть слишком поздно, – отвечаю я. – Нам надо пойти к нему прямо сейчас.

– Нам? – повторяет Люк, не веря своим ушам.

– Я иду с тобой, – уверенно говорю я.

Он кладет руку мне на плечо.

– Ноа, нельзя.

– Ты не хочешь, чтобы твой отец увидел нас вместе, – говорю я, задетая его словами.

– Это не так. Но сейчас такая опасная ситуация. Почему ты не можешь просто подождать здесь?

– Потому что я должна сделать это ради Астрид. Я пойду к твоему отцу, с тобой или без тебя. – Смотрю Люку прямо в глаза. – С тобой было бы лучше.

Он открывает рот, чтобы продолжить спор.

– Хорошо, – говорит он, передумав.

– Дай мне минутку.

Я выплядываю из поезда на улицу, где собрались женщины, разговаривая.

– Эльси! – кричу я, подзывая ее. Девушка отходит от остальных и идет ко мне.

– Пожалуйста, присмотри немного за Тео.

Я все еще недолюбливаю ее и не доверяю ей после того, что она сделала, но у меня нет выбора. Астрид не в состоянии присматривать за ним самостоятельно.

Астрид. Я смотрю в коридор на Астрид, скорчившуюся на койке и обнимающую Тео. Я должна остаться и утешить ее, но я должна знать, что Люк выяснит у своего отца.

– Присмотри за Астрид тоже, – говорю я ей. – За ними обоими. Я вернусь так скоро, как только смогу. – Надо бы сказать Астрид, что я ухожу, но я не хочу, чтобы она спросила меня куда.

– Я готова, – говорю я Люку, положив свою ладонь в его, и мы идем в сторону леса.

Люк ведет меня по тропе, на которой я раньше не бывала. От холодного пронизывающего ветра деревья над нами яростно качаются, отбрасывая пугающие тени на землю, залитую лунным светом.

Через несколько минут деревья расступаются, и мы выходим на покатоое пастбище, в нижнем краю которого находится дом. Не знаю, чего я ожидала от резиденции мэра. Чего-то более величественного или зловещего, или, по крайней мере, большего размера. Но это традиционный французский сельский дом: длинная покатая серая крыша из шифера, с тремя расположенными на ней окнами. Дорожка из каменной плитки ведет к округлой двери, плющ взбирается вверх по стенам с обеих сторон от нее. Велосипед стоит у прилегающего к дому забора.

Середина ночи, и я ожидала, что в доме будет тихо. Но за занавеской горит свет. Я встаю как вкопанная, внезапно потеряв присутствие духа.

– Возможно, это было ошибкой.

– Так и я тебе о чем. Если папа увидит тебя...

Люк начинает отталкивать меня в кусты возле забора. Велосипед, который опирался на забор, с грохотом падает на жесткую землю. Дверь открывается до того, как я успеваю спрятаться, и из нее выходит мужчина в домашнем пиджаке.

– Люк, – зовет он, вглядываясь в темноту. Он – постаревшая копия своего сына, сутулый и сморщенный, но с такими же синими глазами и точеными чертами. Когда-то он, наверное, был очень красив.

– Это ты? – В его голосе я слышу беспокойство. Несмотря на все свои поступки, он все еще отец, который переживает за своего сына, а не злодей, каким я его представила. Из дома доносится насыщенный запах чеснока – у них, наверное, была курица в вине на ужин – и запах табака.

Мэр делает шаг вперед, щурится. Когда его глаза привыкают к темноте, он останавливает взгляд на мне. Я замираю.

– Девушка из цирка, – говорит он с ноткой презрения в голосе. – Что тебе нужно?

Люк прочищает горло.

– Один из артистов был арестован, – говорит он.

Мэр замирает, и в определенный момент я думаю, что он будет все отрицать. Но он кивает.

– Русский клоун.

Петр – это не просто «русский клоун», хочу возразить я. Он муж Астрид и самое сердце цирка.

– Ты ведь можешь что-то сделать. – Люк умоляет, борется за нас.

– Он выступал с номером, в котором высмеивал Рейх, – безразлично говорит мэр. Его голос холоден. – Немцы хотят судить его за государственную измену.

Я вижу перед собой Астрид, слышу ее крики, когда они забирали Петра.

– Позвольте нам хотя бы увидеться с ним, – осмеливаюсь вставить я.

Мэр поднимает брови, он удивлен, что я посмела подать голос.

– Это совершенно невозможно.

Я хочу сказать, что Петр скоро станет отцом, ведь у мэра тоже есть сын. Но я поклялась держать этот секрет в тайне, да и сомневаюсь, что это поможет разжалобить мэра.

– Глава нашего цирка сегодня умер, и Петр нужен нам больше, чем когда-либо. Пожалуйста... – умоляю я, пытаюсь найти нужные слова и не нахожу их.

– Это не в моих силах, – отвечает мэр. – Его забрали в старый военный лагерь на окраине города, чтобы депортировать, утром его отправят на восток первым же поездом.

По лицу Люка скользнуло тревожное выражение.

– Я думал, они больше не используют тот лагерь.

– Не используют, – отвечает он мрачно. – Только для особых случаев.

– Папа, сделай что-нибудь, – говорит Люк, предпринимая новую попытку, он все еще хочет верить в это. Теперь я вижу перед собой мальчика, который защищал своего отца, несмотря на все его ужасные поступки.

– Я не могу, – безучастно говорит мужчина.

– Ты не сможешь даже своему сыну? – спрашивает Люк. Его голос набирает новую силу. – Думаю, в этом нет ничего удивительного, ты ведь и своих людей сдавал.

– Как ты смеешь? – возмущается он. – Я твой отец.

– Мой отец помогал людям. Мой отец бы никогда не оставался в стороне, пока наших друзей и соседей забирала полиция. А сейчас он сделал бы хоть что-нибудь, чтобы помочь. Ты мне не отец, – выплевывает Люк, и я боюсь, что он заходит слишком далеко. – Если бы мама была здесь...

– Довольно! – рявкает мэр, его голос разрезает холодный ночной воздух. – Ты и понятия не имеешь, с чем я сталкивался, какие решения мне приходилось принимать, чтобы защитить тебя. Если бы твоя мать была здесь, она бы устыдилась тебя. Ты таким раньше не был. – Он бросает в мою сторону взгляд, полный ненависти. – Это, видимо, ее влияние. Цирковое отребье без намека на воспитание.

Люк делает шаг вперед, вставая между мной и отцом.

– Не говори так о Ноа.

– Не переживай, – отвечает мэр, прогоняя меня взмахом руки. – Совсем скоро они уедут отсюда. Иди домой, Люк.

– Нет, – говорит он, встретившись взглядом с отцом. – Я не могу больше здесь оставаться. – Он поворачивается ко мне. – Пойдем.

– Люк, подожди! – зовет мэр, его голос становится выше от удивления.

– Прощай, папа. – Люк берет меня за руку и уводит меня от дома, оставив мэра стоять в проеме двери в одиночестве.

– Ты уверен, что хочешь этого? – спрашиваю я, когда мы проходим ворота. Люк продолжает идти, уставившись впереди себя. Его шаги такие широкие, что мне приходится почти бежать, чтобы поспеть за ним.

Мы доходим до края леса.

– Подожди, – говорю я, останавливаясь. – Ты уверен? Если ты должен вернуться, я пойму. Он все-таки твой отец.

– Я не вернусь, – отвечает он.

– Ты хочешь сказать, совсем? – спрашиваю я. Он кивает. – Но куда ты пойдешь? – спрашиваю я, все больше беспокоясь за него.

Люк не отвечает, но обнимает меня и с силой прижимает свои губы к моим, как будто пытается стереть из памяти то, что только что случилось. Я отвечаю на его поцелуй, желая вернуться в прошлое, в сегодняшний вечер, до того, как все изменилось. Когда все было по-прежнему.

Затем он отрывается от меня.

– Прости меня, Ноа, – говорит он.

В какой-то момент мне кажется, что он извиняется за поцелуй.

– Из-за Петра? – спрашиваю я. – Не извиняйся. Ты пытался...

– Не только. За все это. – Он снова целует меня. – Пока, Ноа. – И он уходит в другую сторону через лес, оставляя меня одну.

Глава 20

Ноа

Похороны состоялись на следующий день, солнечным утром, которое так не подходило для этого мероприятия, на местном кладбище – скоплении покосившихся надгробий на обочине все той же холмистой дороги в дальней части Тьера, по которой мы шли во время парада. Могила герра Нойхоффа стоит одиноко в отдалении от остальных под склонившейся ивой. Глядя сверху вниз на закрытый дубовый гроб, я представляю, как он выглядит там, внутри: безжизненное тело, серое, восковое, в роскошном костюме ведущего. Ему здесь не место. Он должен быть в Германии, лежать рядом со своей женой. Но отныне он навсегда останется здесь. Меня охватывает грусть. Он был для нас всем, защищал нас. А теперь его не стало.

В конечном счете, его погубило здоровье. Проблемы с сердцем усугублялись прямо у нас на глазах, хотя он делал все, чтобы скрыть их, чтобы мы не волновались. Стресс от управления цирком тоже не способствовал его здоровью. Мы все были слишком озабочены своими собственными переживаниями, чтобы заметить это. А столкновение с полицией стало последней каплей. Ну, или так нам казалось. Мы уже никогда не узнаем.

Мы растерянно стоим вокруг гроба. Кто-то должен сказать что-нибудь о нашем благодетеле, человеке, который столько значил для нас. Но священника здесь нет, Петра тоже, а Астрид не в силах что-либо говорить. Впереди, ближе всех к могиле, в одиночестве стоит Эммет, по его толстым щекам текут слезы. Все держатся на расстоянии от него, и я не могу не испытывать к нему сочувствие.

Когда работники, выкопавшие могилу, опускают гроб, я еле сдерживаю всхлип. Хочу подойти, коснуться гроба еще раз, как будто это прикосновение сможет отмотать все на пару дней назад, когда все было в порядке. Астрид делает шаг вперед и бросает горсть земли в яму. Я следую ее примеру, вдыхая глубокий аромат земли, ощущая

темноту ямы совсем близко. Я никогда не была на похоронах раньше, но этот ритуал почему-то кажется мне знакомым. Я смотрю вниз, в темную яму. «Спасибо», – безмолвно говорю я герру Нойхоффу. За то, что спасли меня и Тео. За все. За всю мою жизнь я не встречала никого, кто сделал бы для меня больше. Я отхожу назад и стряхиваю с рук землю, затем беру Астрид за руку, наши пальцы переплетаются.

Проглатывая ком, образовавшийся в горле, я изучаю лицо Астрид, посматривая на нее уголком глаза. У нее бледная кожа, глаза пустые. Но она не плакала. Как это возможно? Всего несколько дней назад она начинала свою новую жизнь с Петром. Теперь от той жизни не осталось и следа. Она вздрагивает, и я обнимаю ее одной рукой, наше горе безмолвно объединяется. У меня щиплет в глазах, и я моргаю, прогоняя слезы. Астрид сделала так много для меня, она заботилась и защищала меня, теперь моя очередь быть сильной для нее. Я крепче обнимаю ее за плечи.

Затем похороны заканчиваются, и мы идем обратно к цирку, медленно, долго. Колокол вдали бьет одиннадцать. Я в последний раз оглядываюсь на кладбище.

Пока мы обходим город по самому его краю, я вижу фургоны и грузовики, поднимающиеся по крутой дороге вверх к рыночной площади, детей, которые идут в школу чуть менее резво, чем раньше. Где же Люк? Даже сейчас я не могу не думать о нем и его предложении убежать вместе. Тогда, несмотря на то что я сказала «нет», я почувствовала, как вдали забрезжила надежда. Жизнь, которая могла бы быть у нас. Кажется, теперь она, как и все остальное, ушла в небытие.

Я не видела его с той ночи, когда арестовали Петра, и в коробочке под вагоном, которую я проверяла по утрам последние два дня, не было записок. Я надеялась, что он появится на похоронах, чтобы отдать дань уважения, но он не пришел. Возможно, он чувствовал, что ему не будут рады, что Астрид может снова обвинить его в том, что случилось.

Когда мы подходим к цирку, мы не возвращаемся в поезд, но разбредаемся по заднему двору, как дети, потерявшие родителей.

– Нам нужно репетировать, – говорит Герда. Я почти забыла об этом: сегодня вторник, вечером будет представление. Билеты проданы, придут зрители.

– Но у нас нет ведущего, – говорит одна из наездниц. Все кивают. Сложно представить, как мы будем выступать без герра Нойхоффа. Петр мог бы заменить его, но и его здесь теперь нет.

– Я могу, – говорит Эммет. Все смотрят в его сторону с опаской. У него не тот характер, чтобы завладеть вниманием зрителей. Я никогда не видела, чтобы он хоть одной ногой ступал на арену. Но выхода нет. – Это только на один день перед отъездом, – добавляет он. – Потом мы придумаем что-нибудь еще.

– На один день? – спрашивает Хельмут, дрессировщик. – Что ты хочешь этим сказать? Мы ведь должны оставаться здесь до пятницы перед тем, как поедem в следующий город.

Я вспоминаю, что Астрид говорила, что мы будем в Тьере три недели, после чего поедem дальше, и до этого остается еще несколько дней.

– После сегодняшнего представления мы пакуем вещи, – отвечает Эммет. – Сносим все. Не едем в следующий город. – У меня по коже бегут мурашки. – Мы возвращаемся обратно, на стоянку рядом со Страсбургом, в Эльзасе и Лотарингии. – Он сообщает плохие новости так, будто выкладывает козырь на стол.

В толпе раздаются вздохи. *Сегодня*. Это слово пулей проносится в моей голове. Эммет говорил, что цирк отправят обратно, но я не думала, что это и правда случится так скоро. Я оборачиваюсь к Астрид, надеясь на поддержку, но она стоит молча, как будто ничего не слышала.

– Эльзас, – бормочет один из акробатов. – Это, считай, Германия.

Я вспоминаю, что сказала мне Астрид о том, как герр Нойхофф пытался найти способ остаться во Франции.

– Можем ли мы оспорить это решение? – осмеливаюсь спросить я. Эммет качает головой.

– Отец пытался оспорить приказ до того, как все случилось. На запрос ответили отказом.

Учитывая арест Петра и то, что произошло, нам не дадут послаблений. А Эммет не борец, он всегда выбирает путь наименьшего сопротивления. Мы не можем рассчитывать на то, что он снова будет просить об отсрочке. – Поэтому мы будем выступать в Эльзасе.

Я замираю, меня охватывает страх. Я не должна быть так близко к Германии с Тео. Но я не могу бросить Астрид, особенно теперь.

– Но что же с теми городами во Франции, в которых были запланированы представления? – спрашиваю я. Люди поворачивают головы в мою сторону. – Если мы начнем отменять представления, нас не позовут в следующем году. Подумай о том, сколько денег мы потеряем.

– В следующем году? – смеется Эммет, бурно жестикулируя. – Цирк умирает, Ноа. Денег нет. Мы потеряли ведущего, немцы забрали нашего лучшего артиста.

Глухой звук, даже не всхлип, застревает в горле Астрид. Эммет продолжает:

– До какого-то момента они нам потакали. Но это конец, и не важно, будет он сейчас или через пару месяцев. Как долго, по-твоему, это могло продолжаться?

– Мы должны продолжать, – говорит Астрид. Это первый раз, когда она заговорила с тех пор, как все произошло, и ее голос лишен былой силы.

– Чтобы спасти тебя? – резко отвечает Эммет.

– Чтобы спасти всех нас, – возражаю я, – включая тебя. Ты знаешь, что немцы делают с теми, кто укрывает людей? – Я делаю шаг назад, испугавшись, что сказала больше, чем должна была.

У Эммета расширяются глаза.

– Мы будем выступать до конца сезона там, где нам велели, – смягчается он. – Во всяком случае, пока мы можем себе это позволить. Папа оставил не так уж много.

Артисты начинают перешептываться. Конечно, мы скорбим по герру Нойхоффу и будем скорбеть еще долго. Дыра, которая образовалась после такой потери, огромна. Но есть и практическая сторона вопроса: как цирк будет существовать без него? Сможет ли?

– Твой отец ведь наверняка имел страховку? – спрашивает Хельмут.

Все с надеждой смотрят на Эммета, который неловко переминается с ноги на ногу.

– Боюсь, отцу пришлось обналичить ее прошлой зимой. Нужны были деньги на разные издержки.

– Он говорит правду, – тихо произнесла Астрид. «Это даже к лучшему», – думаю я. Деньги все равно перешли бы к ближайшему наследнику, Эммету, и он не потратил бы их на благо цирка.

– Однако есть завещание, – продолжает Астрид. Ревность отражается в глазах Эммета, он не знал о делах своего отца, а Астрид знала. – И в нем есть положение о том, что цирк нельзя продавать.

Кто-то позади меня с облегчением выдыхает. Никто не купит цирк в такие времена, но если бы это было возможно, Эммет продал бы его и сбежал при первой возможности.

– Это просто нелепо! – взрывается Эммет. Он думал, что все, что останется, будет принадлежать ему, что у него будет полная свобода действий. Такого он не ожидал.

– Также оно предусматривает, что артисты остаются на своих местах, если нет претензий к их работе.

– Теперь, по крайней мере, на одного артиста меньше, – холодно говорит Эммет, скрестив руки, нанося свой последний удар.

Астрид кажется пораженной этим и не отвечает. Я пытаюсь приобнять ее, но она отталкивает меня и уходит.

– Нет, – говорит она, когда я пытаюсь последовать за ней. Она поднимает руку, останавливая меня.

– Я подготовил для всех поздний завтрак, – сказал Эммет, желая закончить обсуждение.

Не произнося ни слова, мы идем в палатку, где готовят еду. Запах сосисок и насыщенный аромат свежесваренного кофе щекочут мне нос. Работники кухни, которые оставались работать во время похорон, сервировали роскошный завтрак, такого у нас не было с момента, как мы въехали во Францию: яйца и даже немного настоящего масла – еда, которая должна нас утешить. Я молча оглядываю стол, как обычно примечая, что я смогу отложить, чтобы отнести Тео.

– Так много еды, – замечаю я, обращаясь к одной из работниц, которая пополняет тарелку с жареной картошкой. – Кажется глупым тратить все одним разом, правда?

– У нас не будет времени, чтобы все заморозить, если мы уезжаем через несколько часов, – говорит работница. – Нужно съесть скоропортящиеся продукты сейчас, чтобы не пропали.

Я беру кусочек жареного хлеба и яйца для себя и сажусь за пустой стол. Ко мне подходит Эммет с горой еды на тарелке. На его аппетит,

похоже, горе не повлияло. Он садится, не спрашивая у меня разрешения. Я не общалась с ним лицом к лицу с тех пор, как он столкнулся со мной на свадьбе, и я борюсь с желанием встать и уйти. Затем я вспоминаю, каким печальным он был на похоронах.

– Тяжелый сегодня день, – отмечаю я, пытаюсь проявить доброту.

– Будет еще тяжелее, – отвечает он кратко. – Когда мы доберемся до Эльзаса, будут изменения. Нам нужно будет распустить большую часть рабочих. – Но эти люди тоже являются частью цирка. Каждый год они добросовестно появляются на работе, мы гарантируем им стабильный найм, обещание держат обе стороны. Как он может так поступить?

– Кажется, в завещании твоего отца сказано, что все должны сохранить свои рабочие места, – возражаю я.

– В завещании говорится только об артистах, – срывается он.

– Твой отец определенно хотел, чтобы...

– Моего отца больше нет, – говорит он, оборвав меня. – Мы не можем позволить себе оставить всех. Мы найдем рабочих на месте.

Всего минуту назад я сочувствовала Эммету. Теперь мои добрые намерения стремительно исчезают. Шестеренки в его мозгу поворачиваются, и он готов обескровить цирк, лишив всех его талантов, чтобы по пенни наскрести выгоду для себя, используя самые не подходящие для этого способы. Тело его отца еще остыть не успело, а он уже все разрушает. Возможно, он искренне горюет по отцу, но он также использует это в качестве оправдания, чтобы поступать настолько ужасно, насколько ему хочется.

– Если каждый внесет свой вклад, мы сможем справиться и с половиной рабочих, – добавляет он. Это предположение обнажает тот факт, как мало он знает о нашей работе. Даже я понимаю, насколько важны здесь рабочие кадры и их профессионализм.

Я оглядываюсь в сторону поезда. Если бы только Астрид была здесь и могла бы поспорить с Эмметом. Затем я вспоминаю ее усталое лицо и слабый голос. В ее нынешнем состоянии она не сможет с ним говорить.

– Когда ты им скажешь? – спрашиваю я.

– Не раньше, чем мы доберемся до Эльзаса. До того момента они могут оставаться с нами. – Он говорит это доброжелательно, как будто дарит им невероятный подарок. Но он делает это не ради их блага:

ему нужно, чтобы они все демонтировали и вернулись в первоначальном составе.

– А что насчет их контрактов? – спрашиваю я.

– Контрактов? – повторяет Эммет, передразнивая меня. – Они есть только у артистов.

Больше я с ним не спору. Мои глаза устремляются на седеющего разнорабочего, сидящего за своей тарелкой с поникшими плечами. Я вспоминаю историю о еврее-разнорабочем, которую рассказала мне Астрид – мужчина, которого приютил герр Нойхофф. Теперь, когда герр Нойхофф мертв, а Эммет распускает рабочих, ему будет некуда пойти. Как и Астрид, как и всем нам.

– У некоторых людей нет домов, куда они могли бы вернуться, – размыто говорю я.

– Ты это про старого еврея? – грубо спрашивает Эммет. Мне не удастся скрыть удивление. – Я знаю о нем, – добавляет он.

Я тотчас жалею о том, что начала этот разговор, но уже поздно идти на попятную.

– Если ты скажешь ему раньше, у него, возможно, будет шанс спастись до того, как мы уедем.

– Спасти? У него нет документов. – Эммет наклоняется вплотную ко мне, у него глухой голос, дыхание горячее и кислое. – Я не скажу ни ему, ни другим. И тебе тоже стоит помалкивать, если ты, конечно, понимаешь, что для тебя хорошо, а что нет. – Он даже не пытается скрывать то, что он угрожает мне. Кровь стынет у меня в жилах. Эммет не постесняется бросить человека волкам, если это будет нужно для его цели, и это касается меня в той же степени, что и других.

Не желая больше его слушать, я встаю и складываю в карман салфетку, в которую завернула яйца и хлеб для Тео.

– Прошу меня извинить, – говорю я. Выхожу из палатки и направляюсь к поезду.

Пересекая территорию цирка, я прохожу мимо Дрины, гадалки, она сидит под деревом, теперь уже другим, расположенным ближе, чем то, под которым я видела ее в прошлый раз. Она слабо улыбается и протягивает мне свою колоду Таро, предлагая погадать. Но я качаю головой. Я больше не хочу знать будущее.

Толпы зрителей еще не успевают отойти от цирка, а бригады рабочих уже начинают сворачивать шашито. В отличие от возведения, демонтаж шатра – печальное зрелище, которое никому не хочется видеть. Шесты звенят, падая друг на друга, и брезент начинает оседать на землю как парашют. Огромная палатка, которая когда-то была наполнена людьми и смехом, исчезла, как будто ее никогда и не было. Я переступаю через выброшенные программки и слой смятых зерен воздушной кукурузы, втоптаных в землю. Что будет здесь, когда мы уедем?

Я оглядываю опустевшее пространство, снова пытаюсь отыскать Астрид. Она не приходила на представление. Чуть раньше, когда я готовилась к своему номеру, я искала ее на заднем дворе, я надеялась. Но она не выходила из поезда весь вечер. Я впервые выступала, когда ее не было рядом, и чувствовала себя незащищенно, как будто внизу нет никакой страховки. Теперь, когда герра Нойхоффа больше нет, она была нужна мне больше, чем когда-либо.

Ко мне подходит Герда.

– Пойдем, – говорит она. – Надо переодеться и готовиться к отъезду. – Это самая длинная фраза, которую она сказала мне за все время, и я думаю, не могла ли она понять, какой потерянной я ощущаю себя без Астрид.

– Когда мы выезжаем? – спрашиваю я, когда мы идем обратно к поезду переодеться.

– Еще несколько часов мы будем здесь, – отвечает Герда. – Они закончат разбирать все уже после того, как мы ляжем спать. Но Эммет велел всем оставаться в поезде.

Несколько часов – и мы уедем из Тьера навсегда. Я вспоминаю о Люке. У меня не было возможности сказать ему, что мы уезжаем, или попрощаться. Я с тоской оглядываюсь назад, в сторону города, думая, есть ли у меня время, чтобы найти Люка. Я думаю о том, что могла бы незаметно улизнуть, но вряд ли я осмелюсь пойти к дому его отца после всего, что случилось, а где еще его можно искать – я не знаю.

Девушки в гримерке тихо переодеваются и стирают макияж, нет и толики того воодушевления, какое царило здесь, когда мы уезжали из Дармштадта. Переодевшись, я иду к спальному вагону. Я ожидаю увидеть Астрид – как обычно – с Тео на руках. Но с ним сидит Эльси.

Я забираю Тео у нее из рук.

– Где Астрид?

– Она не вернулась, – отвечает Эльси.

– Не вернулась? – повторяю я. Я думала, раз ее не было на представлении, она осталась здесь, в кровати, в которой она проводила большую часть времени с тех пор, как Петра арестовали.

– До представления ее тоже здесь не было, – сказала Эльси. – Я думала, она с тобой.

Я выглядываю из окна вагона. Куда она пошла? Я не видела ее ни в шатре во время представления, ни где-то поблизости, когда рабочие начали демонтаж. Выхожу из вагона с Тео на руках, пляжу в сторону первого вагона, но нигде ее не вижу. Она бы не пошла далеко, зная, что мы вот-вот уедем. Разве что решила предпринять последнюю отчаянную попытку найти Петра? Я смотрю в сторону города, меня охватывает беспокойство.

«Спокойно», – думаю я. Даже в нынешнем состоянии Астрид понимает, что это невозможно. Мой взгляд устремляется в противоположном направлении, к последнему вагону, который принадлежал герру Нойхоффу. Затем, глядя на вагон перед ним, я понимаю. Астрид не уходила. Она пошла в место, где чувствовала себя ближе всего к Петру. Я иду в сторону его вагона.

Я нахожу ее на незаправленной постели Петра, она лежит, свернувшись в клубочек, спиной ко мне. Обеими руками она вцепилась в простыню.

– Астрид... – говорю я с облегчением и сажусь рядом с ней. – Я не могла тебя найти и подумала, что... – Я не заканчиваю свою мысль, а кладу руку на ее плечо и мягко переворачиваю ее на другой бок, ожидая наконец-то увидеть ее слезы. Но у нее каменное выражение лица, глаза пусты. В вагоне прохладно, но над ее губой выступил пот.

Я снова переживаю.

– Астрид, тебе хуже? Снова началось кровотечение?

– Нет, конечно же, нет.

Я протягиваю руку и дотрагиваюсь до ее головы.

– Ты все еще горячая.

Надо было переубедить ее, когда она отказалась от врача, но теперь уже нет времени что-то делать.

Я передаю Тео Астрид и ложусь рядом с ними, чувствуя запах Петра от несвежего белья и стараясь не думать о тех ночах, которые

они с Астрид провели здесь во время пути. Хочу рассказать ей о том, что Эммет сказал про рабочих, но не стоит обременять ее сейчас. Всего через мгновение ее дыхание выравнивается, и когда я смотрю на нее, то вижу, что она уже спит.

Тео беспокойно ворочается рядом с ней, он не готов спать в непривычной обстановке. Раздается громкий стук, и весь вагон сотрясается от того, что в соседний вагон грузят что-то тяжелое.

– Все будет хорошо, – говорю я больше для себя, чем для него. Нежно прикладываю руку к его спине и начинаю массировать ее небольшими круговыми движениями. Его веки начинают смыкаться, с каждым разом оставаясь закрытыми на секунду дольше, он засыпает.

Когда Тео успокаивается, я переворачиваюсь и думаю о Люке. Конечно, он узнает о том, что я уехала, но тогда будет уже поздно. Будет ли он знать, куда я уехала? Когда-то он обещал найти меня, но не думаю, что это возможно. Нас будут разделять сотни километров.

Я сажусь и выглядываю из окна на знакомое пространство, на лес, который ведет к городу. Мы все еще здесь. Я могу выйти из поезда, пойти к Люку, чтобы сказать, что мы уезжаем, и вернуться вовремя, никто и не заметит. Или, может быть, даже забрать Тео и сбежать с Люком навсегда, думаю я, вспоминая его предложение. Но куда мы пойдем? У нас нет документов, чтобы пересечь границу, у нас нет денег на еду и жилье. Затем я оглядываюсь на Астрид. Даже если бы это было возможно, я бы не осмелилась. Я закрываю глаза.

Через какое-то время все начинает трястись, и поезд медленно трогается. Я снова сажусь и смотрю на юго-восток в окно, думаю о том, что свобода находится в пределах нескольких сотен километров, в Швейцарии. Рядом лежит Астрид, ее тело ритмично поднимается и опускается, она крепко спит. Теперь моя судьба связана с ее, что бы ни случилось.

Поезд едет вперед, и Тьер как будто сжимается, оказываясь все ниже и ближе к земле, когда мы набираем скорость. И вот его уже не видно. Я прикасаюсь к стеклу в том месте, где всего несколько секунд назад виднелся город, оставляя Люка и наш шанс обрести свободу позади.

Глава 21

Астрид

Дверная ручка скрипит, поворачиваясь, чьи-то руки касаются твердого дерева. Сквозь сон я думаю, что я снова в Дармштадте, Петр пришел, чтобы сказать, что нашел кого-то в лесу поблизости. Но когда я открываю глаза, то вижу, что это всего лишь Ноа, она торопится войти в маленький домик, в котором мы жили последние пять дней с тех пор, как приехали в Эльзас. Я снова закрываю глаза, желая, чтобы сон вернулся.

– Астрид? – Голос Ноа, напряженный от тревоги, вырывает меня из воспоминаний. Я переворачиваюсь. Она выглядывает в запачканное окно. Она напряжена, лицо бледное. – Вставай.

– Они снова пришли? – спрашиваю я, с трудом поднимаясь. До того, как она успевает ответить, снаружи раздаются громкие звуки – проверка, полицейские снуют по кибиткам и палаткам. Когда-то я бы побежала прятаться. Но здесь негде. «Пусть забирают меня», – думаю я.

В дверь громко стучат, мы обе вздрагиваем. Я поднимаюсь, тянусь к своему халату. Тео кричит. Ноа открывает дверь, и мы видим двух офицеров СС. Всегда ходят по двое, задумываюсь я. Не считая, конечно, того дня, когда они забрали Петра.

– *Wer ist da?*^[33] – рявкает один из мужчин, выше ростом и худее.

– Я Ноа Вейль. – Ей удастся сказать это без дрожи в голосе.

Офицер указывает в мою сторону.

– А она?

Секундная заминка.

– Я Астрид Сорелл, – говорю я, когда понимаю, что Ноа не отвечает. – С тех пор, как вы спрашивали два дня назад, ничего не изменилось, – не сдержавшись, добавляю я. Что, по их мнению, должно было измениться?

– Что ты сказала? – спрашивает он. Ноа бросает на меня угрожающий взгляд.

– Ничего, – бормочу я. Ничего хорошего не выйдет, если я буду с ними спорить.

Другой офицер заходит в дом.

– Она болеет? – Он кивает в мою сторону.

Да, хочу сказать я. Нацисты, как известно, боятся болезней. Возможно, если они подумают, что я заразная, то оставят нас в покое.

– Нет, – уверенно отвечает Ноа, опередив меня. Она смотрит в мою сторону.

– А ребенок? – спрашивает он.

– Это мой братишка, – убедительно говорит она, эта ложь уже стала привычной. – Его документы тоже здесь.

– Вы не хотите пить, господа? – спрашивает Ноа, меняя тему до того, как он начнет задавать новые вопросы. Она опускает руку под кровать и достает полбутылки коньяка, я не знала, что он у нее есть.

Глаза мужчины расширяются, но потом он снова хмурится. Это оправданный риск: примет ли он взятку, или обвинит ее в краже или в умышленном сокрытии алкоголя? Он забирает бутылку и поворачивается к двери, мужчина ниже ростом следует за ним.

Когда они уходят, Ноа закрывает дверь. Она берет Тео на руки и ложится на кровать рядом со мной.

– Не думала, что они придут так скоро, – говорит она, ее трясет.

– Почти каждый день, как по часам, – отвечаю я, отворачиваясь от нее и глядя в окно домика, в который нас заселили. В Эльзасе, одном из самых потрепанных войной районов, даже не пытаются сохранять иллюзию нормальности. За тоненькой полоской реки лежит город Колмар, некогда изящные церкви эпохи Ренессанса и деревянные дома разрушены бомбежками, деревья, которые раньше бы уже цвели в начале мая, разрубило пополам, точно щепки. Немецкие грузовики и вездеходы заполонили дороги.

– Коньяк, – говорю я. – Где ты его достала?

На лице Ноа появляется виноватое выражение.

– Из вагона герра Нойхоффа. Эммет перебирал его вещи, забирая все, что хотел. Я подумала, что он не заметит.

– Это ты отлично придумала.

Слава богу, она не предложила им еды, с Тьера паек сильно сократили, у нас едва хватает еды для себя и Тео.

– Но теперь его нет, – беспокоится Ноа. – В следующий раз они будут ожидать большего.

– Мы что-нибудь придумаем, – говорю я. Снова ложусь на кровать, в горле першит из-за постоянной завесы дыма и угольной пыли в воздухе. Лачуга, в которой места едва хватает на нас троих, находится в нескольких шагах от лагеря, в ней протекает крыша, и пол совсем грязный. Мы не можем спать в поезде, как в Тьере, опасаясь, что ВВС Великобритании будут бомбить железнодорожные пути. Поэтому мы переселились в низенькие дома, бараки без водопровода, раньше их использовали рабочие, которые трудились на соседнем карьере. Тут не то чтобы сильно безопаснее. Территория цирка здесь ближе к дороге, и военные автомобили грохочут по ней всю ночь, делая это место главной мишенью для обстрелов. Прошлой ночью бомбы падали так близко, что я утащила Ноа и Тео под раскладушку, и, обнявшись, мы мерзли на холодном полу до самого утра.

Уже почти неделя прошла с тех пор, как арестовали Петра, куда они забрали его – одному Богу ведомо. Теперь, когда я просыпаюсь, мне все это видится страшным сном, который мне не удастся развеять. И герра Нойхоффа больше нет, он остался лежать на том холме в Оверни. Я обнимаю свой живот, чувствуя пустоту и скорбя по всему тому, чего никогда не будет. Я думала, что, лишившись Эриха и семьи, я потеряла все, что у меня больше нечего забрать. Но этот последний удар – это слишком тяжело. Я позволила себе надежду, несмотря на все обещания, которые дала себе прежде, покидая Берлин. Я позволила себе сблизиться с человеком. А теперь расплачиваюсь за это.

Ноа кладет руку на мой лоб.

– Жара нет, – говорит она, в ее голосе заметное облегчение. Храни ее Господь, она так заботится обо мне. Но ее забота что капля воды – она не в состоянии заполнить пустоту в моем сердце.

Ноа тянется ко мне и берет меня за ладони.

– Астрид, у меня хорошие новости.

На долю секунды мое сердце трепещет. Возможно, она что-то узнала о Петре. Затем я беру себя в руки. Как она может вернуть мертвого к жизни? Повернуть время вспять? Я отодвигаюсь от нее.

– Теперь для нас нет хороших новостей.

– Эммет сказал, что ты снова можешь выступать, – говорит она, делая паузу и вглядываясь в мое лицо в ожидании реакции. Она думает, что я сейчас подпрыгну от радости и побегу переодеваться в трико? Когда-то вернуться к трапеции было моим единственным желанием. Но теперь все это не важно.

– Пойдем тренироваться, – настаивает Ноа, она изо всех сил пытается улучшить ситуацию. Это не помогает, но я люблю ее за ее заботу. – Астрид, я знаю, как тебе тяжело. Но лежа на одном месте, ты ничего не изменишь. Почему бы тебе не летать?

«Потому что вернуться к обычным делам – это признать, что Петра больше нет», – думаю я. Это предательство.

– А смысл? – спрашиваю я.

Ноа не знает, что ответить.

– Астрид, ты должна встать.

– Почему?

Она смотрит в другую сторону, как будто не желая рассказывать мне что-то.

– Помнишь Йету?

– Конечно. – Йета выжила после падения, и ее отправили в больницу рядом с территорией Виши. Мне внезапно становится не по себе. – А что с ней?

– Я спросила Эммета о ней перед тем, как мы уехали из Тьера, и он сказал, что ее отправили в Дармштадт на дальнейшее лечение. Но потом я услышала, как рабочие шепчутся, что ее забрали из больницы и отправили на восток одним из поездов. – Ноа переходит на шепот.

– Ее арестовали? – спрашиваю я. Как Петра. Ноа кивает. – Людей не забирают в полицию со сломанной ногой, Ноа. Это бред. Она не сделала ничего плохого. – Но сказав это, я тут же усомнилась в собственных словах. В это время человека могут арестовать по любому поводу, а то и вовсе без повода.

– Они сказали: если она не может выступать, ее рабочие документы будут аннулированы, – продолжает Ноа. – Ты должна прийти в себя, Астрид, ради всех нас. – Теперь я понимаю, почему Ноа так поспешно ответила немцам, что я не больна. Они чувствуют слабость и жаждут использовать ее в своих интересах.

– Пожалуйста, пойдем со мной на арену. Если ты еще недостаточно хорошо себя чувствуешь, чтобы практиковаться, то хотя

бы посмотри и посоветуй, что мне исправить, – говорит Ноа умоляющим голосом.

– Выступать под дулом пистолета, – говорю я. – Что за радость?

Но дело не в радости, а в выживании. Кроме того, Ноа права: ничего не изменится, если я просто буду лежать здесь, Петр не вернется. Цирк, мой номер – это все, что у меня осталось.

– Хорошо, – говорю я, поднимаясь. Она уносит Тео в лачугу, где живет Эльси, а я ищу свое трико и поднимаю его поближе к свету, вспоминая последний раз, когда я его надевала, чувствуя, как пальцы Петра касались его ткани. У меня пересохло горло. Возможно, я не смогу. Но я все же надеваю его. Когда Ноа возвращается, я позволяю ей увести меня.

Мы идем по территории цирка. Рабочие сделали все возможное, чтобы расставить цирковые атрибуты: от пивной до карусели, точно так же, как было в Тьере. Но место здесь вызывает ужас – грязное поле на краю заброшенного каменного карьера, неровное, испещренное выбоинами от сражений, которые проходили здесь ранее.

Когда мы приближаемся к шатру, мой взгляд выхватывает трапецию в прорези занавеса. Я останавливаюсь. Как я смогу снова летать, зная, что Петр меня не увидит?

Ноа берет меня за руку.

– Астрид, пожалуйста.

– Я справлюсь, – говорю я, стряхивая ее руку.

Внутри я вижу, что все сделано не так.

Шатер поставлен наскоро, земля не подготовлена, возводило его вдвое меньше работников, в основном все местные и неопытные. Что бы сказал герр Нойхофф о своем великом цирке, оказавшемся в руинах? В завещании сказано, что цирк должен продолжать свою работу, но есть миллион разных мелочей, которые нельзя предусмотреть в завещании: зарплаты, условия жизни, часы работы и так далее. Легко обвинить в этом Эммета. Однако падение цирка началось не с него, все стало трещать по швам месяцы, а то и годы назад, и только теперь, в этой Богом забытой деревне, без лидера, все наши слабости обнажились, проявились во всей красе.

Хватит. Я беру себя в руки. Теперь, когда цирк в таком состоянии, Ноа и все остальные нуждаются во мне больше, чем когда-либо. Я иду вперед, набравшись решимости, отодвигаю занавес и поднимаю

голову, чтобы оценить состояние трапеции. Наверху я вижу темный незнакомый объект. В какой-то момент мне кажется, что это тренируется кто-то из других гимнасток. Делаю шаг назад, я еще не готова ни с кем встречаться.

Но человек наверху не двигается, просто безвольно висит.

– Что это такое? – Я подхожу ближе, чтобы лучше видеть.

С испанской паутинки, на которой я раньше выступала, свисает безжизненное тело часовщика Меца.

– Астрид, что такое? – спрашивает Ноа, когда я оседаю на землю. Я почти не слышу ее за шумом, который нарастает в моих ушах. – Ты в порядке? – спрашивает она. Ее взгляд сосредоточен на мне, она не видит тот ужас, который только что увидела я. – Это было ошибкой. Давай я помогу тебе вернуться в кровать.

– Позови рабочих, – команду я, но даже в этот момент я понимаю, что уже слишком поздно. – Иди, сейчас же. – Я хочу, чтобы она ушла из палатки, хочу избавить ее от этого зрелища. Но она поднимает глаза вслед за мной и издает душераздирающий крик.

Я хватаю Ноа за плечи и выталкиваю ее из шатра.

– Рабочие, – команду я снова, более твердо. – Иди!

Теперь я одна и смотрю вверх, на Меца. Всего несколько дней назад я видела, как умирает герр Нойхофф. Но это другое. Мец умер, потому что был евреем и потому что решил, что надежды больше нет. На его месте могла бы быть я. Я стою в тишине, касаясь куртки в том месте, где должна была быть пришита звезда, выражая свою солидарность.

– Сюда, в шатер! – слышу, как кричит Ноа на улице. – Пожалуйста, поторопитесь.

Двое рабочих вбегают в палатку. Я стою одна, глядя на то, как они лезут наверх по лестнице, пытаются дотянуться до него с помощью длинного шеста, которым мы обычно достаем гриф трапеции.

Я отворачиваюсь, не желая больше смотреть на это, мне становится нехорошо. Ноа возвращается, за ней появляется Эммет.

– Черт, – ругается он.

– Нужно ли вызывать полицию? – спрашивает Ноа.

– Нет, конечно, нет, – выплевывает Эммет. – Мы не можем привлекать внимание полиции.

– Но если это убийство, мы должны доложить о нем, – возражает она Эммету с такой силой, какой я от нее не ожидала. Он не отвечает, но быстро уходит из палатки.

Я кладу руку на ее плечо.

– Ноа, его никто не убивал. Он сам убил себя.

– Что? – Я смотрю на то, как меняется выражение ее лица, когда она осмысливает услышанное.

– Ты ведь наверняка слышала о суициде.

– Да, конечно. Но как ты можешь быть уверена в этом?

– Нет следов борьбы, – объясняю я. – Хотела бы я только знать почему.

Ноа хмурится.

– Наверное, он узнал.

– Что узнал? – спрашиваю я.

Она замялась, и я понимаю, что она что-то мне не рассказывала.

– Эммет сказал, что распустит всех рабочих.

– Что? – Я замираю от этой мысли. Мец как-то узнал о плане Эммета. У него нет семьи и нет возможности найти убежище, и он сдался, отнял у себя жизнь сам, до того, как ее отнял бы кто-то другой. Он не видел иного выхода.

– Мне жаль, что я не сказала тебе раньше, – торопливо говорит Ноа. – Эммет угрожал мне, а я не хотела тебя беспокоить... – Я выхожу из палатки, не дослушав ее объяснение.

Новость быстро распространяется по цирку, рабочие и артисты стоят группками перед шатром. Я обхожу собравшихся и замечаю Эммета на дальнем краю поля. Он стоит отдельно ото всех, нервничает.

– Как ты мог? – спрашиваю я. – Нам нужны эти люди.

Его глаза расширяются.

– Ты валялась в постели все эти дни, а теперь хочешь поучить меня, как нужно управлять цирком? – огрызается он. – Как у тебя напlosti хватает?

– Нет, Эммет, вопрос в том, как у тебя хватило напlosti на такое? – Голос Ноа раздается позади меня. – Если бы ты сказал им об этом до того, как мы уехали из Тьера, у него был бы шанс.

– Это не ваше дело, – возражает он.

– Ты собираешься им сказать? Или мне самой? – Неповиновение Ноа застало его врасплох.

Люди подходят ближе, услышав их разговор.

– Сказать нам что? – спрашивает один из акробатов.

Эммет переминается с ноги на ногу, а затем поворачивается к собравшейся толпе.

– Мне жаль сообщать это, но у цирка почти не осталось денег. Мы распустим всех рабочих.

– Всех, кроме бригадиров, – быстро вставляю я. Я беру на себя слишком много, но мне все равно. Быстро продолжаю, пока Эммет не возмутился: – И тех, кто был с цирком больше пяти лет.

Если все уйдут одновременно, некому будет работать во время представления.

– Черт побери! – ругается один из рабочих. – Вы не можете так поступить!

– Других вариантов нет, – холодно отвечает Эммет.

– Каждый получит оплату за две недели и билет на поезд до дома, – добавляю я. – Верно, Эммет?

Эммет смеряет меня взглядом. Конечно же, в его планы это не входило.

– Да, да, конечно. Если вы уйдете мирно. Теперь, если позволите, я уйду, у меня есть дела. – Он крадется прочь, продолжая смотреть на нас, как будто боится поворачиваться к нам спиной. Когда он уходит, рабочие тоже начинают расходиться, продолжая роптать. Артисты, которым еще повезло остаться, тихо уходят на репетицию.

В итоге перед шатром остаемся только мы с Ноа. Позади нас раздается какой-то звук, я оборачиваюсь и вижу, как два работника выносят тело Меца из шатра.

– Ох! – вздыхает Ноа, закрывая рот рукой. – Астрид, все-таки я не понимаю этого. Даже когда все совсем плохо, сдаться вот так...

– Не суди его, – говорю я, с большим упреком в голосе, чем хотела. – Иногда у тебя не остается сил, чтобы убежать.

Глава 22

Ноа

На следующий день, когда я выхожу из кухни после завтрака, направляясь к нашей лачуге, Эммет встает у меня на пути.

– Где Астрид? – спрашивает он, сложив руки на поясе. – Она не вернулась к тренировкам? – настойчиво продолжает он.

– Еще нет, – говорю я, пряча тарелку каши, которую взяла для Астрид.

– Теперь, когда мы уехали из Тьера, у нее нет причин не выступать. Так почему она не начала тренировки?

– Она плохо себя чувствует, – машинально вру я, как будто Эммет лишит меня работы, если узнает, как обстоят дела. Да ей ведь и правда нехорошо. – Вчера мы собирались тренироваться, ты видел. Но после этого события с рабочим...

Он отмахивается, как будто часовщик не имеет никакого значения.

– Она должна вернуться к тренировкам завтра же, – говорит Эммет. – Каждый должен вносить свой посильный вклад. Никаких больше поблажек этой лентяйке, – добавляет он. Назвать Астрид ленивой – это так нелепо, что мне хочется рассмеяться в голос. Я хочу возразить ему, сказать, что ей еще слишком рано снова лезть на трапецию после всего, что она пережила, что ей нужно еще несколько дней, чтобы встать на ноги. Но я знаю, что его не переубедить. Решив, что мое молчание – это знак согласия, он уходит.

Я снова иду к лачуге, накидывая пальто на голову, чтобы укрыться от морозящего весеннего дождя, который начался только что. Я поглядываю в сторону дороги, за которой течет тоненькая полоска реки, отделяющая нас от Колмара. Я уже ходила через мост в город, чтобы узнать, есть ли на рынке что-нибудь, что можно было бы добавить к нашим крошечным порциям. Но моя вылазка оказалась неудачной: у единственного продавца, стоящего на некогда шумной рыночной площади, было только мясо неизвестного происхождения, которое в любом случае будет слишком жестким для Тео, даже если не

брать во внимание отвратительный запах. Да, война, похоже, раздела этот город догола. Даже днем на улицах никого нет, не считая бродячих собак у сточных канав и эсэсовцев, которые, кажется, встречаются на каждом углу – бдят. Ставни домов и магазинов закрыты. Лица тех немногих горожан, которых я видела (а это были исключительно женщины, так как местных мужчин насильно забрали в армию и в массовом порядке отправили сражаться на восток), измождены голодом и страхом. Нас будто вернули обратно в Германию. Торопясь покинуть центр города, я проходила мимо колючей проволоки и рвов, беспорядочных укреплений по периметру города. С тех пор я больше туда не ходила.

Я иду к нашему домику, вспоминая злое и покрасневшее лицо Эммета, когда он настаивал на том, что Астрид должна выступить.

С тех пор, как мы приехали в Эльзас – около недели назад, – она лежала в кровати, свернувшись калачиком, точно раненое животное. Она не покидала лачуги, если не считать той единственной попытки вернуться в шатер, когда мы обнаружили в нем часовщика. Я старалась быть рядом, делая все, что могу, для нее. Но этого недостаточно. Казалось, что она окончательно потеряла силу воли. «Береги ее», – говорили мне глаза Петра в те последние минуты перед тем, как его увезли. Но теперь? Даже когда я кормлю ее и заставляю пить, в ней нет жизни. Я едва могу заботиться о себе и Тео, под весом нас троих я ломаюсь.

Что сделает Эммет, если Астрид откажется вернуться к выступлениям? Я вздрагиваю от этой мысли. Я должна поднять ее и заставить двигаться.

Когда я прохожу мимо пустого поезда, стоящего на путях, мой взгляд с печалью устремляется к коробочке на дне нашего вагона, в которой мы с Люком оставляли записки друг для друга. Я думаю, мог ли Люк поехать вслед за цирком, когда мы уехали из Тьера, но сама понимаю, что это невозможно. Подходя к вагону и открывая коробку, я почти верю, что смогу найти в ней что-нибудь. Конечно же, она пуста. Я прохожусь рукой по грубому дереву, представляя, как Люк делает то же самое.

В домике я, к своему удивлению, застаю Астрид сидящей на кровати в халате.

– Петр... – говорит Астрид, когда я приближаюсь.

Я замираю. Неужели она сошла с ума от своего горя?

– Нет, это я, Ноа, – говорю я, делая шаг к ней. Но это не галлюцинации, она смотрит на смятую фотографию. Я осторожно подхожу к ней, рассматривая фотографию поближе. Солнечный день, они сидят на заднем дворе шатра под зонтиком, в обычной одежде, не в костюмах. Я не видела эту фотографию раньше.

– Когда ее сделали? – Она передает ее мне, и я замечаю, что ее некогда безупречный маникюр исчез, ногти зазубрены в местах, где она их грызла.

– Маленький городок, неподалеку от Зальцбурга. Это было летом, в первый сезон с тех пор, как я вернулась. – До того, как я появилась в цирке. Так странно представлять цирк в те времена, когда меня в нем еще не было. – Мы еще не были парой, так, только узнавали друг друга. – Она улыбается, ее глаза смотрят куда-то вдаль. – Мы болтали и играли в карты часами. В картах он был бесподобен: Джин Рамми^[34], покер. Мы начинали с пары бокалов чего-нибудь днем, а потом раз – и проходила целая ночь.

Я смотрю на фотографию. Даже тогда в глазах Петра была печаль, он как будто знал, что будет дальше.

– Завтра был бы его день рождения, – добавляет она, и ее лицо становится еще грустнее. Она говорит о нем так, будто он уже умер. Я борюсь с желанием поправить ее, не хочу давать ей ложную надежду.

На соседней раскладушке ворочается Тео. Я беру его на руки, целую в макушку. Единственное наше счастье. Несмотря на все тяготы, Тео жил припеваючи. Его щеки все еще были круглыми, волосы выросли, стали густыми и курчавыми, напоминая безе черного цвета. Продолжая держать Тео на руках, я аккуратно сажусь рядом с Астрид. Она всего лишилась: возможности иметь ребенка, мужчины, которого любила. У нее ничего не осталось. Кроме нас. Я обнимаю ее.

Но ей не нужно мое тепло. Она тянется к Тео, и я передаю ей его, предлагая одно из немногих оставшихся утешений. Она прижимается к нему, как к буйку в море, как будто набирается сил от его крохотного тела.

Я беру тарелку с еще теплой кашей и подношу к ней, но она качает головой.

– Астрид, надо поесть.

– Я не голодна.

– Подумай о Петре.

– Я и так о нем думаю.

– Каждую секунду, я знаю. Но хотел бы он этого? – Она неохотно берет в рот одну ложку и снова отворачивается.

– Эммет спрашивал про тебя, – нерешительно начинаю я.

Она поднимает бровь.

– Снова?

Я киваю. Теперь он наш начальник, и даже Астрид не может игнорировать его вечно. Но если подумать, что он может ей сделать?

– Пожалуйста, Астрид. Ты нужна нам. Ты нужна мне. – Астрид – мой единственный друг в этом мире, и я теряю ее.

Астрид снова поднимает бровь, как будто эта мысль никогда не приходила ей в голову. Она вздыхает, затем встает. Она снимает халат, и я с удивлением вижу, что она уже в своем тренировочном трико. Меня переполняет благодарность. Она меня не подведет.

– Пошли репетировать, – командует она.

Мы выходим на улицу. Середина утра, на заднем дворе все заняты: дрессировщики кормят животных, артисты идут на репетицию. Группа рабочих, тех немногих, кто остался, пытается починить оборудование и расставить все по местам, их втрое меньше обычного.

Перед входом в шатер она поворачивается ко мне.

– Я не хочу этого делать.

Я задаюсь вопросом: это из-за Петра, из-за ребенка или из-за Меца? Сжимаю ее руку.

– Я понимаю. Но ты сможешь. Я знаю, что сможешь.

По крайней мере, она здесь и хочет попытаться. Я иду к лестнице. Затем, когда я смотрю вверх, где повесился тот мужчина, у меня крутит в животе. Я останавливаюсь, продолжая держаться за лестницу и смотреть вверх.

Я думаю, остановит ли воспоминание о часовщике Астрид, как остановило меня? Но она забирается по соседней лестнице без всякого сомнения. Затем на полпути она останавливается и кажется чем-то обеспокоенной.

– Что-то не так, – говорит она.

Все не так. Земля не была подготовлена, когда мы приехали, она неровная и усеяна каким-то мусором.

– Я просила, чтобы выровняли землю, – говорю я. Мы выступали здесь с Гердой несколько раз и уже привыкли к тому, что устройство шатается, а наклон земли меняет направление моего падения. Но Астрид не была здесь с тех пор, как мы приехали сюда. Для нее это диссонанс, дисгармония.

– Что-то не так с лестницей? – спрашиваю я, дергая ее, чтобы показать ей, что лестница хорошо закреплена.

Но она печально качает головой.

– Просто все.

Я внимательно смотрю на нее, ожидая, что она спустится вниз и потребует главного бригадира. Она может отказаться выступить. Однако она просто пожимает плечами и забирается наверх. Даже это ей уже не кажется важным. Она хватается за перекладину, едва не потеряв равновесие. Слишком рано, переживаю я. Заставлять ее так скоро возвращаться к трапеции – это ошибка. Но ее тело принимает верное положение.

Я снова лезу наверх, переживая, не понадобится ли ей моя помощь. Но она вытягивает руку, останавливая меня.

– Я должна сделать это сама.

Я отхожу от лестницы к выходу, остановившись в тени занавеса, предоставляя ей возможность почувствовать трапецию самой. Она прыгает без тени сомнения, становясь сильнее и увереннее прямо на моих глазах.

Я переживала, не станет ли она медленнее, не растеряет ли навыки после такого перерыва в репетициях, после того, через что прошло ее тело. Но все с точностью до наоборот: ее движения мощнее, чем раньше, они точные и острые как бритва. Когда-то она держала гриф легко, как художник, но теперь она хватается за него, как за единственный путь к спасению. Она как будто наказывает трапецию своими движениями, как будто пытается усмирить дикую кобылицу или жеребца, вымещая на ней свой гнев. Она выполняет серию головокружительных пируэтов и сальто. Я чувствую небольшое движение воздуха рядом и практически могу почувствовать, как Петр стоит рядом и наслаждается ее выступлением вместе со мной, как и раньше.

За моей спиной раздается шум. Я поворачиваюсь, на секунду я действительно подумала, что это Петр стоит здесь. Но, конечно же,

там никого нет, пусто. Порыв ветра проходит по лагерю, складки шатра трепещут и снова издают тот же звук, который я слышала только что. Я немного успокаиваюсь.

И вдруг, без какого-либо предупреждения, меня хватает чья-то рука. Кто-то вытягивает меня из палатки до того, как я успеваю закричать. Я вырываюсь и оборачиваюсь, готовая драться с нападающим.

В проеме шатра стоит Люк.

– Люк! – Я мигаю, думая, что его высокая темная фигура передо мной – это какой-то странный сон. Но он здесь. Я смотрю на него, не веря своим глазам. Как он мог проделать такой путь, чтобы увидеться со мной?

– Ноа, – говорит он, протягивая руку и прикасаясь к моей щеке. Я бросаюсь в его объятия, и он крепко обхватывает меня руками.

Я утягиваю его подальше от шатра, прячась за сарай. Лучше, чтобы его никто не увидел.

– Как ты нашел нас?

– Я пришел в цирк в поисках тебя, – сказал Люк. – Но тебя там не было. – Он выглядит подавленным. – После этого я вернулся в дом отца. Я не собирался этого делать, – быстро добавляет он. – Но я должен был понять, знает ли он, куда уехал цирк. Я не хотел верить в то, что отчасти это и его рук дело. Но я должен был знать. – По боли в его глазах я понимаю, как сильно он не хотел терять веру в него, даже после всего случившегося. – Он все отрицал, конечно. Но я увидел на его столе приказ с его подписью. – Голос Люка потяжелел от грусти. – Я сообщил ему о своих подозрениях, и он признался. Затем я уехал, чтобы найти тебя.

Я представляю, какой путь ему пришлось проделать, чтобы добраться сюда. Он целует меня в губы, долго и крепко. Его лицо стало шершавым от щетины, губы – соленые, он давно не умывался.

Через минуту мы отрываемся друг от друга. Прошло всего несколько дней, но его лицо кажется осунувшимся, скулы стали более отчетливыми. Под глазами темные мешки, как будто он не спал много дней подряд.

– Ты ел? Тебе нужно отдохнуть. – Я оглядываю территорию в поисках места, куда могла бы спрятать его.

Он отмахивается, как будто это совершенно не важно.

– Я в порядке.

Я прижимаюсь к нему, и в ответ он крепко обнимает меня.

– Мне так жаль, что мне пришлось уехать, не сказав тебе.

– Я знал, ты бы не уехала просто так, если бы у тебя был выбор. Значит, что-то случилось. – В его глазах я вижу, как сильно он беспокоился за меня.

– Ты нашел меня, – говорю я, прильнув к нему.

– Я нашел тебя, – повторяет он. – Вот только... Что теперь? – Он отстраняется от меня, выпрямляется, и я вижу в его глазах конфликт. Он на расстоянии сотен миль от дома, теперь он просто скажет «прощай» и вернется обратно домой? – Я не хочу больше терять тебя, Ноа, – говорит он, и я задерживаю дыхание, ожидая, что он снова предложит мне жить вместе.

– Но я собираюсь присоединиться к маки. – Услышав это, я теряю всякую надежду. Я слышала об этих бойцах сопротивления, которые скрывались в лесах. Но я никогда не видела их, и мне казалось, что это просто легенда, особенно если вспомнить пугливых городских жителей. Звучит как что-то опасное. А еще он будет далеко. – У них есть база на востоке, в Вогезах^[35], и если я доберусь туда, то смогу им помочь, – добавляет он.

– Но это так опасно, – возражаю я, поднимая голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

Он гладит меня по голове, убирая волосы назад.

– Я не убегу, Ноа. Ты научила меня не бояться. Хоть раз в жизни я собираюсь заступиться за свою родину и сражаться.

– Значит, это я виновата в том, что ты собираешься броситься на амбразуру? – спрашиваю я, но этот вопрос является шуткой лишь наполовину.

Люк улыбается. Затем он берет меня за руку, его лицо снова становится серьезным. – Я просто хотел сказать, что наши чувства открыли мне глаза. Я больше не могу сидеть и смотреть. Я должен что-то сделать. А то дело, которое делают бойцы сопротивления – подрыв сообщения и железных дорог, – особенно важно сейчас, когда идет подготовка к вторжению союзников. Говорят, оно вот-вот начнется теперь, когда погода улучшилась.

Он снова притягивает меня ближе, обнимая и целуя в макушку.

– Но я не хочу оставлять тебя. Настало время для чего-то большего, для нас обоих. Если бы... Если бы только ты согласилась пойти со мной.

– К маки? – спрашиваю я.

– Да. Там есть и женщины, они помогают в работе. – Я с гордостью понимаю, что он считает меня достаточно сильной для этого. – Пойдешь ли ты со мной? – спрашивает он с надеждой в глазах.

Я так хочу сказать «да». Если бы все было так просто.

– Я не могу, – говорю я, положив руку на его грудь. – Ты же знаешь.

– Если дело в Тео, мы можем найти безопасное место для него, пока все не закончится, – отвечает он, накрыв ладонью мою руку, его пальцы переплетаются с моими. – Тогда мы сможем растить его как своего.

– Я знаю, но это еще не все. Астрид рискнула всем ради нас. Я не могу оставить ее одну теперь. – Раньше Астрид справилась бы, но теперь она не может сама о себе позаботиться. У нее нет никого, кроме нас.

– Я знал, что ты так скажешь. – Его лицо приобретает решительное выражение. – Однако я должен сделать это. Я больше не могу вернуться домой.

– Когда ты уезжаешь? – спрашиваю я.

– Сегодня. Если я выдвинусь после наступления темноты в сторону гор, к рассвету я должен буду найти лагерь маки. – Он делает паузу. – Как было бы хорошо, если бы ты пошла со мной.

– Знаю. – Но я не могу, поэтому нам придется прощаться. Я обнимаю его еще крепче. Мы стоим вместе, вплотную друг к другу, желая, чтобы этот момент продлился хоть чуть-чуть подольше. Я немного отодвигаюсь, бросая взгляд на палатку. – Мне надо идти. Астрид ждет меня. – Он кивает. – Я так беспокоюсь за нее, – признаюсь я. – Она потеряла ребенка, а потом Петра.

– Мне жаль, что я ничего не смог сделать для нее, – добавляет он виновато, понижая голос.

– Ты не должен винить себя. Я тебя не виню.

– На самом деле это вторая причина, по которой я приехал.

– Не понимаю... – говорю я. Какие еще могут быть причины?

– Я должен был сказать сразу, но я был так счастлив тебя видеть. – Он опускает руку в карман и достает конверт. – Письмо, пришло в наш город.

Он протягивает письмо мне, и я думаю о самом худшем, ведь новости пришли издалека. Что-то случилось с моей семьей?

Но когда тянусь, чтобы взять его, он отводит руку назад.

– Оно не для тебя.

Я все равно забираю его, увидев берлинскую марку на конверте, и у меня перехватывает дыхание.

Письмо адресовано Астрид.

Глава 23

Астрид

Двенадцать метров. Вот оно, расстояние между жизнью и смертью, тонкая грань.

Я вернулась на арену, как и обещала, специально для Ноа притворилась, что репетирую, летая так, как будто ничего не изменилось. Однако Ноа вышла из шатра, оставив меня в одиночестве, поэтому я вернулась обратно на площадку. Когда-то полет в воздухе значил для меня что-то. Теперь каждое движение – точно ножом по сердцу. Пространство над ареной, похожее на пещеру, было мне домом, а теперь мне невыносимо здесь находиться.

Я смотрю вниз, стоя на краю площадки, как на краю обрыва, всматриваясь в сетку под собой как в бездну. Я уже пыталась убить себя, когда Эрих сказал мне уходить. Он ушел из квартиры, предоставив мне время собраться и уехать: возможно, он не хотел смотреть на то, как я собираюсь, а может, хотел избежать истерик, которые он считал проявлением вульгарности. Я подбежала к серванту, схватила баночку с таблетками и водку, импульсивно плотая как можно больше того и другого. Я представляла, как он найдет мое тело и будет рыдать от осознания того, что он натворил. Но через несколько минут я поняла, что он не придет. Он уже вычеркнул меня из своей жизни. Тут же пожалев о том, что я сделала, я вызвала рвоту и выплюнула массу, которая уже частично переварилась. Я поклялась, что никогда не буду жить только ради мужчины. Но эта потеря больше той – теперь я потеряла все.

Отгоняя от себя воспоминание, я прыгаю и снова пытаюсь взлететь. Но здесь для меня ничего больше нет. «Прыгни, отпусти все это», – ритмично пульсирует в голове мысль с каждым моим движением. Я не могу больше это терпеть и снова приземляюсь на площадку. Мои ноги дрожат, когда я смотрю вниз. С часовщиком было так же? Я вижу его, повисшего на веревках, шея сломана, рот раскрыт, конечности неподвижны. Я могу спрыгнуть, закончить все наверняка,

как сделал Мец. Если я умру здесь, это произойдет на моих условиях, а не от чьей-то руки. Я вытягиваю ногу над краем площадки, проверяя...

– Астрид? – зовет меня Ноа, стоя у входа. Застигнутая врасплох, я пошатнулась и схватилась за лестницу, чтобы вернуть себе равновесие. Я была так погружена в свои мысли, что не заметила, как она вернулась. У нее обеспокоенное выражение лица. Она увидела, что я намеревалась сделать? Или догадалась?

Но, кажется, она не заметила моих намерений. Она подзывает меня, с печалью глядя на то, как я спускаюсь вниз по лестнице.

– Что случилось? – Мне становится все больше не по себе. – Скажи мне.

Она протягивает мне конверт.

– Тебе пришло письмо.

Я замираю. Письма – это всегда плохие новости. Трясущимися руками я беру конверт, готовясь к тому, что это новости о Петре. Однако марки на конверте означают, что письмо пришло из Дармштадта. Я держу его на расстоянии вытянутой руки, как будто содержимое может быть опасным. Я хочу остановить время, защитить себя от того, что написано внутри.

Но у меня всегда плохо получалось убежать от правды. Я вскрываю печать. Внутри еще один конверт, адресованный мне, не на адрес цирка Нойхоффа, но на адрес дома моей семьи. В Берлине. Угловатый почерк Эриха как рука, протянутая ко мне через толщу времени. «Ингрид Клемт», – написал он, используя мою девичью фамилию. Не свою. Столько времени прошло, а это все равно меня задевает. Человек, который перенаправил письмо, вычеркнул имя и добавил мое сценическое имя, Астрид Сорелл. Конверт выпадает у меня из рук. Ноа быстро поднимает его и передает мне обратно. Что Эриху нужно от меня?

– Хочешь, я открою его вместо тебя? – мягко спрашивает Ноа.

Я качаю головой.

– Я могу сделать это сама.

Разрываю конверт, он покрыт пятнами и сильно потрепан. Из него выпадает записка. Мои глаза наполняются слезами, когда я поднимаю ее и вижу знакомый почерк, не принадлежащий Эриху.

Дорогая Ингрид,

Молюсь, чтобы это письмо дошло до тебя и нашло в добром здравии и безопасности. Я сбежал в Монте-Карло перед тем, как ввели войска, у меня не было времени писать. Но теперь я добрался до Флориды и нашел работу на фестивале.

– Что там? – спрашивает Ноа.

– Жюль.

Мой младший брат, самый слабый и безнадежный, каким-то образом смог выжить. Видимо, он отправил письмо мне в Берлин, а Эрих переслал его.

– Я думала, их всех...

– И я тоже.

Мое сердце начинает биться быстрее. Жюль жив. Он в Америке.

– Но как? – спрашивает Ноа.

– Я не знаю, – отвечаю я, мне тяжело даже на свои вопросы ответить. – Жюль управлял цирком на юге Франции, когда началась война. Ему каким-то образом удалось улизнуть. – Молча продолжаю читать.

Я писал маме и папе на протяжении многих месяцев, но не получил ответа. Не знаю, слышала ли ты, прости, что пишу тебе об этом, но они умерли в лагере, в Польше.

– Ох! – Я закрываю ладонью рот, чтобы не дать всхлипу вырваться наружу. В глубине души я уже давно знала, что моим родителям не удалось спастись, но все-таки цеплялась за надежду, что они могут быть живы. Теперь я столкнулась лицом к лицу с правдой, и это гораздо больше.

– Что такое? – спрашивает Ноа. Она наклоняется, чтобы прочитать письмо из-за моего плеча. А потом обнимает меня обеими руками и начинает нежно укачивать меня.

– Астрид, мне жаль, мне так жаль.

Я не отвечаю, молча сижу, привыкая к мысли о том, что самое страшное, чего я так боялась, – это правда.

– Но здесь есть продолжение, – мягко говорит Ноа через несколько секунд. Она указывает на мятую бумажку, которая лежит у меня на коленях, направив палец на пару строк, которые я не дочитала, узнав об участии своих родителей. Я качаю головой. Я не могу читать. Она берет бумажку и, прочистив горло, начинает читать вслух:

Я не смог найти близнецов. Возможно, нас осталось всего двое. Знаю, ты не хочешь покинуть своего мужа, но я договорился о визе для тебя в швейцарском консульстве в Лиссабоне. Сказали, она будет действовать сорок пять дней. Пожалуйста, подумай об этом, приезжай ко мне, по крайней мере, пока война не кончится, а потом ты сможешь вернуться. У нас теперь больше никого нет.

Твой Жюль

Ноа отдает мне записку обратно, а я пытаюсь обработать всю эту информацию. На конверте официальные марки из Берлина. Жюль отправил его на адрес, по которому когда-то проживали мы с Эрихом. Эрих, видимо, прочитал письмо и отправил его дальше курьером, сделав все возможное, чтобы оно дошло до меня. Он отправил его на адрес дома моей семьи в Дармштадте, зная, что я когда-нибудь пойду туда. Но этот дом больше не принадлежит моей семье, поэтому почтальон, видимо, отправил его в дом Нойхоффов. Возможно, Хельга, которая оставалась там, чтобы присматривать за домами для зимовки во время тура, исправила мое имя и переслала его дальше, на нашу первую стоянку в Тьере.

– Как оно оказалось здесь? – спрашиваю я.

Ноа прочищает горло.

– Перенаправлено из Тьера, – отвечает она. Я киваю. Цирк всегда оставляет адрес следующей своей остановки для счетов и прочей почты. Так много этапов, это письмо могло вообще не дойти до меня. Но оно дошло.

– Моя семья, – произношу я вслух. Теперь я уже даже не знаю, что это значит. Всхлип, который я удерживала в себе столько месяцев, вырывается на свободу. Я рыдаю по своему брату, который выжил, по всем тем, кому это не удалось. Мои родители и братья, всех их больше нет.

Как я и думала. Но Жюль жив. Я вспоминаю наше прощание в Дармштадте несколько лет назад, скомканное из-за того, что Эриху не терпелось поскорее сесть на поезд. Я представляю Жюля, каким он должен выглядеть сейчас, чуть старше, но таким же, как прежде. Где-то там сохранилась частичка нашей цирковой династии, как семечко, перенесенное на новую землю.

Я снова смотрю на конверт, он тяжелее, чем должен быть пустой конверт.

– Там внутри еще что-то есть.

Две вещи. Сначала я достаю какой-то банковский чек. Но он написан на незнакомом языке, единственное, что я могу прочитать на нем, – это мое имя.

– Что это вообще такое?

Ноа делает шаг ко мне.

– Могу я взглянуть?

Я передаю ей бумаги.

– Я точно не знаю, что здесь написано, но похоже, это деньги на твою поездку, они лежат на твоем счету в Лиссабоне.

Она возвращает мне чек обратно.

Я смотрю на нее, оторопев.

– У меня нет никакого счета в Лиссабоне.

– Похоже, его открыли около шести недель назад, – добавляет она, указывая на дату. – Это твой брат положил сюда чек.

Я осматриваю документ.

– Не похоже на то.

Всего одна транзакция, из Берлина. Десять тысяч марок. Этих денег хватит мне, чтобы доехать куда угодно, включая Америку.

– Тогда кто?

Я делаю глубокий вдох.

– Эрих.

Эрих, прочитав письмо Жюля, сделал все, чтобы у меня была возможность поехать к брату в Америку. Он преподнес мне последний и единственный подарок, который мог, – возможность спастись. Я вытряхиваю то, что осталось в конверте, и достаю маленькую карточку. Разрешение на выезд из Германии, заполненное квадратным почерком Эриха и заверенное печатью Рейха. Он подумал обо всем, чтобы я могла выбраться с оккупированных территорий и добраться туда, где мне больше не будет угрожать опасность, к Жюлю. Он сделал это из-за чувства вины или из-за любви? Хотя эта часть моего прошлого была так давно, что теперь она кажется лишь сном, в глубине души я все равно тоскую по мужчине, который заботился обо мне настолько, чтобы сделать все это, но не настолько, чтобы бороться за наше общее счастье.

– Астрид, ты можешь поехать к своему брату.

Лицо Ноа светлеет от надежды на то, что я буду в безопасности. Затем на ее лице появляются смешанные чувства, она осознает, что ей придется остаться.

– Я не могу тебя оставить, – говорю я. Внезапно она кажется мне более юной и хрупкой, чем в день, когда она только появилась в цирке. Как она справится без меня?

– Ты поедешь. Мы с Тео будем в порядке, – отвечает она, безуспешно пытаясь скрыть дрожь в голосе. Затем, просматривая бумаги, она морщит лоб.

– В письме твоего брата сказано, что виза действительна сорок пять дней. Письмо шло сюда около месяца. Мы не знаем, сколько времени у тебя уйдет на то, чтобы добраться до Лиссабона или Штатов отсюда. Ты должна выезжать сейчас же. Сегодня. Ты ведь поедешь, правда? – спрашивает Ноа, в ее голосе каким-то неведомым образом одновременно слышатся и надежда, и ужас.

Не отвечая, я иду к поезду.

– Но Астрид, – зовет меня Ноа. – Я думала, мы будем тренироваться. Конечно, если ты уезжаешь...

«Это все неважно», – заканчиваю за нее предложение я.

– Иди без меня, – говорю я. – После всех этих новостей я просто не могу продолжать.

Я захожу в домик, где Эльси присматривает за Тео.

– Хороший наш мальчик, – говорю я.

Его лицо расплывается в широкой улыбке, он узнает меня. Я подхожу, чтобы забрать его у Эльси, и в этот момент он впервые протягивает ко мне свои ручки. Что-то находит на меня, горе накрывает меня волной, грозясь перелиться через край. Я заставляю его утихомириться. Потом еще будет время для слез. А сейчас я должна понять, что мне делать.

Прижимаю Тео к себе, держа его одной рукой, а потом перекалдываю на другую, взвешивая его как на весах. Как я могу оставить их? После того, как я потеряла Петра, они – это все, что осталось у меня в жизни. Во всяком случае, так я думала до письма Жюля. Теперь я должна подумать и о нем. Я единственный родственник, который у него остался. Он с таким трудом добыл мне

визу, этот единственный путь к спасению. Потратить его впустую – просто преступление.

Тео хлопает своей маленькой ладошкой по моему подбородку, возвращая меня из мыслей к реальности. Его темные глаза внимательно смотрят на меня. Бросить Ноа и Тео одних на произвол судьбы? Это невыносимо. Должен быть другой выход.

Мои глаза останавливаются на раскладной кровати. Под ней стоят наши с Ноа чемоданы. В моей голове зреет план. Я усаживаю Тео на кровать и начинаю собирать вещи.

Глава 24

Ноа

Глядя на Астрид, которая уходит к нашей лачуге, я чувствую, как меня переполняет печаль. Когда Люк дал мне письмо, я подумала о том, что его не стоит отдавать Астрид. Плохие новости могут окончательно сломить ее. Но я не могла скрывать от нее правду. И вот теперь она уезжает. Я не могу винить ее за это. По ее замешательству я вижу, как тяжело далось ей решение. Она знает нас с Тео всего несколько месяцев, мы не должны ничего для нее значить, тем более когда у нее есть семья, настоящая семья, которая нуждается в ней. Но в глубине души мне хочется бежать за ней и умолять ее не бросать меня.

Люк высовывает голову из-за сарая, где он прячется.

– Подожди здесь, – велела ему я перед тем, как побежать к Астрид и отдать ей письмо. Я не хотела, чтобы она его увидела, но я не была готова отпустить его так скоро, ведь мы только-только нашли друг друга. Глядя на него, я внезапно чувствую себя виноватой. Я соврала Астрид о том, как письмо попало ко мне. Но, несмотря на все обстоятельства, я не могу признать, что нарушила свое обещание не видеться с Люком.

– Все в порядке? – спрашивает он.

– Нет, – говорю я. – И да, и нет. Астрид узнала, что ее родители умерли.

– Это ужасно, – отвечает он, его голос полон понимания. – Я думал, что сделаю доброе дело, передавая это письмо.

– Ты действительно сделал доброе дело, – не соглашаюсь я. – Но как оно к тебе попало?

– Пару дней назад я был на почте и услышал, как одна женщина сказала, что цирк скоро уедет. Она говорила ужасные вещи, что цирк забрал деньги за представления и сбежал. Я возразил ей, сказав, что она не права. Почтальон услышал наш разговор и сказал, что у него есть письмо для кого-то из цирка. Он сказал, что у него есть адрес, на

который надо его переслать, но когда я увидел, что это письмо для Астрид, я сразу же понял, что должен принести его сам. Я думал, что в этом письме может быть информация о Петре. – Его голос затихает, и я вижу, какую вину он до сих пор испытывает. – Теперь я жалею об этом, – с грустью заканчивает он.

– Нет, она должна была узнать правду, – отвечаю я. – Я рада, что ты приехал. Все не так плохо. Брат Астрид прислал ей письмо из Америки. Он хочет, чтобы она приехала к нему. – Мой голос едва заметно срывается, когда я произношу конец фразы.

– Это ведь хорошая новость, разве нет? – спрашивает Люк, запутавшись.

У меня в горле образуется ком, из-за этого мне тяжело ему ответить.

– Пожалуй, – выдавливаю я, мне стыдно за свой эгоизм. Я так хочу радоваться за Астрид, за то, что она будет в безопасности, на свободе. – Просто я с трудом могу представить цирк без нее, – добавляю я.

Позади нас раздается какой-то шум, голоса, две акробатки идут к шатру. Люк тянет меня к себе за сарай, чтобы его не заметили.

– Теперь ты можешь обдумать мое предложение снова, – говорит он. Я наклоняю голову, не понимая, о чем он. – Ты говорила раньше, что не уедешь, потому что не можешь оставить Астрид. – У меня в голове каша после всего, что произошло с Астрид, и я уже практически забыла наш предыдущий разговор. – Но теперь все иначе. – Голос Люка становится выше, он очень взволнован. – Если она уедет, то и ты сможешь, верно?

Во всем этом сумбуре я и не подумала об этом. Но Люк прав: если Астрид уедет, меня здесь ничего не держит. Я могу взять Тео и уйти. Однако, глядя на шатер и на двор за ним, я чувствую сомнение. Цирк – это самое безопасное место, которое я знала с тех пор, как родители выставили меня за дверь. Не представляю, как я буду здесь без Астрид, но не могу себе представить, как я могу уйти отсюда. Напоминаю себе, что цирк не продержится долго. Эммет сказал, что закроет его в конце сезона. Тогда и цирка не станет.

– Ноа... – Голос Люка полон беспокойства. – Когда полиция поймет, что Астрид уехала, начнутся вопросы. – Это будут не просто вопросы. Эммет будет в ярости, узнав, что цирк лишился одной из

главных знаменитостей. – Здесь будет небезопасно. Ты пойдешь со мной, правда?

Я смотрю на него с тоской, меня разрывает между знакомой и понятной жизнью в цирке и возможностью иметь общее будущее с Люком.

– Доверься мне, – умоляет он, глядя на меня широко распахнутыми глазами.

«Я уже доверилась», – говорит голос глубоко внутри меня. Что-то щелкает у меня в голове, встает на место.

– Я сделаю это. Взяв с собой Тео, – добавляю я.

– Конечно, – отвечает Люк, как будто никогда и не сомневался. Но затем на его лице появляется замешательство. – Но как? Если мы станем партизанами, там не будет места для ребенка.

– Я ни за что не уйду без него, – настаиваю я.

– Мы что-нибудь придумаем, – отвечает Люк и берет меня за руку. – Мы будем держаться вместе. – Он говорит это уверенно: Тео теперь тоже его ребенок. Я с благодарностью обнимаю его. – Так ты пойдешь со мной? – Его губы оказываются на моей щеке, на шее, уговаривая, он осыпает меня сотней мимолетных поцелуев.

– Да, да, – выдыхаю я, но через секунду заставляю себя отодвинуться от него. Мы стоим среди бела дня, нас едва укрывает низкая поросль деревьев. Прежде чем мы сможем начать жить вместе, я должна рассказать ему все. Я не могу двигаться вперед, продолжая лгать ему.

– Люк...

– Теперь я должен идти, – говорит он, не слушая меня. – У меня есть имя связного, мы встретимся на расстоянии десяти километров отсюда, он может рассказать мне, как добраться до маки. – Он оглядывается. – Я вернусь к тебе до ночи.

– Как я найду тебя? – спрашиваю я.

– На противоположной стороне карьера есть овраг, – отвечает он, показывая пальцем в ту сторону. – Около километра к востоку. Я буду ждать тебя там в десять часов.

– Но выступление закончится на полчаса позже.

– Знаю, но выходить надо в это время, чтобы добраться до Вогезов до рассвета. Ты справишься? – Я киваю. Он, поцеловав меня, уходит.

– Люк, подожди. – Он оборачивается. Я ужасно хочу рассказать ему правду, но он так воодушевлен, что я не решаюсь. – Встретимся в девять.

Он уходит, его шаги легки. Я хочу снова крикнуть ему вслед, я не готова отпускать его. Но он ведь скоро вернется, и я уйду вместе с ним.

Я поворачиваю к шатру, и меня охватывает грусть. Все меняется. Я только-только нашла это место, в котором чувствовала себя почти как дома, и вот опять ухожу. Сама того не желая, задумываюсь: когда это все закончится, где я окажусь, когда наконец перестану убежать.

Небо становится пепельно-розовым, когда я приближаюсь к примерке, готовясь к последнему выступлению. Я смотрю на других девушек, на то, как они надевают свои костюмы и наносят макияж, все как обычно. Чувствую облегчение – они ничего не подозревают. Однако кое-что меняется в том, как Астрид наносит мне на руки канифоль и бинтует запястья – так же, как и всегда, но с гораздо большей заботой. Чувствуя ее теплые уверенные прикосновения на руках, я снова погружаюсь в грусть. Мы разойдемся в разные стороны. У меня не было причин думать, что мы должны держаться вместе – мы ведь не семья, в самом деле. Но конец наступил гораздо раньше, чем я ожидала. Я хочу признаться ей, рассказать о Люке и о том, что я планирую уйти с ним. Но она ни за что не поймет меня. И все же я не могу просто уйти, ничего не сказав. Возможно, нужно будет оставить записку...

Девушки закончили одеваться и идут к шатру. Но Астрид не торопится. Она вытаскивает сумку, не такую, как чемодан, а мягкую, она лежала под одним из столов, я ее не заметила. Астрид перекладывает что-то по сумке, достаточно маленькой, чтобы не привлекать внимания. Вещи, которые она возьмет с собой.

У меня в горле появляется ком и становится все больше.

– Ты ведь пошлешь нам весточку, чтобы мы знали, что у тебя все в порядке? – спрашиваю я, понизив голос до шепота. Она не отвечает, но молча кивает, продолжая утрамбовывать одежду, чтобы появилось чуть больше места. Конечно, я не смогу получить ее сообщение. Я уйду, и она даже не будет знать об этом.

Поддавшись порыву, я тянусь обнять ее, но она замирает, напрягается и удерживает меня. Я заливаюсь румянцем, задетая ее

отказом.

– Что такое? – Я удивляюсь, вспоминая, не могла ли я что-то сделать, чтобы разозлить ее.

– Я не поеду.

– В смысле? Разумеется, ты поедешь.

В какой-то момент я даже думаю, что она шутит, но у нее серьезное выражение лица, глаза печальны. Я готовлюсь к тому, чтобы повторить все доводы, которые приводила раньше, о том, что она не может остаться здесь, и о том, как глупо будет не воспользоваться этой возможностью.

– Ты едешь, – повторяю я.

Она машет головой.

– Едешь ты.

Я смотрю на нее, не веря своим глазам.

– Не понимаю.

Астрид протягивает мне конверт, который принес Люк.

– Разрешение на выезд нужно тебе. Чтобы взять Тео и сбежать.

Я не беру конверт, и ее рука повисает в воздухе.

– Ты не можешь просто так отдать его мне.

– Ты возьмешь мою кенкарту^[36], – продолжает она. – Фото в ней не слишком качественное. Если покрасишь волосы и наклонишь голову, никто и не поймет, что это не ты. И ты сможешь включить ребенка в документы.

– Ты же это не всерьез?

Я делаю шаг к ней, роюсь в сумке, которую она упаковала. Под тонким слоем ее собственной одежды лежат пеленки Тео и запасные пинетки. Она все уже спланировала.

Тогда она снова протягивает мне пропуск.

– Ты должна уйти сегодня, перед тем, как кончится представление. Тут есть железнодорожная станция, не та, через которую мы приехали, а другая, пятнадцать километров к югу. Сядешь на поезд до Лиссабона и получишь документы в консульстве. – Она говорит это так, как будто это не сложнее, чем пойти в город за хлебом. – Затем купишь билет на деньги Эриха...

Она продолжает рассказывать, что мне нужно сделать, но я не слушаю. В мыслях появляется лицо Люка. Я должна уйти с ним, начать новую жизнь.

Увидев сомнение на моем лице, она прерывается на полуслове.

– Что такое? – с раздражением спрашивает она, как будто я спрашиваю ее о чем-то из воздушной гимнастики.

Разрешение на выезд – единственный шанс спастись для Астрид. И она хочет отдать его мне.

– Я не возьму, – говорю я. – Остаться здесь, будучи еврейкой, – это суицид.

– Вот именно. Поэтому ты должна взять Тео и уехать.

– Пропуск твой. Его должна использовать ты, – настаиваю я, возражая ей настойчивей, чем когда-либо.

– Я все обдумала, – ответила она, ничуть не смутившись. – Так будет лучше. Это единственный шанс.

– Есть и другой выход. – Я делаю глубокий вдох. – Возьми с собой Тео. Тогда вы оба будете в безопасности. – Слова застревают в моем горле, точно осколки стекла. Я могу отдать ей Тео, и тогда они оба спасутся. Но отпустить его – смерти подобно.

– Нет, Тео твой, – настаивает Астрид. – Уйти должна ты.

Я и так ухожу, думаю я. С Люком. Но, конечно, Астрид об этом не знает. Она готова отдать мне все. А я продолжаю ей лгать.

– Астрид, – говорю я медленно. – Я и так уйду.

– Не понимаю, – говорит она, нахмурившись. – Ты только что сказала, что не возьмешь разрешение на выезд. Так как ты сможешь уехать?

– Нет, но Люк... – начинаю я.

– Снова он? – обрывает она меня, сузив глаза. – Сын мэра. При чем тут он?

– Он здесь, в Эльзасе. – В ее глазах – грозовые тучи. – Он принес сюда письмо от твоего брата, – добавляю я, надеясь, что это поможет. Но по ярости в ее глазах я вижу, что это бесполезно.

– Ты пообещала, нет, ты поклялась, что никогда больше не будешь с ним видеться, – взрывается она. – И все же нарушила обещание, после всего, что я пережила.

– Я не... Я не хотела, – неубедительно возражаю я. Затем я останавливаюсь, не желая лгать ей снова. – Прости, что я не сказала. Люк присоединится к маки. – Я понадеялась, что это вызовет в ней уважение к нему.

Но ее гнев не утихает.

– Ну, тем лучше. – «Скатертью дорожка» – так звучат ее слова. – Туда ему и дорога, – добавляет она без капли тепла. Я чувствую, как начинаю злиться на нее. Люк пытался помочь Петру, рисковал своей жизнью, чтобы принести ей письмо от Жюля. И после всего, что он сделал для нас, она все еще не может принять его. Она ненавидит его за то, кто он есть. И никогда не сможет посмотреть на него иначе. – Но я все еще не понимаю, почему ты не хочешь брать разрешение на выезд, – добавляет она.

– Люк ушел, чтобы встретиться со связным, а потом он вернется. Он хочет, чтобы я пошла с ним. – В воздухе повисает тишина, Астрид смотрит на меня, не веря своим ушам. – Вместе с Тео, – добавляю я. – Люк хочет заботиться о нем вместе со мной.

– Когда? – спрашивает она, наконец.

– Сегодня.

– То есть ты собиралась уйти с ним, не сказав мне. Тайком. Просто сбежать.

– Я решила уйти после тебя, – говорю я, как будто это что-то меняет. – Прости меня.

– И куда ты собиралась нести Тео? – спрашивает она. – У вас не будет убежища, не будет документов, чтобы пересечь границу, вообще никаких документов не будет. Там не место для ребенка, никто не будет за ним присматривать. И что ты собралась делать, бегать с ним по лесам вместе с партизанами? – Она подмечает все недостатки моего плана, обнажая его несостоятельность, и теперь я вижу, как много мы с Люком не учитывали.

– Мы справимся, – упрямо говорю я.

– Ну, это больше не важно, – заявляет Астрид. – Сейчас ты возьмешь мои документы. Ты уезжаешь.

Я снова начинаю:

– С Люком будет безопаснее, чем идти куда-то одной.

Астрид уверенно качает головой.

– Самый безопасный вариант – добраться до Лиссабона и уехать из Европы. Теперь ты должна быть сильной и самостоятельной. Ты должна сделать то, что лучше для Тео. – Она снова отдает мне пропуск, как будто все уже решено.

Я протягиваю руку к конверту. Затем останавливаюсь, представляя перед собой Люка и жизнь, которая ждет нас. Я возвращаю конверт

обратно.

– Нет, – говорю я, услышав, насколько увереннее стал мой голос, я сама приняла это решение. Мое будущее – с Люком. И если я уйду с ним, Астрид возьмет документы себе. Так у нас обеих будет шанс.

Ее глаза расширяются от удивления.

– Да как ты смеешь? Я предложила тебе все, а ты хочешь отказаться от этого ради какого-то мальчишки?

– Все не так просто... – начинаю я.

– В последний раз тебе говорю: бери разрешение на выезд и уезжай. – Она протягивает мне его снова, голос у нее холодный, как сталь. Расстояние между нами как будто увеличивается на глазах.

Я смотрю на Астрид, не зная, как быть. Уйду с Люком наперекор ее желанию – и это станет для нас окончательным разрывом. Когда-то я бы сделала все, чтобы Астрид ни попросила, все ради ее одобрения. Но за последние дни во мне что-то изменилось. Именно мне приходилось заботиться об Астрид, принимать за нее решения. За нас всех, в общем-то. Я теперь не могу просто слушать. Я должна делать то, что считаю нужным.

– Прости, – говорю я, делая шаг назад.

Ее глаза снова расширяются от удивления, а потом снова сужаются – от гнева. Тогда она отворачивается от меня.

– Астрид, подожди, – говорю я, пытаюсь продолжить этот разговор. Если бы только я могла сделать так, чтобы она поняла, но она уходит, оставляя меня одну.

Вдалеке звонит колокол, призывая зрителей занять свои места. А нас он зовет летать, в последний раз.

Глава 25

Ноа

Выходит, это представление будет моим последним.

По моим щекам ручьями текут слезы, когда музыка, открывающая представление, доходит до крещендо и приглушают свет. Что со мной не так? Я думала, что хотела этого: покинуть цирк и искать путь к свободе для себя и Тео, начать новую жизнь с Люком. Но я совсем недавно нашла для себя эту жизнь и лишь недавно научилась любить ее. Я не готова уходить.

– Гимнасты, трапеция! – зовет нас кто-то. Я вхожу в шатер, ищу глазами Астрид. Я не вижу ее: неужели она разозлилась настолько, что откажется выступить со мной? Но через некоторое время она появляется, выходит с противоположного края палатки и идет на арену, стиснув зубы. Как мы можем быть командой, когда она так рассержена? Однако зрители в темноте ждут, ничего не подозревая, они предвкушают зрелище. У нас нет другого выхода.

Я поднимаюсь по лестнице противоположной от Астрид, и хватаюсь за гриф.

– Оп! – кричит она, ее голос переполнен яростью. Я лечу к ней. Отпустив гриф я вижу всю ярость – нет, всю боль от предательства – в ее глазах. Она не протягивает мне руки. Она хочет упустить меня, подвести, как я подвела ее. Упасть здесь – это не то же самое, что в нашем тренировочном зале или даже на прошлом месте стоянки. Сетка здесь натянута плохо, а земля под ней каменная. Если я упаду здесь, я умру. Я закрываю глаза, начиная падать вниз, прочь от нее.

Но затем что-то резко касается моих лодыжек. Это Астрид, спасает меня против своей воли. Но она задержалась на долю секунды и ухватила меня за тонкую часть стопы, а не лодыжку, из-за чего захват не получается крепким. Я ускользаю из-под ее пальцев. Астрид отчаянно бросает меня в сторону грифа, потеряв присущую ей точность. Она бросает меня с такой силой, что я делаю в воздухе сальто. Зрители хлопают, перепутав провал с новым опасным трюком.

Мои руки хватаются за гриф. Я возвращаюсь к платформе и неуклюже забираюсь на нее. Выпрямившись, я хочу закончить номер. Это зашло слишком далеко. Но Астрид ждет меня на противоположной платформе, подавая мне команду завершить начатое.

– Оп!

Я не успеваю ответить, когда раздается взрыв, следом за ним грохот, а потом еще один, более громкий и глухой. Мы обмениваемся испуганными взглядами, наша ссора на мгновение забывается. Бомбардировки – не новость, они идут с самого начала войны: сначала немцы ослабляли страны, которые собирались оккупировать, с их помощью, а в последнее время все чаще мы слышим бомбардировки союзников по немецким территориям. Они бросают бомбы как попало, не заботясь о том, в кого они попадут. В течение всего времени, которое мы провели в Эльзасе, бомбардировки идут почти каждый день. Но это впервые случилось во время представления. Шатер – самое большое здание за пределами города, вероятно, он будет хорошей мишенью.

Снова раздается грохот, теперь он ближе. Когда опилки и штукатурка начинают сыпаться с опор шатра как снег, несколько зрителей встают со своих мест и убегают к выходу. Шатер – очень плохое укрытие. Возможно, нам нужно закончить представление и отправить всех домой. Наши с Астрид взгляды пересекаются. «Продолжай», – говорит он. Мы не потянем выплаты по возврату билетов, а все эти люди непременно его потребуют, если мы отменим половину представления. Когда я хватаюсь за перекладину, руки у меня трясутся, и я едва не упала после очередного взрыва. Но я хватаюсь крепче. Еще один подход отделяет меня от свободы.

– Оп!

Я лечу по воздуху, Астрид хватается за меня, а затем отправляет обратно, этот раз – последний.

И вот все заканчивается, зрители награждают нас жидкими аплодисментами. Время уходить. Я покидаю шатер и иду через задний двор в наш домик, где Эльси должна была присматривать за Тео, они там, спят. Переодеваюсь в дорожную одежду, после чего беру сумку, которую упаковала Астрид. Перекладываю Тео в другую руку, он ворочается и смотрит на меня сонными глазами.

– Пора идти, – шепчу ему я, выходя из домика.

Когда я иду по заднему двору, то снова замечаю Астрид. Она подзывает меня. На долю секунды я решила, что наше совместное выступление смягчило ее гнев. Но, когда я приближаюсь, вижу, что ее глаза все еще горят от ярости. Она выхватывает у меня Тео.

– Я буду скучать по этому, – говорит она, прижимая его к груди.

– Астрид... – Я пытаюсь найти слова, которые могли бы все исправить, но не нахожу их.

– Просто уходи, – командует она, возвращая мне Тео. Он издает протестующий крик. – По крайней мере, теперь мне не придется больше с тобой видеться. – Ее слова режут, как нож, и когда она разворачивается и уходит, я понимаю, что больше никаких прощаний не будет.

Я делаю несколько шагов за ней. Мне невыносимо уходить, зная, что Астрид ненавидит меня. Но у меня нет выбора. Я обещала Люку, что мы встретимся в девять, всего через пятнадцать минут. Я должна отыскать его.

Из шатра раздается музыка. Из громкоговорителя раздается голос Эммета, так непохожий на голос его отца. Я оглядываюсь с благодарностью. Цирк был для меня раем – он стал мне домом и убежищем, чего я совсем не ожидала. Даже сейчас, когда он разрушается и идет ко дну, цирк – это семья, самая настоящая из тех, в которых мне доводилось жить. Есть ли надежда на то, что когда-нибудь я снова почувствую себя так же, как здесь?

Затем я расправляю плечи и ухожу прочь с Тео на руках. Будет ли он помнить что-то из этого? Усилием воли я заставляю себя не задерживаясь пройти мимо вагонов. Бегу, низко нагнувшись, чтобы меня не было видно, стараясь не слишком сильно трясти Тео. «Быстрее», – слышу я голос Астрид у себя в голове и, набирая скорость, направляюсь на восток, в ту сторону, куда указал мне Люк. Я хотела бы скрыться за деревьями, но земля здесь голая, открытое пространство. Кто-нибудь может увидеть нас в любой момент и спросить, почему я убегаю. Я заставляю себя замедлиться, идти нормально, пытаюсь выровнять дыхание.

Когда я приближаюсь к карьере, а смех и аплодисменты позади меня затихают, меня с новой силой охватывает сомнение. Как мы выживем вдвоем в лесу, у нас ведь ничего нет? Я отгоняю опасения в

сторону. Я хочу уйти с Люком. Я вижу перед собой нашу совместную жизнь, он обещал ее мне. Несмотря на все мои страхи, нас будет двое, мы будем сплоченной командой, будем бороться за свою жизнь и за жизнь Тео. А без него я буду одна – снова.

Теперь мы уже далеко ушли от цирка. Земля становится каменистой, склон – резким. Я прижимаю Тео к себе, крепко, пробираясь по крутому склону. Тропинка, по которой я шла, заканчивается грубо высеченной каменной ямой. Люк сказал, что будет ждать меня здесь во время антракта.

Но возле карьера никого нет.

Еще рано, говорю я, успокаивая себя. Осматриваю куст между камнями на противоположной стороне карьера, думая, что он может прятаться за ним. Но ветки неподвижны, ветра нет.

Проходит пять минут, затем десять. Люка все еще нет. В моей голове проносятся возможные причины: он потерялся, ему пришлось вернуться, чтобы убедиться, что за ним нет хвоста. Возможно, он заболел. Тео начинает хныкать, от усталости или, быть может, от голода.

– Ш-ш-ш, – успокаиваю его я, опуская руку в карман, чтобы достать припасенное для него печенье. – Еще чуть-чуть.

Я смотрю на яму, на пустое плоское пространство. Ужас охватывает меня и оседает камнем в желудке. Люк не придет.

Как такое возможно? Мы ведь точно договорились. Меня охватывает паника. Возможно, с ним что-то случилось. Я видела его всего несколько часов назад. Он просил, нет, умолял, чтобы я пошла с ним, и был так счастлив, когда я сказала да. Он передумал и решил, что мы с Тео – это слишком тяжелая обуза. Или, возможно, Астрид была права все это время. Я застыла у холодного темного карьера, слезы щиплют мне глаза. Я такая глупая, и меня снова бросили.

Затем что-то касается моей щеки. Тео поднимает взгляд на меня, его мягкие пальчики тянутся ко мне, как в ту ночь в лесу, когда я забрала его из вагона. Воспоминания о той ночи всплывают у меня в голове: маленькие крепко сжатые кулачки, которые никогда не раскроются, руки тянутся к маме, которой больше нет. Картины, которые я не могу держать в себе. Из рта раздается всхлип. Я не плакала, когда мой отец открыл дверь и выставил меня на мороз, без вещей, с одним лишь кошельком в руках. Не плакала, когда

увидела вагон украденных младенцев, мертвых и умирающих. А теперь слезы текут ручьем, и я горюю по всему одновременно. Прикладываю ладони к глазам, пытаюсь остановить видения, но это не помогает. Эта ночь и этот вагон останутся со мной навсегда. Я спасала Тео не только ради него самого, это был мой шанс хоть как-то искупить вину.

Возможно, у меня все еще есть шанс на искупление. Я вспоминаю Астрид, она стоит передо мной, протягивая мне пропуск на свободу. Она так зла, не думаю, что она готова будет отдать мне его теперь. В глубине души я не хочу забирать у нее единственный шанс на выживание. Но я обязана попытаться ради Тео.

Я смотрю на небо. «Нет пути назад», – сказала однажды Астрид. Она права. Я больше не могу рассчитывать на Люка, так же как не могла рассчитывать и на свою семью. Я найду место, где Тео будет в безопасности, где у него не отнимут цирк, лишь потому что он еврей, где люди не будут смотреть на него косо. Мне нужен не Люк, и даже не родители. Мне нужен свой собственный дом.

Я оглядываюсь в сторону шатра. Если я уйду сейчас и попаду на финальный поклон, никто, кроме Астрид, не поймет, что я уходила. Я могу спросить ее о пропуске после выступления. Я перекладываю Тео на другой бок. Теперь он плачет навзрыд, его крики прорезают ночь, пока я иду по склону прочь из карьера.

– Ш-ш-ш, – утешаю его я. И в последний раз с надеждой оглядываюсь в сторону, откуда должен был прийти Люк. Не увидев никого на том месте, я разворачиваюсь и иду обратно к цирку.

Я снова у шатра. Но вспомнив о том, какая ярость была на лице Астрид, когда я уходила, я замедляюсь. Что я могу сказать, чтобы она простила меня? На заднем дворе я слышу музыку последнего номера, радостные звуки труб, мелодия поднимается наверх. Цирк собирается для финального поклона. За занавесом вижу площадку, на которой обычно стою я, и представляю озадаченное лицо Герды, которая должна стоять рядом. Она, должно быть, удивится, увидев, что меня нет на месте. Меня переполняет тоска, я должна пойти туда, к месту, которому я принадлежу, в последний раз стоять со своей цирковой семьей. И хотя мне грустно, что Люк не пришел и мы все равно скоро уйдем, я не могу не радоваться, что я снова дома.

Но когда я приближаюсь к шатру, мое счастье куда-то исчезает. В воздухе стоит странный запах, как будто кто-то перегрел карамельную кукурузу, только сильнее. В носу защипало – это запах гари. Где-то – и очень близко – начался пожар. Я вспоминаю бомбардировку, звуки которой мы слышали во время нашего номера. Бомбы не попали по ближайшим сооружениям, но, возможно, дело в осколке или даже в сигарете, беспечно выброшенной на пол. Пожар в шатре? Мы всегда так заботились о безопасности. Поднимая глаза вверх, я вижу, как на ткани совсем рядом с центральной мачтой что-то мерцает: пламя становится больше прямо у меня на глазах. Никто, похоже, еще не заметил: ни зрители, остающиеся в шатре, ни артисты, выходящие из него. Никто, кроме меня.

Я хватаю Тео покрепче и сломя голову бросаюсь к шатру.

Глава 26

Астрид

Я стою на площадке над ареной. Одна, снова одна.

После того, как Ноа ушла, я забралась вверх, на площадку. «Скатертью дорожка», – хотела сказать я, представив, что она уйдет. Но теперь я чувствую, как меня раздирает от этой потери. Но в этот момент я проклинаю не ее, а себя. Как я ненавижу себя за то, что снова позволила себе о ком-то переживать. Вспоминаю Эриха, который меня бросил. Я хорошо запомнила урок, который получила в тот день, когда покинула Берлин, впечатала его себе в голову, давно пора было понять: единственный человек, на которого я могу положиться – это я сама.

«Тут – то же самое», – думаю я. Теперь, когда Ноа ушла, я могу спокойно воспользоваться документами и поехать к своему брату. После финального поклона я уйду, чтобы никто не заметил моего отсутствия. Я отгоняю мысли о Ноа и Тео в сторону и думаю о Жюле, который ждет меня.

Музыка подает мне сигнал – мой номер начался, – и я отвязываю веревки от креплений. Эммет в последнюю минуту сообщил мне, что добавил номер с испанской паутиной обратно во второе отделение. Только тогда я заметила новые веревки, наскоро установленные в том же месте, где повесился часовщик всего несколько дней назад. Я хотела отказаться. Причина была не в гибели Меца. Я не репетировала несколько недель, и один номер с трапецией – это уже достаточно тяжело для меня. Однако я не хотела давать Эммету повод для конфликта. В конце концов, это выступление будет последним перед тем, как я уеду отсюда навсегда.

Я обвязываю себя веревками и шагаю с площадки. Здесь нет перекладины, за которую можно крепко держаться, только две тонкие полоски атласа. Я кручусь на них, вытягивая ногу. Трапеция, как я однажды говорила Ноа, похожа на гимнастику, тогда как испанская паутина – на плавание, безупречное и грациозное. Во всяком случае,

оно должно таким быть: мои руки ослабли после недель без тренировок, мои движения слишком резкие. Мне тяжело дается этот номер. Но зрители, кажется, ничего не замечают.

Я возвращаюсь на площадку под гром аплодисментов, все мое тело покрылось потом. Я не спускаюсь вниз. Мой номер последний перед финалом, и я должна остаться здесь на финальный поклон. Вдруг слоны становятся на дыбы, скидывая своих наездников, и внизу раздается крик.

– Огонь! – кричит кто-то.

Теперь я вижу его: языки пламени за одной из трибун поднимаются все выше с каждой секундой. Огонь пока только на одной стороне палатки. Если сейчас все отправятся к дальнему выходу, все обойдется. Мы не раз проводили учебную тревогу. Если бы здесь был герр Нойхофф или Петр, они бы велели толпе сохранять спокойствие.

– Огонь! – снова кричит женщина, и все начинают бежать, сбивая друг друга с ног, падая. Зрители, сидевшие на первых рядах, бегут на арену, пугая слонов, от чего те начинают наступать на зрителей.

Я лихорадочно смотрю на ужас, который творится внизу. Горит уже весь шатер. Раньше работники схватили бы ведра с песком и водой, которые мы всегда так тщательно расставляли рядом с каждой опорой, и попытались бы спасти шатер. Но теперь рабочих практически нет, Эммет всех распустил. Силач кидает песок на огонь, но бросает ведро, убегая в противоположную сторону. Пытаясь спасти слонов, дрессировщики стараются вывести их из палатки. Но звери противятся, встают на дыбы от страха, и дрессировщики убегают, теперь каждый сам за себя. Тигр лежит на боку неподвижно, надыхавшись дыма. Каким будет цирк без него? Под светом пылающего неба я вижу темную фигуру Эммета, он убегает – трус: каким был, таким и остался.

Я неподвижно стою на площадке, глядя на сцену внизу, как будто это происходит где-то вдалеке от меня, как будто это кино. Но жар чувствуется все сильнее, напоминая, что это реальность. Я вспоминаю, как совсем недавно, до того, как получила письмо Жюля, я хотела умереть. Если я сейчас ничего не сделаю, мое желание исполнится. Будет ли это ужасно? Я чувствую, как Жюль и жизнь в Америке ускользают от меня, как сон.

Нет. Я качаю головой, стряхивая с себя наваждение. Мой брат ждет меня. Я должна выбираться. Я спускаюсь на лестницу. Но в этот момент один из слонов разворачивается, стучается об лестницу и выбивает ее из креплений. Она начинает угрожающе качаться. Я хватаюсь за перила, а она начинает наклоняться. Она накренилась в одну сторону и в любую секунду может упасть.

Я отчаянно кручу головой. Гриф трапеции находится в нескольких метрах надо мной, не смогу достать. Делаю выпад, хватаясь за нее одной рукой. Пальцы смыкаются на перекладине. И что теперь?

Слишком много людей внизу, под сеткой, прыгать опасно. Я смотрю на дальнюю перекладину, затем с силой раскачиваюсь, чтобы добраться до нее. Но она слишком далеко, это бесполезно.

Я обреченно повисла на перекладине, дым наполняет мои легкие, щиплет глаза. Руки, уставшие после выступления, пульсируют от боли. Я должна держаться. Еще несколько минут, и никого не будет под сеткой, и я никого не задену, если упаду. Но будет уже слишком поздно, сетка под нами теперь горит, я не смогу приземлиться так, чтобы не травмировать себя.

– Астрид! – зовет меня голос сквозь дымную завесу. Ноа. Она стоит в проеме шатра. Почему она вернулась? Она идет ко мне с широко распахнутыми испуганными глазами.

– Астрид, держись!

Ноа смотрит на Тео, который корчится у нее на руках, потом снова на меня, не зная, что делать. Я вижу, как она пытается передать Тео одной из танцовщиц, умоляя ее забрать его на улицу от дыма и изнуряющего жара. Но танцовщица в панике убегает, не забрав ребенка. Ноа идет к дальней лестнице, держа Тео на руках.

– Выбирайся отсюда! – кричу я. О чем она только думает, подвергая ребенка и себя такому риску? Но она продолжает карабкаться наверх. Наверху она сажает Тео как можно дальше от края, чтобы он не скатился с площадки, и зацепляет его пеленку. Затем она хватается за гриф и прыгает, она так странно выпядит в обычной одежде.

– Астрид, хватайся за меня, – кричит она, раскачиваясь ближе ко мне. Я не отпущу гриф. Она никогда не ловила. Она не сможет. – Астрид, надо выбираться. – Спасение от рук Ноа – это последнее, что

мне нужно сейчас. – Петр хотел бы, чтобы ты боролась, – добавляет она. – Не сдавайся просто так.

– Петра здесь нет, – тупо повторяю я.

– Знаю. Но есть мы. И если ты не отпустишь, умрем мы все, даже Тео. Астрид, ты должна прыгнуть. – Ее слова, как эхо тех слов, которые говорила я, когда она только пришла в цирк, и это чистая правда. Я переворачиваюсь и цепляюсь за перекладину ногами, вытягивая руки в ее сторону. Раскачиваюсь и пытаюсь дотянуться до нее. Она отпускает момент, и я пробую еще раз.

Наши руки сцепляются друг с другом, и в ее глазах я вижу триумф.

– Поймала, – говорит она, но я не улыбаюсь ей в ответ. Это ничего не меняет.

– Просто возвращайся, – командую я. Но как? Она не сможет докинуть меня до площадки.

– Туда, – говорю я, показывая в угол сетки рядом с лестницей, где нет огня. – Бросай меня туда.

– Ты хочешь, чтобы я тебя уронила?

Она смотрит на меня, не веря своим ушам, раскрыв глаза от удивления.

– Другого выхода нет. Прицелься в угол и бросай меня туда.

Она неуверенно смотрит вниз.

– Ты должна сделать это, сейчас. – Через несколько минут вся сетка будет гореть и у меня не будет возможности спастись. – Отпусти меня.

Она делает глубокий вдох и раскачивается, чтобы набрать скорость и приблизиться к той стороне. Я задерживаю дыхание. Ноа никогда не ловила и не бросала, но она отпускает меня в самый подходящий момент. Я мягко лечу вниз, мое тело напряжено, колени расслаблены, и вот я приземляюсь на край сетки еще не тронутой огнем, совсем у края.

Я смотрю обратно на трапецию, где все еще висит Ноа, жалея, что она не может просто прыгнуть вниз, как я. Тео остался на площадке.

– Быстрее! – кричу я. Она раскачивается сильнее, отчаянно пытаясь добраться до площадки. Соскальзывает, едва не упав. Однако ее пальцы успевают схватиться за край, и она подтягивается, забираясь на площадку.

Ноа поднимает Тео и спускается вниз по лестнице. Но двигается она медленно и неуклюже, пытаясь удержать ребенка, который, впад в истерику от ужаса, кричит и вырывается.

– Сюда! – зову я, подбегая к низу лестницы.

– Забери его, – кричит она, роняя Тео в мою сторону, практически кидая его мне. Он приземляется в мои руки, сильно ударившись и рыдая все громче. Я закрываю ему нос и рот. Нужно вытащить его отсюда. В меня врзается мужчина, бегущий к выходу, плечо пульсирует от боли после удара. Я прижимаю Тео ближе, чтобы не уронить. Смотрю на открытую дверь, у меня уже все легкие наполнились дымом, прохладный свежий воздух манит к себе.

Где-то наверху раздается скрип, переходящий в громкий треск.

– Выбирайтесь отсюда! – кричит кто-то, подталкивая меня к выходу. Я оборачиваюсь. Ноа все еще пытается добраться до земли, но она слишком высоко, чтобы я могла до нее добраться.

Лестница начинает качаться, она сильно накренилась в одну сторону. Раздается грохот, и весь снаряд трапеции начинает падать прямо на меня. Конструкция шاپито ослабла из-за огня, и все начинает разрушаться.

Я выбираюсь наружу, крепко прижимая Тео к себе. С оглушительным треском шатер падает, огонь дождем обрушивается вниз. А Ноа исчезает из виду.

Глава 27

Ноа

Тео нигде нет.

Я лихорадочно ищу его в темноте. Но руки хватают пустоту, как в ту ночь, когда я пыталась достать его на крыше вокзала. Его нигде нет.

– Тео! – кричу я снова и снова. Нет ответа.

– Вот он.

Астрид. Ее голос звучит так далеко. Я пытаюсь открыть глаза, но осколки впиваются в мое лицо, мне с трудом удается хоть немного раскрыть веки. Однако этой маленькой щели достаточно, чтобы увидеть Тео, она положила его на меня. Он рядом, но я не чувствую его из-за обжигающей боли, она хуже, чем тысячи пчелиных укусов.

Я лежу на земле в пятнадцати метрах от шатра. Как я оказалась здесь? На некотором расстоянии от меня тлеет то, что осталось от шاپито, став кучей обугленной ткани и сломанных опор. Уже поздно, но пожарные поливают обломки водой, чтобы не было искр и чтобы огонь не перекинулся на соседние леса.

Я тянусь к Тео, но Астрид мягко удерживает меня, чтобы я не поднималась.

– Нет, – удается произнести мне с хрипом. – Я должна. – Она пододвигает его выше, мне на грудь, продолжая придерживать его. – Он в порядке?

– В полном, – заверяет она. Я осматриваю ребенка, пытаюсь понять, не повредил ли дым его крошечным легким. Он кашляет один раз, подтверждая мои опасения. Однако у него хороший цвет лица, глаза ясные.

Затем я ложусь обратно, не в силах больше держать голову приподнятой.

– Отдыхай, – говорит Астрид, забирая Тео обратно, и я вижу ожоги на ее руках.

– Что случилось? – спрашиваю я. Она замаялась, не хочет рассказывать мне. – Я не ребенок, помнишь? Не скрывай от меня

правду.

– Шатер упал прямо на тебя, – отвечает она тихо.

Я вспоминаю этот момент, как она вытаскивала меня из-под раскаленных обломков, которые упали на меня и пригвоздили к земле.

– Я не чувствую ног, – говорю я, хватая ртом воздух. Вдыхая, я чувствую острую боль, затем горло схватывает спазм, и все тело трясет от кашля.

Астрид вытирает мне рот рукавом, и когда она отводит руку, видно, что на нем красное пятно. У нее на лице паника, она отчаянно оглядывается вокруг.

– Позовите врача! – кричит она, и по ее охрипшему голосу я понимаю, что это не первый раз, когда она пытается звать на помощь.

Но никто не отвечает и не приходит, чтобы помочь. Есть только мы.

– Скоро тебе окажут помощь, – обещает Астрид.

Где-то вдалеке я слышу звук сирены. Скоро сюда прибудет полиция. Будут вопросы, расследование.

– Пропуск, – вспоминаю я. Астрид должна выходить прямо сейчас. – Завтра он уже будет бесполезен. Ты должна идти.

Она отмахивается от меня, как от мухи.

– Я не уйду от тебя.

Всего несколько минут назад она хотела, чтобы я ушла. Но она больше не сердится. Наконец-то она простила меня. Теперь она знает все мои секреты и не отвернулась от меня – это то, чего я хотела с самого начала. Облегчение помогает мне забыть боль.

– Ты должна идти. – Я поднимаю руку и касаюсь Тео. – Возьми его. – Мне больно говорить.

– Но... – начинает Астрид.

– Сейчас, – добавляю я. – Или будет слишком поздно. – Я лежу, у меня совсем не осталось сил.

– Ты все еще можешь пойти вместо меня, – настаивает она, не желая признать правду, которая у нее прямо перед глазами. – Я дам тебе пропуск, как и говорила раньше. Ты сможешь уйти с Тео, и вы будете вместе.

Ее голос звучит так серьезно, что в какую-то секунду мне даже удается поверить в это.

– Нет, – говорю я, когда осознание произошедшего снова обрушивается на меня. Моя мечта о том, чтобы сбежать на свободу с Тео, уничтожена. Я опять кашляю, с хрипом вдыхая воздух.

– Я пойду позову на помощь, – снова говорит Астрид, поднимаясь.

– Останься со мной. – Я использую последние силы, чтобы схватить ее за руку. – Я не протяну долго.

Она качает головой, но в то же время и не может отрицать очевидного.

– Я не могу бросить тебя, – говорит она, продолжая сопротивляться.

– Разве у нас есть выбор? – Цирка больше нет, огонь завершил то, что не смогла война. – Ты должна взять Тео. Ты – его единственная надежда.

Тео ворочается у меня на руках, как будто впервые узнав свое имя. Я провожу рукой по его мягким волосам, и в этот момент я вижу, каким мужчиной он вырастет. Он не будет знать меня. Слезы текут у меня из глаз, обжигая обнаженную плоть на щеках. Я исчезну из его памяти так же, как и его родители.

«Когда-нибудь тебе придется его отпустить».

Слова Астрид, произнесенные перед первым представлением, всплывают в моей голове так ясно, как если бы она произносила их прямо сейчас, хотя ее губы остаются неподвижными. Как будто одно из предсказаний Дрины сбылось.

– Ты сделала это, – говорит она сквозь слезы. – Ты стала воздушной гимнасткой. – В этот момент я понимаю, что у меня есть все, о чем я мечтала.

Почти все.

– Люк, – говорю я. Хотя он подвел меня, я не могу не думать о нем. Боль отзывается во мне, когда я думаю о его предательстве. – Ты была права насчет него. Я пыталась встретиться с ним, как мы планировали. Но он не пришел. Я не нужна ему.

– Нет, нет, этого не может быть, – возражает Астрид. – Он проделал такой долгий путь ради тебя. Это просто бессмысленно. Уверена, у него были свои причины. Если хочешь, я попробую найти Люка для тебя, – предлагает она. – Узнать, почему он не смог встретиться с тобой, и рассказать ему, что случилось. – Мы обе знаем, что это невозможно. Он исчез, и она никак не сможет найти его.

Но я благодарна, что она предложила.

– Хвалишь мое выступление, а теперь отзываешься хорошо о Люке, – хриплю я. – Похоже, я точно умираю. – Мы обе неубедительно смеемся, у меня голос скрипит, как запись на фонографе.

Астрид забирает у меня Тео, укачивая его на руках. Если бы только эти руки были моими. Она поднимает голову. В ней появляется какая-то осознанность, и в свете ее глаз я вижу многих ее родственников, членов большой цирковой семьи, которые были до нее. Пару часов назад я боялась, что она не справится сама. Как ей удастся сбежать, как она сможет позаботиться о Тео? Но, кажется, она стала сильнее с тех пор, как потеряла Петра. И с Тео она не будет одна. Он непонимающе смотрит на меня, пока она нежно покачивает его.

– Иди сейчас, пока не стало поздно, – с усилием говорю я, вкладывая в эти слова свои последние силы. Астрид не спорит, она целует меня в щеку и подносит Тео к моей щеке.

Они должны уйти сейчас, пока никто не видит. Я закрываю глаза, зная, что она не уйдет, пока я здесь. Она не уходит, но ложится рядом, продолжая держать Тео. Я стараюсь замедлить дыхание, и вдруг мы снова лежим в вагоне втроем, спим вместе, как единое целое. Я чувствую, как она отодвигается, сбоку от меня становится холодно, когда она поднимается и уходит к лесу.

Я заставляю себя не открывать глаза, не в силах смотреть на то, как они уходят.

Когда я открываю глаза, их уже нет.

Но я не одна. Небо прояснилось, и когда я смотрю наверх на россыпь чуть желтоватых звезд, я вижу лица. Сначала лицо Петра, он смотрит вниз на Астрид, присматривает за ней.

– Я сделала это. – Я спасла ее, хотя совсем не так, как он того хотел.

Затем чуть дальше, в глубине ночного неба, я вижу Люка. Я никогда не узнаю, почему он не пришел. Но я прощаю его. Жди меня, моя любовь. Я иду.

И, наконец, я вижу герра Нойхоффа. В самом конце, когда все артисты уже завершили финальный поклон и ушли со сцены, он стоит, как и в самом начале представления, один под лучом

прожектора. Он оглядывает толпу, привычным жестом касается своего цилиндра, приглашая и прощаясь.

А затем наступает темнота.

Эпилог

Астрид

Париж

Я не должна была выжить.

Я вижу все ясно. Я все еще стою перед вагоном на выставке, уставившись на пустую койку, почти чувствую, как Ноа лежит рядом со мной, ее теплая щека касается моей, наши тела синхронно поднимаются и опускаются.

Когда фарфоровые глаза Ноа закрылись в последний раз, было темно. Я видела поломанные тела раньше – часовщик и еще тренер, которого разорвал тигр. Но с Ноа это было совсем по-другому. Тяжелые опоры, которые придавили ее, переломали ей ноги и, наверное, сломали ей и спину. Она могла просто убежать, когда начался огонь. Но она вернулась, чтобы спасти меня, и это стоило ей жизни.

Я смахиваю слезы с глаз, вспоминая это. У меня было много братьев, но она настолько ближе мне, она как сестра, которой у меня не было. Я была готова пожертвовать своей свободой ради нее, но после таких травм это было бессмысленно. Глядя на ее несчастное лицо и беспомощное сломанное тело, я не могла позволить себе просто уйти. Однако я была единственной надеждой Тео на спасение. Я подождала момента, когда глаза Ноа закрылись в последний раз, а затем пошла через пустое поле с Тео, надежно спрятанным у меня за пазухой. Я расправила плечи, теперь я действительно была сама по себе, в первый раз в жизни.

Во время нашего побега судьба была благосклонна к нам с Тео, мы уже достаточно пострадали. Мы добирались до Лиссабона в основном на поездах, затем пешком до самого города. Виза, которую сделал для меня брат, ждала меня в консульстве. В городе было несметное количество беженцев, жаждущих уехать, но денег, которые дал Эрих, было достаточно, чтобы купить место на борту парохода.

Маленькие проблески удачи, которой до этого было так мало. Возможно, даже больше, чем я заслуживала.

Через несколько недель, после того, как корабль добрался до Нью-Йорка, до нас донеслась весть о том, что союзники высадили свои войска и теперь идут к Парижу. Конец войны был не за горами. Меня переполняли сомнения: возможно, было ошибкой уезжать из Европы. Там могло бы быть безопасно. Но пути назад не было.

После того пожара я больше никогда не летала. Мы стали жить возле Тампы, где мой брат Жюль организовывал фестиваль. Я усердно работала, продавая билеты и лицензии. Вернуться обратно на трапедию – это было слишком как для меня, так и для Жюля. В первое время я боялась, что жизнь без выступлений будет удушающей, странной, как это было с Эрихом. Но предоставленная самой себе, я чувствовала себя свободной.

И вот сейчас я вернулась. Я очищаю разум от воспоминаний и оглядываю выставку, посвященную номерам и постановкам этой ушедшей эпохи. Конечно же, здесь нет ни слова о самом важном деле цирка – спасении жизней.

Здесь есть одна фотография Петра, он великолепен в своем образе клоуна. Темные печальные глаза за белым гримом, которые мне так хорошо знакомы, только мне. Подпись под фотографией: «Убит в Освенциме, в 1945 году». Это не совсем так. Петр, как я узнала из архивов «Яд ва-Шем»^[37] несколько десятилетий назад, был приговорен нацистским трибуналом в Освенциме к расстрелу. Когда охрана пришла за ним наутро, они нашли его повешенным. Я прислоняюсь к толстому стеклу, закрывающему фотографию, проклиная его за то, что оно отделяет нас.

А что Эрих? Какое-то время мне не удавалось ничего узнать о его судьбе. Я думала, не мог ли он погибнуть во время военных действий или, возможно, ему удалось сбежать в Южную Америку, как нацистскому мяснику Йозефу Менгеле^[38] и прочим мерзавцам, которые так никогда и не предстали перед судом. Затем, через три года после того, как война закончилась, я получила письмо от юридической фирмы в Бонне, которая нашла меня через банковский счет в Лиссабоне и сообщила, что Эрих оставил мне небольшое наследство. Тогда я и узнала, что он погиб, когда в здание на Раухштрассе попала бомба. Здание разбомбили седьмого апреля, 1944, всего через

несколько дней после того, как он переслал письмо Жюля мне. Бомбежка началась в предрассветные часы, когда все, кто жил в этом здании, еще спали. Я бы тоже спала, и меня бы тоже не стало в тот день, если бы Эрих не выставил меня за дверь. Я перечислила деньги, которые он мне оставил, в «Джойнт»^[39].

Я так и не вышла замуж. Потерю Эриха я смогла пережить, но потеря Петра – это было уже слишком. Две травмы, которые мне довелось пережить – достаточно много для одной жизни.

В моей голове всплывает лицо Ноа. На выставке нет ни одной ее фотографии, кроме одного снимка, где ее лицо видно за одной акробаткой, в момент, когда весь цирк вышел на финальный поклон. Она выступала так мало, оставшись лишь безымянной строкой в столетиях цирковой истории. Но я вижу ее, юную и красивую, на трапеции, впервые испытывающую чудо полета. За свою жизнь, такую короткую в сравнении с моей, ей тоже довелось пережить большое горе. Я всегда думала о Люке: почему же он не пришел тогда к Ноа на встречу? Да, я недолго любила его, но он так искренне заботился о ней. Что остановило его?

Отчасти именно это привело меня сюда. Этот вопрос и мысль о том, что я могу найти здесь ответы, пришли мне в голову одновременно, когда я поняла, что вагон, изображенный в «Таймс», был тем самым нашим вагоном. Я снова смотрю на него, задержав взгляд на коробочке на дне. Ноа и Люк оставляли друг другу письма в нем, думая, что никто об этом не знает. Но я их видела, видела, как они обмениваются секретными письмами, как в детской игре про почту. Глупцы! Если бы кто-нибудь нашел эти письма, это могло бы подвергнуть опасности всех нас. Но я решила подождать, позволить им наслаждаться моментом и строго следила за тем, чтобы никто больше не заметил их переписку. Когда я увидела заметку о цирковой выставке в газете и всматривалась в вагон, который был так неправдоподобно похож на наш, я подумала, что, возможно, мальчик оставил Ноа письмо, объясняя причину.

Но теперь я знаю, что в ящичке ничего нет.

Я облокачиваюсь на вагон, прижимая голову к потертому дереву, подобно тому, как прижимаешь к уху раковину, чтобы услышать море. В голове у меня эхом раздаются голоса, которых больше нет. Затем я прохожу в глубь экспозиции.

Здесь есть масляная картина, которую я никогда раньше не видела, на ней изображена молодая девушка на трапеции. Я не могу сдержать удивленного вздоха. Эта бледная тонкая фигурка без сомнения принадлежит Ноа, костюм, расшитый блестками на ней – это один из моих, который я тогда отдала ей. Откуда эта картина? Если кто-то нарисовал ее портрет, пока она была с цирком, я бы наверняка узнала об этом.

Я подхожу ближе и щурюсь, пытаюсь прочитать маленькую табличку под картиной:

Картина найдена среди личных вещей неизвестного молодого человека, убитого во время немецкой бомбардировки партизанского лагеря рядом со Страсбургом в мае 1944. Его связь с цирком и человек, изображенный на картине, неизвестны.

Я замираю, у меня стынет кровь в жилах. Ноа однажды говорила, что Люк хотел стать художником. Я не думала, что он был так талантлив. Картина выполнена с таким мастерством, художник испытывал такую искреннюю любовь к тому, что рисовал. Рассматривая работу Люка, я убеждаюсь, что он бы не оставил Ноа.

Она также говорила, что он планировал присоединиться к маки, пошел в партизанский лагерь недалеко от цирка. Я снова слышу, как бомбы падают в ночь, когда мы выступали в последний раз, и понимаю, почему он не пришел. Ноа и Люк умерли в тот день, разделенные всего несколькими километрами, не зная друг о друге. Мои глаза наполняются слезами, которые стекают вниз по щекам.

Я смотрю на изображение Ноа, которое закрыто стеклом, защищающим от времени и износа.

– Все-таки он не оставил тебя, – шепчу я.

В отражении стекла я вижу позади движение. Женщина с пышными белыми волосами стоит позади меня. «Ноа», – думаю я, зная, что это невозможно. Я смотрю на картину, представляя, что она здесь, и я могу попросить у нее прощения за все, что сделала не так.

– Мам?

Я оборачиваюсь.

– Петра.

Моя красавица дочка, ребенок, которого я едва не потеряла много лет назад. Я поднимаю руку к животу, снова, как и много раз прежде, чувствуя тот удар, который чуть было не забрал ее у меня. Мое чудо.

– Ну и как я могла догадаться, что найду тебя здесь? – В ее голосе нет раздражения. Просто улыбка играет на пухлых губах и в темных глазах, которые я всегда буду видеть в окружении белого грима. Как тогда, во время представлений.

Это не было ложью. В ту ужасную ночь, когда полицейский ударил меня, у меня было сильное кровотечение и резкая боль. Я решила, что после этого удара я потеряла ребенка. Но несколько дней спустя, когда я стояла перед трапезией, думая, не спрыгнуть ли с площадки, я почувствовала знакомую тошноту. Я тут же поняла, что это: мой ребенок борется за жизнь, несмотря ни на что.

Я не сказала Ноа, она бы ни за что не взяла разрешение на выезд, если бы знала о том, что я беременна. Нет, конечно, я хотела свободы и хотела, чтобы мой ребенок выжил. Я хотела этого так сильно, что практически чувствовала это у себя в руках. Но Ноа была младше меня, она не была такой же сильной, как я, она должна была уйти и взять Тео. У Ноа не было ничего, кроме цирка. Я могла бы справиться, продержаться, найти какое-то другое место, где я могла бы выступать и выжить. А ей с трудом удавалось заботиться о себе и Тео даже с нашей помощью. Она бы не справилась сама. Поэтому я солгала.

Мой план был хорош, он мог бы сработать, если бы не Люк и не пожар. Он бы сработал, если бы все сложилось. Но почему начался пожар? Все эти годы я задавалась вопросом: не мог ли кто-то из недовольных рабочих устроить поджог? Или даже Эммет, желая снять с себя эту ношу? А может, это был осколок бомбы? Я до сих пор не знаю этого.

Сейчас это и не важно.

Огонь, а не война, отнял жизнь Ноа, так же своевольно, как болезнь сердца лишила жизни герра Нойхоффа. Не имея другого выхода, мне пришлось взять пропуск и спасти Тео.

И свою дочь. У Петры много черт от отца, но она такого же низкого роста, как и я, полутораметровый хирург из «Врачей без границ»^[40], сила, с которой приходится считаться. Я протягиваю руку над ограждением, неосознанно убирая пряди ее волос с глаз, как будто ей шесть лет. Вот только теперь ее волосы белоснежного цвета. Так

странно видеть, как стареет твой ребенок! Петра, надежно спрятанная в моем животе и родившаяся уже в Америке, ничего не знает о тех тяготах, которые мы испытали. Почти ничего. Моя дочка родилась слепой на один глаз, единственная травма, которую нанесла ей дубинка полицейского в ту ночь, когда забрали Петра.

Когда Петра подходит ближе, чтобы обнять меня, за ней появляется кто-то выше ростом.

– Мам, вылезай отсюда.

Я слушаю его и протягиваю руки, чтобы обнять Тео, который стоит рядом с сестрой, на целую голову выше ее. Его волосы тоже поседели и стали жесткими. Хоть они и не кровные родственники, чем-то все равно похожи.

– И ты приехал? – ворчу я. – У тебя ведь полно пациентов!

– Мы вообще-то всегда идем в комплекте, – отвечает он, обнимая сестру за плечи. Это правда, они очень близки.

Оба стали врачами. Петра, которая унаследовала жажду к путешествиям, практиковала по всему миру, а Тео, которому ближе был оседлый образ жизни, стал хирургом в больнице в том же городе, где я их вырастила. Он живет с женой и тремя моими чудесными внучками, которые уже тоже совсем большие. Мои дети... Сделанные из разного теста, но такие похожие. И медицина для них теперь семейное дело, каким когда-то был цирк для меня и моих братьев.

Незаметно для Петры и Тео я закрываю ящик на дне вагона, толкнув его спиной, и позволяю им вывести меня по другую сторону ограждений.

– Как вы добрались сюда так быстро? – спрашиваю я Тео. – Я ведь всего два дня назад уехала из Нью-Йорка.

– Чистая удача: я был на конференции в Брюсселе, когда мне позвонили из дома престарелых, – отвечает он. – Я позвонил Петре, и она прилетела сюда из Белграда.

Большую часть времени Петра проводит в Восточной Европе, помогая беженцам. Кажется, ее так и тянет к этой части мира, из которой мы с таким трудом выбирались.

Я с любовью смотрю на своих детей. В их глазах я вижу прошлое так же ясно, как Дрина когда-то читала будущее: я так ясно вижу Петра в нашей с ним дочери, что у меня возникает ощущение, что он со мной. Тео не был родным сыном Ноа, но каким-то образом он так

похож на нее, ему как будто передались ее выражения лица и даже манера говорить. Ноа любила его так сильно в тот недолгий период, что его в полной мере можно считать ее сыном.

Есть и еще один человек, о котором я всегда вспоминаю, хотя никогда не видела его, не было даже его фотографии. Ребенок Ноа, которого у нее забрали. Я вижу его рядом с Тео и так часто думаю, каким бы он стал в зрелости.

– Мам... – Голос Тео отрывает меня от мыслей. – Ты просто взяла и уехала. Мы так беспокоились.

– Я должна была увидеть эту выставку, – неуверенно оправдываюсь я.

Тео делает шаг назад, увидев портрет Ноа.

– Это она, да? – говорит он, его голос прерывается. Они с Петрой знают о Ноа. Я рассказала детям о ней и о том, как она спасла Тео, когда они стали чуть старше. Но я не стала говорить о том, как она оказалась в цирке, и о том, что у нее мог остаться родственник. Какие-то вещи лучше оставлять невысказанными. Я киваю. – Она красивая.

– Красивая, – повторяю я. – Больше, чем вы можете себе представить. Эту картину нарисовал молодой человек, которого она встретила во время работы в цирке. Она знала его совсем недолго, но они любили друг друга очень сильно. Я не знала, что с ним случилось, до сегодняшнего дня.

Несколько секунд мы молча смотрим на картину.

– Пойдем? – нежно спрашивает Петра.

– Нет, – уверенно отвечаю я. – Я не готова уходить.

– Мама, – терпеливо говорит Тео, как будто обращаясь к ребенку. – Я знаю, что цирк был огромной частью твоей жизни. Но теперь его нет. Пора возвращаться домой.

Я прочищаю горло.

– Сперва, – говорю я, – я хочу вам кое-что рассказать.

Петра хмурится, сильно напоминая в этот момент своего отца.

– Не понимаю, о чем ты?

– Идем. – Я указываю на скамейку, которая стоит в углу выставки. Сажусь и беру их за руки, усаживая детей по обе стороны от себя. – Есть продолжение истории, которое вам с братом неизвестно. До того, как Ноа нашла Тео, у нее был свой собственный ребенок.

– Правда? – В голосе Петры слышно небольшое удивление. Такие повороты судьбы не новость в нынешнее время, тогда как раньше, когда мы были молоды, это было настоящим скандалом.

– Да, – отвечаю я. Пропущенная глава истории, которую я никогда не рассказывала. Я единственная, кто об этом знает, и мне немного осталось. Надо рассказать им сейчас, чтобы история не ушла в небытие. – Она родила ребенка вне брака, отец ребенка был немецким солдатом, поэтому Рейх забрал его. Она так никогда и не узнала, что с ним стало. А потом она нашла тебя, Тео, и это стало для нее вторым шансом. Она любила тебя, как своего собственного, – добавляю я, поглаживая его руку. – Но она никогда не забывала о своем первенце. Прости, что никогда не рассказывала тебе об этом. Это был не мой секрет.

– Почему ты решила рассказать сейчас? – спрашивает Петра.

– Потому что я не буду жить вечно. Кто-то должен знать историю и передавать ее дальше. – Я снова поднимаю взгляд на картину с Ноа. – Я готова идти.

Петра встает и протягивает мне свою руку.

– Тогда идем.

Я беру ее за руку, и наши пальцы переплетаются. Тео стоит с другой стороны от меня. Я опираюсь на моего чудесного мальчика, и он наклоняет голову так, что наши лбы касаются друг друга.

– Снова мы идем все вместе, – говорю я. Они медленно провожают меня к выходу из музея, и я чувствую невидимые руки, которые направляют нас.

От автора

Несколько лет назад, когда я собирала информацию, я наткнулась на две впечатляющие истории в архивах «Яд ва-Шема». Первая – душераздирающий отчет о «Неизвестных детях» – вагоне, полном детей, которых отняли у родителей и отправили в концентрационный лагерь. Они были слишком малы, чтобы знать свои имена.

Второй была история о немецком цирке, который укрывал евреев во время войны. Цирк Альтхоффов взял к себе молодую еврейку, Ирэн Даннер, которая была родом из другой цирковой династии. Отрывки этой истории меня просто поразили. Во-первых, я узнала, что цирк укрывал не только Ирэн Даннер, но и ее сестру, мать и отца. Ее отец, Ганс Даннер, на самом деле не был евреем, он был солдатом немецкой армии. Когда его отправили в увольнение, приказав развестись со своей женой-еврейкой, он ослушался приказа и стал прятаться вместе с женой и детьми. Я также узнала о том, что Ирэн Даннер была влюблена в клоуна, который был членом цирка Альтхоффов, его звали Петр Шторм-Бенто, и у них родились дети.

Также во время поисков меня удивило, насколько богата и глубока история еврейских цирковых династий, включая семью Лорх (мать Ирэн Даннер была родом из этой семьи). Были и другие цирковые династии, такие как Блюменфельды, десять или даже больше родственников, выступающих в цирке или управляющих им. К сожалению, в основном все они были истреблены немцами.

Читая эти удивительные истории о неизвестных детях и цирковых династиях, я подумала, что их можно как-то объединить. Тогда я придумала историю про Ноа, юную голландскую девушку, которую выставили из дома после того, как она забеременела, которая, несмотря на свое одиночество и бедность, находит в себе смелость спасти ребенка из поезда. Я нашла ей союзницу в виде Астрид, еврейки, воздушной гимнастки, которая пережила тяжелое горе, когда ее муж не смог сделать такой же смелый выбор, как Ганс Даннер в реальной жизни, и решил аннулировать их брак.

«История сироты» – это не биография, и моя история не одна из тех, которые я нашла в процессе поиска, это скорее вымысел. Я очень

свободно интерпретировала цирковые номера и то, как люди жили и выступали во время войны. Но я была так вдохновлена реальными людьми, о которых прочитала в документах – Ирэн Даннер и Петром Шторм-Бенто, – которым удалось сохранить любовь, несмотря на то что она была запрещена Рейхом. Владельцем цирка, Адольфом Альтхоффом, который с такой храбростью укрывал евреев. Меня также поразили изобретательные способы прятаться, которыми пользовались во время обысков.

Когда в 1995 году «Яд ва-Шем» присудил Адольфу Альтхоффу звание «Праведника народов мира», он сказал: «В цирке мы не разделяем людей по расам и религиям». Несмотря на то что эта книга является вымыслом, я бы сказала, что это дань уважения к этим людям и их храбрости.

Благодарности

Я часто говорю о том, что «История сироты» была для меня тяжелой книгой, написанной в тяжелое время. Причина в том, что я писала ее, когда моя семья боролась с серьезной болезнью, проверяя на прочность мантру «я могу писать, несмотря ни на что». Сама книга была также тяжелее, чем все, что я писала прежде, такой мрачной была эта тема. Например, для того, чтобы написать сцену с детьми в товарном вагоне, я поняла, что мне нужно представить в нем своих собственных детей. Я всегда испытываю большую благодарность тем, кто поддерживает меня в моей работе, но в этот раз я в большом долгу перед вами, такой неподъемной была для меня эта задача.

Искать информацию о цирке было непросто, и этот поиск вызвал во мне восхищение и глубокое уважение к тяжелой работе и мастерству, которого требуют цирковые номера, особенно воздушная гимнастика. Выражаю искреннюю благодарность Сьюзи Уинстон из цирка «Ворхауз» за ее глубокие познания, время и терпение и за помощь в описании трапеции.

Я очень благодарна Стейси Люткус и Эйми Раньян за их помощь с немецким и французским языками, а также консультанту по звукам, Андреа Пескинд Катц. Тем не менее, все ошибки – на моей совести.

Я безумно благодарна за возможность работать с невероятно талантливой Эрикой Имрани. Наше сотрудничество – моя давняя мечта, которая наконец-то исполнилась. Также выражаю благодарность Натали Халлак, Эмер Флоундерс и всей команде «MIRA Books» за их время и многие таланты. Моя команда мечты не была бы полной без чудесной Сюзан Гинсбург, агента из «Writer's House», чья непрерывная поддержка и свое видение были для меня и моей карьеры лучом света.

Я считаю, что мне невероятно повезло быть частью замечательного общества людей, работающих с книгами, которых я знаю как по сети, так и лично. Единственное, что удерживает меня от соблазна перечислить всех их здесь – это то, что я непременно кого-нибудь да упущу. Однако я в вечном долгу у книжных блогеров,

библиотекарей, продавцов книг, моих друзей и читателей, которые поддерживают меня на моем пути каждый день.

В каждой книге, которую я написала, вложены усилия многих людей, и ничуть не меньше это касается «Истории сироты». Спасибо: моему мужу и его умению управляться с детьми, моей маме и брату, которые помогали нам по восемь дней в неделю, родственникам мужа, дорогим друзьям и моим коллегам с юридического факультета Ратгерского университета. А больше всего я благодарна трем своим маленьким музам, без которых все это было бы невозможно, да и не имело бы смысла.

Примечания

1

«Двести лет магии цирка».

2

Основная балетная поза, при которой одна нога высоко поднята вверх.

3

«Der Stürmer» (дословно – Штурмовик) – еженедельник, выходивший в Веймарской республике и нацистской Германии с 1923 по 1945 год (с перерывами).

4

«Источник жизни», организация в нацистской Германии, которая помогала матерям-одиночкам воспитывать детей, организовывала приюты. Условием участия в программе была принадлежность обоих родителей к арийской расе.

5

Нет (*нем.*).

6

Битва при Вердене (21 февраля – 18 декабря 1916) – одно из сражений Первой мировой войны, вошло в историю как «Верденская мясорубка», закончилось победой Франции.

7

Улица в самом центре Берлина, в районе Митте.

8

Порода верхово-упряжных лошадей светло-серой масти.

9

Достижение еврейского мальчика или девочки религиозного совершеннолетия.

10

Еврейский обряд освящения бокала вина перед вечерними и утренними трапезами Шаббата.

11

Семирожковый светильник.

12

Свершившийся факт (*фр.*).

13

Букв. – человек цирка (*нем.*).

14

Удостоверение (*нем.*).

15

Центральная площадь Берлина.

16

«Гладкая веревка» – навык или номер в цирковой программе, во время которого исполняются трюки на вертикальном канате.

17

Навык или номер в цирковой программе, во время которого исполняются трюки на одноименном устройстве, напоминающем вертикально висящую веревку, техника похожая на корд лисс, но на испанской паутине есть петли.

18

(Нем. SS). Военные формирования национал-социалистической немецкой рабочей партии, «отряды охраны».

19

Meine Herren (*нем.*) – господа.

20

Режим Виши – коллаборационистский режим в Южной Франции, возникший после поражения Франции в начале Второй мировой войны и падения Парижа в 1940 году.

21

Звание в СС, фактически соответствовало званию генерала рода войск в вермахте.

22

Цирковой разборный шатер, состоящий из мачт и разноцветного полотна.

23

Качающаяся или статичная перекладина, висящая на двух тросах.

24

Медленный музыкальный темп.

25

Одна из западных ветвей цыган, проживают на территории Восточной Европы.

26

Французское бисквитное печенье в форме гребешков.

27

Рад знакомству (*фр.*).

28

Ноа (Noa) – похоже по звучанию на мужское имя Ной (Noah). –
Прим. пер.

29

Буквально, «возврат к исходному состоянию» (*лат.*). Сохранить статус-кво – оставить все как есть.

30

Боже мой (*фр.*).

31

École [*эколь*] (*фр.*) – школа.

32

Пожалуйста (*фр.*).

33

Кто здесь? (*нем.*)

34

Карточная игра на двух или трех человек.

35

Горный массив во Франции.

36

Документ, удостоверяющий личность во времена Третьего рейха.

37

Израильский национальный мемориал Катастрофы (Холокоста) и Героизма. Мемориал был основан в 1953 году по решению Кнессета с целью увековечить память о евреях – жертвах нацизма в 1933–1945 годах и о разрушенных еврейских общинах.

38

Врач, ставивший жуткие эксперименты на узниках Освенцима, заключенные называли его «Ангел смерти из Освенцима».

39

«Джойнт» (*англ.* American Jewish Joint Distribution Committee, сокр. JDC, «Американский еврейский объединенный распределительный комитет») – крупнейшая еврейская благотворительная организация, созданная в 1914 году.

40

Медицинская гуманитарная организация.